

**В мире
научных
открытий**

№ 11.5(47), 2013
Проблемы науки и образования

**In the World
of Scientific
Discoverie**

No. 11.5(47), 2013
Problems of Science and Education

Электронная версия
журнала размещена
на сайте
www.nkras.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых
научных журналов

Журнал основан в 2008 г.
ISSN 2072-0831
Импакт-фактор
РИНЦ 2012 = 0,148

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: **Я.А. Максимов**; Ответственный секретарь: **К.А. Коробцева**

А.П. Анисимов, д-р мед. наук, проф.

Н.А. Шнайдер, д-р мед. наук, проф.

Л.В. Музурова, д-р мед. наук, проф.

А.С. Казакова, д-р биол. наук, проф.

Т.В. Рожко, к-т биол. наук, доцент

С.Е. Батырбекова, д-р хим. наук

А.И. Рахимов, д-р хим. наук, проф.

Н.А. Рахимова, д-р хим. наук, проф.

В.Е. Бахрушин, д-р физ.-мат. наук, проф.

Н.П. Шаталова, к-т физ.-мат. наук, проф.

В.Н. Василенко, д-р техн. наук, доцент

Д.И. Прошин, к-т техн. наук, доцент

Е.А. Тыщенко, к-т техн. наук, доцент

Д.В. Покрищук, к-т полит. наук

З.П. Оказова, д-р сел.-хоз. наук, доцент

А.А. Лисняк, к-т сел.-хоз. наук, доцент

И.Д. Тургель, д-р экон. наук, проф.

М.П. Придачук, д-р экон. наук, проф.

Г.В. Ившина, д-р пед. наук, проф.

С.Д. Якушева, к-т пед. наук, доцент

Т.П. Грасс, к-т пед. наук, доцент

В.Н. Абросимов, к-т пед. наук, проф.

Ф.Н. Денисенко, к-т пед. наук, доцент

О.Н. Финогонова, к-т психол. наук, доцент

О.В. Евстихов, к-т психол. наук, доцент

Ф.Г. Галиева, д-р филол. наук, к-т ист. наук, доцент

А.Г. Готовцева, д-р филол. наук, доцент

Т.А. Магсумов, к-т ист. наук, доцент

И.В. Корнилова, к-т ист. наук, доцент

Г.С. Широкалова, д-р соц. наук, проф.

Панова О.В. (заведующий отделом коммуникаций)

Максимова Н.А. (выпускающий редактор)

Бяков Ю.В. (заведующий отделом веб-работы)

Издательство «Научно-инновационный центр»

ISSN 2072-0831

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

ПИ № ФС 77-39604 от 26 апреля 2010 г.

В МИРЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 11.5(47) (Проблемы науки и образования). 378 с.

Журнал выходит не реже 12 раз в год

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНТИ РАН:
<http://catalog.viniti.ru/>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «В мире научных открытий» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция от 25.02.2011), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и имеет импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Правила для авторов доступны на сайте журнала:
<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:
660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: open@nkras.ru
<http://nkras.ru/vmno/ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 41276

Учредитель и издатель: Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРИТИКА А.Н. БЕНУА

Васильева Н.М...... 16

НЕМЕЦКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ШИТЬЕ

Казарина В.Б...... 22

ОБРАЗ ПОЭТА-ЛИРИКА В ОПЕРЕ В. АГАФОННИКОВА

«СЕРГЕЙ ЕСЕНИН»

Козовчинская Е.А...... 28

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ

СКРИПИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ:

СТРУННО-СМЫЧКОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО

МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА (1957–1900 гг.)

Римбовская Е.В...... 36

ЗНАЧЕНИЕ КОЛОРИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЕЛЕЦКОГО КРУЖЕВА

Соломенцева С.Б...... 42

АХРОМАТИЧЕСКИЙ ЦВЕТ КАК ФАКТОР ЭКСПЛИКАЦИИ

КАРТИНЫ МИРА В ИСКУССТВЕ

Талапина М.Б...... 49

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ

И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Туминская О.А...... 54

ПОЛИТОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО

ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Давыдова К.В...... 60

ПРОБЛЕМА БЕЗОБЪЕКТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И АПОРИЯ ЗЕНОНА О ЛЕТЯЩЕЙ СТРЕЛЕ: ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ Двойничников Ю.А.	74
ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА КАК АКТОРА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ Каминченко Д.И.	81
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ Кнурова В.А.	86
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ХАРИЗМА: ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ Кнурова В.А.	96
ТЕОРИИ И ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ Кнурова В.А.	107
ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ Литвиненко В.Т.	116
ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МОНОПОЛИЗМА Новиков Д.В.	122
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ Павелкина Л.С.	134
ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ Портнягина Е.В.	139

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рябкова С.А.	148
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК НОВЫЙ ФАКТОР РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ	
Сафонова А.С.	155
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	
Семенова Д.М., Норина А.А.	167
ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, СОЗДАННОГО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В 2000 ГОДЫ	
Семенова Д.М.	173
РАСКОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ КАК ПРОДУКТ УПРОЩЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ	
Ушанов П.В.	179
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: ПОБЕДОНОСНОЕ ПОРАЖЕНИЕ	
Чупрыгин А.В.	188

ФИЛОСОФИЯ

ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ В КАББАЛИСТИКЕ:

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Антипина Е.В.	198
МЕТАФОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ	
Власов Д.В.	203
НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
Вшивцева Л.Н.	212

ФИЛОСОФИИ ОРИЕНТИРОВАНИЯ В МИРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ Дедюлина М.А.	217
СУДЬБА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА Денисова Т.Ю.	222
О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ЦЕЛОСТНОГО ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД Захаров Д.В.	228
СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ Иванова С.Ю.	240
А. КАМЮ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕРРОРЕ Исаев А.А.	245
ВЛАСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Каменчук И.Л.	253
ИНФОРМАЦИОННАЯ БУРЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА Караваев Н.Л.	260
АКТУАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Кленина Е.А., Песков А.Е.	266
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА Корнющенко-Ермолаева Н.С.	272
О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО МЕНТАЛИТЕТА Макаева Г.З.	278

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ С АКЦЕНТОМ НА МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИДЕЙНАЯ ПОДОПЛЕКА РУССКОГО КОСМИЗМА	
Макухин П.Г.	284
АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВА В ЖИЗНИ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	
Малинин А.В., Яценко М.П.	292
ПРЕДЕЛЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБЪЕКТИВИРОВАННЫХ СТРУКТУРАХ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОГО	
Обухов К.Н.	298
МУЗЫКА, ЗАСТЫВШАЯ В КАМНЕ	
Осинцева Н.В.	305
ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ «ДОСИНГУЛЯРОНОГО» ОПИСАНИЯ МАТЕРИИ	
Пеньков В.Е.	309
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ (ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ)	
Риккер Ю.О.	314
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	
Сулова Т.И.	321
МЕТОД СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА (КЕЙС-СТАДИ) В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ	
Сычев А.А., Якина Л.А., Курмаева К.К.	329
НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНТИНУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВСЕОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА	
Талапина М.Б.	335
ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СРЕДСТВ ОСВОЕНИЯ МИРА: ИКОНИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КАК СИМПТОМ ПОСТМОДЕРНА	
Терентьева И.Н.	340

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МИФОЛОГЕМЫ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ	
Усманова Л.Р.	347
ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА АМЕРИКАНСКОГО ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА	
Щеров В.И.	354
ДЕФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ МАНИПУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИЕЙ	
Яковлева Е.Л.	360
ТРАНСФОРМАЦИЯ УСПЕХА В СОЦИАЛЬНОМ ПОСРЕДСТВОМ СИНДРОМА МЮНХГАУЗЕНА	
Яковлева Е.Л., Ефимова Л.В.	366
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	374

CONTENTS

ART HISTORY

ART AND PEDAGOGICAL ACTIVITY CRITICISM

A.N. BENOUA

Wasiljewa N.M...... 16

GERMAN MEDIEVAL ORNAMENTAL EMBROIDERY

Kazarina V.B...... 22

THE CHARACTER OF THE LYRICAL POET AT THE OPERA

«SERGEY ESENIN» BY W. AGAFONNIKOV

Kozovchinskaya E.A...... 28

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE VIOLIN

CULTURE IN PRIMORSKY REGION: STRINGED DEPARTMENT
OF VLADIVOSTOK MUSIC COLLEGE (1957–1990s)

Rimbovskaya E.V...... 36

SIGNIFICANCE OF COLORISTIC SOLUTION IN THE SEMIOTIC

YELETS LACE SYSTEM

Solomentseva S.B...... 42

ACHROMATIC COLOUR AS A FACTOR OF REPRESENTATION

OF WORLD PICTURE IN ART

Talapina M.B...... 49

THE PHENOMENON OF FOOLISHNESS:

HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Touminskaya O.A...... 54

POLITICAL SCIENCE

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

IN RUSSIA

Davydova C.V...... 60

THE PROBLEM OF A LEGAL RELATIONSHIP WITHOUT AN OBJECT AND ZENO'S PARADOX ABOUT FLYING ARROW: THE PARADOXICAL NATURE OF SOCIAL ACTION	
Dvoynichnikov Y.A.	74
THE SHIFT OF THE STATE ROLE AS AN ACTOR OF WORLD POLITICS	
Kaminchenko D.I.	81
THE CURRENT ISSUES OF POLITICAL LEADERSHIP RESEARCH IN RUSSIAN AND AMERICAN SCIENCE	
Knurova V.A.	86
POLITICAL LEADERSHIP AND CHARISMA: PREHISTORY AND RESEARCH PERSPECTIVES	
Knurova V.A.	96
POLITICAL LEADERSHIP THEORIES AND TYPOLOGIES: COMPARATIVE STUDY	
Knurova V.A.	107
FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF PUBLIC CONTROL IN THE CURRENT CONDITIONS IN RUSSIA	
Litvinenko V.T.	116
TELEVISION AS MEANS OF REPRODUCTION OF THE RUSSIAN POLITICAL MONOPOLISM	
Novikov D.V.	122
FEATURES OF VERBAL COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN POLITICS	
Pavelkina L.S.	134
JUVENILE TECHNOLOGIES IN RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS	
Portnjagina E.V.	139
SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THEORETIC-POLITOLOGICAL ASPECTS	
Ryabkova S.A.	148

SOCIO-POLITICAL PROJECTION AS A MAIN GROWTH FACTOR OF THE YOUTH'S POLITICAL CULTURE	
Safonova A.S.	155
THE COOPERATION BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF SCHOOL STUDENTS IN MODERN RUSSIA: LEGAL ASPECTS	
Semenova D.M., Norina A.A.	167
FEATURES OF THE CONSTRUCT OF POLITICAL IDENTITY CREATING BY THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 2000	
Semenova D.M.	173
THE SPLIT OF THE NATIONAL INFORMATION SPACE AS THE PRODUCT OF SIMPLIFYING THE COMMUNICATION STRATEGY	
Ushanov P.V.	179
POLITICAL ISLAM: VICTORIOUS DEFEAT	
Chuprygin A.V.	188

PHILOSOPHY

CREATIVITY AND PERSONALITY IN CABALA: SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEMS	
Antipina E.V.	198
METHAPHORIZATION AND CONCEPTUALIZATION AS WAYS OF FORMING THEORETICAL NOTIONS	
Vlasov D.V.	203
VIOLENCE AND NONVIOLENCE AS STRATEGIC PRINCIPLES OF RUSSIA IN CONDITIONS OF THE CONFLICT OF CIVILIZATIONS	
Vshivtseva L.N.	212
PHILOSOPHIES OF ORIENTATION IN THE WORLD OF HIGH TECHNOLOGIES	
Dedyulina M.A.	217

THE FATE AS AN ONTOLOGICAL AND EXISTENTIAL PROBLEM	
Denisova T.Y.	222
ABOUT METHODOLOGICAL STRATEGIES TO THE WHOLE	
DESCRIBING OF HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY	
OF XX CENTURY: SUBJECT-OBJECT APPROACH	
Zakharov D.V.	228
THE SOCIAL CONSENT IN POLYCULTURAL SOCIETY:	
RUSSIAN EXPERIENCE AND ISSUES	
Ivanova S.U.	240
A. KAMU ABOUT THE STATE TERROR	
Isaev A.A.	245
POWER AND TOLERANCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION:	
INTERACTION PROBLEMS	
Kamenchuk I.L.	253
INFORMATION STORM AND ITS IMPACT ON HUMAN BEING	
Karavaev N.L.	260
UPDATING SYMBOLIC IMMORTALITY IN THE CONTEXT	
OF PERSONAL KNOWLEDGE: AXIOLOGICAL ASPECT	
Klenina E.A., Peskov A.E.	266
EXISTENTIALLY-ONTOLOGICAL FUNDAMENTALS	
OF LONELINESS	
Kornyushchenko-Ermolaeva N.S.	272
ABOUT THE FACTORS OF FORMING THE BASHKIR MENTALITY	
Makayeva G.Z.	278
EPISTEMOLOGICAL HOLISM, WITH AN EMPHASIS	
ON MORAL VALUES AS THE IDEOLOGICAL BACKGROUND	
OF THE RUSSIAN COSMISM	
Makuhin P.G.	284
AXIOLOGICAL THE CONTENTS OF THE HISTORY	
AND THE PROBLEM OF PERFECTION IN THE GLOBAL SOCIETY	
Malinin A.V., Iatcenko M.P.	292

THE LIMITS OF IDENTIFICATION IN THE OBJECTIVIZED STRUCTURES OF SOCIAL SPACE	
Obukhov K.N.	298
MUSIC, CARVED IN STONE	
Ossintseva N.V.	305
PHILOSOPHICAL SENSE OF THE «TO SINGULARITY» DESCRIPTION OF A MATTER	
Penkov V.E.	309
TRANSFORMATION OF GENDER IDENTITY UNDERSTANDING IN THE HISTORY OF SCIENCE (DIACHRONIC ASPECT)	
Ricker Yu.O.	314
THE HUMAN FACTOR: A HEALTH AND AGING POPULATION OF RUSSIA	
Suslova T.I.	321
CASE STUDY IN ENVIRONMENTAL ETHICS	
Sychev A.A., Yakina L.A., Kurmaeva K.K.	329
SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN TERMS OF CONTINUAL CHARACTER OF UNIVERSAL PICTURE OF THE WORLD	
Talapina M.B.	335
PEOPLE IN SEARCH FOR MEANS OF MASTERING OF THE WORLD: ICONIC TURN AS SYMPTOM OF POSTMODERN	
Terentyeva I.N.	340
PREREQUISITES OF BECOMING ETERNAL FEMININITY MYTHOLOGEMA IN RUSSIAN PHILOSOPHY	
Usmanova L.R.	347
PHILOSOPHY OF THE TEXT BY AMERICAN POSTSTRUCTURALISM	
Shcherov V.I.	354
DEFORMATION PROCESS OF INTERPRETATION BY THE MANIPULATION OF INFORMATION	
Yakovleva E.L.	360

TRANSFORMATION OF SUCCESS IN THE SOCIAL THROUGH MUNCHAUSEN SYNDROME	
Yakovleva E.L., Efimova L.V.	366
RULES FOR AUTHORS	374

МАТЕРИАЛЫ

**II Международной научно-практической конференции
«Социально-гуманитарные проблемы современности:
человек, общество и культура»
(30 сентября, 2013 г.)**

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART HISTORY

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРИТИКА А.Н. БЕНУА

Васильева Н.М.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Известный петербургский критик рубежа XIX–XX веков Александр Николаевич Бенуа проявил себя в качестве незаурядного педагога, однако эта деятельность не была предметом специального исследования. В настоящей публикации систематизированы педагогические опыты А.Н. Бенуа и выведены его методические приемы.

Ключевые слова: художественное объединение «Мир искусства», А.Н. Бенуа, С.П. Дягилев, педагогические опыты, «врожденный педагог».

ART AND PEDAGOGICAL ACTIVITY CRITICISM A.N. BENOVA

Wasiljewa N.M.

State Russian Museum, St. Petersburg, Russia

Well-known Petersburg critic of XIX–XX centuries Alexander Benois showed himself as an outstanding teacher however; this activity has not been the subject of special research. In this publication are systemized pedagogical experiments A.N. Benoua brought to his teaching methods.

Keywords: art Association the «World of Art», A.N. Benoua, S.P. Dyagilev, pedagogical experiments, «congenital teacher».

Впервые в печати в 1902 г. в журнале «Мир искусства» [6, с. 39] о том, что Бенуа – «врожденный педагог» публично заявил его ученик, ставший выдающимся деятелем культуры, С.П. Дягилев. Он писал: «Этот образованный и чуткий человек всегда обладал, кроме того, одним драгоценным качеством – страстью к «педагогической» деятельности. Он, будучи ещё совсем молодым человеком, невольно и беспрерывно «воспитывал» в своих верных собеседниках ту настоящую любовь к искусству, которою он непрестанно живёт и до сих пор <...>» [8, с. 154].

Замечательное истолкование присущего Бенуа «педагогического инстинкта» или «педагогической жилки, выражавшейся в постоянной потребности кого-то просвещать или заражать своим энтузиазмом» [4, с. 306], дал сам Бенуа: «Просто, исполняясь восторгом от того или иного «проявления человеческого гения» и не будучи в силах нести один этот восторг, я бывал вынужден делиться им, мало того, навязывать его другим. Я навязывал свой восторг «для их же пользы» – для того, чтобы и они порадовались так, как я радуюсь» [1, с. 50].

Доклады-лекции, собеседования, обсуждения, рассматривание с комментариями сообща журналов и книг – этот метод, а его можно определить словами самого А.Н. Бенуа – метод «вольной педагогики» [2, с. 17], принес свои ощутимые плоды. Обогащались знаниями как члены кружка, имевшие значительную базу (в будущем ставшими известными членами общества «Мира искусства»), так и те, кто не имел такой основательной подготовки, как влившийся в кружок позднее С.П. Дягилев, за плечами которого было домашнее образование, в частности, музыкальное, и пермская гимназия. Поначалу демонстрировавший показное равнодушие, рассеянность и безучастность, покидавший заседания кружка прежде других, Дягилев незаметно возматривал, «жадно впитывал в себя всё, что могло служить развитию его личности» [2, с. 17–18] и «какими то скачками он перешел от полного невежества и безразличия к пытливому и даже страстному изучению» и «стал тем, кто, по словам Бенуа, волею судьбы должен был «вывести нас в люди» [4, с. 644]. Впоследствии А.Н. Бенуа называл С.П. Дягилева «любимым и самым ярким своим учеником» [4, с. 642].

Следующий педагогический опыт был осуществлен в период службы 1895–1897 гг. А.Н. Бенуа у княгини М.К. Тенишевой, в качестве собирателя, систематизатора и научного редактора её коллекции ак-

варелей и рисунков. По мере ознакомления с имеющейся коллекцией Тенишевой у Бенуа «сразу проснулась свойственная [ему] страсть обучения» [4, с. 55]. Ему хотелось поделиться с нею своими знаниями [2, с. 20] и «направить дальнейшее собирательство княгини по пути более осмысленному» [4, с. 52]. Советами и рекомендациями в приобретении какого-либо произведения Бенуа пытался «постепенно изменить направление её вкусов» [2, с. 20]. Почти под конец своей службы у М.К. Тенишевой осенью 1897 г. А.Н. Бенуа приступил к планомерному «художественному перевоспитанию» княгини, в чем, по его словам, «лишний раз выразился присущий ему педагогический инстинкт» [4, с. 185]. Два раза в неделю во время вечернего чаепития Бенуа читал свои лекции и доклады, которые должны были заполнить пробелы в её художественных познаниях. Несмотря на негативную оценку своих педагогических приёмов, свою неподготовленность и трудность задачи, Бенуа оказал воздействие на развитие и воспитание художественного вкуса своей не совсем прилежной ученицы. Сказалось это в дальнейшем, когда княгиня стала самостоятельно собирать свою новую коллекцию рисунков и акварелей и, как свидетельствует современный исследователь и устроитель выставки «Собрание княгини М.К. Тенишевой в Русском музее» – выбор произведений в новых частях коллекции – безупречен [9, с. 14].

«Педагогический инстинкт» или «педагогическая жилка» имели у А.Н. Бенуа свои особенности. Он «не ощущал в себе призвания стать профессиональным педагогом». Его отпугивало и даже вызывало «неодолимое отвращение» «открытое официальное выступление», «беседа с кафедры» «в присутствии многих лиц» [4, с. 306–307], в большой аудитории. И все же А.Н. Бенуа пришлось испытать себя на академическом поприще педагога. Длилось это чуть больше четырех месяцев. Летом 1899 г. Бенуа было предложено место преподавателя «класса орнамента» в Художественном училище барона Штиглица. Программа преобразовалась в «Историю стилей». Полгода Бенуа готовился и в январе 1900 г. стал читать лекции студентам. Но так как уроки утомляли его, он уже в мае подал в отставку. Через восемь лет весной 1908 г. Бенуа предпринял попытку стать преподавателем Академии Художеств и читать курс западно-европейского искусства эпохи Возрождения. Большинство голосов на эту вакансию был избран другой претендент [2, с. 25]. Для А. Н. Бенуа, не терпящего жесткой программности, органичной

и естественней было свободное, точнее импровизационное влияние и воспитание художественного вкуса в личном, так называемом личностно-ориентированном общении, с небольшим числом восприимчивых и художественно одарённых личностей, в первую очередь художников, вовлеченных в общество «Мир искусства». Многие из них, обязанные ему своим художественным и историко-культурным развитием, благодарно вспомнят «школу» обучения у Бенуа, назовут его своим наставником и учителем. Наиболее яркие описания метода обучения, его доверительного общения, собеседования, совместном рассматривании произведений искусства с его комментариями доносят до нас страницы опубликованных мемуаров: «Автобиография А.П. Остроумовой-Лебедевой» [7, с. 220–222] и «Воспоминания» М. Добужинского [5, с. 206].

Бенуа всегда особо волновали вопросы художественного образования, постановка процесса художественного обучения в учебных заведениях разного уровня. В целом ряде статей затронуты проблемы художественного обучения в Академии Художеств, в Школе Общества Поощрения Художеств, в частной художественной школе Званцевой. Это проблематика требует отдельного рассмотрения.

Среди статей Бенуа есть единственная, в названии которой содержится дидактический посыл – ставится задача, она так и звучит «Задачи графики» [3, с. 41–48]. А.Н. Бенуа вводит в понятийный аппарат искусствоведения новые, еще никем до него не употребляемые термины (но такие привычные сегодня): «графика», «искусство книги», «архитектура книги». Призывая создавать художественные книги, он впервые говорит о целостности книги, о гармонии всех ее элементов, рекомендует вернуть в книгу родственную ей «ручную резьбу на медных и деревянных досках». Поставленная в статье 1910 г. задача – создавать гармоничные книжные произведения была решена через десятилетия М. Добужинским, А. Остроумовой-Лебедевой, В. Конашевичем, Д. Митрохиным и, конечно же, В. Фаворским, в творчестве которого во всей полноте, практической и теоретической, была реализована эта задача. В целом всё творческое наследие Бенуа: его статьи в периодике, многочисленные труды по истории русского и мирового искусства, иллюстрированные им книги, разработанная им программа изданий по искусству для издательства «Всемирная литература» – следует рассматривать как «учительные», так как они в большей или меньшей степени наполнены учительным пафосом.

«Врожденный педагог» А.Н. Бенуа, сначала «камерный» для небольшого круга подготовленных в художественном отношении «учеников», затем «общественный» для широкой аудитории, своим горячим желанием щедро делиться знаниями по искусству и любовью к нему, стал учителем для многих поколений художников и почитателей искусства. А.Н. Бенуа – педагог широкого спектра и дальнего действия.

Из его многочисленных статей выделим те, в которых непосредственно затронуты проблемы эстетического воспитания детей и художественного образования. Уже в самых первых статьях 1908 г. «Искусство в жизни ребёнка» (Речь. 1908, 26.11) и «Кое-что о елке» (Речь 1908, 25.12) А.Н. Бенуа поднимает вопрос о значении и необходимости культуры ребёнка, культуры детского возраста и как следствие – культуры всего общества. Развитию и воспитанию художественного вкуса и чутья способствует мир «игрушечного царства», окружающий ребенка, но приоритет в нём не за иностранной игрушкой, которая, по словам Бенуа, и «дорога» и «в добавок, вредна» (как актуально!), а за русской народной игрушкой. Призывая создавать «яркие весёлые, бодрые русские книжки», А.Н. Бенуа показал пример. В конце 1904 – начале 1905 г. вышла из печати «Азбука в картинах А. Бенуа» – его подарок детям под елку на Рождество. Используя форму азбуки, с которой традиционно начинается обучение грамоте, А.Н. Бенуа, как полноправный автор и художник, разворачивает серию забавных и поучительных иллюстраций – «картин» на темы и сюжеты (сказочные, исторические, бытовые) созвучные его художественным интересам и подает их во всем эстетическом разнообразии, развивая художественный вкус, творческую фантазию, приобщая к истории мировой и русской культуры с детского возраста. «Азбука» – это эстетическая программа А.Н. Бенуа для детей, своеобразный «манифест» мирискуснической детской книги, от которой пошла побеги, воплотившиеся в детских книгах М. Добужинского и В. Конашевича. Педагогическая направленность и дар Бенуа сказались и в цикле картин из истории XVIII века для школьной серии книгоиздателя И. Кнебеля «Русская история в картинах» М., (1908–1913). Будучи великолепным знатоком искусства, архитектуры, быта, костюма XVIII века, А.Н. Бенуа все нюансы эпохи отразил в произведениях, способствуя наглядному усвоению истории. Его педагогический метод: «развлекая, поучать». Как известно, в таком ключе по заданию Петра I был выстроен и оформлен Летний сад в Санкт-Петербурге, затем

Петергоф. Художники, разделяющие взгляды А.Н. Бенуа, ориентировались на эпоху первого императора новой России. Следовательно, в воспитании у читателей XIX века любви к книге и возрождении в России самого искусства создания книги нам видится новаторство, но в педагогическом приеме обучения через развлечение, вводимое в сознание людей начала XVIII века, открывается связь эпох.

Список литературы

1. Александр Бенуа размышляет... М.: Советский художник, 1968. 520 с. С. 50.
2. Бенуа А.Н. Возникновение «Мира искусства». Л.: Комитет по популяризации художественных знаний при АИМК, 1928. 26 с.
3. Бенуа А. Задачи графики / Искусство и печатное дело. Киев, 1910, № 2–3.
4. Бенуа А.Н. Мои воспоминания в 5-ти томах. М.: Наука, 1980. Кн. I. С. 489. Кн. II. С. 641.
5. Добужинский М.В. Воспоминания / Изд. подготовил Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987. С. 206.
6. Мир искусства. 1902. № 11. Хроника. С. 39.
7. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. Сост. Н.Л. Приймак. М.: Изобразительное искусство, 1974. Т. I–II. С. 220–222.
8. Сергей Дягилев и русское искусство. М.: Изобразительное искусство, 1982. 412 с. Т. 1. С. 154.
9. Собрание княгини М.К. Тенишевой. К 110-летию Русского Музея: Альманах. Вып. 195. СПб.: Palase Edition, 2008. 220 с.

НЕМЕЦКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ШИТЬЕ

Казарина В.Б.

Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Раздел древнерусского шитья является одним из интереснейших, но недостаточно изученных областей знаний в российском искусствоведении, особенно это касается орнаментального шитья. Тема настоящей статьи открывает для исследователя редко освещаемые вопросы оформления шитых культовых тканей из музеев Германии. Средневековое литургическое шитье составляет довольно крупную часть собраний немецких музеев. Освещение этих памятников может оказаться полезной информацией для российских медиевистов. Расшифровка букв и перевод текстов шитых надписей авторский.

Ключевые слова: *средневековое искусство, орнаментальное шитье, музеи Германии, немецкие литургические ткани.*

GERMAN MEDIEVAL ORNAMENTAL EMBROIDERY

Kazarina V.B.

Russian Museum, Saint-Petersburg, Russia

Section ancient sewing is one of the most interesting, but insufficiently studied areas of knowledge in Russian art history, especially of ornamental sewing. The theme of this article opens to the researcher rarely covered the issues of the shity cult textiles from the museums of Germany. Medieval liturgical sewing is a fairly large part of the collections of German museums. The coverage of these monuments can be useful information for Russian specialists. Transcript of letters and translation of texts of needle label author.

Keywords: *medieval art, ornamental embroidery, museums of Germany, the German liturgical cloth.*

Средневековое шитье в России становится предметом изучения на рубеже XIX–XX веков. С тех пор отечественное искусствоведение обогатилось множеством научных изысканий в области лицевого и орнаментального шитья, относящихся к эпохе Средневековья. Время средних веков – это домонгольский и после монгольский периоды, соответственно делящиеся на ранний: XIV–XV вв. и более поздний: от XVI до XVIII вв. Весьма прихотливое в хранении церковное шитье по многим причинам сохранено в редких и потому особенно ценных памятниках. Памятники раннего средневековья (до XIII в.) для отечественных ученых – это большая редкость. Тем интереснее обратиться к изучению примеров церковного шитья, относящихся к этому периоду из собрания христианских святынь Западной Европы.

Одной из самых ранних литургических одежд на территории Германии является риза короля Генриха II, исполненная не позднее 1020 года. Размеры фелони: высота спинная – 154 см., диаметр (ширина) – 297 см. Изготовлена в XI веке, тогда же поступившая как подарок – приношение в главный городской собор Бамберга и хранящаяся там до сих пор. Пройдя долгий путь, литургическое одеяние XI в. «Звездный Покров» (так называемая *Sternenmantel*) сохранено до начала XXI в., и сегодня имеется возможность оценить поистине чудесную работу как мастеров раннего средневековья, так и высокую технику реставраторов XX столетия.

В эпоху раннего средневековья в глазах современников и в личных устремлениях германских королей создание империи и образ короля было восстановлением и продолжением империи Карла Великого, утверждением преемственности от власти западно-римских императоров. Статус империи был весьма важен для сложения Германии как самостоятельного государства и для ее международного положения. Королевская власть в Германии была выборно-наследственной [4, с. 127]. Короля избирали из среды герцогов при участии знати и высшего духовенства. В 1014 году при восшествии на престол король Генрих II, последний представитель Саксонской династии, пытался укрепить значимость собственной власти. Он, как и его предшественники, с огромной свитой объезжал свои владения с целью установления личных отношений с некоронованными местными властителями. Генриха II стали называть «блеск и гордость Европы».

Генрих II Святой (годы правления: 1002–1024) – последний император из Саксонского дома, снова поднял значительность императорской

короны. В 1014 году Генрих II вместе со своей женой Кунигундой был коронован при дворе папы Римского. Связь римских церковнослужителей и германских герцогов укрепилась. Бамбергская епархия учреждена Генрихом II. В 1007 году Бамберг становится центром Священной Римской Империи Германской нации.

Энергичный и храбрый, постоянно находящийся в военных походах, Генрих II Святой вместе с тем был искренне предан церкви. Король Генрих II по поводу посещения папой Римским Бамберга в 1020 году получил от него особо ценный подарок – ризу со звездами. Этот дар передал королю герцог Барийский Измаил (Izmael). Впоследствии герцог умер в Бамберге, но историческая роль посредника между папой и королем в лице герцога сохранена. Скорее всего, герцог Барийский Измаил мог быть вкладчиком этого покровы. Ему посвящена надпись на накидке, шитая мелкими буквами в нижней части ризы: «Мир тебе, Измаил».

Все небесное пространство со всеми звездными знаками зодиака очень искусно шито золотыми нитями на изначально пурпурном фоне ткани. Золотые звезды лучеобразно распространяются на полукруглом покрове. В верхней части фелони восседает Христос в мандорле. Солнце и Луна, Альфа и Омега, серафимы и херувимы восславляют Христа и означают его божественное величие. Четырехугольное поле, в котором находится мандорла и в ней Христос в середине обрамлено двенадцатью звездными знаками. Отсюда и название плаща. На темно-синем шелковом фоне расположены розетки золотого шитья и надписи, сопровождающие почти каждое изображение. По горловине проходит тонкая кайма золотой нити. Полукруглый низ обрамлен надписью, состоящей из вязи древних готических букв, похожих на образцы букв регенсбургского книжного искусства. Изошренная витая надпись гласит: «Восславляйся ты, цезарь Европы, которому бесконечность позволяет царствовать в государстве». (Еще один перевод: «Твое государство приумножает король, который избран вечностью»). Данной надписью полукруглая композиция этого произведения искусства получает своеобразную завершенность.

Срединная линия (назовем ее линия спины) делит фелонь на две части. Четко просматривается симметрия в расположении главных элементов: две фигуры Христа в полный рост с платом в правой руке и чашей в левой руке; Христос в мандорле и в орнаментально укра-

шенном квадрате; рядом в восьмиконечных звездах слева – Солнце, справа – Луна. Ниже – буквы греческого алфавита «Α» и «Ω», под ними – шестикрылые серафимы в восьмиконечных звездах, рядом в кругах херувимы. Эта главная композиция вписана в круг. По вертикальной линии сверху вниз расположены три круга с небожителями и парные изображения: слева – святая Мария, справа – святой Иоанн снова в восьмиконечных звездах. Увеличивающиеся в размерах восьмиконечные квадраты с фигурами, символизирующими созвездия, опущены к низу одеяния. Под изображением Христа в квадрате в центре срединной линии на спине полукруглой фелони надпись: «Желаем, чтобы этот подарок был *«добропожалован»* Высшему Богу» [1, с. 211].

Парные фигуры Христа вертикальны, по три мелкие христологические фигурки шиты вдоль запахивающих сторон. Линия спины наиболее густо украшена шитьем. По обе стороны фелони изображения не симметричны. Они как бы нарисованы нитью с некоторой свободой. Наверное, так мог бы позволить себе рисовать художник, например, при иллюстрации книги. У многих круговых или звездчатых изображений есть надписи. Чередование фигур и букв позволяют воспринимать эту фелонь похожей на книжную страницу. Лучеобразно расходящиеся круговые или звездчатые изображения как бы нанизаны на оси. Эти оси не просматриваются четко, но их несколько извилистое движение и разномасштабность геометрических фигур, в которые заключены изобразительные мотивы придает композиции волнообразную динамику. Контраст золотых изображений и изначально темно-пурпурного фона дополняют ощущение праздничности и торжественности момента, к которому готовилась эта одежда. По всей вероятности, этот красиво украшенный *Sternenmantel* («Звездный плащ») готовился для совершения богослужений, которые должны были проводиться в главном Кафедральном соборе города Бамберга в знак признания этого аббатства [3, с. 28–30]. В 1024 году Генрих II умер, но уже до его смерти «Звездный плащ» принадлежал сокровищам Бамбергского собора. После своей смерти монарх захоронен в кафедральном соборе города Бамберга. В 1139 году Генрих II причислен к лику святых и вследствие этого данное литургическое одеяние получает еще одно значение – возводится в ранг великой реликвии [4, с. 127].

Еще один раннесредневековый памятник церковного шитья – риза святого Вольфганга (1050, Regensburg). Одевание создавалось, скорее всего, для самого Вольфганга и, хотя он умер раньше, чем она была завершена, риза носит название «вольфганговская».

Вольфганг Святой в 964 году постригся в монахи в бенедиктинском аббатстве в Швейцарии. В 974 году был возведен в «епископы регенсбургские». Бенедикт был воспитателем баварского герцога Генриха II. Пожалуй, он своим примером преданного служителя церкви привил юноше, будущему королю, любовь к христианской религии. Известно, что его воспитанник был и бесстрашным воином, который сражался за расширение территорий Баварского герцогства, и великодушным политиком, который боролся за укрепление политической власти Баварии, и вместе с тем – искренне верующим человеком, который много жертвовал церкви. Вольфганг Святой скончался в 994 году, а позднее был причислен к лику святых.

Представленная в экспозиции епархиального музея Регенсбурга так называемая «Вольфганговская фелонь», вскоре после 1050 года стала называться «колокольной» по типу своего покроя [2, № 116]. Одежда для мессы была скроена по форме колокола из серо-фиолетового шелкового полотна. На шелке орнамент в виде шестиугольных розеток и вьющихся растений. От этого шелк темно-серый имеет отблеск темно-фиолетового цвета. На нем были нашиты одна длинная (во всю длину фелони) и две коротких полосы (переходящие в верхней части спины наперед) в виде разветвленного креста. Лучшую сохранность имеет шитье на передней и задней стороне разветвляющегося креста. Шелковые полосы богато украшены золотом, шитьем цветным шелком и жемчугом. С двух сторон края полос обшиты тканями бортами. В полосах орнамент из кругов и вьющихся растений. Круги разных фонов – от светло-песочного до густо-синего – переплетены длинной вьющейся ветвью. В кругах зооморфный орнамент – поочередно меняющиеся изображения пантер и птиц. Пантеры зубами, а птицы мощным клювом вцепились в спиральную ветку. Фон шит в основном в нежных светлых тонах. Фигуры выполнены пряденым золотом в прикреп. Контурные темного цвета шиты шелком. Искусный стежок–штрих, как бы рисующий причудливые изгибы грациозной пантеры или повернувшийся птицы, положен по форме. Угадывается шерсть животного или перья птицы: на спи-

не и шее стежки уплотняются, к хвостам веерообразно расходятся. Шитье с применением золотных нитей смотрится выступающей аппликацией на гладком фоне. По контуру фигуры животных и птиц, выющиеся растения обшиты тонкими нитями темно-красного шелка. Обводка контуром придает некоторую графичность этому орнаменту. Преклонение перед данной реликвией Вольфганга защитило это одеяние от уничтожения. Фелонь святого Вольфганга находилась в главном соборе города Регенсбурга.

Первоначальный шелк сохранился фрагментарно. Примерно в середине XV столетия фелонь отреставрировали: заменили большую часть шелковой сине-фиолетовой ткани на серо-фиолетовый шелк – дамаск, который также сегодня, к сожалению, состоит из фрагментов. Ткань XV века из Византии. С 1975 года из-за не очень хорошей сохранности не выставлялась. К юбилейным выставкам в городе Бамберге фелонь удостоилась реставрации (удаление загрязнений, укрепление нитей и жемчуга) и имеет возможность экспонироваться.

Между 1453 и 1455 гг. уже обветшавшая фелонь прошла реставрацию [1, с. 221]. Старая XI века темно-пурпурная шелковая ткань в XV веке была заменена на ярко-синий шелк с узорами распустившихся цветков граната по фону. Каждое изображение и буквы литургической надписи были вырезаны отдельно и переложены на новую ткань. Края обшили красно-белой каймой и золотом. Состояние золотых фрагментов в среднике удовлетворительное, на боковых частях одеяния имеются незначительные утраты золота в некоторых изображениях и тексте. Восьмиконечные звезды шиты ажурными стежками, контуры прошиты утолщенными золотыми нитями «в прикреп». Находится в епархиальном музее города Регенсбурга.

Список литературы

1. Domschatzmuseum Regensburg. Wissenschaftlichen Katalog des Domschatzes. Regensburg, 1976. 311.
2. Hubel V. Achim. Der Regensberger Domschatzmuseum. Katalog Schatzkammern und Museum. Munchen-Zurich, 1976. 326 ll.; 222 ill.
3. Восточнохристианский храм: Литургия и искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 328 с.
4. История Европы. В 8-ми тт. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 814 с.

**ОБРАЗ ПОЭТА-ЛИРИКА В ОПЕРЕ
В. АГАФОННИКОВА «СЕРГЕЙ ЕСЕНИН»**

Козовчинская Е.А.

Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей, Оренбург, Россия

В статье рассматривается проявление образа Поэта в опере В. Агафонникова «Сергей Есенин». Характеристика Поэта раскрывается в связи с воплощением субъективных качеств, внутреннего мира персонажа. Посредством героя претворяется лирическое начало.

Ключевые слова: опера, образ, Поэт, лирик, В. Агафонников, Есенин, Анна Снегина.

**THE CHARACTER OF THE LYRICAL POET
AT THE OPERA «SERGEY ESENIN»
BY W. AGAFONNIKOV**

Kozovchinskaya E.A.

Orenburg State Institute of Arts named after L. and M. Rostropovich,
Orenburg, Russia

This article presents the demonstration of the character of the Poet at the opera Sergey Esenin by W. Agafonnikov. The characteristic of the Poet opens due to the fact of the imbodiment of the subjective qualities, the inward the character. The lyrical origin is incarnated by character.

Keywords: opera, image, Poet, lyrics, W. Agafonnikov, Esenin, Anna Snegina.

Главенствующее положение в системе образов отечественной оперы второй половины XX века занимает Поэт. Среди ярких примеров музыкально-театральных сочинений, где главным действующим лицом является Поэт, можно назвать оперы Н. Жиганова «Джалиль» (1957),

Б. Шехтера «Пушкин в изгнании» (1958), В. Рубина «Крылатый всадник» (1980), В. Кобекина «Пророк» (1983), А. Петрова «Маяковский начинается» (1983), Н. Корндорфа «Марина и Райнер» (1989, пост. 1994) и др [12]. Условно назовём эти произведения *операми поэтологической направленности*.

Нацеленность на показ внутреннего мира главного действующего лица, художественно представленного большей частью в субъективно-личностных тонах, демонстрирует интроспективный модус образа Поэта. В операх акцентируется амплуа лирического героя. Склонность к этому проявляется в передаче его мыслей, эмоций. Главенство чувства в лирике выделяют многие исследователи. Превалирование эмоции ясно подчёркивает литературовед А.Н. Веселовский: «...чувство довлеет самому себе, служит себе объектом» [2, с. 286]. Субъективность мироощущения – одно из качеств, близких образу Поэта.

Музыковед Л.П. Казанцева конкретизирует свойства лирического в музыкальном содержании, связывая эту особенность с выражением авторской интонации. «Лирика – ...одна из парадигм отношений “мир – человек”. Лирический тип воплощения бытия... антропоморфичен, – подчёркивает она. – Мир видится глазами человека...» [9, с. 55]. Лирическая природа дарования творческой природы с особой психологической утончённостью запечатлевается в художественном мире оперы поэтологической направленности.

Существует множество опер, где композиторы, представляя образ Поэта-лирика, поручают вокальную партию в основном теноровому тембру. Мягкий и нежный высокий мужской голос – тенор – в оперном жанре преимущественно связан с любовно-лирическими ролями [4]. Это становится определённой тенденцией.

Одним из поэтов привлекавших композиторов становится Сергей Есенин. Он является главным действующим лицом таких опер как «Анна Снегина» А. Холминова (1966), «Анна Снегина» В. Агафонникова (1968), «Memento» С. Низаметдинова (2000). Партия героя в этих операх также предназначена для исполнителя-тенора [5].

Лирическая тематика в большей степени определена отношениями Поэта и женского персонажа. Чаще всего любовные сцены оформлены в виде дуэтов и диалогических построений. Можно назвать сцены Анны и Сергея из опер А. Холминова и В. Агафонникова, Айседоры и Есенина в опере С. Низаметдинова [13].

Одним из авторов опер поэтологической направленности является Владислав Германович Агафонников [1]. Есенинское творчество вызвало интерес композитора. Сергей Есенин оказался притягателен именно как глубоко лирический поэт. По мнению исследователей, в произведениях Агафонникова преобладает лирика. Так, сокурсник композитора, музыковед Л. Римский отмечает среди прочих специфических особенностей лучших опусов Агафонникова «лирическую насыщенность образного строя» [7, с. 110]. На протяжении творческого пути Агафонников неоднократно обращался к наследию Есенина. Следует назвать ряд крупных сочинений, связанных с именем поэта. Это камерная опера «Анна Снегина» (1968), сочинение для мужского хора «Ноктюрны» (1990) [3].

В данной статье особое внимание уделяется лирико-драматической опере «Сергей Есенин» (1993), возникшей в результате переработки «Анны Снегиной». Кроме одноимённой есенинской поэмы, текст либретто содержит отдельные стихотворения поэта: «Черёмуха», «Эта улица мне знакома», «Берёза», фрагменты из поэм «Русь», «Гуляй-поле», «Песнь о великом походе», «Чёрный человек». Для воссоздания исторической атмосферы эпохи использованы произведения других поэтов начала XX века – стихотворение Демьяна Бедного «Как родная меня мать провожала», фрагмент поэмы Владимира Маяковского «Хорошо».

Поэт представлен в дореволюционной и Советской России. Сюжет, аналогично поэме, разворачивается в 1917 и 1925 годах. В первом действии экспонируется молодой, но уже известный поэт, вернувшийся погостить в село Радово Рязанской губернии. Определяющей в экспозиционной характеристике Поэта становится сцена встречи Сергея и Анны после долгой разлуки. Также заостряется внимание на взаимоотношениях Поэта и радовских мужиков, беседующих об изменении социального уклада жизни, о разгроме помещичьих домов. Во втором действии эти две линии синтезируются, приходят в конфликтное сопоставление, доводящее до кульминации. Развязка выполнена в виде открытого финала – главные герои отделены пространством и по сюжету их взаимоотношения показаны посредством письма.

Сцены, связанные с воплощением Поэта-лирика, концентрируют в музыкальном плане следующие черты. В вокальной партии Сергея преобладают большей частью ариозно-песенные мелодии. Для пре-

творения образа Есенина используется блок лирических лейтмотивов. Изображению нежности, трепетности чувств главных персонажей способствует консонантность сопровождения. Обращает на себя внимание композиционная стабильность в выборе форм: доминируют сольные или дуэтные законченные построения.

В опере Агафонникова для образа Поэта-лирика большое значение приобретает тональность E-dur, являющаяся одной из основных тональностей музыкальной характеристики Поэта. E-dur возникает во вступлении к опере (тема любви, на которой строится и хор «Черёмуха»), звучит в монологах Сергея «Эта улица мне знакома» и «Есть что-то прекрасное в лете» (1 карт.), сцене Сергея и Анны (3 карт.), оркестровой интерлюдии (между третьей и четвёртой картинами) и в заключительном монологе Поэта.

Драматургия, связанная со сценами Сергея и Анны рассматривается посредством образно-тематической пары «Поэт и Женщина». Главной характеристикой этих отношений является лейтмотив любви. Кантиленная мелодия сочетает поступенные ходы и шаги на консонирующие интервалы, характеризующие женское начало (образ Анны). Уверенный квартетный затакт относится к претворению мужского начала (образ Сергея).

Лейтмотив любви пронизывает почти всю оперу: вступление, хорошую сцену, встречу Сергея и Анны, монолог Сергея (1 карт.), монолог Анны (3 карт.), интерлюдии, письмо Анны и монолог Сергея (4 карт.). В связи с этим, на протяжении оперы постоянно возникают «интонационные ассоциации» (Б.В. Асафьев). Употребление лейтмотива в сценах, связанных с образами главных героев, выполняет скрепляющую сюжетно-драматургическую функцию, а также способствует симфонизации партитуры.

Для образно-тематической пары «Поэт и Женщина» доминирующей является лирическая направленность. Здесь особенно важное значение приобретает специфика образа возлюбленной Поэта. Вокальным портретом героини становится песня «Белая берёза» и её лейтмотив (1 карт.). Сравнивая экспозиции Сергея и Анны, можно отметить близость образно-выразительных средств, с помощью которых представлены персонажи. В связи с этим, можно говорить о неконтрастности характеристик главных героев в опере «Сергей Есенин».

Для характеристики женского персонажа в опере используется приём метафоры. Сам Есенин описывает окружающий мир в метафори-

ческой форме: образ девушки у поэта связан с «тонкой берёзкой», а лирического героя – с «клёном» или «дубом». Это олицетворение стилистически близко древнерусским языческим представлениям, когда девушки в мае украшали берёзы венками и разноцветными лентами, что являлось символом девичества, весеннего пробуждения. Композитор вслед за поэтом сравнивает образ героини с образом «берёзки», заимствуя для этого одноимённое стихотворение Есенина.

Подобная метафора была использована ещё в прологе: здесь передан общий смысл отношений Сергея и Анны. Обращение Поэта («О, тонкая берёзка, что загляделась в пруд?») представлено в виде речитатива. Чтение стихов происходит на фоне звучащего лейтмотива любви, что способствует восприятию этого поэтического диалога, относящегося к любовной образной сфере.

Воспоминания о юношеской влюблённости, вновь нахлынувших чувствах – важные сюжетные повороты, развивающие лирическую линию оперы Агафонникова. В сцене встречи героев (1 д., 2 карт.) композитор использует приём контраста: аскетизм в партиях солистов сопоставляется с интенсивным мелодическим развитием в оркестре. Скупые, краткие диалогические реплики создают видимость внешнего спокойствия героев, а симфоническое сопровождение выразительно передаёт их внутреннюю взволнованность. Контрапунктическое соединение лейтмотива Анны и лейтмотива любви способствуют проявлению чувственности, трепетности, что соответствует интроспективной характеристике Поэта.

Для претворения образа Поэта-лирика диалогичность становится специфическим качеством. Сергей Есенин ярко представлен в дуэте главных действующих лиц «Теперь не вернуть, что было» (1 д., 2 карт.). Обращение к памяти, воспроизведение прошедших событий способствуют возникновению смысловых переключек в музыкальной ткани оперы. В оркестровом вступлении к дуэту звучит лейтмотив Анны, использование которого создаёт некую арку к её песне. Агафонников применяет в дуэте те же компоненты музыкального языка, что характерны для всей данной сферы отношений. Блок лирических лейтмотивов (лейтмотив Анны, лейтмотив любви) сопровождает образ Сергея. Включение широких мелодических ходов, преимущественно романсовых секстовых интонаций специфично и направлено на передачу эмоционального состояния, представляющего Поэта-лирика.

Усиление лирического начала наблюдается в ариозо Поэта «Есть что-то прекрасное в лете» (1 д., 2 карт.). Произошла встреча Сергея с Анной, и мысли героя сосредоточены на воспоминаниях. Вступление номера синтезирует элементы главных тем героев. Мелодические подъёмы и спады поддерживаются плавными гармоническими переходами (I – VI – III – S – Sg – I – VIb). Главенствующая для образа Есенина в опере Агафонникова тональность E-dur расцвечивается красочными аккордами мажора-минора. Всё это выражает многогранность оттенков чувств Сергея.

Диалогичность, используемая для воплощения любовной тематики, преобладает и в завершении четвёртой картины. Пространная сцена Сергея и Анны в основном построена на размышлениях героини: её отношение к Поэту создаёт лирическую атмосферу («Мы с вами сидели вместе, нам по шестнадцать лет»). Определяющим вновь становится использование лейтмотива Анны и лейтмотива любви, посредством которых образ Поэта демонстрируется в лирическом ключе.

Ещё одна типологическая трактовка образа Поэта-лирика возникает в заключение оперы. Как лирическое послесловие воспринимается ариозо Поэта «Когда-то у той вон калитки» (2 д., 5 карт.). Почти точное повторение вокальной и оркестровой партии ариозо из первой картины здесь дополняется хоровым гимном-завершением. О свойстве реминисцентности свидетельствуют тональность (E-dur), расширенная ладовая основа, обогащённая аккордами мажора-минора (IIb, VIb, VIIb, IIIb). Благодаря этим компонентам в музыке создаётся господство просветлённо-возвышенного тона.

Рассматривая образ Поэта-лирика, вспоминающего «далёкие, милые были», в сочинении Агафонникова определяются стабильные элементы, создающие интроспективную характеристику героя. Для показа музыкальной характеристики Поэта-лирика прослеживается тяготение к одной тональной сфере: главной становится тональность E-dur. Лейтмотив любви проникает во все важные драматургические сцены: завязку, развитие и развязку. Существенным моментом является концентрация внимания на образе лирической героини: сцены Поэта и Анны выделяются драматургически и композиционно. Для претворения лирического героя часто использованы дуэтные или диалогические сцены в опере. Можно выделить также неконтрастность образной атмосферы в содержании, соответствующей гармоничным отношениям

персонажей. Стоит отметить особенность композиционной стороны сочинения: арочность, реминисцентность показывают постоянство образа главного действующего лица. В целом, подчёркивание лирической стороны образа Поэта соотносится с традиционным восприятием облика самого Сергея Есенина.

Список литературы

1. Агафонников В.Г. (род. 1936) – композитор, пианист, педагог. Профессор кафедры композиции Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, народный артист РФ (1996), лауреат премии Союза композиторов России им.Д.Д. Шостаковича (1996). Награждён медалью «За трудовую доблесть» (1971), Орденом Дружбы (2003), Орденом Почёта (2007).
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. Л., 1940. 648 с.
3. В оперном жанре Агафонников ещё однажды воплотил образ Поэта. На этот раз главным действующим лицом стал корейский национальный герой, флотоводец, изобретатель и к тому же поэт Ли Сун Син: одна из арий написана на его стихи. Опера «Ли Сун Син» – совместный проект двух исполнительских трупп (Санкт Петербург, Россия – Асан, Корея) – с успехом прошла на корейских сценах и в театре «Балтийский дом» в Санкт-Петербурге.
4. В ораториальных жанрах с XVII века лирический тенор трактовался как «объективно-возвышенный», но уже в итальянской опере XVIII века и последующего времени начал складываться определённый тип лирического тенора, связанного с молодыми героями, любовниками, что утвердилось и сохранилось позднее. Например, Ленский в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин», Левко в опере «Майская ночь» Н.А. Римского-Корсакова, Альфред в опере «Травиата», Герцог в опере «Риголетто» Дж. Верди, граф Альмавива в опере «Севильский цирюльник» Дж. Россини и др. [По материалам сайта Belcanto.ru <http://www.belcanto.ru/tenore.html>]
5. Выдвижение на первый план любовной сферы в опере З.М. Шахиди «Комде и Модан» влияет на выбор тембра лирического тенора для поэта-певца Модана. Вокальные партии национального поэта Рудаки из одноимённой оперы Ш.С. Сайфитдинова и поэта-певца Биржана из оперы «Биржан и Сара» М.Т. Тулебаева также поручены тенору.

6. Гейлиг, М.Ф. Форма в русской классической опере [Текст] / М.Ф. Гейлиг. М.: Музыка, 1968.
7. Династия Агафонниковых. Статьи, воспоминания, дневники [Текст] / сост. Н.Ф. Ржевская. М.: Глобус, 2005. 360 с.
8. Есенин С.А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / Сост. А.М. Марченко. М.: Дрофа, 2006. С. 334.
9. Казанцева Л.П. Автор в музыкальном содержании [Текст] / Л.П. Казанцева. М., 1998. 248 с.
10. Лихачёва И.В. Телеопера В. Агафонникова «Анна Снегина» [Текст] / И.В. Лихачёва // Антология оперного творчества московских композиторов (вторая половина XX века). М.: Композитор, 2003. Вып. 1. С. 299–305.
11. Новичкова И.В. процессе постижения нового [Текст] / И. Новичкова // Муз. академия. 2003. № 3. С. 23–26.
12. Обращение к образу Поэта продолжает наблюдаться и в XXI веке: можно перечислить оперы «Поэт и Цензор» Л. Вольперта (2003), «Гражданка Цветаева» Д. Таланкина (2007), «Любовь поэта» Р. Ахияровой (2008), «Боксирующий Пушкин» (2008), написанную В. Тарнопольским в соавторстве с его учениками (Н. Хрустом, О. Бочихиной, В. Горлинским).
13. Подобное можно встретить и в других операх: сцены Марии и Поэта в опере А. Петрова «Маяковский начинается», Марии и Пушкина в опере Б. Шехтера «Пушкин в изгнании», Марии и Поэта в опере В.И. Рубина «Крылатый всадник», Анны и Косты в опере Х.С. Плиева «Коста», в операх М.Т. Тулебаева «Биржан и Сара», З.М. Шахиди «Комде и Модан» и др.

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СКРИПИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИМОРСКОГО КРАЯ: СТРУННО-
СМЫЧКОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА (1957–1900 гг.)**

Римбовская Е.В.

Дальневосточный Федеральный университет, Владивосток, Россия

В статье на примере истории струнно-смычкового отделения Владивостокского музыкального училища (ВМУ) исследуется зарождение и функционирование профессиональной скрипичной музыкальной культуры юга Дальнего Востока в период с 1957 по 1990 гг. в специфических проявлениях, характерных для данного региона. Представлены имена ведущих педагогов и исполнителей на струнно-смычковых инструментах, стоявших у истоков профессионального образования в крае и сыгравших значительную роль в развитии скрипичной культуры Приморского края.

Ключевые слова: ансамбль скрипачей, Владивостокское музыкальное училище, камерный оркестр, Приморский край, профессиональное музыкальное образование во Владивостоке, репертуар оркестра, скрипичное исполнительство.

**FROM THE HISTORY OF FORMATION
OF THE VIOLIN CULTURE IN PRIMORSKY REGION:
STRINGED DEPARTMENT OF VLADIVOSTOK MUSIC
COLLEGE (1957–1990s)**

Rimbovsckaya E. V.

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

In the article we study origins and functioning of professional violin music culture of the Far East South in a period from 1957 to 1990s in specific

manifestations, that are typical for this region by the example of the history of the stringed-bow department of Vladivostok music college. There are presented names of leading violin teachers and performers, who were standing at the beginnings of professional education in the region and who played a significant role in the violin music development in Primorsky region.

Keywords: *violin choir; Vladivostok music college, chamber orchestra, Primorsky region, professional music education in Vladivostok, orchestra repertoire; violin performance.*

Вторая половина 1950-х годов отмечена стабильным вниманием государства к проблемам культуры и образования. Подготовка кадров искусства возводится в ранг приоритетной государственной политики.

Культурная политика, осуществлявшаяся в регионах в первое послевоенное десятилетие, подготовила условия для последующего формирования эффективной системы музыкального образования. Осмысление и обобщение этих процессов, выявление особенностей становления профессиональных музыкальных традиций, анализ причин возникновения или угасания некоторых явлений музыкальной жизни представляется своевременным и актуальным.

Тематически данное исследование продолжает анализ процесса развития музыкального образования в области скрипичного искусства от его зарождения и до зрелого становления в Приморском крае (7). Автор придерживается трёх концептуально важных положений, характерных для развития музыкальной культуры Дальнего Востока:

– качественные особенности развития музыкальной культуры, формирования и становление его учреждений происходят на фоне культурного освоения региона и во взаимосвязи с культурными процессами, происходящими в стране в целом;

– удалённость от центральных районов, особые условия освоения и заселения края подготовили почву для создания профессиональных учебных заведений, призванных развивать местную скрипичную культуру, опираясь на собственные силы и ресурсы.

– в ходе становления и развития скрипичной школы на Дальнем Востоке значительна роль личностного фактора, наиболее ярко проявляющаяся в деятельности ведущих педагогов и исполнителей на струнно-смычковых инструментах. Восполняя ограниченное количество квалифицированных кадров музыканты большую преподавательскую

нагрузку сочетают с исполнительством, учебную деятельность с просветительской.

Развитие широкой сети музыкальных школ на юге Дальнего Востока в послевоенные годы привело к необходимости открытия средних специальных учебных заведений (музыкальных училищ), которые готовили бы профессиональные преподавательские кадры. В 1957 году было открыто музыкальное училище во Владивостоке, в состав которого входило струнно-смычковое отделение.

Попытки создания среднего звена музыкального образования во Владивостоке предпринимались и ранее: так, в 1930-е годы на базе музыкальной школы был организован музыкальный техникум (4, с. 4).

Обязанности директора техникума выполнял выпускник Венской консерватории, скрипач Д.М. Клер. Уже в 1935 г. состоялся первый выпуск специалистов, среди которых было 2 скрипача – Г. Кестлер и И. Заболотный. В 1938 г. на струнном отделении техникума обучались 13 скрипачей и 7 виолончелистов (всего на 5 отделениях – 97 чел.) (3, с. 70). Но в результате репрессий 1937–1938 гг. были уволены некоторые преподаватели и исключены из музыкального учебного заведения дети «врагов народа». А затем, в связи с постановлением Оргкомитета Президиума Верховного Совета по Приморскому краю от 23 мая 1939 г., в июне 1939 г. и сам техникум был ликвидирован (5). По счастливой случайности или по предвидению ситуации Д.М. Клер незадолго до этого покинул Владивосток.

Просуществовавший всего 6 лет, техникум оставил глубокий след в истории музыкальной культуры города и края. Многие его выпускники стали профессиональными музыкантами. Так, один из первых выпускников-скрипачей, И. Заболотный, окончил Московскую консерваторию, стал одним из известных музыкантов Москвы, артистом симфонического оркестра Московской государственной филармонии. А.П. Герасимчук окончила музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова, много лет была бессменным концертмейстером симфонического оркестра Приморского телевидения и радио. Её сестра, Г.П. Герасимчук, много лет преподавала в музыкальной школе, воспитала не одно поколение скрипачей.

Струнное отделение во Владивостокском музыкальном училище было открыто в первый год его работы. Поначалу отделение испытывало большие сложности и со студентами и с преподавателями. Первыми

преподавателями были приглашены музыканты из оркестра радио – А.К. Беленко, Т.Н. Левкова, А.М. Воронцов.

Приглашенные во Владивосток в связи с открытием Дальневосточного педагогического института искусств (ДВПИИ) С.Л. Ярошевич и М.Р. Дрейер начинают свою работу в училище с 1962–1963 учебного года) (1, с. 97). Они совмещают педагогическую работу в училище и институте с интенсивной концертной деятельностью в качестве солистов Приморской филармонии и артистов симфонического оркестра. На следующий год на отделении уже было 7 студентов, что позволило формировать учебно-концертные коллективы – в 1962 г. был создан первый ансамбль скрипачей (худ. рук. В.Ф. Арефин), а в 1963 г. – камерный оркестр (худ. рук. В.И. Поппель, виолончелист).

Многие из выпускников училища тех лет заняли достойное место в культуре Дальнего Востока: Г.А. Майорова (Бутурлина) стала первым и на долгие годы единственным штатным педагогом отделения струнно-смычковых инструментов; В.Ю. Омелянский – заслуженный артист РФ, доцент ДВГАИ, долгое время был солистом Приморской филармонии; Т.Я. Гордеева – преподаватель музыкального колледжа в г. Хабаровске, руководитель камерного оркестра колледжа «Концертино», создатель ансамбля скрипачей ДМШ № 7 «Виолино», неоднократного лауреата международных конкурсов; заслуженный работник культуры А.Г. Стасенко – зав. струнным отделением ДМШ №2 г. Владивостока, руководитель камерного оркестра школы; Ю.М. Бородулин долгое время был концертмейстером Тихоокеанского симфонического оркестра; О.И. Коган – ведущий специалист по учебно-методической работе деканата музыкального факультета ДВГАИ.

Безусловно, в 1962 г. с началом деятельности ДВПИИ (ныне Академия искусств) для скрипичной школы Владивостока были открыты новые перспективы профессиональной подготовки кадров. Студентов для вновь открытого вуза, собирали и приглашали со всего Советского Союза (2, с. 22). Однако основной базой по подготовке будущих студентов оставалось струнное отделение ВМУ. Поэтому в качестве совместителей в разные годы в училище работали, кроме упомянутых выше скрипачей М.Р. Дрейера и С.Л. Ярошевича, такие замечательные педагоги института, как А.С. Введенский (виолончель), М.Г. Михлин (долгое время руководил камерным оркестром училища), Л.А. Вайман (скрипка), Л.Б. Борщева (альт).

Особое место в истории скрипичного отделения ВМУ занимает приглашенный в 1975 г. З.Н. Фишов, опытный педагог, работавший до этого в Николаевском музыкальном училище. В первые же годы работы он проявил себя как очень знающий, активный, требовательный педагог, использующий тщательно продуманный, перспективный репертуар. В каждом ученике З.Н. Фишов стремился раскрыть и развить исполнительскую уникальность, благодаря чему в игре его учеников не чувствуется педагогического клише. Огромное значение он придавал правильной постановке рук, кропотливо исправляя прежде приобретенные неправильные навыки. Во всём, чем бы он ни занимался, наряду с высоким профессионализмом была горячая увлечённость и энтузиазм, и это передавалось ученикам. Большинство его учеников (а всего их более 80) связали свою жизнь тем или иным образом с музыкой.

Следует отметить, что 1970-е годы в истории скрипичного исполнительства Приморья знаменуются повышением интереса к струнным инструментам. Во многом это было связано проводившейся в то время государственной культурной политикой в области музыкального образования: сделать музыкальное или художественное образование доступным для каждого ребенка, а в каждом регионе создать сеть образовательных учреждений соответствующих направлений.

В частности, Министерством культуры было рекомендовано вести планированный приём учеников, вследствие чего музыкальные школы должны были увеличить количество обучающихся по классу скрипки на 20–25% [6]. Учитывая сложность игры на инструменте, образовательным учреждениям предлагалось принимать лишь наиболее одарённых детей и ежегодно проводить конкурсы и смотры учеников музыкальных школ. Вводилась льготная плата за обучение на некоторых инструментах: в Приморском крае в список кроме балалайки и домры попали струнно-смычковые инструменты. Плата за обучение была снижена в среднем с 24 рублей до 1 рубля 50 копеек в месяц. Как следствие, увеличилось число желающих обучаться на этих инструментах.

С конца 1970-х до 1990-х отделение переживает свои самые плодотворные годы. Количество студентов на каждом курсе насчитывает от 8 до 12 человек, поэтому кроме названных нами педагогов – штатных З.Н. Фишова и Г.А. Бутурлиной, постоянных совместителей Ваймана, Борщевой, Михлина – работать в училище приглашены совместителями выпускники института искусств. Это Ф.Г. Кальман (скрипка), М.А. Левирт (виолончель

и контрабас). Несколько позже приходят Л.М. Колмогорова (виолончель), Е.В. Римбовская (скрипка), после отъезда Михлина в 1986 г. дирижерскую палочку подхватывает выпускник ВМУ И.З. Фишов, сын З.Н. Фишова.

Выпускники отделения этих лет со временем, после окончания высших учебных заведений, заняли ведущие позиции в музыкальных школах и концертных коллективах Приморского края.

Итак, формирование и развитие струнно-смычкового отделения Владивостокского музыкального училища происходило во взаимодействии с общими культурными процессами как в стране, так и на Дальнем Востоке, обусловленной его географическим положением и государственной региональной политикой того времени в области культуры.

Привлечение высококвалифицированных педагогических и исполнительских кадров из разных регионов страны позволило создать в Приморском крае трехуровневую систему музыкального образования в области скрипичного искусства, одним из важнейших звеньев которого является Владивостокское музыкальное училище, выпускники которого до сих пор играют заметную роль в культуре края.

Список литературы

1. Боргардт А.П. Семен Львович Ярошевич. Воспоминания и мысли // Дальневосточная государственная академия искусств: воспоминания и материалы. Вып. 2. Владивосток, 2007. С. 95–108.
2. Боргардт А.П. Ярошевич Семен Львович: творч. портрет / Творч. союз «Муз. о-во» Примор. края; Дальневост. гос. акад. искусств. Владивосток, 2008. 39 с.
3. Марчишина Т.В. История профессионального музыкального образования на юге Дальнего Востока России: дис...канд. искусствовед. наук: 24.00.01. Владивосток, 2004. 168 с.
4. Осокина А.И., Дробот А.Ф. Музыкальная культура Владивостока 1920–1930-х годов: метод. рекомендации: машинопись. Владивосток, 1986. 9 с.
5. Приказ краевого Управления по делам искусства // ГАПК.Ф.: 10. Оп. 1 Д. 54.
6. Приказ министерства культуры РСФСР №263 от 1 апреля 1967 г. // ГАПК.Ф. 1566. Оп. 1.
7. Римбовская Е.В. Особенности зарождения и становления скрипичного искусства в Приморском крае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 7. Ч. 1. С. 162–165.

ЗНАЧЕНИЕ КОЛОРИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЕЛЕЦКОГО КРУЖЕВА

Соломенцева С.Б.

Елецкий госуниверситет им. И.А. Бунина,
г. Елец, Россия

Целью данной работы является исследование колористического решения елецкого кружева как одного из видов визуальной коммуникации. Цветовое решение рассматривается в качестве знаковой системы и средства невербального общения людей в рамках культуры края. Показано, что цвет имеет множество проявлений: знаковое, этнически идентифицирующее, эмоционально-коммуникативное, ценностное.

Ключевые слова: елецкое кружево, колористическое решение, кружевоплетение, народный костюм, декор.

SIGNIFICANCE OF COLORISTIC SOLUTION IN THE SEMIOTIC YELETS LACE SYSTEM

Solomentseva S.B.

Yelets State University by I.A. Bunin, Yelets, Russia

The purpose of this work is research into coloristic solution in Yelets Laces as one of the visual communication types. The coloristic solution is considered as a sign system and as a means of non-verbal communication of people within the territory's culture. The work shows that color has a great number of manifestations: sign, ethnically identifying, emotional-communicative, value.

Keywords: Yelets Lace, coloristic solution, lace-making, national costume, decor.

Русское кружево представляет собой значительное, самобытное явление и по праву считается уникальным видом декоративно-приклад-

ного искусства. Оно сформировалось на основе зарубежных образцов, но со временем мастерицы выработали собственные технические приемы, свой орнаментальный язык на основе традиционных русских мотивов [8, с. 6]. Плетение кружева широко распространилось среди всех сословий и приобрело разнообразие и оригинальность узоров.

В ходе своего развития кружевоплетение, впитывало специфику народного искусства того края, где оно изготавливалось и соответственно изменялось и модифицировалось. Кружево, как и другие виды декоративно-прикладного искусства, выражало характерные черты эпохи, модные тенденции, но бережно сохраняло традиционную основу народной культуры. Становление русского кружевоплетения пришлось на период с конца XVIII до середины XIX века, в это время развивались его местные особенности, создавались самобытные узоры и композиционные приемы [3, с. 9]. Изделия, выполненные в разных художественных центрах, отличались техникой плетения, орнаментальными и цветовыми предпочтениями.

Елецкое кружево представляет собой своеобразный символ, знак художественно-творческого выражения этноса и входит в семиотическую систему традиционной культуры. Его стилистическая и образная структура отражает этические, эстетические представления, систему ценностей, уровень духовного развития народа края. Особенности елецкого кружевоплетения формировались на протяжении долгих лет под воздействием исторических, социально-экономических и географических факторов, поэтому в нем аккумулирован социокультурный опыт, что позволит изучить отличительные особенности народной культуры и быта края в целом.

Мы проанализируем цветовое решение елецкого кружева как один из видов визуальной коммуникации, как этнически идентифицирующую систему и средство невербального общения людей в рамках культуры края. Выбор этого направления исследования объясняется недостаточной степенью разработки и незначительным количеством работ, рассматривающих данную проблематику.

С древних времен ученые задумывались о влиянии цвета на систему восприятия человека. Одним из первых произведений, раскрывшим эту тему было сочинение Демокрита «О цветах», которое заложило основу понимания гармонии человека и природы. По мнению автора, цвет являлся символом и нес синкретическое значение, а также устанавливал

связи между смыслом и его обозначением. В изложении своего учения Демокрит доказывал, что в представлении людей существуют четыре простых, основных цвета: черный, белый, желтый, красный. Прочие цвета получаются путем смешивания этих простых и в зависимости от способа и метода их соединения можно получить бесчисленное количество цветов [4].

Работа И.В. Гёте «Учение о цвете» является одной из первых теорий объясняющих влияние цвета на психологию и мировосприятие человека. В своей работе ученый исследовал явления окружающего мира с позиции воздействия их на человека и выделил два основных: психологическое и физиологическое. Цвет он назвал «продуктом, вызывающим эмоции». Согласно этой теории каждый цвет имеет свой темперамент и представляет собой воплощение эмоциональной сущности. Цветовое решение выступает не только в качестве объекта, но и как средство познания. И.В. Гете придает цвету статус символа, и идентифицирует его не просто с ощущением, а как некий образ, сложный феномен восприятия [2].

Цвет является древним символическим языком, с помощью которого наши предки пытались выразить духовную связь с окружающим миром, свои чувства и мысли. Его роль в орнаментации выходит далеко за рамки декоративности. П.А. Флоренский в своих статьях и исследованиях по истории и философии искусства утверждает, что цвет является своеобразным маркером состояния традиционной культуры и эта цветовая маркировка соотносится с семантикой одежды [9]. С помощью цвета мастерицы делали акцент на главном, одновременно достигая завершенности и целостности образа. Цветовой облик произведений декоративно-прикладного искусства, к которым относится елецкое кружево, строился таким образом, чтобы при взаимодействии нескольких различных цветов, они образовывали полную гармонию.

Этнограф П.И. Савваитов изучал культуру и быт русского народа и именно в работах можно найти наиболее древние и полные описания народной одежды. Исследователь, основываясь на названиях цветов (жемчужный, брусничный, маковый и т.д.) и учитывая теорию восприятия цвета, утверждает, что представление о цвете имеет земное, предметное происхождение [7]. Человечество издавна тонко ощущало колорит, виртуозно пользовалось им, цвет всегда являлся важным организующим началом. Цвет, как одно из наиболее выразительных средств,

придавал декору костюма повседневность или тожественность. Часто названия цветов определялись согласно настроению человека: свежие, веселые, тусклые, грустные.

Организирующее начало в композиционном решении елецкого кружева принадлежит именно колористическому решению. Психологическое и эмоциональное воздействие цветового решения на человека проявляется в его разном воздействии на органы чувств: успокаивающем, возбуждающем, угнетающем. Цвет имел и свои магические функции: защищал человека от нечистой силы и колдовства и негативного воздействия других людей. По цветовому решению можно было получить определенную информацию о человеке, его благосостоянии, месте в общественной иерархии. Колорит декора одежды мог выступать символом религиозной или национальной принадлежности, определять пол и возраст носителя.

Точных сведений о времени возникновения елецкого кружевоплетения нет, хотя в работе С.П. Ершова «Елецкие кружева и кружевницы» упоминается о его существовании еще в допетровское время [5, с. 30]. Наиболее ранние сохранившиеся образцы елецкого кружева относятся к концу XVIII – началу XIX века. Несомненно, наиболее точно время изготовления можно определить по прошиве с вышитой надписью: «сей платье шила диаконова дочь Александра Иванова 1801 года» (ГРМ, В-7087). Скорее всего, надпись относится к расположенной ниже вышивке, а не к украшающему прошиву кружеву. Но именно эта надпись позволяет нам абсолютно точно утверждать, что и кружево было изготовлено не позднее чем в 1801 году. Этот образец представляет собой тонкое, многопарное кружево, выполненное из белых льняных нитей. Сетка, составляющая фон кружева, в XVIII веке использовалась достаточно редко, но XIX веке наиболее широко применяется именно в елецком кружеве. Композиционную основу составляют стилизованные фигуры оленя, птицы и неперемный элемент растительного орнамента в виде цветочного куста. Фигуры, расположенные на правой стороне прошвы и цветочный куст в центре выполнены полотнянкой, на левой стороне – сеткой. Для придания рельефности фигурам контуры обведены золотистой шелковой сканью. Герб города представляет собой символический щит, на ковыльно-белом фоне которого изображена ель, как символ красоты природы края, а под ней гордый олень. Изображение оленя и широкое использование сетки как фона и формообразующего

элемента узора свидетельствуют о происхождении данной прошвы из города Ельца [8, с. 101].

Для елецкого кружева не характерна семантика полихромного многоцветья. Чаще всего оно изготавливалось из белых льняных нитей. В русской народной художественной культуре имелись глубокие традиции, которые отождествляли красоту с каким-либо определенным цветом. С древних времен цветом красоты считался белый, и цветовая семантика часто проявлялась в метафорах, описывающих людей, их быт, где «белый» являлся символом красоты. Этот цвет ассоциировался с представлением о небе и свете, добре, счастье и развитии [1, с. 169]. Считалось, что белый цвет служит защитой от дурного воздействия со стороны злых духов, что он сакрален. Зачастую белый цвет выступал в качестве эквивалента тишины. В представлении большинства жителей Руси белый цвет означал целомудрие и чистоту и часто использовался для изготовления праздничной, торжественной одежды.

Изделия декоративно-прикладного искусства белого цвета, к которым относится и елецкое кружево, ассоциируются в сознании человека с началом всего живого, первоцветом и обязательно присутствуют во всех традиционных обрядах переходного цикла человеческой жизни: рождение, крещение и т. д.

Среди приведенных значений мы не обнаруживаем ни одного отрицательного. И даже в ритуале похорон белый цвет не имел отрицательных значений, а символизировал, что умершего будут помнить и память о нем не исчезнет без следа.

Белый цвет является не только наглядным символом, но и понятием, отражающим основные морально-этические принципы поведения народа. Он обладает определенным статусом: воспринимается как цвет жизни, и часто противопоставлен черному цвету. Традиционное противопоставление двух этих цветов моделирует гармонию человека, где белый цвет символизирует женское начало, чистоту, добро и свет.

Для придания рисунку кружева большей рельефности, четкости и выразительности мастерицы часто использовали прямую, витую или выполненную елочкой скань желтого или золотого цвета. Этот прием характерен для елецкого многопарного кружевоплетения.

Символом желтого цвета является солнце – источник света, тепла, и жизни на земле. Считалось, что этот цвет дает человеку энергию. Золотой цвет ассоциировался с осенью и цветом зрелых колосьев, а это

являлось положительным моментом для жителей Елецкого уезда, где было широко развито сельское хозяйство и большинство плетей были крестьянками [3, с. 101]. Этот цвет обладает светлой природой, отличается веселостью и ясностью. Он производит теплое и приятное впечатление, а также наделяет человека оптимизмом и позитивным настроением.

Середина и конец XIX века характеризуется увеличением популярности кружевных изделий черного цвета [8, с. 108]. Этот цвет особым образом подчеркивал красоту, изящество и сложность рисунка елецкого кружева. Он символизировал ночь, строгость, землю и вечный покой. Черный цвет представлялся антитезисом белого, то есть являл собой противоположную сторону жизни и выражал собой все самое негативное. Враждебные человеку злые силы, колдовство в представлении наших предков имели черный цвет.

Однако, трактовка черного цвета в русской народной культуре далеко не так однозначна, литературные источники указывают на существование специфической группы черного цвета. К ней относились не только собственно черный цвет, но и темные цвета, которые были интенсивнее обычного, характерного для какого-либо предмета. Это мог быть цвет земли, окружающих предметов, окраска животных, цвет одежды и т.д. Для жителей центральной полосы России, к которой относился и Елецкий уезд, черный цвет был в особом почете, так как являлся символом чернозема, матушки-кормилицы земли [6, с. 29]. То есть черный цвет обладал не только отрицательным значением, но имел и свои положительные стороны и поэтому являлся амбивалентным символом.

Елецкое кружево было не только уникальным и самобытным видом декоративного оформления костюма, но и являлось символическим, знаковым маркером. В противопоставлении белого и черного цветов своеобразным образом смоделирована пространственная и временная гармония человека: небо и земля, жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма. Гармоничное взаимовлияние и взаимодействие этих элементов, нашедшее отражение в елецком кружеве, воплощает в себе духовные ценности, материальные знания и бесценный опыт народа.

Колористическое решение елецкого кружева можно считать одним из видов визуальной коммуникации. Цвет является знаковой системой и средством невербального общения людей в рамках культуры края. Он имеет множество проявлений: знаковое, этнически идентифицирующее, эмоционально-коммуникативное, ценностное и целый ряд

других. Цвет представляет собой сложный философско-эстетический феномен, универсальную доминанту системы взаимодействия людей в социуме.

Список литературы

1. Вардугин В.И. Русская одежда: История народного костюма от скифов до советских времён. Саратов: Регион, 2001. 352 с.
2. Гете И.В. Учение о цвете. Теория познания. М.: Либроком, 2011. 200 с.
3. Давыдова С.А. Русское кружево и русские кружевницы. Исследование историческое, техническое, статистическое. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1892. 324 с.
4. Демокрит Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1935. 382 с.
5. Ершов С.П. Елецкие кружева и кружевницы. (Историко-экономический очерк). Елец: ЕГУ, 2000. 130 с.
6. Пономарев П. Д. Народный костюм Воронежской губернии. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1994. 36 с., 77 л. ил.
7. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Типография императорской академии наук, 1896. 184 с.
8. Фалеева В.А. Русское плетеное кружево. Л.: Художник РСФСР, 1983. 326 с.
9. Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.

АХРОМАТИЧЕСКИЙ ЦВЕТ КАК ФАКТОР ЭКСПЛИКАЦИИ КАРТИНЫ МИРА В ИСКУССТВЕ

Талапина М.Б.

Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Статья посвящена анализу роли ахроматических цветов в профессиональной картине мира художников на протяжении истории искусств и в наши дни. Представлены подходы к использованию светотени с технической точки зрения, описаны основные особенности философской интерпретации белого и черного художниками разных направлений. Делается вывод о значимости ароматической оппозиции для формирования и экспликации профессиональной картины мира художника в рамках единой картины мира культуры.

Ключевые слова: картина мира, цвет, ахроматический цвет, светотень, монохромная живопись, синкретизм искусств, история искусств.

ACHROMATIC COLOUR AS A FACTOR OF REPRESENTATION OF WORLD PICTURE IN ART

Talapina M.B.

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

The paper presents analysis of the role of achromatic colours in the professional picture of the world of artists throughout the history of art and at the present day. Different approaches to treatment of light and shade are given, basic features of philosophical interpretation of white and black in different artistic traditions are described. Conclusion is made about importance of achromatic opposition for forming and representing the professional world picture of artists as a part of universal world picture.

Keywords: picture of the world, colour, achromatic colour, treatment of light and shade, monochrome painting, syncretism of arts, history of arts.

Проблемы цвета неизменно оказываются в центре внимания исследований различных областей деятельности. В разных формах искусства использование цвета и света основывается на множестве теорий восприятия цвета, изучении механизмов цветного зрения, исследований перцептивной и когнитивной психологии.

В рамках данной статьи будут рассмотрены возможности ахроматических цветов в экспликации как всеобщей картины мира, манифестируемой в рамках направлений изобразительного искусства, так и их роль в репрезентации индивидуальных картин мира отдельных художников.

Особое внимание к ахроматическим цветам в искусстве обусловлено тем, что свет и тень представляют собой важнейшие парные категории теории и практики изобразительного искусства. Свет и тень взаимосвязаны, поскольку используются в качестве изобразительных средств. Важной ролью светотени является и то, что она является «оптической основой формообразования в искусстве» [4]

Знаковость и первичность света по отношению к цвету в искусстве объясняется тем, что свет является условием восприятия цвета. Без света цветоразличение было бы невозможным.

Техника изображения света и цвета имеет древнюю традицию в искусстве: «Если рассматривать историю искусства, например Вермеера, Констебля, Тернера, всех импрессионистов, Веласкеса, Гойю, Ротко, большинство из них изображают свет» [2, с. 130]. Такую характеристику можно отнести, в том числе, к фотографии: те, кто занимаются фотографией, занимаются светом.

В разных художественных направлениях, в творчестве отдельных мастеров на протяжении истории искусств проблема светотени решалась по-разному. Так, например, применение особых светоносных материалов, излучающих свет (золотой фон византийских мозаик) делает возможным не только образование формы, но и насыщает произведение особым метафизическим смыслом [4].

В эпоху Итальянского Возрождения проблема взаимосвязи светотеневых (ахроматических) и цветowych (хроматических) отношений продолжала оставаться актуальной и решалась технически разными способами.

В искусстве голландских художников XVII в. свет насыщается метафизическим смыслом. Если малые голландцы, следуя мастерам вене-

цианской школы (на которую ранее оказывали влияние нидерландские традиции), открыли и использовали в живописи тепло-холодные отношения тонов, то другие художники продолжали писать «света́» белилами, а тень – коричневой или черной краской по красному грунту.

Особую значимость ахроматические категории света и тени приобрели в искусстве гравюры XVIII вв., где светотень использовалась, в частности, для монохромного изображения «ночных сцен».

Метафизический, мрачный характер светотеневой живописи подчеркивал английский теоретик искусства Дж. Раскин, который указывал что на стороне колористов «природа и жизнь», а на стороне сторонников светотени – «грех и смерть» [1].

В академической живописи XVII–XIX вв. преобладали светотеневые моделировки в ущерб цветности, колориту. С 1870-х гг. импрессионисты пытались совместить изображение свето-воздушной среды, меняющей окраску предметов в освещенных и затемненных частях, с передачей их собственного цвета. В свою очередь, постимпрессионисты отказались от непосредственного изображения света и тени, усилив автономную выразительность цветовых отношений [4].

Не вызывает сомнения тот факт, что в истории изобразительного искусства видение цвета связано с особенностями мироощущения и творческого метода художников. Анри Матисс настаивает на содержательной значимости цвета и первичности по силе эмоционального воздействия: «...выделяя эту формальную категорию [цвет] как ведущую, художник настаивает на автономности ее содержательного эмоционального смысла, а потому и главной функции в формировании восприятия картины как целого» [1, с. 13]. Белый цвет в картинах Матисса играет роль особого выразительного средства, позволяющего подчеркнуть красоту каждого отдельного цвета и соотношения цветов в картинах. Благодаря пробелам, которые отделяют цвета друг от друга, достигается сильное эмоциональное воздействие на зрителя.

Особой значимостью в интерпретации ахроматического пространства играют объекты искусства, где используется монохромная палитра от *белого* к *черному*.

Ахроматическая оппозиция *белый – черный, светлый – темный* оказывается в центре теории В. Кандинского о контрапункте – «новой гармонии противоположений» [1, с. 38]. «Противозвучие» двух ахроматических полюсов приобретает особую значимость в свете катастро-

фичности мироощущения, противоречивости бытия, утрате традиционной гармонии: «борьба тонов, утраченное равновесие, рушащиеся «принципы», внезапный барабанный бой, великие вопросы, видимо бесцельные устремления – противоположности и противоречия – такова наша гармония» [5, с. 82].

Черный цвет обладает особой значимостью в картине Малевича «Черный квадрат». Сам Малевич писал: «Мы острою гранью делим время и ставим на первой странице плоскость в виде квадрата, черного, как тайна, плоскость глядит на нас темным, словно скрывая в себе новые страницы будущего» [Цит. по 1].

Свет как средство моделирования реальности продолжает оставаться в центре внимания художников и в наше время.

Так, в абстрактных черно-белых живописных работах М. Кишева взаимоотношения двух полюсов *белого* и *черного* выступают как «формообразующие проявления вездесущего, всепроникающего света», где цвет интерпретируется как свет, как «свидетельство о свете» [3, с. 57].

Активное начало *белого* цвета, организующего картину мира, ярко выражено в работах современных русских авторов. Так, в живописном проекте «Движение белого» Игоря Ширшкова *белое* существует как динамическое творческое начало, символизирующее «мир свободы, творческой воли» [6, с. 140].

Интересно проследить роль цвета, в особенности ахроматических цветов, в формировании направлений в искусстве и мировидения художников в условиях сближения разных форм искусства в XX в. В целом, цвет оказывается значимым фактором, позволяющим выявить и определять сущностные черты произведения искусства. В условиях всеобщего синкретизма искусств и попытках искусствоведов объяснить особенности одного вида искусства средствами другого, ахроматический цвет часто оказывается в фокусе восприятия.

В художественных экспериментах на стыке искусства, физики и психологии свет приобретает базовое формообразующее значение, где, наряду с пространством, оказывается главным средством создания реальности. Среди художников, работающих со светом в рамках инсталляций, можно выделить Джеймса Таррелла (США), создававшего геометрические формы из света, вызывая у зрителя оптические иллюзии [2]. В профессиональной картине мира художников такого направления свет концептуализируется как фундаментальная основа жизни, опора

восприятия и различения реальности и, следовательно, самосознания.

Появление композиций с доминирующей ролью *белого* связывают с мифопоэтической традицией, культурой модерна. В современном постмодернизме концепты *света* и *тени*, *белого* и *черного* интерпретируются в диалоге с искусством 1920-х гг. В инсталляционных объектах Татьяны Баданиной в проекте «Просвет» белый цвет выступает как метафора «первоначала Вселенной», «первых моментов ее сотворения» [7, с. 85].

Отношение к свету как определяющему началу в создании мира определяется христианской традицией восприятия цвета. Если цвет существует только в процессе зрительного восприятия и представления предметов, то свет, напротив, сущен: свет – «чуть что не тьма, первый проблеск света во тьме, первое проявление бытия из ничтожества» [8, с. 139].

Таким образом, категории *света* и *тени* демонстрируют непреходящую значимость на протяжении всей истории искусств. Будучи важным изобразительным средством, *белый* и *черный* цвета выступают как фактор образования и экспликации картины мира художников различных направлений и форм искусства. По своей семантике универсальная ахроматическая оппозиция обеспечивает концептуальную связь искусства с другими знаковыми системами, такими как мифопоэтическое творчество и религиозная традиция.

Список литературы

1. Азизян И.А. Диалог искусств XX в. М.: URSS, 2008. 592 с.
2. Березницкая Н. Сделать видимым сам свет // Диалог искусств. 2011. № 5. С. 130–131.
3. Будагян Э. Мухадин Кишев: «Всегда ищущ гармонию цветов» // Наука и религия. 2008. № 5. С. 57.
4. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. СПб.: Азбука-классика, 2004–2009. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 15.09.2013).
5. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. 107 с.
6. Пацюков В. Пульсация белого // Диалог искусств. 2012. № 4. С. 140.
7. Пацюков В. Метафизика белого // Диалог искусств. 2012. № 5. С. 84–87.
8. Флоренский П.А. Иконостас // Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил–Русская книга, 1993. С. 1–175.

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Туминская О.А.

Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Тема юродства в изобразительном искусстве комплексная, включающая в поле своего изучения различные направления исследования. Для искусствоведа важны история, религия и общая культурная обстановка изучаемого региона в определенное время. Обозначенные этапы – Восток (IV–VI вв.), Византия (IX–X вв.), Древняя Русь XI–XIII (вв.), раннее русское Средневековье (XIII–XIV вв.), Позднее русское Средневековье (XVI–XVII вв.) отображают главные достижения указанных эпох в области распространения и утверждения феномена юродства. На Востоке это явление зародилось, в Византии проявилось как апология государственного управления, в эпоху Древней Руси вошло в практику монашества, в раннее средневековое время определилось как городское и, наконец, в полной мере проявило себя в переломное время конца XVI–XVII вв., укрепив почву для формирования самосознания человека-индивида, самостоятельной личности, проявившей себя в эпоху Нового времени.

Ключевые слова: юродство, этапы формирования и распространения юродства, история русского юродства, культурологический аспект явления «юродство во Христе».

THE PHENOMENON OF FOOLISHNESS: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Touminskaya O.A.

Russian Museum, Saint-Petersburg, Russia

The theme of foolishness in the fine arts complex, including in the field of his study of various directions of research. For the art historian important history, religion and overall cultural situation of the study area at a certain

time. Marked stages – East (IV–VI centuries), Byzantium (IX–X centuries), Ancient Russia XI–XIII (centuries), previously the Russian middle Ages (XIII–XIV centuries), Later Russian dark Ages (XVI–XVII centuries) represent the main achievements of these eras in the distribution and approval of the phenomenon of foolishness. In the East this phenomenon originated in Byzantium manifested itself as an apology for the state management, in the epoch of Ancient Russia was included into practice of monasticism, in early medieval time was defined as urban, and, finally, fully manifested itself in the critical time of the end of the XVI–XVII centuries, strengthened the grounds for the formation of consciousness of the person-the individual, independent personality, proved itself in the epoch of New time.

Keywords: *foolishness, stages of formation and distribution of foolishness, history of Russian fool, the culturological aspect of the phenomenon of «folly in Christ».*

Данная статья представляет собой объяснение и доказательство основных положений, выносимых на обсуждение в научной аудитории по теме «Юродивые и блаженные в русской иконе XVI–XIX вв.»

Первое положение. Юродивый – фигура исторического и культурологического процесса, нашедшая по своему образу святости воплощение в изобразительном искусстве русского Средневековья.

Святость – близость к Господу, духовное возвышение, получаемое посредством отказа от материальных благ, сострадания к ближнему, оказания безвозмездной помощи, постоянной молитвы, приоритета жертвенности – идеи мученичества. Именно идея сострадания к ближнему и принятие страдания за других лежит в основе существования и развития духовной цивилизации, примером которой может служить средневековое общество, если приоритетом в нем считается момент душевной эмпатии и воспитания религиозного чувства. Но фигура юродивого выступает в качестве антиномичной составляющей общего процесса святости. Юродивый уподобляется любому монашескому подвижнику по своим целям, но не по форме. Главные отличительные черты поведения проявляются в непристойном ажиотаже, агрессии, бунтарстве, неподобающем монаху или мирянину виде, вызывая публичное неприятие своей фигуры в обществе. Но юродивый исполняет самые грубые и грязные поручения, он своим крайним смирением перед Господом доказывает жизненность позиции самостоятельного от-

вета за свои поступки и мысли на Страшном суде. Он – изгой, одиночка и вместе с тем, будучи бессребренником, являет собой образ молитвенного заступника пред Господом многих и многих обездоленных живущих рядом с ним людей. Юродивого не принимают, но к его пророчествам прислушиваются, боятся, но чтят. Сила духа у угнетенного – ответная реакция на дар Господа. В этом проявляется антиномия самого явления. Оценка поведения юродивого в глазах общества неадекватна, она заставляет прихожан самостоятельно искать мотив святости у буйного блаженного и примиряет собственные взгляды с принятыми официальными. Проникнувшись идеей святости блаженного, слушая проповеди, читая его житие или глядя на икону с образом юродивого во Христе, средневековый верующий начинал искать оправдание поведению и действиям юродивого.

Положение второе. Отношения с церковью, как и с властью, у юродивого напряженные. Через эпатаж юродивый пытается провести волю Господа и привести государственную власть и представителей религиозной верхушки к единству.

Слова юродивого должны были усмирить воинственные (чаще всего смертоносные) планы руководителей, пресечь казни и убийства. Услышанное от «буя» попадало в самые глубокие «тайники души». Заведомо гневный в грубой форме или шутовской призыв к монарху высмеивал государственные дела правителя, но нередко касался и его личных качеств. Насмешливое обращение уравнивало царя с народом, выводило из разряда бессмертных и ставило в один ряд с бедными грешниками. Обычно и нагота, и буйное поведение совмещались, значит, сливались задачи протестов. Контраст «низа» и «верха» подчеркивается сознательно. В русской житийной литературе о юродивых пристальное внимание уделено теме вербального пророческого контакта блаженных с царем. Суть публичного развенчания – душевное обнажение и очищение через гнев и негодование.

Не все представители власти следовали советам юродивых. Не желая рисовать портрет царя в белых или черных красках, надо отметить, что Иоанн Грозный прислушивался к пророчествам. Результатом общения с юродивыми было и отступление от «Ольгиной родины» и пощада псковитян. Богоугодные поступки Грозного – указы на строительство церквей, богатые вклады в монастыри. Это и знаменитый храм Покрова Пресвятой Богородицы в Москве и менее известная церковь Исидо-

ра на Валах в Ростове, построенная на пожалование Иоанна Грозного. В тоже время замечено, что «жизнь в Александровской слободе Иван Грозный устроил наподобие монастырской, лицемерным благочестием прикрывал лютую жестокость своих действий: опричники поверх оружия и дорогого платья носили черные рясы. Огромными вкладами в строительство монастырей и церквей оправдывалась неслыханная прежде жестокость царя».

Существенным, на наш взгляд, является рассмотрение взаимоотношений юродивых Христа ради и Церкви. Эти подвижники всячески противопоставляли себя церковным устоям, но всегда находились под эгидой Церкви. Интересно указание Н.М. Карамзина на то, что царь Иоанн, прибыв в Псков в 1570 г., «зашел в келию к старцу» Николе Салосу, почтив его вниманием. Навстречу царю Никола Псковский Юродивый вышел не один, а вместе с игуменом Печерским Корнилием и князем Юрием Токмаковым. Следовательно, князь (светская власть), игумен (духовенство) и юродивый (одновременно являющийся и ярким противником и тех, и других и в данном случае близким их союзником) согласовывали свои действия перед таким ответственным шагом. Важным является замечание: Никола «не убоялся обличить властителя в кровопийстве и святотатстве, находясь под *защитой* своего юродства» [5, с. 82]. В данном примере юродство во Христе выступает как одобряемая церковью линия поведения.

Положение третье. Синонимичность трактовок терминов «юродивый», «блаженный» и «юродивый Христа ради», которое для искусствоведческого исследования заменяется понятием «юродивый во Христе».

Ближе всего наименованию «юродивый» ставится «блаженный». Светские словари говорят о блаженном как о человеке, «в высшей мере счастливом». В церковном варианте «блаженный» – тот благочестивый подвижник, который своими деяниями заслужил спасение и пребывает на небесах. Если «спасенный» значит «преображенный», то человек пребывает не в телесном виде человека, а в состоянии духовной эманации. Именно в таком виде и в таком состоянии святые блаженные изображаются на иконах. Для нашей работы, пишущейся в ключе светского взгляда на религиозную культуру Руси, уместно употребление термина «юродивый во Христе», хотя для православной лексики ближе трактовка «юродивый Христа ради» – тот, который

проходит свой жизненный путь во имя Христа, «ради Него», а уже потом – и ради себя.

Положение четвертое. Общий (соборный) жизненный цикл древнерусских и средневековых юродивых происходит по выделенным в истории развития общества закономерностям: зарождение – расцвет – закат. Но для святых этот цикл не прекращается, а имеет продолжение в поклонении мощам, святым топосам и иконам. (За консультацию по этому научному положению благодарю кандидата технических наук, доцента СЗПИ г. Санкт-Петербурга И.Н. Колодонова).

Между временем жизни юродивого и временем канонизации определен период в сто-сто двадцать лет. Например, святой преподобный Михаил Клопский преставился в 1456 г., канонизирован на Соборе 1547 г. Михаил Клопский исполнял свое послушание на территории монастыря. Среди других святых дан образ Михаила Клопского в рост на двусторонней иконе второй половины XVI в. из собора Рождества Богородицы в Суздале, ныне принадлежащая Владимиро-Суздальскому музею (двусторонняя икона «Богоматерь Одигитрия / Варлаам Хутынский, Михаил Клопский и Дмитрий Прилуцкий (?)»). Вторая половина XVI в. (25x20,2x2 – каждая). ВИАХМЗ. Инв. № В – 6300/118. [2, с. 277, 319]. На иконах Михаил Клопский изображается седым, худощавым, лицом бледен, борода похожа на Варлаама Хутынского – средней длины, темного цвета. Таким он и предстает в медальоне нижнего поля рядом с Варлаамом и Николаем Кочановым на иконе романовского письма из ГРМ (Икона «Богоматерь Тихвинская и новгородские святые». Начало XIX в. Романов-Борисоглебск. (32x26). ГРМ. ДРЖ Б-248. Из собрания Н.П. Лихачева [4, с. 221]. Схожее изображение в иконе 1726 г. (Икона «Новгородские святые». 1726 г. ГИМ. Инв. № VIII 2969/3180. (10x8,5). Из собрания П.И. Щукина. Внизу, на пейзажном фоне белыми буквами полууставом надпись: «Писал поп Георгий. 1726 г.» [3, илл. 160]). В подлинной Описи Клопского монастыря за 1695 г. указывается покров середины XVII в. с шитым изображением преподобного Михаила Клопского во весь рост, у него правая рука благословляющая, а в левой свиток; одежда из схимы, но голова обнажена [1, с. 516–517]. Может быть, это тот самый покров, который значится по Описям 1659 г. как вклад боярина Ильи Даниловича Милославского. Хочется обратить внимание на икону начала XVII в. кисти северных мастеров (икона «Преподобный Михаил Клопский

с житием в 16 клеймах». Русский Север. Начало XVII в. (131x115). ГИМ). Указанные даты свидетельствуют о подтверждении нашей теории: кончина 1456 г., канонизация 1547 г. и икона второй половины XVI в., покров 1659 г., икона северных мастеров начала XVII в., икона «Новгородские святые» 1726 г., икона романово-борисоглебских писем начала XIX в. Таким образом, отмеченные между выделенными событиями временные разрывы приблизительно в сто лет доказывают идею продолжения существования юродивого после его кончины не в материально-физическом виде, а в виде святых образов. Значит, фаза заката к явлению юродства может быть применена, но к отдельным юродивым, вошедшим в круг православного церковного почитания их святости, недействительна, она пролонгирована до настоящего времени, ибо выражается в поклонении мощам, в вере в чудодейственную защиту мощей, в молитвенном преклонении перед образами этих непривычных сакральных заступников.

Концепция иконографического извода «образ юродивый во Христе» развивается одновременно в двух направлениях: в реальности материальной и реальности духовной. Икона святого мирянина тому подтверждение. Икона запечатлевает образ святого человека, визуализирует его дух, однако дух представлен не в символах, а в живоподобном (антропоморфном) образе. В иконе святых мирян важен индивидуальный образ, т. е. протопортрет, встраивающийся в жанр «портретной иконы» в эпоху Нового времени. Тенденцию включения реалистичных мотивов в композицию сакрального памятника наблюдаем в процессе развития иконописных образов юродивых Христа ради в русском искусстве от XVI к концу XVII вв.

Список литературы

1. Археологическое Описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб.: ОДРП, 1860.
2. Иконы Владимира и Суздаля. М.: Северный паломник, 2006.
3. Костромская икона XIII–XIX веков. М.: искусство, 2004.
4. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». СПб.: Palace Edition, 1994.
5. Туминская О.А. Блаженные и юродивые в истории, житии и изобразительном искусстве Древней Руси. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Давыдова К.В.

Министерство социальной защиты Московской области,
г. Москва, Россия

В статье рассматривается процесс становления гражданского общества в России. Предлагается пять основных этапов указанного процесса. К каждому из указанных этапов применен метод политологического анализа, комплексно рассмотрены особенности внутривнутриполитической обстановки как ключевого фактора в конкретный исторический период.

***Ключевые слова:** гражданское общество, политический процесс, государство, личность, демократия.*

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Davydova C.V.

Ministry of Social Protection of the Moscow Region, Moscow, Russia

The article deals with the process of formation of civil society in Russia. Are five main stages of this process. To each of these stages applied the method of political analysis, the features of the complex political situation as a key factor in a specific historical period.

***Keywords:** civil society, the political process, the state, personality, democracy.*

В настоящее время проблематика развития гражданского общества, включая ее политологический аспект, во всем мире становится все более актуальной.

В условиях научно-технической революции знания и личная свобода граждан становятся главными условиями успешного развития экономики и общества. Следствием этого является повышение роли личности в политике, возрастающее значение демократии, расширение практик самоуправления граждан во всех сферах общественной жизни.

Место и роль России в современном мире во многом зависят от степени успешности интеграции государства в общемировые процессы. Успешная интеграция требует трансформации российского социума, усиления среди населения возможностей для гражданской инициативы, самоорганизации, созидательной активности, влияния общества на власть. В то же время развитие гражданского общества в современной России немислимо без формирования в России все большего числа институтов гражданского общества, корректировки политико-правового поля и утверждения в ментальности российского населения базовых ценностей гражданской культуры политического участия, основанных на принципах свободы, демократии и взаимной ответственности.

Механизмы и процессы формирования гражданского общества в России имеют свои особенности. Так, серьезное, во многом предопределяющее влияние на указанные процессы оказало то, что в России становление гражданского общества началось существенно позднее, чем в Западной Европе и Северной Америке. Исследование специфики развития гражданского общества с учетом политологических аспектов является крайне актуальным сегодня не только потому, что позволяет осмыслить проблемы и тенденции развития гражданского общества в России, но и потому, что изучение специфических факторов развития гражданского общества, этапов и их особенностей позволяет позитивно влиять на процессы становления гражданского общества в целом.

Актуализация указанной проблематики объясняется также тем обстоятельством, что в России накоплен достаточный для исследования опыт становления гражданского общества, который требует всестороннего политологического осмысления.

Данная тема в значительной степени разработана. В качестве самых ранних источников для исследования проблематики гражданского общества можно рассматривать труды античных мыслителей, когда сло-

жились представления о гражданстве и гражданине и возникло понятие общества как совокупности граждан. Так, древнегреческие философы Платон и Аристотель ставили вопросы о статусе человека и гражданине в рамках государства, роли собственности в сохранении стабильности общественных и государственных институтов [11, с. 15]. Впервые понятие гражданского общества приобрело политико-юридическое оформление в эпоху Римской империи [17, с. 16]. В трудах английского мыслителя Томаса Гоббса было изложено принципиально новое понимание гражданского общества как коллектива, в котором его члены обретают высокие человеческие качества [3, с. 14]. Эти идеи были в последствии развиты крупнейшими европейскими мыслителями Нового времени.

Одной из первых работ, в рамках которой от осмысления и развития идеи о гражданском обществе был сделан переход к практическому исследованию конкретной структуры гражданского общества можно признать книгу «Демократия в Америке» – историко-политический трактат выдающегося французского мыслителя Алексиса де Токвиля, написанный им под впечатлением от поездки в США и Канаду в 1831 году [14, с. 16].

В России уже самые первые авторы, рассматривающие проблематику гражданского общества, обратили внимание на специфику его развития в условиях российской действительности. Такие мыслители как Н.А. Бердяев, С.А. Котляревский, И.В. Киреевский, М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин и другие подчеркивали, что гражданское общество в России призвано не противостоять государству, а сотрудничать с ним. Они также отмечали, что в российских условиях важную роль играет «духовная» составляющая демократических процессов [6, с. 15].

Изучению демократии как современного процесса взаимодействия гражданского общества и государства в значительной степени посвящены ставшие классическими исследования Г. Алмонда, А. Турена, Э. Гидденса, М. Кастельса, Д. Истона, С. Хантингтона, Р. Даля, С. Липсета, М. Олсона. Ряд ученых, в частности, Д. Коммонс, А. Бенгли, Д. Трумэн придерживались концепции группового участия, согласно которой главным субъектом политики в современном мире становятся ассоциации, добровольные объединения людей, связанных не родством, а общими интересами. Весьма значимой для понимания места и роли различных форм гражданского участия стала концепция

«совещательной демократии», разрабатывавшаяся американскими исследователями Э. Гутман, Д. Томпсоном и Д. Фишкиным. Понимания гражданского общества как социального феномена, основанного на определенных ценностях, придерживался Э. Геллнер. Детальный обзор теорий гражданского общества и гражданского участия дали А. Арато и Д. Коэн.

Среди отечественных исследователей теоретико-методологическими и ценностными аспектами демократии и гражданского участия занимались Ю. Пивоваров, А. Галкин, Ю. Красин, М. Горшков, З. Голенкова, Л. Романенко, В. Петухов, А. Кинсбургский, С. Перегудов, А. Соловьев, М. Ильин, А. Ахиезер, Г. Дилигенский, рассматривая эти проблемы, прежде всего, как часть вопроса о формировании и изменениях политической культуры в условиях реформируемой России. Опыт участия граждан в управлении на местном уровне: в муниципальных образованиях и еще более мелких структурах – соседских общинах изучали Е. Шомина и И. Мерсиянова.

Крушение советской системы в начале 1990-х годов повысили интерес общественности к концепции гражданского общества, призванной заменить созданный идеологический вакуум после тотальной дискредитации коммунистических идей. К этому периоду относится выход в свет научных работ российских авторов, исследующих вопросы гражданского общества. Проблемы исторического развития гражданского общества, теоретические аспекты основ правового государства затронуты в трудах таких авторов как К.С. Гаджиев, В.П. Ступишин, Е.Н. Гуренко, О.И. Шкаратан, Б.Я. Замбровский [2, с. 14].

В дальнейшем российские исследователи перешли от реконструкции исторического развития идей о гражданском обществе к попыткам исследования особенностей становления институтов гражданского общества в конкретных российских условиях. Темы особенностей развития гражданского общества в условиях постсоветских трансформаций вообще и в России в частности, были раскрыты в работах С.П. Перегудова, А.А. Соловьева, В.Г. Хорос [10, с. 15].

Проблемы формирования гражданского общества в России анализируются также в работах З.А. Грунта, З.Т. Голенковой, В.И. Кравченко, И.Б. Левина, Л.С. Мамут, Н.В. Мотрошиловой, А.И. Соловьёва, А.Х. Бурганова, Ю.Г. Чуланова, Д. Шмидта, Ф. Шмиттера, А.С. Алексаняна, А. Арато, С.А. Абакумова, Г. Вайнштейна, Л.Г. Володина [1, с. 14].

В последнее время российские исследователи все чаще переходят от исследования теоретических и общих вопросов развития гражданского общества к сугубо прикладным исследованиям, наполненным конкретными эмпирическими данными. В большей степени это касается работ, посвященных изучению организационных форм развития гражданского сектора в виде некоммерческих (НКО) или неправительственных (НПО) организаций. В ряду данных работ можно выделить труды И.А. Скалабан, Н.К. Радиной, Г. Шведова [13, с. 15].

Проблематикой данного исследования можно обозначить то, что вместе с тем сегодня явно недостаточно обобщающих работ, в которых комплексно исследуется специфика развития гражданских институтов в России, отталкиваясь от исторических событий, соответствующих определенным этапам становления гражданского общества в России.

Таким образом, целесообразно провести политологический анализ периодизации и специфики становления гражданского общества в России в условиях исторических трансформаций середины XIX – начала XXI веков, что и будет являться целью данной статьи.

Как уже отмечалось, механизмы и процессы формирования гражданского общества в России имеют свои особенности. Одними из ключевых факторов влияния на указанные механизмы и процессы являлись исторические события, внутривнутриполитическая обстановка и вектор политического развития, имевшие место в конкретный момент на протяжении развития общества. Целесообразно выделить ряд основных этапов в процессе формирования гражданского общества и подвергнуть политологическому анализу каждый из данных этапов.

Первым этапом в процессе формирования гражданского общества в России можно считать последствия реформ императора Александра II во второй половине XIX века [12, с. 15]. Такие реформы, как судебная, административная, местного самоуправления, и, конечно, отмена крепостного права, затронули все сферы жизни русского общества и стремительно ускорили процессы его трансформации и модернизации. Начали развиваться капиталистические отношения в обществе, формироваться крупные промышленные предприятия, своего рода «национальные корпорации» для своего времени, толчок к развитию получила и банковская система. Таким образом, в государстве возникла экономическая основа для формирования гражданского общества, а многообразные образовательные, медицинские, благотворительные и

другие общественные организации получили новый импульс к развитию, что, в свою очередь, стимулировало рост различных институтов общественной самоорганизации и помогло на какое-то время стабилизировать русское общество.

Одним из важнейших шагов к гражданскому обществу стало образование относительно самостоятельных от государства выборных органов местного самоуправления, которые ведали делами местного значения. Данным процессам положили начало земская (1864) и городская (1870) реформы императора Александра II. Положением о земских учреждениях 1864 года создавались выборные губернские и уездные земские собрания и их исполнительные органы – губернские и уездные земские управы, которые заведовали местными хозяйственными делами. Организация городского самоуправления определялась Городовым положением 1870 года, органами городского самоуправления были городские думы и управы. Выборы в городские думы и земские собрания были цензовыми, большинство голосов при выборах предоставлялось землевладельцам и богатым горожанам.

Судебная реформа 1864 г. провозгласила такие принципы как беспристрастность суда (равенство всех перед судом), независимость судов и судей, гласность и состязательность судопроизводства, отделение судебной власти от обвинительной, независимость адвокатуры, создание суда присяжных. Были введены новые либеральные судебные уставы.

Все описанные реформы существенно активизировали процесс становления среднего класса – социальной базы гражданского общества [15, с. 16]. Однако все эти процессы явились лишь первым шагом на пути к гражданскому обществу. После убийства императора-реформатора Александра II новый император Александр III обнародовал известный манифест «О незыблемости самодержавия» (1881 г.), что ознаменовало начало эпохи реакции, резкого торможения процессов либерализации в общественной системе.

Следующим, **вторым** этапом, в развитии институтов гражданского общества можно считать период 1900–1914 гг. К началу XX в. Россия оставалась едва ли не единственной европейской страной, где во всей незыблемости сохранялся абсолютизм. При этом, социальные и экономические изменения в России конца XIX века способствовали подъему оппозиционных движений, ставивших в большей или меньшей степени под сомнение существующий политический строй [18, с. 16].

В стране начала складываться многопартийная система, при которой политические партии являлись субъектами гражданского общества, так как существовали независимо от государственной власти и стремились к реализации своих политических целей. Неожиданное тяжелое поражение империи в Русско-Японской войне и последовавшая за этим Первая русская революция 1905 г. заставили самодержавие пойти на серьезные изменения в государственном строе страны. Благодаря деятельности четырех Государственных Дум (1906–1917 гг.), выборных законодательных учреждений и многопартийности, Россия приобрела свой первый опыт парламентаризма. Последовавшее за этим начало Первой мировой войны обострило все противоречия в российском обществе, а тяжелые поражения в войне привели к кризису самодержавия и революционному изменению политического строя.

Третьим этапом в развитии общественных институтов в России можно считать Февральскую революцию 1917 года. Революция дала мощный импульс развитию гражданского общества. В результате в России возникла масса политических и неполитических организаций, начали развиваться демократические институты свободы слова, собраний, организаций, вероисповедания. Стремительный рост социальной активности масс способствовал развитию институтов общественного самоуправления. При этом, отсутствие в государстве мощной вертикали власти грозило обернуться анархией.

Коренной перелом в положении гражданского общества был ознаменован в том же году Октябрьской революцией. Страна погрузилась в хаос междоусобной гражданской войны. Одержав в междоусобице верх, большевики установили жесткую централизацию власти, начали применять авторитарные методы управления экономикой и общественной жизнью. Была ликвидирована частная собственность – основа экономической самостоятельности граждан. Политические институты и организации потеряли свое значение для гражданского общества, так как они действовали под строгим политическим и идеологическим государственным контролем. В стране сложился тоталитарный режим, который блокировал саму возможность развития гражданского общества. Сам термин «гражданское общество» фактически был изгнан из советского государственно-правового и политического лексикона. Правящий класс составила партийная номенклатура, ставшая одновременно фактически собственником средств производства. Остальное насе-

ление превратилось в своего рода государственно-зависимых работников. Произошло грандиозное уравнивание всех членов общества перед всемогущей государственной машиной. Организации, которые в других условиях могли бы послужить базой для развития гражданского общества, такие как профсоюзы, комсомол, кооперация, творческие союзы, в советский период во многом лишались самостоятельности, входя в официальные структуры партийно-государственной машины.

Четвертый этап развития гражданского общества в России начался в 80-е гг. XX в. и ознаменовался приходом к власти М.С. Горбачева. Начавшиеся с 1985 г. преобразования в СССР с целью более тесной интеграции с западным сообществом и выведения национальной экономики из кризиса также послужили для формирования предпосылок гражданского общества [16, с. 16].

Под воздействием социально-экономических и политических реформ во второй половине 80-х гг. произошла серьезная трансформация институтов советского общества, которая, в свою очередь, существенно сказалась на его социальной структуре. Изменились отношения собственности и власти, появились новые социальные группы («предпринимательская структура» и др.), изменялись уровень и качество жизни каждой социальной группы, перестраивался механизм социальной стратификации. Началась трансформация политической жизни страны, суть которой состоит в переходе страны от тоталитарного к правовому государству. Все это стимулировало создание основ гражданского общества в России, отражало многообразие интересов представителей различных групп и слоев общества.

После огромного перерыва в развитии гражданского общества в России (с октября 1917 г. по 1990-е гг.) после распада Союза в 1991 году начался период бурных реформ во всех областях жизни страны. Перераспределение собственности через приватизацию открыло возможности для формирования среднего класса в России. Приватизация позволила частным лицам приобретать в собственность часть государственного имущества. Произошел переход власти от партийной элиты к элите экономической – так называемой «семье» и близким к ней олигархам [7, с. 15].

Нельзя не отметить и положительные моменты для развития гражданского общества. За несколько лет реформирования в государстве возникли многочисленные политические партии, народные фронты,

организации, объединения, ассоциации, центры, союзы, фонды, движения, отвечающие всем характеристикам гражданского общества. Они появились во всех сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической, духовной и др. К ним относятся: Ассоциация российских банков, Российский союз промышленников и предпринимателей, Конгресс деловых российских кругов, Союз предпринимателей и арендаторов, Межрегиональный биржевой союз и др.

Все перечисленные организации относятся к субъектам гражданского общества в экономической сфере. В других сферах общественной жизни, например в социальной, их возникло еще больше. Так, в Российской Федерации возникли и действуют по настоящее время действуют разнообразные фонды социальной защиты граждан и культуры: Фонд социальной защиты материнства и детства, Союз солдатских матерей, Пенсионный фонд, многочисленные благотворительные фонды и др.

Вместе с тем, существенное ослабление государственных институтов на всех уровнях, приход капитализма в его «агрессивной», «дикой» форме, тяжелое экономическое положение населения, оказывало негативное влияние на развитие общественных институтов.

Пятый этап становления гражданского общества в России начался с приходом к власти В.В. Путина и началом укрепления вертикали власти и позиций государства на международной арене. Современная Россия в начале XXI столетия начала путь всесторонней модернизации общества [18, с. 16].

Данный период оценивается в общественном мнении как поворот практической государственной политики в сторону общества, наведения в стране конституционного порядка, выхода её на траекторию позитивного развития. В 2006–2007 гг. уровень доверия Президенту РФ среди населения Российской Федерации превышал 60%.

Сегодня Россия является членом практически всех международных организаций, провозгласивших права человека в качестве высшей ценности, в конституции РФ представлена необходимая нормативно-правовая база. Так, в ст. 31 Конституции РФ закреплено право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, Статьей 33 фиксируется право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Данные положения конкретизированы федеральными

законами от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Таким образом, населению предоставлена возможность выражать свои интересы путем мирных собраний, пикетирований, индивидуальных и коллективных обращений в государственные органы или органы местного самоуправления, вносить общественно полезные коррективы в деятельность органов исполнительной власти.

Современным элементом политико-правовой институционализации гражданского общества является и такой общественный институт, как Общественная палата Российской Федерации. В 2005 г. был принят федеральный закон об Общественной палате РФ, в дальнейшем во многих регионах РФ стали создаваться Общественные палаты и Советы. На сегодняшний день региональные законы об Общественных палатах действуют более чем в 60 субъектах РФ (Амурская, Белгородская, Вологодская, Орловская, Псковская, Курская, Тамбовская обл. и др.).

Согласно закону, деятельность Общественной палаты направлена на согласование интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в стране.

Общественная палата проводит общественную экспертизу социально значимых проектов федеральных законов, проектов законов субъектов РФ, проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти РФ и проектов правовых актов органов местного самоуправления [8, с. 15].

Необходимо отметить, что становление эффективно функционирующего гражданского общества обеспечивается только в том случае, если его элементы структурно организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда оно сильно и государством, и гражданским основанием. Почти во всех современных государствах количество организаций гражданского общества непрерывно возрастает, особенно в странах западной демократии. Так, в США на миллион населения приходится 5 тысяч неправительственных организаций [4, с. 15]. В России количество таких организаций в последние годы также растёт. Если в 2000 г.,

по данным Росстата, в стране насчитывалось 275 тысяч некоммерческих организаций, то в 2011 году – около 342 тыс. По данным Министерства юстиции РФ, на 1 октября 2011 года было зарегистрировано 219,8 тыс. организаций, из них НКО – 85,1 тыс., общественных объединений – 110,3 тыс., религиозных организаций – 24,4 тысячи [5, с. 15].

Сферы и направления деятельности гражданских организаций в сегодняшней России чрезвычайно многообразны. Панорама общественной деятельности институтов и организаций гражданского общества чрезвычайно широкая. Здесь защита прав граждан и правовое просвещение, охрана природы и экологическая защита, добровольные спасательные отряды, помощь инвалидам, больным детям, одиноким старикам, жизненное устройство выпускников детских домов, защита прав потребителей, работа с детьми и подростками из неблагополучных семей, поиск без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны и многое другое.

Реальными признаками существующего гражданского общества являются выборность представителей власти, постепенное повышение уровня влияния общественных организаций, стремление к прозрачности расходования бюджетных средств, передача части функций чиновников общественным организациям, возникновение разнообразных форм трудовых ассоциаций, социальных и культурных объединений, общественно-политических движений [18, с. 16].

При этом в последние годы, несмотря на некоторое улучшение материального положения, опросы общественного мнения фиксируют ухудшение социально-психологического состояния большинства россиян и рост общего уровня недовольства жизнью, обусловленные резкой социальной дифференциацией и нарастанием социального неравенства. Отмечается усталость населения от перманентного ожидания реальных шагов правящей элиты в направлении решения задач развития производственной и социальной сфер, сдерживания инфляции, повышения уровня и качества жизни, сокращения избыточной дифференциации населения по доходам и уровню потребления жизненных благ. Российское общество всё острее реагирует на две главные проблемы – невысокую эффективность государственной власти и разросшуюся коррупцию. Реакция властей на общественное мнение постоянно запаздывает. Например, в общественном мнении крайне негативно оценивались в качестве руководителей министерств такие персоналии,

как М.Ю. Зурабов, Т.А. Голикова, А.А. Фурсенко, А.Э. Сердюков. Но на общественные настроения не было своевременной реакции. Это, кстати, стало одной из причин потери 12 млн голосов избирателей партией «Единая Россия» в декабре 2011 года. Люди недовольны тем, что решение многих острых проблем декларируется, но не сопровождается конкретными системными действиями властей, понятными большинству населения.

Существует ряд проблем, скорейшее решение которых будет способствовать дальнейшему развитию гражданского общества:

- снижение занятости населения в реальном секторе экономики;
- отсутствие развитой и разветвленной системы участия народа в государственном управлении и системы местного самоуправления, способной брать под свой контроль регулирующие функции государства, снижать степень его вмешательства в частные дела;
- нет подчинения всех форм общественной жизни закону, неспособность правосудия противостоять властно-административной системе;
- не достигнуто реальное взаимодействие в системе «общество – власть – бизнес»;
- пренебрежение элитой юридической базой, гарантирующей свободу общественных средств массовой информации, право общественного контроля за законодательной и исполнительной властью.

Подводя итог, по существу рассмотренных вопросов можно сделать следующие выводы.

В настоящий момент в России не используются в полном объеме возможности гражданского общества, являющегося важнейшим средством повышения эффективности государственного управления, обеспечения стабильного экономического роста при постоянном повышении уровня жизни большинства населения страны. Гражданское общество в нашей стране находится на одном из начальных этапов развития, и хотя его становление в России имеет свою специфику, но в целом развивается в направлении, по которому прошли многие страны Запада. На процесс формирования гражданского общества в значительной степени влияли политические процессы в России, происходившие в течение прошедших полутора веков и продолжающиеся по сегодняшний день. В становлении гражданского общества в России выделяются пять основных этапов, каждому из которых присущи свои особенности внутривластной обстановки как ключевого фактора в конкретный исторический период.

Список литературы

1. Вайнштейн Г. Формирование гражданского общества в России // МЭиМО, 1998, № 5; Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность, 2002, № 5; Володин Л.Г. Гражданское общество и модернизация в России // Полис, 2000, № 3. Он же. Гражданское общество: теория, история, современность. М., 1999.
2. Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // МЭиМО, 1991, № 9; Он же: Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии, 1991, № 1; Замбровский Б.Я. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политические науки, 1991, № 6.
3. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1969–1970. Т. 2; Философские основания учения о гражданине. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.
4. Головенько В., Середа Ю. Организации гражданского общества как потенциал формирования политической культуры и процессов социальной мобильности // Мир перемен. 2012. № 1.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. М.: Общественная палата РФ, 2012.
6. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М.: Наука, 1993.
7. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
8. Общественная палата Российской Федерации./ Википедия. Свободная энциклопедия, 2008. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Общественная_палата_Российской_Федерации (дата обращения: 28.09.2013).
9. Панарин А.С. Политология. М., 2004. 365 с.
10. Перегудов С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? // Полис, 1995, № 3; Он же: Гражданское общество как политический феномен // свободная мысль, 1992, № 9; Он же: Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства // Полис, 1998, № 1; Хорос В.Г. Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России? // МЭиМО, 1997, № 5.
11. Платон. Государство // Собр. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3; Аристотель. Никомахова этика. М., 1984. Т. 4. Кн. 6; Политика: [пер. с древнегреч.]. / Аристотель. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

12. Реформы Александра II / Википедия. Свободная энциклопедия, 2010. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Реформы_Александра_II (дата обращения: 22.09.2013).
13. Скалабан И.А. Становление и развитие некоммерческой организации в России: Хрестоматия. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2004; Шведов Г. Гражданское общество в России: заметки практика // Гражданское общество: Экономический и политический подходы: Рабочие материалы. № 2. М.: Московский центр Карнеги, 2005; Радина Н.К. Технологии межкультурного взаимодействия в российском гражданском обществе. Автореф. док. полит, н. Нижний Новгород, 2007.
14. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
15. Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестник московского университета. 2005. Сер. 18. № 4. С. 3.
16. Филатов С.И. Политические и экономические реформы 1985–1991 гг. / Новейшая история, политология, 2009. URL: <http://www.km.ru/referats/D5911F305A9C44A68822D9E5F917B22D#> (дата обращения: 25.09.2013).
17. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законе. М., 1994.
18. Эйдис Т.Е. Основные направления формирования гражданского общества в современной России / Российская империя. История государства российского, 2011. URL: <http://www.rusempire.ru/istoriya-rossiyskoy-imperii/rossiya-na-rubezhe-xix-xx-vekov-ekonomika-i-vnutrennyaya-politika.html> (дата обращения: 23.09.2013).

ПРОБЛЕМА БЕЗОБЪЕКТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И АПОРИЯ ЗЕНОНА О ЛЕТЯЩЕЙ СТРЕЛЕ: ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Двойничников Ю.А.

Пермский государственный национальный исследовательский
университет, г. Пермь, Россия

Обсуждаются различные аспекты объекта правоотношения. Рассматриваются некоторые диалектические парадоксы развития данного явления и проблема существования безобъектных правоотношений. Предметом исследования является взаимосвязь категорий «юридическая ситуация» и «объект правового отношения».

Ключевые слова: *объект правоотношения, юридическая ситуация, социальное действие, апории Зенона, язык права.*

THE PROBLEM OF A LEGAL RELATIONSHIP WITHOUT AN OBJECT AND ZENO'S PARADOX ABOUT FLYING ARROW: THE PARADOXICAL NATURE OF SOCIAL ACTION

Dvoynichnikov Y.A.

Perm State National Research University, Perm, Russia

Various aspects of the object of legal relation are discussed. Some dialectic paradoxes of development of this phenomenon are examines. In addition, the problem of existence of a legal relationship without an object is considered. The subject matter of the present research paper is the co-relation of the categories of legal situation and object of legal relation.

Keywords: *object of legal relation, legal situation, social activity, Zeno's paradoxes, legal language.*

*«Жизнь требует движения»
Аристотель.*

Проблема объекта в теории правоотношения подвергалась плодотворному исследованию многими отечественными учеными, как в советский, так и в современный период развития науки о праве (С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, Б.Л. Лазарев, А.П. Дудин, С.Ф. Кечекьян, Ю.Г. Ткаченко, В.Н. Кудрявцев, О.С. Иоффе, Р.О. Халфина, Ю.К. Толстой и другие). Однако, до настоящего времени все же нет единой убедительной концептуальной оценки места и функционального назначения объекта правоотношения в механизме правового регулирования. Под объектом правоотношения понимают общественные отношения, подлежащие регулированию, предметы материального и духовного мира, действия участников правоотношения и блага, поведение субъектов правоотношения, поведение обязанного лица; допускаются и безобъектные правоотношения. Таким образом, вопрос об объекте правоотношения в юриспруденции пока не имеет однозначного решения. Перспективной для разработки представляется проблема безобъектных правоотношений, с использованием методологии философской науки, вскрытие противоречивого характера изменения объекта. Одним из первых исследователей данной проблематики является В.С. Толстой, который при рассмотрении объекта правоотношения, сформулировал основные требования для доказательства невозможности существования безобъектных правоотношений. По его мнению, необходимо доказать, во-первых, что все правоотношения должны содержать то, что называют их объектом, во-вторых, что он должен непременно присутствовать в составе правоотношения в течение всего периода существования последнего [1, с. 122].

При этом В.С. Толстой утверждает, что если объект правоотношения в определенные промежутки времени отсутствует, а правоотношение сохраняет свою силу, то это будет означать, что данный элемент не является обязательным для правоотношения.

Проведя анализ различных точек зрения, В.С. Толстой приходит к выводу о том, что противоречивость концепции объекта правоотношения обусловлена следующим: при анализе данного феномена не учитывается процесс реализации права, в частности совершение управомоченным и обязанным лицом определенных действий, предписанных правовой нормой. Данные действия можно охарактеризовать через ряд

признаков, прежде всего условий места, времени, способа их совершения. При такой постановке вопроса «сущность попыток отыскать объект правоотношения состоит в том, чтобы из сложного явления, в котором реализуется право или обязанность, выделяют некоторую его часть и называют ее объектом» [1, с. 125]. Такой «частью» могут быть вещи, действия, блага.

Рассматривая правоотношение, как явление постоянно развивающееся, «права и обязанности в котором реализуются, давая тот или иной эффект, для достижения которого они установлены» [1, с. 125], иными словами, признавая **целенаправленное изменение правоотношения во времени**, В.С. Толстой, тем не менее, приходит к выводу об отсутствии во всех правоотношениях объекта. Аргументация его в данном случае заключается в следующем:

Субъективное право есть возможность предприятия, организации, учреждения либо отдельного гражданина вести себя определенным образом. Обязанность – это долженствование, необходимость поведения, предписываемое должное поведение, она также есть возможность некоторого действия, хотя эта возможность существенно отличается от той, которая принадлежит управомоченному лицу. Возможность, в свою очередь, представляет тенденцию в развитии объективной действительности. Нельзя допустить, что права и обязанности как возможности воздействуют на те явления, в которых они реализуются. Предположение это неверно, так как возможность и действительность существуют не одновременно: возможность всегда предшествует действительности.

Заслуживает отдельного внимания и конструктивная критика В.С. Толстого с данных позиций наиболее распространенных теорий «объекта-действия» и «объекта-блага». Независимо от того, насколько широко будет сформулировано понятие блага, которое называют объектом, рассматриваемая концепция противоречит второму исходному тезису – о наличии объекта в течение всего времени существования правоотношения. Например, в отношении, основанном на трудовом договоре или договоре подряда на изготовление конкретной вещи, права и обязанности участников возникают в момент достижения соглашения, но вещь подлежит созданию в будущем. Значит, права и обязанности известный период времени остаются без объекта. Таким образом, концепция, согласно которой объектом являются вещи и другие блага, неизбежно приводит к противоречиям.

Широкое распространение в правовой науке получила концепция, называемая иногда теорией «объекта-действия». Сторонники этой концепции в качестве объекта правоотношения признают поведение обязанного лица.

Доказывая несостоятельность данной теории, В.С. Толстой приводит следующий пример: *«следователь привлекает к участию в расследовании преступления гражданина в качестве специалиста по определенным вопросам. Будущие пояснения специалиста представляют собой объект юридического отношения, возникшего на основе вызова следователя. Если предположить, что гражданин умирает еще до совершения процессуальных действий, в которых он должен был участвовать, то выходит, что правоотношение между ним и следователем прекратилось, так и не обретя своего объекта. Значит, возможно отсутствие объекта, если смотреть на правоотношения и с позиций рассматриваемой концепции»* [1, с. 124]. Концепцию «объекта-действия» видоизменил О.С. Иоффе; развивая свою точку зрения, он писал. «На юридический объект (поведение обязанных лиц) правоотношение воздействует непосредственно. На вещи (материальный объект) правоотношение может воздействовать не непосредственно, а лишь через поведение его участников» [2, с. 50]. Но и в таком усовершенствованном виде концепция не позволяет избежать выводов о безобъектных правоотношениях. Так в соответствии с ч. 2 ст. 66 АПК РФ, арбитражный суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного судебного акта до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом [3]. Согласно изложенной концепции, здесь юридическим объектом выступает поведение лица, участвующего в деле, материальным – результат его действия – представление дополнительных доказательств. До определенного момента нет ни поведения лица, ни результата его усилий, хотя правоотношение возникает со времени получения определения арбитражного суда. Но как только необходимые действия совершены и доказательства представлены в арбитраж, прекращается само правоотношение. Таким образом, оказывается, что правоотношение и его объекты существуют не в одно и то же время.

Подводя итог рассуждений на данную тему, следует отметить, что при разработке отдельных правовых норм, регулирующих конкрет-

ный вид отношений, недостаточно констатировать наличие у сторон прав, обязанностей и предмета их будущих действий. Важно также выяснить, достаточны ли условия для того, чтобы права и обязанности сторон осуществлялись. Теория правоотношений при таком подходе нуждается в таком определении объекта правоотношения, которое не только смогло бы отразить **взаимопроникновение в объекте фактических и юридических начал**, но и показало бы **связь объекта и действий сторон**.

Возвращаясь к первому критерию доказательства наличия объекта в любом правоотношении, представляется продуктивным для анализа представить объект правоотношения как **юридическую ситуацию**. Под юридической ситуацией современной правовой наукой понимается стихийно сложившаяся в определенных условиях места и времени, целостная, стабильная совокупность обстоятельств, которая подлежит определенному правовому разрешению, носит предположительный характер, характеризуется повторяемостью и конфликтностью [4, с. 7].

Представляется, что юридическая ситуация является разновидностью социальной ситуации, соответственно, обладает и свойствами, присущими последней: она отражает внешние по отношению к чему-либо условия места и времени, а также сами явления, оказывающиеся в этих условиях; возникает стихийно; максимально конкретна, уникальна; обуславливает поведение оказавшегося в определенных условиях субъекта; предполагает оценку сложившихся обстоятельств.

Разрешение юридической ситуации правовыми средствами является целью деятельности участников правоотношения, смыслом их действий. При этом, правовую ситуацию также не следует рассматривать только как «эффект», «результат», конечное состояние развития правоотношения. Возникновению правоотношения также соответствуют определенные условия места, времени, определенное состояние объекта правоотношения, его правовой режим.

Не забывая о том, что правоотношение – явление динамическое, остается только представить, как возможно его развитие. Здесь мы сталкиваемся со вторым критерием, указанным В.С. Толстым. Очевидно, что при тождестве юридической ситуации и объекта правоотношения, с точки зрения права, должного поведения, мы можем описать объект правоотношения, только в привязке к юридическим фактам. Иными словами, при конструировании в нормах права модели правоотноше-

ния для разрешения юридической ситуации, мы описываем статичное состояние правоотношения – точку движения.

Развитие правоотношения и его объекта при этом представляется как движение от одного юридического факта к другому, изменение юридической ситуации от одного статичного состояния к другому. Однако как тогда возможно само социальное действие урегулированное нормами права? Как можно статичными формами воздействовать на постоянно меняющееся содержание правоотношения – деятельность субъектов? Природа данного парадокса аналогична другому известному логическому противоречию.

Апория «Стрела», как один из четырёх аргументов, призванных проиллюстрировать противоречивый характер движения, была сформулирована Зеноном Элейским, и в последующем изложена Аристотелем в «Физике» следующим образом: *Третий [аргумент], упомянутый ныне, [гласит], что летящая стрела неподвижна. [Этот вывод] вытекает из предположения, что время слагается из [отдельных] «теперь»* [Аристотель, «Физика» Z, 9, 239b, 30–32].

На первый взгляд, исследование данного высказывания как научной проблемы возможно в рамках философии, логики или физики и не должно входить в предмет наук об обществе. Вместе с тем, при рассмотрении движения как способа существования материи, важнейшего ее атрибута, как изменение вообще [5, с. 367], указанная проблематика находит свое преломление и в теории правоотношений. Обобщив парадокс «Стрела» как парадокс изменения, представим его в следующем виде: изменяющийся объект имеет и в то же самое время не имеет определенный признак, существует и не существует (для стадий возникновения и прекращения правоотношения).

По нашему мнению, сложность решения парадокса «Стрела», как и других парадоксов изменения, заключается, прежде всего, в том, чтобы показать как они получаются. В нашей ситуации мы рассматриваем переход из одного статичного состояния в другое – переходное состояние. В каждой стадии развития правоотношения право не фиксирует объект, как область объективной реальности, во всей ее полноте, делая акцент на отдельных элементах – действиях, вещах, самих субъектах, отношениях между ними – описывает статичные состояния применительно к юридическим фактам и фактическим составам, в этом отношении **язык права дискретен.**

Вместе с тем, для описания переходного состояния не годятся оба высказывания, описывающие статичные состояния изменяющегося объекта. Язык права, норм права – это язык классической бинарной логики. Причина рассматриваемого парадокса, как убедительно было доказано А.А. Зиновьевым – использование правил классической логики (правил для двух возможностей), в ситуации, которая предполагает неопределенность и две формы отрицания, то есть неклассическую логику (правила имеющие силу для трех возможностей) [6, с. 225]. Проблема современной трактовки объекта правоотношения, на наш взгляд, заключается в начальных посылах – детерминированности юридических фактов по отношению друг к другу. Полагаем, что **переход из одной стадии развития юридической ситуации в другую всегда предусматривает неопределенность**. Последующее состояние отрицает предыдущее, однако существует альтернатива отклонения от нормы, выбор вариантов поведения для диспозитивного предписания в каждый момент времени, реализация различных стратегий поведения. Переход от одной стадии правоотношения к другой предусматривает бесконечный простор для творческой активности субъектов. Динамика правоотношения в таком случае представляется следующим образом «состояние-действие-состояние». Взаимно корреспондирующие субъективные права и обязанности (как сочетание возможностей) также переходят в свои противоположности через деятельность субъектов правоотношения («право – действие-обязанность» и наоборот). При таком подходе к рассмотрению динамики правоотношения исключается наличие безобъектных правоотношений, а монистическая и плюралистическая концепции объекта правоотношения выступают частными случаями ситуационной модели объекта **конкретных** правоотношений.

Список литературы

1. Толстой В.С. Реализация правоотношения и концепция объекта / Советское государство и право. 1974, № 1.
2. Очерки по гражданскому праву. Л., 1957.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (принят ГД ФС РФ 14.06.2002) – редакция от 01.08.2013.
4. Шипунов И.В. Юридическая ситуация как общетеоретическая категория. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Омск, 2009.
5. Советский энциклопедический словарь. 2-е издание, М., 1982.
6. Зиновьев А.А. Логика науки. М., Мысль, 1971.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА КАК АКТОРА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Каминченко Д.И.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается изменение роли государства в современной политике. Автор группирует мнения различных ученых по данной проблеме. Для достижения поставленных в исследовании целей автор использует ряд факторов.

Ключевые слова: *государство, мировая политика, финансовые потоки, информация, легитимность, гражданство, актор.*

THE SHIFT OF THE STATE ROLE AS AN ACTOR OF WORLD POLITICS

Kaminchenko D.I.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russia

The shift of the state role in modern politics is considered in the article. The author classifies different scholars' views on this issue. The author uses a range of factors in order to achieve the goals in this research.

Keywords: *state, world politics, financial flows, information, legitimacy, nationality, actor.*

Огромное количество научных работ посвящены различным аспектам функционирования государства и государственных институтов. Вместе с тем, с каждым годом число подобных текстов становится ещё больше. Это говорит о неугасающей актуальности вопросов, связанных с развитием государства и национальных институтов. Несмотря на активную деятельность других акторов (ТНК, НКО и других) государство по-прежнему остается важнейшим игроком на мировой политической арене. Однако очевидно и то, что его роль и функциональные возмож-

ности претерпевают определенные изменения в связи с различными факторами (например, бурным развитием информационно-коммуникационных технологий). Необходимо рассмотреть ряд связанных с деятельностью современных государств аспектов, которые характеризуют изменение роли государства как актора мировой политики.

В мировой политической мысли роль государства в современном политическом процессе видится по-разному. Целесообразно выделить как минимум три группы мнений, хотя, очевидно, что подобное подразделение весьма условно и не может отражать всего многочисленного спектра позиций по поводу роли современных государств в политическом процессе.

В первую группу следует отнести тех, кто полагает, что государство, несмотря на происходящие в мире глобализационные процессы, сохраняет свои функции и роль, играемую в мировой политике. Так, известный специалист в области информационного общества М. Кастельс отмечает, что государства, пока они существуют, сохраняют за собой способность осуществлять насилие для защиты своих интересов [4, с. 190].

Помимо мнений о сохранении современными государствами своих базовых функций, несмотря на различные общемировые интеграционные процессы, встречаются и другие позиции в научной среде. Так, существует точка зрения о том, что в связи с процессами глобализации и интеграции изменяется и роль национальных государств, однако таким образом, что это не создает для самих государств серьезных проблем. Иными словами, происходят такие гармоничные изменения в существующих в рамках современных государств институтах, которые не нарушают деятельности данных институтов. Следовательно, государства, претерпевая некоторые изменения, одновременно и сохраняют имеющиеся в их рамках институты. Примером подобного явления, по мнению известного политолога М. Леонарда, можно считать Европейский Союз. Он пишет: «Интегрированная Европа смогла войти в жизнь европейцев без особых проблем, благодаря проникновению в существующую структуру национальной жизни, формально не нарушая национальные институты, но внутренне изменяя их» [5, с. 23–24].

В третью группу следует отнести тех, кто убежден в том, что государство в последние годы утратило контроль за различными процессами, которые до того находились под его контролем. Дж. Нейсбит утверждает, что влияние национальных правительств (и государств) сокращается в связи с развитием глобальных коммуникаций и процес-

сов приватизации. Причем, по мнению ученого, занятые в финансовой сфере люди понимают, что их деятельность осуществляется в финансовых зонах и не зависит от соображений национального суверенитета [6, с. 181]. Д.Г. Балувев полагает, что в современной мировой политике ослабевают внутренний суверенитет государств по все большему спектру политических направлений [1, с. 161]. Таким образом, представители данной группы мнений считают, что происходит утрата современным государством контроля за финансовыми, информационными, технологическими и иными потоками.

Одним из наиболее часто используемых факторов при изучении государства является монополия на легитимное организованное насилие. Сохраняют ли данную монополию современные государства? Ряд эмпирических данных показывают, что государство утрачивает право на исключительную монополию в использовании организованного и легитимного насилия. Отмеченный фактор (монопольное право на применение организованного насилия) и его изменение в современном мире дают основания утверждать об изменении роли государства в целом.

Ещё один фактор, который следует отметить при изучении роли государства в мировой политике, – это контроль над финансовыми потоками. Использование пластиковых карт для оплаты покупок за рубежом, хранение средств граждан в иностранных банках и другие подобные явления ослабляют возможности для государственного контроля над финансовыми потоками. Более того, рост электронной торговли (когда гражданин одного государства, например, может, зайдя в Интернет, приобрести интересующий его товар в Интернет-магазине, зарегистрированном в другом государстве и расплатиться, например, пластиковой картой) также во многом способствует ослаблению роли государства в сфере контроля над финансовыми потоками. Итак, такие процессы, как рост электронной торговли, способствуют ослаблению роли современного государства в сфере контроля над финансовыми потоками.

Помимо контроля над финансовыми потоками для любого государства, демократического или авторитарного, важен контроль и за циркуляцией информационных потоков. В эпоху стремительного развития глобальных коммуникаций посредством Интернет-технологий и приложений, «новых» СМИ (описанных автором в ряде работ [2], [3]) происходит изменение роли государства в сфере контроля над информационными ресурсами. Так, для получения доступа (в целях контроля, обеспе-

чения общественной безопасности и т.д.) к информационным потокам, циркулирующим в Интернете посредством ряда популярных программ, государству требуется предоставление подобного доступа со стороны разработчиков и владельцев данных программ. Последние, в свою очередь, далеко не всегда готовы такой доступ предоставить. Иными словами, государство, стремящееся (например, в целях обеспечения безопасности) отследить переговоры тех или иных своих граждан (проводимых посредством тех или иных мобильных программ, зарегистрированных в других государствах), не могут получить доступ к самим переговорам.

При рассмотрении роли государства в мировой политике целесообразно отметить и изменение концепции гражданства. Стоит заметить, в условиях глобализационных процессов, происходящих в мире, целесообразно утверждать о гражданстве, как о правовой связи между индивидом, государством и наднациональными и международными институтами. Таким образом, помимо традиционной двусторонней модели гражданства в рамках национального государства (где стороны – это индивид и национальное государство, соответственно) в современном мире возникает многосторонняя модель нового глобального, космополитического гражданства (где сторонами уже могут быть индивид, государство, наднациональные и международные институты и т.д.). Например, Европейский союз включает в себя два законодательных органа власти: Совет Евросоюза (в него входят министры национальных правительств) и Европарламент (его члены избираются на общеевропейских выборах). Следовательно, вполне допустимо утверждение о том, что гражданство Евросоюза подразумевает наличие правовой связи между индивидом, национальным государством и наднациональным институтом. Таким образом, следует резюмировать, что в современном мире происходит изменение концепции гражданства, и как следствие, – меняется и роль государства в рамках новой концепции гражданства.

Итак, существуют весомые основания утверждать об изменении роли современного государства как актора мировой политики. Подобное утверждение может быть подтверждено рядом факторов. У современного государства становится все меньше рычагов для осуществления контроля над финансовыми и информационными потоками. Это вызвано во многом стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и основанных на них глобальных коммуникаций. Возникают проблемы с поддержанием исключительной государственной монополии

на применение организованного легитимного насилия. Данный фактор объясняется, в том числе и активным развитием и укреплением ТНК, использующих собственные силы безопасности для охраны своих интересов по всему миру. Изменение концепции гражданства, обусловленное, например, укреплением наднациональных и международных институтов, также влияет и на изменение роли государства как одного из участников устойчивой правовой связи, имеющей место в гражданстве как таковом. В случаях с контролем над информационными и финансовыми потоками вполне целесообразным выглядит утверждение об ослаблении роли государства. Это подтверждается рядом эмпирических свидетельств, когда государству так или иначе не хватало рычагов воздействия для осуществления подобного контроля. В случае с монополией на применение организованного легитимного насилия следует признать, что ряд государств уже столкнулись с ситуацией, когда происходит размыв подобной монополии, когда данная монополия теряет характер исключительной. Касательно новой концепции гражданства необходимо заметить, что государство является уже отнюдь не единственным субъектом, с которым индивид находится в правовой связи в рамках гражданства.

Список литературы

1. Балувев Д.Г. Меняющаяся роль государства в контексте современных глобальных изменений // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2003. № 1. С. 160–175.
2. Каминченко Д.И., Балувев Д.Г. Фактор новых средств массовой информации в формировании современного политического индивида // Современные исследования социальных проблем, 2012. № 1 (09). С. 266–269.
3. Каминченко Д.И. «Новые» масс-медиа: из виртуальной реальности в социально-политическую действительность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4 (24). URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/420135/pdf_56 (дата обращения: 10.09.13).
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
5. Леонард М. XXI век – век Европы. М.: АСТ: Москва: Хранитель, 2006. 250 с.
6. Нейсбит Д. Старт! Или Настраиваем ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 286 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

Кнурова В.А.

Астраханский госуниверситет, г. Астрахань, Россия

В статье рассматриваются актуальные направления изучения президентского лидерства в России и США на современном этапе. Автором проводится сравнительный анализ тематики российских и американских исследований. В результате проведенного сравнения, выделены сходства и различия в подходах и специфике изучения президентского лидерства учеными двух стран.

Ключевые слова: президентское лидерство, стиль, типология, глава государства, риторика, Конституция, демократия.

THE CURRENT ISSUES OF POLITICAL LEADERSHIP RESEARCH IN RUSSIAN AND AMERICAN SCIENCE

Knurova V.A.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

The article deals with the current directions of research of the presidential leadership in Russia and the USA at the present stage. The author carries out the comparative analysis of the Russian and American studies thematic. In the result of the research the author distinguishes the similarities and differences in the approaches and specificity of studying the presidential leadership by scholars from different countries.

Keywords: presidential leadership, style, typology, head of the state, rhetoric, Constitution, democracy.

В неоднородной и постоянно меняющейся среде политического лидерства президентское лидерство занимает, безусловно, особое место.

Это обусловлено не только специфическим, первенствующим положением, которое занимает, согласно своей должности, президент относительно других политических акторов, не только его определяющей ролью в политическом процессе и той ответственностью, которую эта роль неизбежно на него налагает, но и тем, что президент, как политический лидер, является, с одной стороны, своеобразной квинтэссенцией явления политического лидерства в конкретно взятой стране на конкретном этапе ее исторического развития, а с другой, выступает в качестве главного ориентира для всех остальных участников политического процесса. Этим и обусловлен, на наш взгляд, постоянный и неугасающий с течением времени интерес к изучению данного явления.

Учитывая давнюю историю, которую имеет институт президентства в США, вполне закономерным следует считать богатый опыт, накопленный американскими учеными в этой области. Изучение президентского политического лидерства в отечественной политологии все еще пребывает в стадии своего становления, однако, связано это не с каким-то концептуальным отставанием, а всего лишь с тем, что институт президентства возник в нашей стране значительно позднее, по историческим меркам совсем недавно. Тем не менее, исследования в этом направлении ведутся в российской политической науке весьма активно.

В свете вышеизложенного представляется актуальным рассмотрение проблем, стоящих перед специалистами в области президентского политического лидерства двух стран на современном этапе, объектом исследования выступают основные направления изучения президентского лидерства в России и Америке, в статье проводится их сравнительный анализ.

Следует признать основополагающую роль американской политико-психологической мысли в области разработки типологии стилей президентского лидерства. Классической стала неоднократно переиздававшаяся работа Д. Барбера «Президентский характер», в которой он проводит анализ личности американских президентов с помощью двух шкал: активность – пассивность деятельности и позитивное – негативное отношение к своей роли, в результате чего выделяет 4 принципиально различных стиля лидерства: активно-позитивный, активно-негативный, пассивно-позитивный, пассивно-негативный [8]. Дж.М. Бернс предложил выделить следующие стили президентского лидерства:

«невмешивающийся», «координационный» и «реформаторский» [10]. Перечень данных типологий можно легко продолжить, однако, необходимо отметить, что в связи со значительным количеством накопленных в американской науке классификаций политического (в том числе, президентского) лидерства, разработка этого направления носит на сегодняшний день, скорее уточняющий характер.

Иначе обстоит дело в России. Отечественная политология находится в поиске наиболее полных и точных типологий для описания российского президентского лидерства и для этого поиска характерны, по нашему мнению, следующие особенности. Во-первых, ярко выраженная ориентация на американский исследовательский опыт и стремление перенести его теоретические разработки на отечественную почву, подчас, без всяких поправок и изменений. Во-вторых, задача разработки российской типологии президентского лидерства серьезно осложняется молодостью самого института президентской власти, а, следовательно, не вполне достаточным для обширного исследования количеством имеющегося материала.

Тем не менее, ряд подходов к изучаемой проблеме российскими учеными предложен. Например, В.А. Зорин считает, что формирование теоретических моделей лидерства отечественных президентов должно быть основано на выявлении наиболее значимых аспектов их деятельности на посту главы государства и делает попытку рамочной характеристики этих моделей с использованием политико-психологического инструментария. За основу своей классификации он берет типологию политических лидеров, предложенную Г.Д. Лассуэллом в работе «Психопатология и политика»: агитатор, администратор и теоретик [17]. Б.Н. Ельцин, таким образом, подпадает под тип агитатора, В.В. Путин – администратора, а Д.А. Медведев, соответственно, теоретика [1, с. 80, 82–84].

Молодым, но весьма перспективным представляется изучение деятельности руководителей государства после пика их политической карьеры. Несмотря на новизну такого феномена, как экс-президентство на всем постсоветском пространстве, рассмотрение особенностей деятельности бывших национальных лидеров позволяет более полно проанализировать явление президентского лидерства как такового, а также значительно расширить сложившиеся представления о направлениях возможной трансформации политических систем. Необходи-

мо отметить, что и здесь отечественные исследователи опираются на опыт американских коллег. В частности, за основу берутся теоретические разработки Дж. Чемберса, предложившего типологию моделей экс-президентства на примере США [12, р. 117–119]. Российские ученые И.В. Самаркина и С.Д. Дмитрук проецируют на общественно-политическую сферу следующие типы карьерных вариантов: «трамплин», «лестница», «змея», «перепутье», иллюстрируя их с помощью фигур бывших глав государств СНГ [6, с. 153–156].

Принимая во внимание неуклонно усиливающуюся роль информационных технологий во всех сферах современной жизни, необходимо подчеркнуть ее возрастающее влияние и на осуществление президентского лидерства. И здесь, на наш взгляд, имеет большое значение не только информационное сопровождение самого президентского лидерства, но и та роль, которую конкретный президент отводит регулированию процессов информатизации в стране, поскольку от этого напрямую зависит эффективность государственного управления, взаимодействие общества и власти, а также представление, которое складывается о самом национальном лидере у его непосредственных избирателей [4, с. 57–58].

Приобретает популярность в отечественной политологии институциональный подход к изучению президентского лидерства. В частности, И.И. Кузнецов сравнивает влияние формальных и неформальных условий на развитие института главы государства в России. Среди первых выделяются нормы, зафиксированные в Конституции РФ и ряде федеральных законов, среди вторых – практика неформальных совещаний. Особую роль в процессе усиления политического доминирования главы государства играет, по мнению автора, Администрация президента.

Политико-психологический анализ личностей трех российских президентов с опорой на биографические материалы, тексты публичных выступления, зафиксированный стиль межличностных отношений и ряд других факторов, был проведен И.Э. Стрельцом. Данное исследование доказало, с точки зрения ученого, что специфические личностные особенности каждого российского президента в значительной степени влияют на исполнение функций главы государства. Предстоит получить дальнейшее развитие и гендерным исследованиям отечественного политического лидерства (О.Г. Овчарова) [3, с. 57–68].

Президент в силу занимаемого им положения представляется одним из главных символом страны и, одновременно, тем человеком, с которым в первую очередь связываются общественные представления о ее положении в мире, величии. Как показывают результаты проведенных исследований, данная точка зрения характерна не только для рядовых граждан, но и для российской политической элиты [2, с. 112]. Учитывая развитие многочисленных центров по опросам общественного мнения и достаточно высокую интегрированность этих опросов в общественную и научную жизнь страны, для президента, как национального политического лидера, остается все меньше возможностей игнорировать мнение собственного народа, выражаемое по тому или иному актуальному поводу [5, с. 76–79]. Широкое распространение получили также рейтинговые исследования президентского лидерства (например, в публикациях журнала «Вестник общественного мнения»). Острые споры вызывает определение сущности современной российской демократии: «суверенная», «управляемая», «фасадная», «регулируемая», «неполная» и пр. В связи с подобными разночтениями разнится и понимание сущности президентского лидерства в нашей стране.

Касаясь проблем, стоящих на сегодняшний день перед американскими исследователями президентского лидерства, можно отметить, что по-прежнему актуальной темой остается изучение президентской риторики. М.Стаки фокусируется на анализе выступлений последних 9 американских президентов, выделяя те понятия, которые можно назвать ключевыми для риторики каждого главы государства. Кроме того, в ее работе ставится вопрос о реакции аудитории на выступления президента и о том, какие типы заявлений аудиторией принимаются, а какие игнорируются [22].

Т.Петерсон посвящает свое исследование такому специфическому аспекту риторической активности, как экология. Это одна из первых систематических попыток объединить в рамках одной работы две актуальные области: президентскую риторику и экологические дебаты. Автор проводит сравнительный анализ экологической повестки дня различных американских президентов, а также эффективности проводимой ими в этом направлении политики [19].

Анализируются риторические конструкты отдельно взятых президентов, а также характер и степень использования ими опыта своих непосредственных предшественников [9, р. 124]. Отмечается, что гло-

бальной президентской риторике, в отличие от рутинной, повседневной в литературе уделяется куда больше внимания. В частности, Дж.Скас-со ставит вопрос о необходимости детального изучения еженедельных президентских обращений. Автор отмечает, что, несмотря на большее признание других риторических жанров, еженедельные обращения поддерживают институт президентства [20, р. 66].

По мнению Б. Аккермана, для специалистов в области президентства и электоральной политики принципиально важным является не только понимание модели конституционного развития Америки, но и историческая ретроспектива этого процесса с возможностью его дальнейшего переосмысления [7]. В целом, такое направление изучения президентского лидерства как историческое можно, пожалуй, назвать распространенным в современной американской науке. Проблемы дня сегодняшнего заставляют исследователей обращаться к прошлому, чтобы обнаружить в нем предпосылки нынешних угроз и пути их устранения. Например, Э. Сполдинг обращается к опыту Г.Трумэна как образцового архитектора политики сдерживания времен «холодной войны», «положившего свою веру в свободу и демократию, в также религиозную веру, в центр своей внешней политики» [21, р. 8].

Востребованы исследования, посвященные рассмотрению итогов конкретных президентских кампаний. Так, в работе Р. Дентона и Дж. Ленхема предлагается лучше понять процесс общения в ходе предвыборной гонки и особенности национального диалога в ходе национальных выборов. Авторы анализируют используемые кандидатами в президенты коммуникационные стратегии, оценивая их результативность, изучают партийные съезды в их связи с успешным политическим лидерством кандидатов в президенты. Обращено внимание и на мобилизацию голосов конкретных групп избирателей, например, женщин. Значительное место отведено продвижению кандидатов с помощью новых технологий интернета и обсуждению их влияния на теорию и практику политических коммуникаций [13].

Принципиально важными для понимания и трактовки президентского лидерства представляются исследования взглядов самих президентов по этому вопросу: определение ими сути политического лидерства, уровня его активности или пассивности, способов принятия решений, роли в этом процессе убеждения, способности пойти на компромисс и т.д. Как пишет Д. Карпенгер «несмотря на обилие работ, посвященных

лидерству американских президентов, мало внимания уделяется тому, что сами президенты говорят о лидерстве» [11, p. 252].

В 2000-е годы, после террористических актов 9 сентября 2001 г. и кардинальных изменений, произошедших в политике администрации президента Дж.Буша-младшего в связи с этими событиями, одной из самых актуальных проблем для американской политологии в целом и для специалистов по президентскому лидерству в частности стал вопрос о характере и объеме полномочий президента, законности расширения этих полномочий и границах допустимого, очерченных Конституцией страны.

16 декабря 2005 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила, что после атаки террористов 11 сентября президент Д. Буш тайно разрешил Агентству национальной безопасности без наличия судебных санкций прослушивать телефонные разговоры американцев, а также просматривать их электронную почту. 17 декабря в своем радиообращении Д. Буш признал этот факт, отметив, что действовал согласно законодательству США и Конституции, преследуя цель выявить международные контакты людей, связанных с террористическими организациями. На пресс-конференции 19 декабря глава государства заявил, что как президент и главнокомандующий он имеет «конституционную ответственность и конституционные полномочия по защите страны», сославшись на 2 статью Конституции [15, p. 17–18].

Обсуждая президентские полномочия в сфере внешней разведки, Б. Фейн констатирует, «что история бесконтрольной власти – это история тирании, что просвещенные президенты не жаждут абсолютной власти» и что истинное правительство должно быть правительством закона [14, p. 35]. Н. Кинкофф, анализируя объем президентских полномочий, также предостерегает от установления неограниченной власти, не согласующейся с конституционной структурой [16, p. 37].

Ж. Лобель пишет, что война с терроризмом, на которую нередко списываются антиконституционные и антиправовые действия исполнительной власти – «это новый вид войны, который, скорее всего, затянется на долгие годы, десятилетия и поколения. В этом конфликте традиционные границы, отделяющие войну от мира, гражданских от военных размыты, порой, до неузнаваемости, что приводит к повышению вероятности военных ошибок... В этих условиях необходимость судебного разбирательства больше, чем в прошлых войнах» [18, p. 64].

Исследование президентского лидерства в России и США характеризуется, таким образом, наличием большого количества тематических совпадений. Учитывая давнюю историю изучения данного феномена американскими учеными и относительно недавнее обращение к ней отечественных специалистов, нельзя не признать, что российская политология пребывает, во многом, в фарватере американской мысли, однако, отечественные исследователи находятся в состоянии активного поиска собственных подходов и концепций.

Одной из самых болевых точек пересечения российских и американских исследований является проблема осуществления президентского лидерства в строгих демократических рамках. Если при характеристике нашей страны часто упоминают о не до конца сформированной, недостаточно развитой, не вполне прижившейся демократии, то США, где демократические традиции имеют очень глубокие корни, не первый год сталкивается с проблемой отхода от, казалось бы, устоявшихся и твердых демократических норм. Вследствие этого для обеих наших страна так актуален вопрос демократического президентского лидерства.

Опыт глубоких и многосторонних исследований в области президентского лидерства, накопленный американской наукой, безусловно, должен использоваться российскими политологами. Однако, при типологизации российского президентского лидерства, осмыслении его сущностных начал и наиболее вероятных перспектив развития, на наш взгляд, не менее важно обращаться к собственной истории, гораздо более богатой и, что принципиально важно, более близкой по духу и ментальности изучаемому явлению. У отечественного политического лидерства, имевшего в прошлые века иные формы и названия, глубокие исторические традиции и ярко выраженный национальных колорит. И в этом смысле анализ деятельности правителей прошлого, их лидерских характеров, стилей, достижений и просчетов может дать не меньше, чем все теоретическое и практическое наследие американского президентского лидерства. Речь в данном случае идет не о внешних атрибутах и современных механизмах функционирования лидерства, которые, безусловно, могут быть весьма схожи у президентов разных стран, но о глубинных его основаниях: психологии восприятия национального лидера, специфике народного выбора, степени доверия, лидерских стереотипах.

Список литературы

1. Зорин В.А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 77–89.
2. Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 107–121.
3. Политическое лидерство и проблемы личности. Круглый стол кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ и журнала «Полис» // Полис. 2011. № 2 С. 53–69.
4. Рябцева Е.Е. Информационно-коммуникативные технологии в политико-правовом поле Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 1. С. 57–62.
5. Рябцева Е.Е. Понятие, признаки и статус России как «великой державы» в общественном мнении россиян // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 76–79.
6. Самаркина И.В., Дмитрук С.Д. Руководители государств после пика политической карьеры: факторы и профессиональные траектории // Полис. 2011. № 1. С. 153–164.
7. Ackerman B. The Failure of the Founding Fathers: Jefferson, Marshall, and the Rise of Presidential Democracy. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 384 p.
8. Barger J.D. Presidential Character: Predicting Performance in the White House. Englewood: Prentice Hall, 1972. 479 p.
9. Brown L.M. The Contemporary Presidency: The Greats and the Great Debate: President William J. Clinton's Use of Presidential Exemplars // Presidential Studies Quarterly. 2007. Vol. 37. N. 1. P. 124–138.
10. Burns J.M. Leadership. N.Y.: Harper & Row, 1978. 530 p.
11. Carpenter D.M. Presidents of the United States on Leadership // Leadership. 2007. Vol. 3. P. 251–280.
12. Chambers J.W. Beyond the Presidency: The Residues of Power by Marie B. Hecht // Political Science Quarterly. 1977. № 1. Vol. 92. P. 117–119.
13. Denton R.E., Lanham Jr. The 2004 Presidential Campaign: A Communication Perspective. MD: Rowman & Littlefield, 2005. 356 p.
14. Fein B. Presidential Authority to Gather Foreign Intelligence // Presidential Studies Quarterly. 2007. Vol. 37. N. 1. P. 23–36.
15. Fisher L. Invoking Inherent Powers: A Primer // Presidential Studies Quarterly. 2007. Vol. 37. N. 1. P. 1–22.

16. Kinkopf N. Inherent Presidential Power and Constitutional Structure // *Presidential Studies Quarterly*. 2007. Vol. 37. N. 1. P. 37–48.
17. Lasswell H.D. *Psychopathology and Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 358 p.
18. Lobel J. The Commander in Chief and the Courts // *Presidential Studies Quarterly*. 2007. Vol. 37. N. 1. P. 49–65.
19. Peterson T.R. *Green Talk in the White House: The Rhetorical Presidency Encounters Ecology*. Texas: A&M University Press, 2004. 304 p.
20. Scacco J.M. A Weekend Routine: The Functions of The Weekly Presidential Address From Bill Clinton To Barack Obama // *Electronic Media & Politics*. 2011. N. 1. P. 66–88.
21. Spaulding E.E. *The First Cold Warrior: Harry Truman, Containment, and the Remaking of Liberal Internationalism*. Lexington: The University Press of Kentucky, 2006. 314 p.
22. Stuckey M.E. *Defining Americans: The Presidency and National Identity*. Lawrence: University Press of Kansas, 2004. 413 p.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ХАРИЗМА: ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Кнурова В.А.

Астраханский госуниверситет, г. Астрахань, Россия

На основе истории изучения политической харизмы и анализа современного состояния вопроса, в статье рассматривается неоднозначная сущность данного феномена и его противоречивая природа. Объектом исследования выступает харизма политического лидера. Исследовав многочисленные трактовки и сопоставив практикующиеся подходы, автор выдвигает ряд гипотез и предлагает конкретизирующую типологию харизматического лидерства в политике.

Ключевые слова: харизма, лидер, авторитет, характер, последователи, тип, политик.

POLITICAL LEADERSHIP AND CHARISMA: PREHISTORY AND RESEARCH PERSPECTIVES

Knurova V.A.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

On the basis of political charisma research history and the current status of the problem research, the article deals with the complex essence of the given phenomenon and its inconsistent nature. The object of research is the political leader's charisma. Having studied a large body of interpretations and connected practicing approaches, the author makes a number of hypotheses and suggests a concretized typology of charismatic leadership in politics.

Keywords: charisma, leader, authority, character, followers, type, politician.

Одной из самых неоднозначных составляющих феномена политического лидерства до сих пор остается харизма. Окончательно не опре-

делены ее источники, принципы воздействия, законы существования, элементы и даже на вопрос о том, насколько она реальна, нет однозначного ответа. Все это обуславливает неугасающий интерес исследователей к данной проблеме и делает харизму политического лидера объектом все новых исследований.

Значительная часть современных определений данного понятия восходит к формулировке, данной М. Вебером в его работе «Экономика и общество»: «Термин «харизма» будет применяться к определенным индивидуальным качествам личности, в силу которых она считается особенной и воспринимается как наделенная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, исключительными способностями или качествами. Таковые недоступны обычному человеку, их происхождение воспринимается как божественное, а сами они – как образцово-показательные, на основании чего их носитель и рассматривается как лидер» [18, р. 241].

Анализируя природу харизматического лидерства, исследователи уделяли немало внимания условиям и закономерностям ее формирования, характерным признакам, этапам существования, составным компонентам. Рассмотрим их более детально.

Харизма как таковая может формироваться на различных основаниях. Среди них можно выделить: физические данные, специфические особенности внешности, психологические особенности, социальные умения, поведенческие стереотипы. Принципиально важно, что данные характеристики могут стимулировать рост харизмы и способствовать ее дальнейшему укреплению лишь при соблюдении определенных условий: во-первых, данные качества должны быть привлекательны для возможных приверженцев; во-вторых, лидер должен обладать этими качествами (всеми или некоторыми) в объеме, значительно превосходящем сходные характеристики окружающих; в-третьих, сверхъестественность лидера должна иметь определенные пределы, в противном случае, ее носитель будет отвергнут как «чужой» [5, с. 42].

С. Московичи выделяет основные и второстепенные признаки харизмы. К числу первых относится отличие харизматика от окружающих и признание ими его исключительности. Среди второстепенных признаков харизмы он называет: демонстративность своих действий, готовность идти до конца, в которой последователи и сторонники видят

подтверждение искренности убеждений лидера; восприятие харизмы как сверхъестественной власти и уверенность лидера в собственной избранности [8, с. 165–166].

В качестве базовых качеств харизматических лидеров А.М. Гантер назвал «обмен энергией», т.е. способность эмоционально воздействовать на людей, заряжать их своими идеями и «завораживающую внешность»: образ, вызывающий симпатию у масс.

И. Шиффер определил закономерности формирования харизматических лидеров: ими, как правило, становятся люди «со стороны», которых плохо помнят или совсем не знают; харизма должна основываться на каком-то физическом признаке, выделяющем лидера среди других людей; наличие у лидера и его приверженцев твердой веры в «миссию», демонстрация лидером «экстремального максимализма», т.е. готовности добиваться поставленных целей любой ценой; действия лидера должны восприниматься народом как чудеса и великие подвиги; инновационный стиль лидерства [14, с. 364].

А.Р. Вилнер полагал, что харизматическое лидерство напрямую зависит от наличия определенного отношения к лидеру. Так, последователи лидера воспринимают его как своего рода сверхчеловека, безоговорочно ему верят, беспрекословно выполняют его распоряжения, проявляют по отношению к нему повышенную эмоциональную привязанность [19, р. 82].

Т. Гайгер утверждал, что суть харизмы, величия лидера заключается в той значимости, которую ему придает общественное мнение. «Аудитория идет не за великим человеком, она идет к великому человеку» [17, с. 18–19].

Р. Итвел, при типологизации персоналистических лидеров, говорит о существовании харизматического и «иконного» лидерства. Харизматический лидер «обладает чувством миссии... особого предназначения спасти нацию». Его сторонники признают это предназначение и испытывают к такому лидеру высшую степень преклонения. «Иконный лидер» «обладает специальными качествами, необходимыми для лидерства, но при этом не стремится ни к радикальным изменениям, ни к мессианскому положению». Соответственно, и его сторонники не воспринимают его как человека, предназначенного для исполнения великой миссии. В современном мире, как отмечает Р. Итвел, «иконный» тип лидера куда более привычен [6, с. 10, 12–14].

В.И. Кравченко, обобщая многочисленные исследования харизмы, выделяет несколько основополагающих подходов:

1. Религиозный: трактовка харизмы как божественного дара.
2. Социологический: харизма воспринимается как ролевая функция личности.
3. Культурологический: харизматической личности присущи определенные качества и свойства, которые можно выделить.
4. Психологический: харизматик обладает рядом качеств, не укладывающихся в привычное понимание.
5. Историко-философский: анализ харизмы в политике и религии как формах общественного сознания, где она играет роль доминирующего элемента власти [5, с. 42–43].

Широкое распространение среди исследователей получила точка зрения, согласно которой харизматический лидер появляется в период социальной нестабильности, когда традиционные правители не могут справиться с ситуацией и стремительно теряют поддержку [12, с. 27; 13, с. 20]. Получается, что харизматики необходимы только кризисному обществу для радикального решения его проблем [11, с. 19].

К этой позиции примыкает подход, во многом основанный на воззрениях того же М.Вебера, полагавшего, что мировая тенденция развития ведет к господству рационально-легального авторитета с его легальными правилами и законами [1, с. 165]. Так, Г. Алмонд относит приверженность к харизматичному лидерству к доиндустриальной или смешанной политической культуре [9, с. 463]. К.Левенштейн считает, что вера в чудесное и сверхъестественное, на которой основывается харизматическое лидерство, невозможна в современном обществе, построенном на принципах рационального, следовательно, харизма как политическое явление должна быть отнесена к «ранним эпохам» или обществам, продолжающим культивировать иррациональные начала.

Несмотря на то, что большинство политологов сходятся во мнении, что харизматическое лидерство свойственно тоталитарным режимам, это не исключает его появления в демократических обществах. Кроме того, не следует забывать, что сильная власть способна носить как харизматичный, так и демократический характер.

Довольно широко используется понятие харизма и в теориях модернизации (Д. Эптер, И. Валлерстайн) при описании переходного типа правления от традиционной системы к независимому современному

государству. Харизматический лидер в данном случае играет роль катализатора социальных процессов, обладая авторитетом и доверием масс [15, с. 6–7].

Некоторые политологи используют понятие харизматического лидерства применительно к развивающимся странам, отмечая, что оно мешает политической системе развиваться адекватно (А. и Д. Вильнеры, Ж. Лакутюр) [2, с. 118–119]. История XX в. дала массу примеров для переосмысления сути харизматического лидерства (А. Шлезингер писал, что в политической жизни XX века отчетливо прослеживается непостижимая тенденция к господству одного человека), продемонстрировав как культ вождя, лидера становится неотъемлемым компонентом политической культуры того или иного общества [17, с. 15–23].

Еще одним ответвлением той же проблемы представляется вопрос об искусственной харизме: она не может возникнуть в современных условиях по причине усиления бюрократических структур особого типа, которые опасаются выдвижения яркой, самостоятельной личности и стремятся заменить истинное харизматическое лидерство его искусственным двойником (Р. Глассман – «сфабрикованная харизма», Й. Бенсман и М. Гайвант – «псевдохаризма» и т.д.) [15, с. 6]. Возможен также вариант манипулятивного придания конкретному лидеру харизматического ореола, причем, вне зависимости от наличия или отсутствия у него харизматических качеств. Для этого, в частности, может быть использована некая существующая экстраординарная ситуация, требующая отмены обычного порядка и введения чрезвычайных мер. В случае необходимости, подобная ситуация может быть создана искусственно [3, с. 8].

Некоторые авторы пошли еще дальше. Д. Люддеке в нормативно-правовом исследовании политического персонализма «Политология без харизмы» утверждает, что термин «харизма» «представляет собой только простую языковую оболочку сложного феномена» и в качестве личностной политической концепции вряд ли имеет какой-либо серьезный интерпретативно-описательный потенциал. Ансель и Фиш проанализировали тип политического лидерства, названный ими «нехаризматическим персонализмом». Сопоставив данные по немецким, французским и российским партиям, они эмпирически доказали его эффективность. Таким образом, сторонники данного подхода утверждают, что «понятие и теория харизмы в нормативно-критическом

плане не в состоянии доказать преимущества персонализированной политики (ведь с позиции демократии, персонализация политики – это зло)». Кроме того, харизма неотличима от популизма [4, с. 57].

Вместе с тем, другие исследователи полагают, что персонализация (а вместе с ней и харизма) «внутренне присуща современному миру» [7, с. 86]. Бернард Басе называл харизму необходимой составляющей преобразующего лидерства [16, с. 33].

Э. Вилнер утверждал, что фундаментальные изменения под силу людям, способным прочесть «знаки времени» и обнаружить «чувствительные струнки» масс. У. Фридланд считал, что появление харизматичных лидеров – это естественная функция культурной системы, регулирующей процесс выхода на историческую арену сильных личностей. Э. Шилз критикует вывод о невозможности использования понятия харизма для описания рутинной повседневности. Харизма, с его точки зрения, способна как нарушать социальный порядок, так и поддерживать, оберегать его. Э.Шилз предлагает рассматривать не только «интенсивную», «концентрированную» харизму, но и т.н. «ослабленную», «дисперсную». Как обязательную составляющую любого типа господства рассматривают харизму Кл. Гиртц, Ш. Эйзенштадт, У. Мерфи [15, с. 9].

Р. Итвел называет поспешными выводы тех, кто старается продемонстрировать ненаучность термина харизма. Он отмечает, что данное понятие относится к разряду идеальных типов, и что наука понесет несомненный урон, если понятие харизмы будет отброшено. «Задача в том, чтобы изучать данный феномен более систематическим, научным образом» [6, с. 18].

Завершая главу, посвященную авторитету и харизме, С. Московичи в работе «Век толп» констатирует: «Похоже, он (харизматический тип вождя – В.К.) свойственен обществам прошлых веков, а в наше время интерес к нему скорее исторический. Но не видим ли мы, что он сохранился и распространяется, вопреки ожиданиям?» [10, с. 286].

Подводя итоги проведенного анализа, отметим, что принципиальной и пока не получившей разрешения представляется следующая дилемма: что первично – кризис или харизматический лидер? То есть, предшествует ли возникновение кризиса появлению харизматического лидера, способного этот кризис разрешить или же наоборот – появление харизматического лидера провоцирует (бессознательно или по его

воле) возникновение общественно-политического кризиса? Интересно, что если мы принимаем первый вариант развития событий, то в действие вступает ситуационная теория политического лидерства, согласно которой лидер является продуктом конкретной ситуации. Если же мы склоняемся ко второму варианту, в ход идет теория личностных черт и харизматический лидер, стремящийся к власти и максимальной реализации своего потенциала, может способствовать возникновению политического положения, при котором он способен достичь желаемого. В данном случае мы возвращаемся к проблеме роли личности в истории.

Отвечая на вопрос о роли харизматического лидера в современном мире, позволим себе выдвинуть две гипотезы.

Гипотеза первая. Наличие во главе государства сильного, харизматичного, а, следовательно, замыкающего на себя многие политические процессы лидера – свидетельство нестабильности политической системы страны и ее малой институционализации. Политическая система, функционирующая нормально, не нуждается в великих личностях, более того, они мешают системе работать, нарушают ее внутренний баланс. Эффективность государственной структуры достигается не за счет ярких, неординарных персоналий, а за счет сбалансированности и продуманности всех составляющих. Сильные, харизматичные лидеры необходимы стране в период кризисов, когда отлаженная политическая система перестает функционировать в нормальном режиме.

В этом заключается коренное отличие политики от культуры и науки. В духовной сфере харизматический лидер, т.е. гений, порождающий некий культурный или научный взрыв – благо, поскольку он выступает движущей силой, стимулирующей дальнейший прогресс. В политике подобные взрывы – зло, и лидер призван не порождать, а, наоборот, гасить их.

Т.о. сильный лидер – признак неустойчивости, слабости государственной власти, потому что отрегулированная политическая структура действует без сильной личности, попросту не нуждается в ней, будучи рассчитана на совершенно иные составляющие – харизматический лидер, появление которого не может быть предсказано, не входит в их число. Если же системе становится необходим выдающийся политик, значит, она пребывает в кризисе или в преддверии кризиса, значит, она не пополнялась своевременно профессиональными, способными, от-

ветственными работниками, призванными обеспечивать ее нормальное функционирование.

Гипотеза вторая. Политическая борьба заставляет личность быть яркой, запоминающейся, демонстрировать порой железную волю, порой – способность пойти на компромисс, но в любом случае – выделяться как можно отчетливее, чтобы не слиться в глазах избирателей с общей массой других кандидатов. Победа в предвыборной гонке не означает отказа от рельефной демонстрации своих лидерских качеств.

Интерес людей к политике во многом обусловлен интересом к личности политиков, а потому персонализация в политической сфере неизбежна. Даже если она непринята в конкретном обществе и конкретной государственной системе, работающей как отлаженный механизм благодаря взаимодействию многих не претендующих на величие чиновников, харизматическое лидерство может возникнуть и разрушить этот механизм. Появление яркого лидера приковывает внимание и порождает интерес, а значит, люди могут пойти за таким лидером даже в том случае, если политическая система функционирует нормально, пойти ради интереса и разнообразия, потому что истинный харизматик знает, что предложить народу и как увлечь за собой.

Две изложенные гипотезы противоречат друг другу. Согласно первой, харизматическое лидерство не нужно, согласно второй – неизбежно. Возможно ли примирить эти полярные позиции?

Во-первых, они могут описывать различные этапы развития одного и того же общества – период стабильной бюрократии может сменяться периодом политических потрясений, когда ведущую роль играет харизматичный лидер. При таком подходе противоречие между двумя выдвинутыми гипотезами снимается.

Во-вторых, разгадка любого явления всегда в его сути, а потому необходимо ответить на вопрос, как и во имя чего харизматичен харизматичный лидер? Харизматичен он истинно или наигранно, является ли его харизма природной, естественной или же она – продукт деятельности имиджмейкеров и маркетологов? Далее, целесообразно определить, на что или против чего направлена харизма лидера?

Он может быть харизматичен исключительно ради себя, ради достижения своих целей и практической реализации своего личного лидерского потенциала. Такой харизматичный лидер неизбежно становится злом для общества, рано или поздно. Он изначально нацелен не на дру-

гих людей, а только на себя, следовательно, выбирая между общественными, национальными, народными интересами и своими собственными, он будет выбирать собственные интересы. Это эгоистический тип харизматического лидера.

Харизматик может быть харизматичен за систему или против системы. Харизматические лидеры, выступающие за систему, делятся на два принципиально различных типа. Один поддерживает систему как основу своего личного политического благополучия. В отличие от эгоистического харизматического лидера такой лидер согласен думать о системе, даже блюсти ее интересы, чтобы взамен получать дивиденды в виде поддержки. Этот лидер не подчиняет себе систему полностью, как эгоистический тип, но также использует ее в собственных интересах.

Второй тип лидера, выступающего за систему, представлен лидером-альтруистом. Он согласен и способен отказаться от своего харизматического начала, приглушить, затушевать его, если это необходимо в конкретной политической ситуации. Он может играть роль обычного исполнителя, высшего чиновника, выполняющего свои обязанности как всякий другой чиновник в системе. Этот лидер готов принести свои личные харизматические качества в жертву, чтобы не разрушать то, что эффективно и не переделывать то, что хорошо сделано. Но когда возникает необходимость, он снова становится харизматичным.

Харизматики действующие против системы также делятся на два типа. Во-первых, это революционеры, стремящиеся к радикальным, сущностным преобразованиям, призывающие к разрушению существующей политической системы и созданию принципиально новой, ведущие народ на баррикады. Во-вторых, реформаторы, приходящие к власти законным способом и изменяющие систему (подчас не менее радикально) в ходе реформ, а не революций. Сходной чертой для обоих типов является нацеленность на преобразования, главное различие – в способах их проведения.

Как мы видим, харизматический лидер может вести себя двумя разными способами: либо следовать за своей харизмой либо идти против нее. Возможно, второе гораздо сложнее. Усредненного варианта для природного харизматика не существует.

Можно спорить на теоретическом уровне о применимости понятия «харизма» в современном обществе и аспектах его понимания, равно как и о многих других вопросах, лежащих в этой плоскости. Нельзя

отрицать только одного: выдающиеся способности, экстраординарные личностные проявления в политической сфере будут всегда, до тех пор, пока неизменной остается человеческая природа.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Проблемы авторитета в политической философии // Политика. 2005. № 2. С. 161–184.
2. Ашин Г. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 115–126.
3. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (91). С. 8–29.
4. Дирк Л. Политология без харизмы // Политика и личность / Под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. С. 51–61.
5. Евтихов О.В. Харизма лидера: феноменология и особенности формирования // Alma mater. Вестник высшей школы. 2011. № 1. С. 41–45.
6. Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // СоцИс. 2003. № 3. С. 9–19.
7. Кейзеров Н.М. Доктрина персонализации власти // Социологические исследования. 1990. № 3. С. 79–87.
8. Маничев С.А. Мифология в политических технологиях // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С-П Ун-та, 2000. С. 144–190.
9. Марченко М.Н. Политология. Курс лекций. М.: Юристъ, 2003. 683 с.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
11. Ольшанский Д.В. Посттоталитарное сознание и его лидеры // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 17–22.
12. Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С-П Ун-та, 2000. С. 20–57.
13. Туманов С.В., Гаспаришвили А.Т., Митева Л.Д. Политическое харизматическое лидерство в России: мифы и реалии // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 20–29.
14. Тургаев А.С., Хренов А.Е. Политология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. 560 с.

15. Фреик Н.В. Политическая харизма: версии и проблемы // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 3–10.
16. Штукина Т.А. Феномен политического лидерства // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4. С. 23–35.
17. Эннкет Б. Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением. – «Вождь и народ». – Понятие и следствия одного образца политической культуры в условиях диктатуры // Вестник МГУ. 1994. № 5. С. 13–24.
18. Weber M. Economy and society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1470 p.
19. Wilner A.R. Spellbinders: Charismatic Political Leadership. Dresden: Yale University Press, 1984. 212 p.

**ТЕОРИИ И ТИПОЛОГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Кнурова В.А.

Астраханский госуниверситет, г. Астрахань, Россия

В статье затрагивается проблема выработки единых критериев типологизации политического лидерства, а также выявления базовых основ для всего спектра теорий политического лидерства. Объектом исследования выступают теории и типологии политического лидерства. В процессе исследования удалось выявить достижения и недостатки в области теоретических основ политического лидерства. На основе проведенного анализа автором предложены возможные пути решения существующих теоретических несоответствий.

Ключевые слова: политическое лидерство, политический лидер, теория, типология, тип, концепция, критерий, последователи.

**POLITICAL LEADERSHIP THEORIES
AND TYPOLOGIES: COMPARATIVE STUDY**

Knurova V.A.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

The article touches upon the problem of working out standard criteria of political leadership typology and signification of basic foundations for the full spectrum of political leadership theories. The object of research is the political leadership theories and typologies. In the course of research achievements and disadvantages in the area of political leadership theoretical framework were elicited. On the basis of the author's analysis possible ways of existing theoretical contradictions solution were proposed.

Keywords: political leadership, political leader, theory, typology, type, conception, criterion, followers.

Явление политического лидерства многообразно и многолико, однако, уже давно в политологической науке выработаны основополагающие критерии его классификации. Прежде всего, к ним относятся теории и типологии политического лидерства, позволяющие рассмотреть данный феномен с учетом взглядов и подходов крупнейших политологов прошлого и настоящего. Не менее значимой является и предоставляемая подобным подходом возможность сопоставления этих взглядов и точек зрения, их сравнительная характеристика, выявление черт сходства, различия, а также смыслового пересечения.

Вместе с тем до сих пор не решена проблема создания единой системы типологизации политического лидерства и выработки общетеоретических подходов к ее рассмотрению, в связи с чем теории и типологии политического лидерства остаются актуальным объектом современных исследований.

Среди теорий лидерства в качестве основных можно, по нашему мнению, выделить следующие:

1. Теория личностных черт (или теория великих людей): лидером способен стать только человек, обладающий необходимыми для занятия лидирующего положения качествами и чертами характера. При этом разные исследователи предлагают различные наборы этих черт (Р. Каттел, Г. Стайс, Р. Манн и др) [10, с. 358].
2. Поведенческая (бихевиористская) теория: главенствующую роль играют стереотипы восприятия подчиненных и основанная на них характерная манера поведения, отличающая лидера (в этой связи выделяют авторитарный, демократический и либеральный или либерально-попустительский стиль) [5, с. 91–92]. Лидерами, таким образом, не рождаются, а исключительно становятся.
3. Ситуационная (ситуативная) теория: лидерство является непосредственным продуктом определенной ситуации, от которой напрямую зависит и сам лидер и те качества, что от него требуются. В данном случае лидер может рассматриваться как носитель определенной, вызревшей общественной потребности и выразитель наиболее злободневных народных чаяний.
4. Теория конститuentов: лидера создают последователи, поскольку их ожидания и интересы определяют его действия. Стиль политического лидерства и даже степень политической свободы самого лидера диктуются теми нормами, которые существуют в сознании тех, на кого он опирается. С этой теорией сближаются

взгляды Г. Лебона, согласно которым лидеры всегда следуют за массой, но никогда наоборот [11, с. 432].

5. Инвайроменталистская теория: синтез роли личностных черт и влияния социальной среды. Необходимыми для формирования лидерства условиями, согласно этой теории, являются: личностные черты, представления последователей, поведенческие характеристики, а также ситуация, в которой пребывает лидер [10, с. 358].

Существуют многочисленные авторские классификации имеющихся теорий политического лидерства. Например, Э. Хейвуд считает, что все многообразие взглядов на эту проблему можно свести к четырем ключевым теориям, рассматривающим лидерство как личностное качество, социологическое явление, организационный императив, набор политических навыков [11, с. 430].

Если сводить теорию политического лидерства к упрощенному пониманию, можно выделить всего два концептуально-оценочных подхода:

1. Апологетический: политическое лидерство представляет собой эффективный и автономный политический институт и инструментарий (человеческая история творится лидерами).
2. Негативно-критический (теория «банкротства лидеров»): политическое лидерство формально и не способно контролировать общественные процессы [4, с. 131].

Этим теории политического лидерства и подходы к их изучению, безусловно, не ограничиваются, однако, проведенный обзор позволяет сделать ряд сопоставлений.

Во-первых, теории политического лидерства могут быть разделены на однофакторные (личностные черты, поведение, ситуация, последователи) и многофакторные, обобщающие (инвайроменталистская теория).

Во-вторых, ряд теорий построен на противопоставлении друг другу. Например, теория конституентов по своему содержанию является антиподом, антагонистом теории личностных черт. Кроме того, если теория личностных черт подразумевает наличие некоей тайны, окружающей политического гения, как любого гения, а также подчеркивает такую специфическую черту политического лидерства как его единичность, избранность, уникальность, то поведенческая теория способствует распространению взгляда на рассматриваемое явление как на общедоступное.

Проводя параллель с исследованиями по проблеме гениальности (а талант к политической деятельности – точно такой же талант, как,

например, музыкальный или поэтический и подлежит изучению в том же ключе), можно констатировать, что теория личностных черт видит преимущественным истоком лидерства наследственность, то есть то, что заложено в человеке изначально, а поведенческая теория, напротив, подчеркивает роль среды, т.е. приобретенных умений и выработанных навыков, как в ходе воспитания, так и в результате дальнейшего саморазвития личности.

В-третьих, как это ни парадоксально, теория личностных черт служит, на наш взгляд, основанием для построения всех остальных теорий политического лидерства, которые содержат в себе ее идеи. Например, поведение человека строится исходя из его характера, способностей, темперамента и т.п., то есть, его источником являются некие индивидуальные, личностные характеристики. В каждой конкретной ситуации каждый конкретный человек проявляет себя не любым, каким угодно образом, а в соответствии со своими индивидуальными свойствами. И даже теория конституентов, переносящая акцент с личности лидера на массу его последователей, не может отказаться от теории личностных черт, поскольку именно ее она в первую очередь критикует и тем самым неизбежно включает в себя в ходе этого отрицания.

Переходя к освещению типологий политического лидерства, прежде всего, необходимо отметить их почти бесконечное многообразие.

Отправной точкой для многих из них стали идеи немецкого социолога М. Вебера, который, взяв за основу мотивацию людей, готовых признать того или иного человека лидером и следовать за ним, выделил три типа авторитета: традиционный, харизматический и рациональный (рационально-легальный или бюрократический) [8, с. 26].

По классификации Н. Макиавелли и В. Парето среди государственных деятелей существуют:

1. «Львы»: приверженцы силовых действий, предпочитающие решать конфликты военно-политическими средствами.
2. «Лисы»: сторонники политических комбинаций, интеллектуалы, манипуляторы и интриганы.

Существуют также «обезьяны»: политически несостоятельные бездарности, пытающиеся копировать «львов» и «лис».

По направленности политической практики выделяются:

1. «Медведи»: государственные деятели, ориентированные, преимущественно, на решение внутренних политических проблем.

2. «Волки»: наибольшее внимания уделяют внешней политике, часто применяя агрессии против других стран.
3. «Шакалы»: эгоистические деятели, не воспринимающие свою страну как ценность и достояние [4, с. 83].

Ставшие классическими стили лидерства – авторитарный, демократический, попустительский – постулированы и описаны К. Левиным, Р. Липпитом, Р. Уайтом [2, с. 71].

Целый ряд современных типологий рожден на стыке политологии и психологии и относится, скорее к политической психологии, однако представляет несомненный интерес для исследователей как с одной, так и с другой стороны.

Р. Зиллер, У. Стоун, Р. Джексон и Н. Тербовик разработали следующую типологию политических лидеров, исходя из личности последних, их самооценки и Я-концепции: «аполитичные», «прагматики», «идеологи», «недерминированные» [14, с. 176–204]. Современные российские исследователи дополнили данную классификацию пятым типом: политик с адекватной самооценкой и высокой сложностью Я-концепции получил наименование «показательного» (автор термина – И. Рогозарь-Колпакова) [9, с. 92].

Американский социолог Ф. Селзник выделяет 2 типа лидеров: институциональный и межличностный. Б. Бэйлз говорит о существовании делового и популярного лидера, Ю. Хемфилл различает пробного, успешного и эффективного лидера. Б.Д. Парыгин выделил 8 типов лидеров в соответствии с их деятельностью, С.И. Самыгин и Л.Д. Столяренко подробно описывают уже 10 типов лидерства [3, с. 148–149].

Г. Лассуэлл, беря за основу степень эмоциональности лидера, выделяет компульсивный, драматизированный и беспристрастный типы. С. Джибб поставил во главу угла эмоциональные отношения к лидеру его последователей: лидер-«патриарх», лидер-«тиран», «идеальный» лидер [10, с. 361, 365]. Американский политолог Ю. Дженнингс предлагает делить лидеров на «суперменов», «героев» и «принцев» [1, с. 117].

Роберт Такер различает среди политических лидеров: консерваторов, реформаторов и революционеров. В основе его классификации лежит отношение лидеров к существующему общественному порядку и политическому укладу (исследователь вводит для обозначения этого явления термин «поддерживающий миф»).

МакГрегор Бернс в работе 1978 г. «Лидерство» различает тиранов и лидеров, подчеркивая принципиальную противоположность этих двух

терминов и переводя проблему в аспект нравственного лидерства. Кроме того, он выделяет соглашательское (компромиссное) и преобразующее (трансформационное) лидерство [13, с. 29–32].

Р. Кеттелл говорил о двух типах лидерства: сфокусированном, фактически сконцентрированном во всех функциях в одном лице; и рассеянном, распределенном между разными людьми [2, с. 70].

Маргарет Дж. Херманн считает, что при рассмотрении проблемы лидерства необходимо учитывать четыре фактора: характер самого лидера, свойства его конституэнтов (приверженцев, избирателей), взаимосвязь между лидером и его конституэнтами, контекст или конкретную ситуацию, в которой лидерство осуществляется [12, с. 91]. На основе этих четырех факторов она выделяет четыре собирательных образа (images) лидерства:

1. Знаменосец: обладает собственным видением действительности, стремится к воплощению имеющейся «мечты», меняет политическую систему.
2. Служитель: выражает интересы своих приверженцев и рассматривает их наказания в качестве задач своей политической деятельности.
3. Торговец: взаимодействуя с электоратом, активно убеждает последний в полезности и эффективности своих идей, «продает» идеи.
4. Пожарный: без промедления реагирует на ситуационные изменения, особенно отличающиеся экстремальным характером, руководствуется в своей практике требованиями и потребностями текущего момента [5, с. 365].

Д.В. Ольшанский, опираясь на представление о свойстве массового политического сознания к персонификации и антагонизации, приходит к выводу о доминировании упрощенных трактовок политических персонажей. Согласно его классификации, на одного из лидеров всегда возлагается ответственность за все кризисы, провалы и невыполненные обещания, в то время как другой – его антагонист – освобожден в массовом восприятии от всякой ответственности [6, с. 17].

А.И. Пригожин, анализируя историю российского и советского государства, выделяет типы политического лидерства, принимая за основу классификации способ получения лидирующей позиции: наследование, самозванство, уступающий, инверсионный и конструктивный тип. Автор отмечает, что при переходе от тоталитарной системы к демократической возникают патологии политического лидерства, среди

которых он выделяет две больше группы, а именно, идеалистические и прагматические типологии политического лидерства [7, с. 23–28].

Существуют многомерные типологизации лидерства, стремящиеся учесть всю полноту критериев (Пищулин Н.П. и Сокол С.Ф., Тимошенко В.И. и др.), однако, их сравнительно немного. Наряду с ними разрабатываются подходы, основанные на выявлении и подробном описании одного типа лидерства без сопоставления его с другими возможными типами (Г.Г. Дилигенский – «патерналистский тип лидерства», М. Мэмфорд – «организационный тип лидерства», Дженнингс – «атмосферный тип лидерства», У. Беннис и Б. Канус – «тянущий стиль лидерства») [2, с. 68–71].

Преобладающими, и преобладающими значительно, являются одномерные классификации, когда за основу берется какой-то один критерий и на его основе выделяются типы лидеров, нередко группирующиеся попарно и противопоставляющиеся друг другу. Среди них можно выделить: формальное и неформальное, прогрессивное и реакционное, реформаторское и консервативное, независимое и марионеточное, функциональное и дисфункциональное, конформистское и неконформистское, универсальное и ситуационное, идейное и исполнительное и др.

Спорным является вопрос критериев типологизации. Ряд авторов берут за основу численность группы, в которой осуществляется лидерство (А.М. Зимичев, В. Стоун), другие – критерий формальности – инициативности (Б. Рокмэн, Ж. Блондель, Б.И. Хатунцев), третьи – агрессивность лидерского поведения (Г. Никарти, Н. Готтлиб и С. Кауфман).

Подводя итоги проведенного типологического анализа, можно констатировать следующее.

Во-первых, основная сложность при рассмотрении типологий политического лидерства заключается в размытости и неустойчивости используемой в литературе для обозначения этого явления терминологии: «тип лидерства», «стиль лидерства», «стиль руководства» и т.д. У разных авторов могут встречаться разные формулировки, а их значение может совпадать. Возможно и обратное: используемые термины одинаковы, но им дается разная интерпретация.

Во-вторых, предлагаемые типологии политического лидерства ориентированы на ярко выраженные черты и особенности, взятые в их крайних проявлениях, однако в реальной жизни они редко заявляют о себе столь отчетливо и однозначно. Поэтому для большинства полити-

ческих лидеров характерно сочетание сразу нескольких классификационных типов. Таким образом, общей особенностью типологий является их комбинированный характер.

В-третьих, наиболее распространенными являются парные типологии и типологии, в основу которых положен один критерий.

И наконец, главной проблемой современных типологий политического лидерства является, на наш взгляд, их одномерность. Очень мало классификаций, которые можно условно назвать углубленными, поскольку их суть сводится к анализу конкретного типа лидерства и подразделению его на несколько дополнительных подтипов. Не подлежит сомнению, что явление политического лидерства многомерно, следовательно, и его типологии должны быть таковыми.

Для иллюстрации этой идеи можно провести параллель с биологической систематикой, разрабатывающей принципы классификации живых организмов и выстраивающей их в целостную систему. Каждое живое существо относится, таким образом, к определенному классу, отряду, семейству, роду, виду и т.п. Нечто подобное, на наш взгляд, может быть применено при типологизации политического лидерства. Это сделает последнюю более точной, многоплановой и позволит получать «на выходе» довольно конкретный «портрет» анализируемого лидера.

Сразу надлежит оговориться, что предлагаемое расширение типологии ведет не к загромождению понятийного аппарата и усложнению понимания типов политического лидерства (бесчисленные авторские классификации уже внесли в это дело свою немалую лепту), а к их более точному выявлению за счет предельной «видовой» конкретизации.

Предлагаемая модель типологизации будет, таким образом, включать в себя несколько уровней. Например, первоначальной может стать градация на прирожденных и ситуационных лидеров (первые становятся таковыми в любом случае, всегда проявляя свои лидерские способности, вторые не стремятся к лидерству, но могут взять его на себя в определенных условиях и успешно осуществлять). Далее каждый «вид» делится на несколько «подвидов», которые могут как повторяться, так и быть индивидуальными и т.д. Безусловно, данная идея нуждается в глубокой и всесторонней разработке, чтобы быть представленной в виде законченной системы, но она является одним из возможных путей дальнейшей теоретической разработки феномена политического лидерства.

Список литературы

1. Ашин Г. Политическое лидерство: оптимальный стиль // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С. 115–126.
2. Васильев В.К. Феноменология лидерства // *Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций* / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С-П Ун-та, 2000. С. 58–88.
3. Гвоздева Н.И. Руководитель-лидер: необходимость и направления его формирования // *Психология и экономика*. 2008. Т. 1. № 1–2. С. 146–150.
4. Карабущенко П.Л. Триады политического сознания: массы – элиты – лидеры. Астрахань: Издат. Дом «Астраханский университет», 2004. 316 с.
5. Муштук О.З. Политология: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. Центр ЕАОИ. 2008. 384 с.
6. Ольшанский Д.В. Посттоталитарное сознание и его лидеры // *Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 1995. № 1. С. 17–22.
7. Пригожин А.И. Патологии политического лидерства в России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 23–29.
8. Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии // *Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций* / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С-П Ун-та, 2000. С. 20–57.
9. Селезнева А.В., Rogozar'Kolpakova И.И., Филистович Е.С., Трофимова В.В., Добрынина Е.П., Стрелец И.Э. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала // *Полис*. № 4. 2010. С. 90–106.
10. Тургаев А.С., Хренов А.Е. Политология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. 560 с.
11. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.
12. Херманн М.Дж. Стили лидерства в формировании внешней политики // *Полис. Политические исследования*. 1991. № 1. С. 91–98.
13. Штукина Т.А. Феномен политического лидерства // *Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования*. 1994. № 4. С. 23–35.
14. Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behavior // *A psychological examination of political leaders* / Ed. M. Hermann, T. Milburn. N.Y.: Free Press, 1977. P. 176–204.

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ

Литвиненко В.Т.

Ставропольский филиал ФГБОУ ВПО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ» Ставрополь, Россия

В статье обозначены основные факторы, влияющие на формирование общественного контроля. Дается анализ политическим, экономическим, социальным процессам, оказывающим влияние на общественное развитие, эффективность деятельности политической системы и системы государственного управления в современных условиях.

Ключевые слова: факторы влияния на процессы развития общества, трансформация и модернизация политических, экономических, социальных реалий, политизация общества, десакрализация ценностей, динамика общественного развития, построение гражданского общества.

FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF PUBLIC CONTROL IN THE CURRENT CONDITIONS IN RUSSIA

Litvinenko V.T.

Stavropol branch VPO «Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation»,
Stavropol, Russia

The paper outlines the key factors that influence the formation of public scrutiny. Analyzes the political, economic and social processes that influence the social development, the effectiveness of the political system and the system of government in the modern world.

***Keywords:** factors influencing the processes of social development, transformation and modernization of the political, economic and social realities, the politicization of society, desanctification tseennstey, the dynamics of social development, building civil society.*

Установление, уяснение сущности и предназначения общественно-государственного контроля в условиях развития гражданского общества и становления социального, правового государства требует исследования факторов, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на общество, политическую систему, систему государственного управления.

Бурные процессы, связанные с трансформацией и модернизацией политических, экономических, социальных реалий, затрагивающие, но не каждый раз защищающие интересы широких слоёв населения, накладывают свой отпечаток и в общественном и в личностном восприятии этих изменений.

Чрезмерная политизация общества, навязанная и легитимной властью и её оппозицией в борьбе за власть, когда ими вскрываются многие недостатки своих оппонентов, становятся зачастую причиной очередного витка политической напряжённости, проявления недовольства своим социальным статусом, материальным положением доминирующей части общества, что, исходя из содержания, излагаемого во многих официальных источниках рассматривается как процесс становления демократического гражданского общества. Однако, эти же процессы могут стать также и причиной десакрализации духовности, нравственности, моральных ценностей личности, когда эти качества становятся дефицитом. А.М. Старостин справедливо указывает: «Новый уклад общественной жизни и социального управления, система образования и духовных ценностей либо создадут среду, восприимчивую к новой системе производства и потребления и гармонизирующую развитие человека, либо способствовать новым разрушительным конфликтам, дисгармонии и отчуждению человека» [1, с. 6].

По мнению автора, рассмотрение этой проблемы требует более детального анализа и, соответственно выводов.

Во-первых, объявление России правовым, социальным, светским государством и закрепление этих положений в Конституции 1993 года было несколько преждевременным по следующим причинам: 1 – после распада Советского Союза, отличающегося тоталитаризмом с жёсткой

вертикалью и полным исключением свободы слова, свободы печати, свободы вероисповедания, но существовавшим по формальным признакам, прошло слишком мало времени на уровне психологического восприятия не только обществом, но и представителями элиты. За такой короткий промежуток времени и с такой космической скоростью восприятие индивидом своего положения как члена демократического гражданского общества, не возможно, хотя бы на чисто психологическом уровне; 2 – застрельщиком построения нового государства и нового общества стала элита, набравшаяся политического опыта и опыта государственного управления со специфическими и свойственными технологиями при советском режиме, члены которой шли по карьерной лестнице с использованием тех же технологий и сохранивших свою чиновничью ментальность, основанную в первую очередь на властных полномочиях и их реализации в условиях, присущих для того же режима. Следовательно, и она во многом оказалась не готовой и не способной к условиям, закреплённым конституционно; 3 – вышеуказанные факторы во многом оказались следствием «справедливой» приватизации и причиной обнищания одних и молниеносного обогащения других, в связи, с чем появилась новая малочисленная социальная группа миллионеров и миллиардеров; 4 – много обещаний и только, в результате чего называет социальное недовольство.

Возникает сразу вопрос: как и почему это произошло в условиях конституционно закреплённого правового социального государства и демократического, гражданского общества, где должны были доминировать справедливость, политическая стабильность, экономический подъём и рост материального благосостояния граждан?

Ответ на этот вопрос во многом хранится в истинном определении бытия любого государства, свойств, их понятий и значений, условно которые мы обозначим как – «общественное», «политическое», «государственное», степени их совпадения или различия их интересов, условия сосуществования, или исключения этого сосуществования, что, в конечном счёте, проявляет себя в качестве набора индикаторов, позволяющих определить качество их сосуществования, дополнения, взаимодействия в процессе достижения поставленных целей.

Флоренский П.А. в своё время отметил: «Устройство разумного государственного строя зависит, прежде всего, от ясного понимания основных положений, к которым и должна приспособляться <машина>

управления. При этом техника указанного управления вырабатывается соответствующими специалистами применительно к данному моменту и данному <месту>. Ввиду этой гибкости заранее изобретать <...> не только трудно, но и вредно. Напротив, основная <...> устремлённость государственного строя должна быть продумана заранее» [2, с. 388]. Следует отметить повышенный интерес не только к государственному строю, но и к избираемым технологиям государственного управления, т.е. сферы «государственного».

Далее автор отмечает: «Государство есть целое, охватывающее своей организацией <...> всю совокупность людей. Оно было бы пустой безжизненной фантазией», если бы не учитывало конкретных данных конкретных <...> людей и подменяло их данными отвлечёнными и фантастичными. Но с другой стороны, целое <не было бы и> не стало бы реальностью, если бы оно всецело <пассивно> определялось данностями людей и не имело бы <никакой> направляющей общество силы. Бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с разных сторон уничтожают государство. Построить разумное государство – это значит сочетать <свободу> проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, <неактуальным> индивидуальному интересу, стоящим выше и делающим историю» [3, с. 389]. Автором мудро отмечено рациональность, мера, разумность в сочетании вышеуказанной триады «общественно-», «политического», «государственного».

Следует отметить, что динамика общественного развития становится причиной смены приоритетов, целей, идеологий, изменения мировоззрения, однако, истинная сущность социального государства заключается в его предназначении – решении общесоциальных задач и стремлении к всеобщему благу.

Начнём с того, что конечная цель российского государства, как социального, правового, согласно многочисленным источникам и заявлениям – построение гражданского общества, сильного, крепкого стабильного государства в аспекте неуклонного социально- экономического роста, соответственно роста благосостояния граждан, политической стабильности.

«Общественное», в данном случае рассматривается как, общественный интерес, общественные цели, задачи и, понимать их следует как слияние в общее частных, личных интересов, иногда совпадающих, иногда нет, напоминающих ручейки, не всегда с одинаково качествен-

ной и чистой водой, но, стекающих в одно русло реки. Таким образом, «общественное» – это поток интересов, соответственно целей и задач, всех без исключения от простых граждан до Президента, а, следовательно, оно и является базисом «политического», рассматриваемого в данном контексте как *общества* политическая система.

Во многом причина кроется в отсутствии контроля со стороны общества, которое в процессах распределения и перераспределения государственной собственности практически участия не принимало.

Для большего уяснения и усвоения *сущности* контроля в современных условиях, на взгляд автора, следует обратиться к возникновению и эволюции народного контроля в Советском Союзе, что следовало бы рассматривать как заимствование позитивно действующего конструкта из предыдущего политического режима. Но, особенностью и уникальностью нашего российского менталитета является полное отвержение прошлого, категорический отказ от преемственности его положительного опыта. В настоящее время обществу и самому необходимо принять меры к самосовершенству и искоренению многих пороков, следует сбросить с себя груз пассивности, безразличия к происходящему вокруг, не ссылаться на отсутствие или приниженность своей значимости, не следует чего-то ожидать, ничего не делая. К активному участию общества в процессах совершенства и политической системы и системы государственного управления призывают и первые лица государства, известные политики, представители государственных структур.

Контроль как функция, понятие более широкое, не должно сводиться только к выявлению недостатков. В современных условиях он может и должен использоваться как ресурс, способствующий совершенству всего спектра деятельности объектов и функций в сфере государственного управления, в которых доминирующее положение отводится личности, гражданину, приоритеты которых в условиях трансформации и модернизации системы политического, государственного управления, становления гражданского общества и дальнейшего развития социального государства, не должны вызывать сомнения.

Список литературы

1. Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. 360 с.

2. Флоренский П.А., священник Автореферат; Троице-Сергиева Лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имён в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем / Вступ. ст. и примеч. Игумена Андроника (Трубачёв). М.: Мир книги, литература, 2010. 464 с. («Великие мыслители»).

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МОНОПОЛИЗМА

Новиков Д.В.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия

Целью настоящей статьи является исследование телевидения как средства воспроизводства современного российского политического монополизма. Как указывает автор, в настоящее время российское телевидение представляет собой крайне монополизированную отрасль, в которой основные телевизионные каналы принадлежат государству, а также тесно связанным с ним с ним коммерческим структурам. Тотальный контроль государства над телевидением, определяет проведение единой информационной политики в период избирательных кампаний, что, в свою очередь, способствует воспроизводству политического монополизма.

Ключевые слова: *СМИ, телевидение, манипуляции, симулякр, политический монополизм, выборы, легитимация.*

TELEVISION AS MEANS OF REPRODUCTION OF THE RUSSIAN POLITICAL MONOPOLISM

Novikov D. V.

Komsomolsk-na-Amure State Technical University,
Komsomolsk-on-Amur, Russia

The purpose of this article is to study television as a means of reproduction of the modern Russian political monopoly. As the author points out, now Russian TV is a highly monopolized industry in which major television channels are state-owned, and closely related to it with him to commercial structures. Total state control over television, determines the implementa-

tion of a unified information policy during the election campaigns, which in turn contributes to the reproduction of the political monopoly.

Keywords: *mass media, television, manipulations, simulacrum, political monopolism, elections, legitimation.*

Важным элементом системы современного российского политического монополизма является телевидение. В данной системе телевидение участвует в реализации функции, по обеспечению легитимности действующей в стране власти. Данная задача решается телевидением посредством формирования в сознании аудитории такого образа объективной социально-политической реальности, который является по отношению к ней симулякром, т.е. её искаженной копией.

Природа данного искажения социально-политической реальности зафиксированного симулякром носит двоякий характер. С одной стороны, оно (искажение) возникает в силу естественной причины субъективности восприятия индивидом объективной социально-политической реальности (и в этом смысле оно является субъективным). С другой стороны, данное искажение представляет собой продукт сознательного конструирования внешних (объективных) по отношению к индивиду сил (и в этом смысле оно объективно). Телевидение как раз и является инструментом данного конструирования.

Деятельность телевидения как по продуцированию социально-политических симулякром, так и по их внедрению представляет собой способ политической манипуляции, при помощи которого происходит фактическое «навязывание манипулятором своей воли манипулируемому в форме скрытого воздействия» [20, с. 42]. В результате этой симулятивно-манипулятивной деятельности осуществляемой телевидением в массовом сознании формируется такой образ социально-политической реальности (симулякр), который являясь в сущности «внешним» (т.е. выражающим потребности и интересы вполне конкретных «внешних» по отношению к индивиду акторов), тем не менее субъективно воспринимается как «внутренний». Современный американский политолог Майкл Паренти в этой связи указывает на то, что СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом

предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [Цит. по: 20, с. 68].

Поскольку внедренные в массовое сознание социально-политические симулякры являются определяющей основой политических действий, главным из которых является голосование на выборах, то поэтому деятельность телевидения по их формированию и внедрению представляет собой скрытое принуждение широких групп общества к данным действиям (и, в первую очередь, к голосованию за конкретных кандидатов).

В современном обществе субъектом симулятивно-манипулятивного воздействия на массовое сознание осуществляемого СМИ (и, в первую очередь, телевидение) является господствующий класс (rulling class). Для него телевидение является ресурсом, обеспечивающим, в конечном счёте, достижение главной цели – создание политических условий необходимых для сохранения и упрочения собственного политического и экономического положения.

В связи с тем, что СМИ являются необходимым господствующему классу политическим ресурсом, последний объективно заинтересован в установлении и поддержании над ними своего монопольного контроля. Так по данным М. Паренти в современных США СМИ (телевидение и печать) находятся под полным контролем господствующего класса, представленного несколькими крупными корпоративными структурами. «По данным 2000 года, – пишет М. Паренти, – восемь многопрофильных корпораций Америки контролировали подавляющую часть национальных средств информации... Около 80% ежедневного тиража газет в Соединенных Штатах приходится на несколько гигантских концернов... На сегодняшний день лишь менее чем в 2% американских городов имеются конкурирующие газеты других владельцев... Практически все журналы продаются в киосках, принадлежащих шести крупным сетевым кампаниям. Восемь корпоративных конгломератов контролируют подавляющую часть оборота книжной торговли, а несколько сетей книжных магазинов получают свыше 70% доходов от продажи книг... В телевизионной индустрии доминируют четыре гигантские сети: ABS, CBS, NBC и FOX, вся аудитория радиослушателей находится под контролем всего лишь нескольких компаний» [14, с. 226].

В современной России, как в любом современном обществе, телевидение закономерным образом представляет собой монопольную соб-

ственность господствующего класса, который использует его для обеспечения легитимизации принимаемых политических решений.

В свою очередь, особенностью современного российского телевидения является его тотальная подконтрольность государству.

Историю постсоветского телевидения, на наш взгляд, можно разделить на три этапа.

Первый этап истории российского телевидения приходится на период первой половины 90-хх. гг. XX века. На данном этапе своей истории российское телевидение представляло собой полностью децентрализованную отрасль, в которой действовало достаточно большое количество, конкурирующих друг с другом рыночных субъектов [9].

Второй этап истории постсоветского телевидения приходится на вторую половину 90-хх. гг. XX века. Основным содержанием данного этапа являлась естественная централизация телевизионной отрасли, которая привела к возникновению олигополистического рынка, с характерной для последнего жесткой конкурентной борьбой [9].

Наконец, третий этап истории телевидения в постсоветской России начался в начале 2000-хх. гг. и продолжается до настоящего времени. Содержанием данного этапа стало установление монопольного государственного контроля над телевидением [9], в результате чего последнее превратилось в один из элементов целостной системы современного российского политического монополизма.

Таким образом, на протяжении своей новейшей истории российское телевидение претерпевало объективные и закономерные изменения, в процессе которых происходило становление его сущности, включающей как «всеобщую» (монопольная собственность господствующего класса), так и «особенную» (монопольный контроль над данной собственностью со стороны государства) характеристики.

В настоящее время российское телевидение находится под полным контролем государства, будучи органично встроенным в существующую в стране «вертикаль власти».

Рассмотрим более подробно монополистически организованную систему российского телевидения.

Рейтинг популярности российских общефедеральных телевизионных каналов в 2012 году выглядел следующим образом:

1. НТВ – 14, 7%;
2. Первый канал – 14,1%;

3. Россия 1 – 13,9%;
4. ТНТ – 7,3%;
5. СТС – 5,9%;
6. Пятый канал – 5,5%;
7. РЕН ТВ – 5,4%;
8. ТВ Центр – 2,7%;
9. Домашний – 2,7%;
10. ТВ – 3 – 2,6%;
11. Россия 2 – 2,4%;
12. Перец – 2,1%;
13. Звезда – 1,9%;
14. Россия К («Культура») – 1,7%;
15. Disney – 1,2%;
16. Россия 24 – 1,0%;
17. Ю – 0,9%;
18. MTV – 0,7%;
19. 2 X 2 – 0,6%;
20. RU. TV – 0,2% [17].

Из вышеперечисленных общедосяжных каналов программы политического характера транслируют:

- НТВ;
- Первый канал;
- Россия 1;
- Пятый канал;
- РЕН ТВ;
- ТВ Центр;
- Россия 2;
- Россия К («Культура»);
- Россия 24.

Телеканал НТВ в настоящее время входит в Открытое акционерное общество «Газпром-Медиа Холдинг» [10], который в свою очередь является дочерней компанией, принадлежащего Открытого акционерного общества «Газпром», Открытого акционерного общества «Газпромбанк» [7]. Председателем Совета директоров ОАО «Газпром-Медиа Холдинг» является Председатель Правления ОАО «Газпром» А.Б. Миллер [11].

Первый канал в настоящее время имеет следующих акционеров: Российская Федерация – 38,9%; ФГУП «ИТАР-ТАСС» – 9,1%; ФГУП

«Телевизионный технический центр «Останкино» – 3%; ООО «Растр-Ком-2002» – 25%; ООО «ОРТ-КБ» – 24% [6].

Поскольку ФГУП «ИТАР-ТАСС» и ФГУП «Телевизионный технический центр «Останкино» являются государственными предприятиями, то, таким образом, российское государство владеет 51% акций «Первого канала».

ООО «Растр-Ком» является собственностью ЗАО «Национальная Медиа-Группа», которая, в свою очередь, контролируется главным образом структурами российского предпринимателя Ю.В. Ковальчука [2].

Оставшиеся акции «Первого канала» принадлежат структурам другого российского предпринимателя – Р.А. Абрамовича [3].

Телеканалы «Россия 1», «Россия 2», «Россия 24», «Россия К» принадлежат ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) [12]. Владелец ВГТРК является государством.

Пятый канал (ОАО «Телерадиокомпания “Петербург”») и Телеканал РЕН-ТВ (ЗАО Телекомпания РЕН-ТВ) с февраля 2008 года входит в холдинг ЗАО «Национальная Медиа-Группа», находясь, таким образом, под контролем Ю.В. Ковальчука [8].

Телеканал РЕН-ТВ (ЗАО Телекомпания РЕН-ТВ) также входит в холдинг ЗАО «Национальная Медиа-Группа», и также является подконтрольной структурой Ю.В. Ковальчука [13].

Телеканал «ТВ Центр» (ОАО «Телекомпания “ТВ центр”») является собственностью города Москвы, который владеет 99,31% его акций [5].

Проведенный анализ структуры собственности российских телевизионных каналов, осуществляющих трансляцию программ политического характера, и тем самых участвующих в формировании общественного мнения по вопросам политики, дает достаточные основания для вывода о том, что социально-политическое телевидение в современной России представляет собой крайне монополизированную отрасль. По существу, весь рынок социально-политического телевидения поделен между государством и двумя корпоративными структурами (ОАО «Газпром», ЗАО «Национальная Медиа-Группа»). А поскольку более половины (50,002%) акций ОАО «Газпром» принадлежит государству [1], то поэтому рынок социально-политического телевидения в России фактически монопольно контролируется государством (Первый канал, НТВ, Россия 1, Россия 2, Россия 24, Россия К, ТВ Центр) и На-

циональной Медиа-Группой, входящей в сферу контроля предпринимателя Ю.В. Ковальчука (Первый канал, Пятый канал, РЕН-ТВ).

24 сентября 2009 вышеуказанные телевизионные каналы (за исключением РЕН-ТВ) указом Президента РФ были включены в т.н. «первый мультиплекс» – федеральный пакет общеобязательных и общедоступных телеканалов и радиоканалов цифрового телевидения [18]. Согласно данного указа был утвержден перечень обязательных для распространения на всей территории России и бесплатных для населения теле – и радиоканалов. Целью утверждения данного перечня как указывается в ст. 32.1 Федерального закона «О средствах массовой информации» является «сохранение и обеспечение единого информационного пространства Российской Федерации и обеспечение населения социально значимой информацией» [4].

Монопольный контроль государства (а также, связанных с ним коммерческих структур) над вышеуказанными телеканалами детерминирует производство однотипной информационной продукции социально-политического характера. По существу данные телевизионные каналы задействованы в формировании и тиражировании единого политического симулякра, основу которого составляет изображение реальной российской политики как явления, не имеющего равноценной альтернативы. Высшее политическое руководство (в первую очередь Президент РФ), «партия власти», действующий бюрократический аппарат и т.д. – все они репрезентируются телевидением в качестве акторов и структур, обладающих высокой функциональной компетентностью и оказывающих, в силу этого, безусловное позитивное воздействие на общество. В свою очередь, представители оппозиции изображаются в качестве малокомпетентных политических акторов, реализующих различного рода частные интересы, деятельность которых оказывает дисфункциональное и дестабилизирующее воздействие на жизнь российского общества («раскачивает лодку»).

Наибольшую интенсивность процесс воспроизводства и тиражирования вышеобозначенного политического симулякра приобретает в периоды избирательных кампаний, и, в первую очередь, в период в период кампаний по выборам президента РФ.

Рассмотрим количественную и качественную манипулятивно-симулятивную деятельность российских телевизионных каналов на примере информационного сопровождения выборов президента РФ 2012 года.

По количественным данным сектора политического мониторинга Отдела по информационно-аналитической работе и проведению выборных кампаний ЦК КПрФ за время президентской избирательной кампании 2012 года (19 декабря 2011 – 2 марта 2012 года) освещению деятельности кандидатов на пост президента РФ пятью телевизионными каналами («Первый», «Россия», НТВ, РЕН-ТВ, ТВЦ) было посвящено 98 часов 6 минут 19 секунд [19]. Из этого суммарного лидерского телеэфира наибольшее время получил В.В. Путин – 68 часов 15 минут 53 секунды или 70% от всего лидерского телеэфира. На долю остальных четырех кандидатов приходилось, таким образом, чуть меньше 30 часов или около 30% от всего телеэфира. Из этого времени на долю Г.А. Зюганова пришлось 7 часов 6 минут 20 секунд (7% от всего телеэфира), на долю В.В. Жириновского – чуть менее 10 часов (10% от всего телеэфира), на долю М.Д. Прохорова – около 8 часов (8% от всего телеэфира), на долю С.М. Миронова – около 5 часов (5% от всего телеэфира) [19].

Трансляция синхронна (прямой речи кандидатов в президенты РФ) распределилась следующим образом: В.В. Путин – 55% суммарного времени, Г.А. Зюганов – 10% суммарного времени, В.В. Жириновский – 16% суммарного времени, М.Д. Прохоров – 10% суммарного времени, С.М. Миронов – 9% суммарного времени синхрона, соответственно [19].

Из всех пяти вышеобозначенных каналов наибольшая доля телеэфира и синхрона была предоставлена В.В. Путину на телеканале НТВ – 82% и 76%, соответственно [19]. Для сравнения: лидер КПрФ Г.А. Зюганов получил на НТВ 4% от всего телеэфира и 3% от всего синхронна [19].

С точки зрения качественных характеристик, освещение деятельности кандидатов в президенты РФ также являлось неравнозначным. Так по данным все того же сектора политического мониторинга Отдела по информационно-аналитической работе и проведению выборных кампаний ЦК КПрФ процентное соотношение количества различного рода положительных высказываний в адрес кандидатов на пост президента РФ озвученных в ходе всей избирательной кампании (III декада декабря 2011 года – III декада февраля 2012 года) составило: В.В. Путин – 57,4% от всего количества положительных высказываний обо всех кандидатах, Г.А. Зюганов – 12,9%, В.В. Жириновский – 7,8%, М.Д. Прохоров – 12,2%, С.М. Миронов – 7,8%, соответственно [16].

Что касается самой тональности публикаций, то у В.В. Путина она являлась исключительно позитивной; в то время как у Г.А. Зюганова она была позитивно-негативной, у В.В. Жириновской – преимущественно нейтрально-негативной, у М.Д. Прохорова – позитивно-негативной, у С.М. Миронова – нейтральной [16].

Таким образом, количественный и качественный анализ информационного сопровождения президентской избирательной кампании 2012 года позволяет сделать вывод о том, что кандидат В.В. Путин фактически монополизировал лидерский телеэфир на всех пяти телевизионных каналах (Первый канал, Россия, НТВ, РЕН-ТВ, ТВ Центр). Кроме этого, в отличие от остальных кандидатов, деятельность кандидата в президенты РФ В.В. Путина освещалась всеми телеканалами исключительно в позитивной тональности.

Данные обстоятельства, связанные с монополизацией В.В. Путиным лидерского телеэфира в период кампании по выборам президента РФ дали основания некоторым российским общественным организациям для однозначных выводов. Так, общественно-политическая организация «Лига избирателей», занимающаяся обеспечением контроля над соблюдением избирательных прав граждан России, подготовила и направила в адрес ЦИК РФ, а также руководителей трёх федеральных телеканалов (Первого канала, России, НТВ) «Предупреждение», в котором подвергла резкой критике тотальное доминирование в телевизионном эфире кандидата в президенты РФ В.В. Путина. В данном обращении указывалось, что «выпуски новостей федеральных телеканалов служат откровенным PR-инструментом Владимира Путина... В. Путин как ньюсмейкер доминирует во всех информационных программах, федеральные телеканалы «отрабатывают» в эфире каждый его шаг и каждое слово, относясь к ним, как к важнейшим информационным поводам. Вся исходящая от премьера информация подается как абсолютная истина: не предлагается сторонних экспертных оценок, не предоставляется слово оппонентам, тон телевизионных комментаторов неизменно благоговее» [15]. В итоге Лига избирателей сделала вывод о том, что «федеральные телеканалы фактически работают телеотделами штаба одного-единственного кандидата, внедряя в общественное сознание идею о том, что он является заведомым победителем, находящимся вне всякой конкуренции» [15].

Президентская избирательная кампания 2012 года с точки зрения монополизации телеэфира кандидатом, обеспечивающим реализацию

интересов российского господствующего класса, не являлась уникальной. Аналогичным образом осуществлялось информационное сопровождение российскими телеканалами всех остальных федеральных избирательных кампаний – как президентских, так и парламентских. Во всех этих кампаниях кандидаты, а также политические партии, представляющие интересы господствующего класса, как с позиции количества (общее время в телеэфире), так и с позиции качества (тональность телевизионных сообщений) всегда находились в исключительно благоприятных условиях, занимая доминирующее (монопольное) положение в телеэфире.

Проведенный в статье анализ показывает, что в современной России отрасль социально-политического телевидения находится под тотальным контролем господствующего класса, что, в свою очередь, позволяет ему добиваться победы для своих кандидатов в соответствующих избирательных кампаниях, и, таким образом, воспроизводить снова и снова систему политического монополизма.

Список литературы

1. Акции ОАО «Газпром» / Официальный сайт ОАО «Газпром» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/investors/stock/> (дата обращения: 30.08.2013).
2. Белецкая К. Ковальчук купил блок-пакет «Первого канала» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/1206839/kovalchuk_kupil_blokpaket_pervogo_kanala (дата обращения: 30.08.2013).
3. Белецкая К., Товкайло М. В Росимуществе «Первый канал» назвали худшей из госкомпаний [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/6459011/nedostupnoe_tv (дата обращения: 30.08.2013).
4. Глава III. Распространение массовой информации / Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (о СМИ) / Официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_3.html#p610 (дата обращения: 30.08.2013).
5. Годовой отчет ОАО «ТВ Центр» за 2011 год / Официальный сайт ОАО «ТВ Центр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tvc.ru/Article.aspx?aid=c1213104-cce4-4133-a1cc-26fae131ca8f> (дата обращения: 30.08.2013).

6. Годовой отчет открытого акционерного общества «Первый канал» [Электронный ресурс]. URL: http://www.1tv.ru/first/god_otchet_2011.pdf
7. Дочерние и зависимые компании / Официальный сайт ОАО «Газпром-банк» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprombank.ru/group/companу/> (дата обращения: 30.08.2013).
8. История компании / Пятый канал. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://5-tv.ru/about/> (дата обращения: 30.08.2013).
9. Качкаева А.Г. Телевидение в России: между властью, свободой и ответственностью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1316> (дата обращения: 30.08.2013).
10. Корпоративная структура / Официальный сайт ОАО «Газпром-Медиа холдинг» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gpm.ru/about.xml?&holding_id=3240 (дата обращения: 30.08.2013).
11. Миллер Алексей Борисович / Совет директоров ОАО «Газпром-Медиа холдинг» / Официальный сайт ОАО «Газпром-Медиа холдинг» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gpm.ru/about.xml?&holding_id=17&leadership_id=2530 (дата обращения: 30.08.2013).
12. О компании ВГТРК / Официальный сайт ВГТРК [Электронный ресурс]. URL: <http://vgtrk.com/#page/221>
13. Общая информация о холдинге / Официальный сайт ЗАО «Национальная медиа-группа» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nm-g.ru/#/about/>
14. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США М.: «Поколение», 2006. 416 с.
15. Предупреждение / Официальный сайт Лиги избирателей [Электронный ресурс]. URL: <http://ligaizbirateley.ru/hot/1.html> (дата обращения: 30.08.2013).
16. Президентская избирательная кампания 2012 года в средствах массовой информации: индекс позитивности публикаций о Путине – 57%, Зюганове – 13, Прохорове – 12, Жириновском – 9, Миронове – 7 / Официальный сайт Центра исследований политической культуры России [Электронный ресурс]. URL: http://cipkr.ru/research/ind/_201203111325.html (дата обращения: 30.08.2013).
17. Рейтинги популярности российских телеканалов [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/library/news/8690401/rejting_populyarnosti_rossijskih_telekanalov (дата обращения: 30.08.2013).
18. Указ президента РФ от 24.06.2009 № 715 «Об общеобязательных и общедоступных телеканалах и радиоканалах» [Электронный ресурс]. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=145376>
(дата обращения: 30.08.2013).

19. Хронометраж партийного телеэфира в период Президентской выборной кампании 19 декабря 2011 – 2 марта 2012 года / Официальный сайт Центра исследований политической культуры России [Электронный ресурс]. URL: http://cipkr.ru/research/ind/_201203141550.html (дата обращения: 30.08.2013).
20. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Павелкина Л.С.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

В современном информационном пространстве роль и формы политических коммуникаций заметно изменились. Эффективность политического диалога в немалой степени зависит от уровня вербального воздействия на общество. Автор исследует проблемы выбора формы донесения информации до массовой аудитории в политических коммуникациях.

Ключевые слова: Политические коммуникации, коммуникационное пространство, эффективная коммуникация, информационные потоки, политическое противоборство, политтехнологии, массовые настроения.

FEATURES OF VERBAL COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN POLITICS

Pavelkina L.S.

Far East Federal university, Vladivostok, Russia

Role and forms of political communication have changed noticeably in the modern information environment. The effectiveness of the political dialogue depends on the level of verbal influence to society. The author researches the problem of choosing the form of providing information to a mass audience in political communication.

Keywords: Political communication, communication space, effective communication, information flows, political confrontation, political technologies, mass sentiment.

Эффективность вербального воздействия имеет высокую ценность в политических коммуникациях. Проблема политического диалога в

современном информационном обществе в немалой степени зависит от качества текстовых материалов, предназначенных для восприятия массовой аудиторией.

Трудности при подготовке текстов для общественности в политических коммуникациях возникают при выборе наиболее эффективной формы донесения информации. Особенно мало изученной областью можно считать использование приемов пропаганды и рекламы в вербальных политических коммуникациях и современной политической публицистике.

В современной информационной цивилизации роль и формы политических коммуникаций заметно изменились. Так, любая интригующая история о личности политика может стать мощным средством для изменения отношения общества. Различного рода политконсультанты обычно не только готовят рекомендации политикам или кандидатам на государственные должности о том, как им себя вести и что и как говорить, чтобы нравится избирателям. Также в России можно наблюдать попытки режиссировать политический процесс, – например, инициируя создание новых политических партий или разрабатывая стратегии и технологии передачи власти из одних рук в другие. При таких условиях очевидна ключевая роль правильного выбора формы вербального воздействия на электорат.

Кроме этого, независимо от реального содержания проводимого политического курса, специалисты по политическим коммуникациям и технологиям своей деятельностью помогают публичным политикам избегать ответственности.

Профессионалы инициируют новости, которыми затем может заинтересоваться пресса, заполняют пустоты в области обеспечения читателя информацией, помогают разработке «общественной повестки дня». СМИ, в свою очередь, регулярно используют пресс-релизы или справочный материал, специально подготовленный соответствующими специалистами в области политических коммуникаций. Материалы подобного характера повседневно находят свое отражение в СМИ путем включения их в так называемые вторичные PR-тексты – медиа-тексты.

В России развитию вербальных политических инструментов противоречит ряд факторов. Один из них – специфика функционирования средств массовых коммуникаций, когда взаимоотношения высших структур власти и общества строятся по принципу управления и мани-

пулирования настроением масс. В этих условиях политконсультанты имеют возможность сами выступать в качестве аналитиков, предоставляя обществу экспертные оценки. В СМИ можно встретить людей, которых публика воспринимает в роли независимых специалистов-политологов. Они высказывают суждения, ведут рубрики или программы, дают оценки и разъяснения по вопросам социально-политического развития страны. Во время предвыборных кампаний их активность заметно усиливается. Но при этом многие из них реально на политической сцене играют двойную роль. Представляясь общественности объективными наблюдателями, стоящими над ситуацией, они на самом деле являются участниками политической борьбы в качестве оплачиваемых профессионалов, играя на стороне одной из противостоящих политических сил.

Таким образом, они могут манипулировать общественными настроениями, оставаясь в тени публичных политиков, то есть практически не неся никакой ответственности за свои действия.

Другая проблема развития и функционирования политических вербальных коммуникаций заключается в их особенностях, синтезирующих свойства рекламы, пропаганды, журналистики, публицистики и художественного творчества.

Современные коммуникации не только транслируют политический контент – они его во многом и формируют. Между тем специалисты, отвечающие за доставку информации избирателям, занимаются именно приданием ей наилучшей для восприятия формы. Часто при этом они не ограничиваются интерпретацией содержания политических программ, а подгоняют его под запросы аудитории, акцентируя в обращениях к гражданам внимание на наиболее актуальных для них проблемах и пропуская либо спорные, либо противоречивые или недоработанные моменты.

Этот фактор гармонично вплетается в ситуацию, когда СМИ стремятся дать реципиенту то, что она хочет, когда она хочет и в том виде, в каком она хочет, таким образом, соответствуя основным правилам маркетинговой и рекламной деятельности [1, 12]. Между тем, не так давно аудитория крупнейших СМИ воспринималась как общенациональное политическое сообщество граждан, нуждающихся в достоверной информации для принятия осознанных решений [3, 44].

Возможно, поэтому пока существует сравнительно небольшой объем исследований в этой области, причем их авторы – представители

смежных профессий. Часто многие составители политических текстов сами не всегда четко подразделяют свою деятельность на информативную и рекламную. Кроме этого, проблемы изучения особенностей вербальных средств, используемых в рекламных и политических коммуникациях, являлись до сих пор предметом изучения экономистов, политологов, маркетологов, но не журналистов или филологов. Поэтому политические вербальные коммуникации как научная дефиниция все еще продолжают свое становление и развитие.

Политический текст существует в едином коммуникационном пространстве вместе с публицистическими и рекламными текстами. Одно из различий заключается в юридическом аспекте, который находится за рамками нашего исследования. Относительно различий на уровне подачи и организации новостного события, в основе любого публицистического текста всегда лежит факт – реальное событие, ярко выраженное субъектное начало, предполагающее определенную нравственную и эстетическую оценку отображаемого в тексте социально значимого факта. Основной же функцией текста политической коммуникации является формирование или приращение публичного капитала базисного субъекта.

Что касается соотношения вербальной политической коммуникации и рекламы, можно отметить, что в тексте политическом она хорошо маскируется. Подача рекламной информации здесь может быть подчеркнута нейтральной, без видимого эмоционального воздействия, но в то же время нацеленной на изменение поведенческих реакций.

Часто вербальные техники в политических коммуникациях заимствуются из пропаганды. Отметим, что не имеются ввиду жесткой пропаганды тоталитарного режима, так как содержат приемы воздействия, не приемлемые в обществе конкуренции, в том числе и идей.

Сходство между пропагандой и политическими коммуникациями заложено на гносеологическом уровне, в манипулятивном управлении обществом. Обе используют методы воздействия на ценностные установки аудитории и нацелены на долговременный результат. Пропагандистская деятельность средств массовой информации в современном обществе строится на внедрении в сознание людей его «ценностей» в виде системы стереотипов – стандартов поведения, социальных мифов, политических иллюзий. Стереотипизация – один из приемов пропаганды, который часто используется и в политических коммуникациях.

Стереотипы составляют основу мифов, на которых базируется любая идеология. Средства массовой информации в любом обществе с помощью метода стереотипизации внедряют в сознание читателей, слушателей, зрителей различные мифы и иллюзии.

Для оказания нужного информационно-психологического воздействия на массовое сознание в современной политической вербальной коммуникации формируются и используются уже устоявшиеся стереотипы и установки, которые входят в установочно-познавательную призму, влияющую на приём и переработку информации.

Также в политической вербальной практике используются приемы наступательной и оборонительной контрпропаганды, сужения, поведенческих альтернатив для реципиентов [2, 11].

Итак, политические вербальные коммуникации – это специфический информационный процесс, в котором используются тексты синтетического жанра, включающие свойства новостной журналистики, публицистики, рекламы и пропаганды. Можно также утверждать, что эффективно воздействующие текстовые материалы должны опираться на знание социальной, политической и массовой психологии.

Таким образом, вербальные политические коммуникации как научная дефиниция в настоящее время претерпевают различные модификации в современном информационном пространстве и имеют все основания для развития.

Список литературы

1. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2009. 384 с.
2. Поцелуев С.П. Двойные ловушки политической коммуникации // Полис. 2008. №1. С. 11–14.
3. Пшизова С.Н. От «Гражданского общества» к «Сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2009. № 2. С. 39–51.

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Портнягина Е.В.

Омский государственный педагогический университет,
Омск, Россия

В данной статье автор попытался рассмотреть понятие ювенальных технологий в России с точки зрения комплексного подхода. Автор обозначил основные проблемы формирования ювенальной системы в современной России. В статье рассматривается зарубежный опыт стран, близких по правовой системе к России. На основе обзора научных публикаций, диссертационных исследований по вопросам ювенальных технологий, а также используя собственный опыт реализации ювенальных технологий в Омской области, автор разрабатывает ряд предложений по формированию ювенальной системы в России.

Ключевые слова: ювенальные технологии, ювенальная юстиция, уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, трудная жизненная ситуация, превентивные меры, поддержка семьи и детства.

JUVENILE TECHNOLOGIES IN RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Portnjagina E.V.

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

In this article the author tries to examine the concept of juvenile technologies in Russia from the point of view of an integrated approach. The author outlined the main problems of the formation of juvenile justice in modern Russia. The article considers the foreign experience of the countries that are close to the legal system to Russia. Based on a review of scientific publications, thesis research on juvenile technologies, as well as using the experience of implementation of juvenile technologies in the Omsk region, the author develops a number of proposals for the formation of juvenile justice in Russia.

Keywords: *juvenile technologies, juvenile justice, criminal justice, juvenile, difficult situations, preventive measures, support of family and childhood.*

Ювенальные технологии, безусловно, представлены разнообразными подходами к работе с несовершеннолетними детьми и подростками, попавшими в трудную жизненную ситуацию или вступившими в конфликт с законом. [4]

Проблема ювенальных технологий в научных исследованиях представлена, в основном, публикациями по проблемам использования данных технологий в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, что объясняется государственной политикой по введению «ювенальных судов», включения в работу судов отдельных субъектов (Ростовская область, Пермский Край и др.) психологов. Этот опыт действительно требует осмысления с точки зрения науки, разработки рекомендации по созданию системы ювенальных судов, подготовки судей.

В советский и постсоветский период был выполнен целый ряд научных исследований по данной проблематике. В частности, различным процессуальным и криминалистическим аспектам участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве уделяли внимание в своих работах: В.А. Азаров, О.Ю. Андриянова, А.М. Баранов, Х.В. Бопхоев, В.П. Божьев, О.В. Боровик, Б.Б. Булатов, Н.А. Быданцев, А.Н. Бычков, Л.М. Василевский, О.Х. Галимов, И.В. Гецманова, Н.И. Гуковская, Н.И. Гулиева, А.П. Гуськова, А.И. Долгова,

О.А. Зайцев, З.Д. Еникеев, Р.З. Еникеев, Т.В. Исакова, Л.Л. Каневский, К.А. Квициния, О.Л. Кузьмина, А.С. Ландо, С.А. Луговцова, Ю.А. Ляхов и другие. Ряд западных ученых при исследовании различных проблем уголовного судопроизводства в целом, или проводя специальные исследования, акцентировали свое внимание на вопросах ювенальной юстиции и ювенального уголовного судопроизводства: Айртсен И., Бернам У., Бойльке В., Брейтуэйт Дж., Бэйзмор Г., Ван Несс Д.У., Гюбо В., Кантвел Н., Кристи Н., Леже Р., Робинсон Э., Турэ де Куси Ф., Умбрайт М., Ханиган П., Ховард Зер, Bazemore G., Bortner M.A., Cappelaere G., Carrington P., Morgan H. B., Smith R., Verhellen E. и другие [2, с. 5–6].

В публикация политико-правового характера широко представлены труды отечественных правоведов в области различных отраслевых юри-

дических наук, касающиеся вопросов прав человека и гражданина, их реализации и их гарантий, среди которых работы С.С. Алексеева, А.Г. Бережного, Н.А. Бобровой, Л.Д. Воеводина, С.Э. Жилинского, Л.Д. Златопольского, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева, А.М. Нечаевой, И.В. Ростовщикова, Ф.М. Рудинского, Ю.А. Тихомирова, Б.Н. Топорнина и других. Различные аспекты проблемы ювенальной юстиции и формирования системы защиты прав ребенка исследовались Л.И. Беляевой, В.В. Бойцовой, Н.Е. Борисовой, Н.А. Бобровой, Г.Н. Петровой, Э.Б. Мельниковой, А.М. Нечаевой. Вопросы правового статуса несовершеннолетнего исследовались в работах Б.А. Булаевского, Л.Г. Кузнецовой, Ю.А. Томилова, Я.Н. Шевченко и других. Важные социологические, педагогические и психологические проблемы познания юридического механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетних представлены исследованиями В.Л. Васильева, Л.С. Выготского, Г.И. Забрянского, Несмотря на разнообразие научного материала, опубликованные работы носят фрагментарный характер по отношению к комплексу проблем гарантированности конституционных прав несовершеннолетних в Российской Федерации и механизму защиты этих прав, возможности использования ювенальных технологий в правоприменительной практике в отношении несовершеннолетних. Важные социологические, педагогические и психологические проблемы познания юридического механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетних представлены исследованиями В.Л. Васильева, Л.С. Выготского, Г.И. Забрянского. Вопросы ювенальных технологий рассматриваются также отдельными российскими учеными (Е.М. Шпагина, Р.В. Чиркина) в психологических и педагогических научных областях. В данных исследованиях акцент делается на психолого-педагогических методах, используемых в рамках ювенальных технологий (методы когнитивно-поведенческого вмешательства). В научных публикациях Друзьянова И.И. осуществлена попытка рассмотреть ювенальный подход к формированию профессионально-личностной культуры студентов в процессе физического воспитания. К сожалению, ювенальные технологии в политических исследованиях отечественных авторов не представлены должным образом [1; 7, с. 83–97].

В большей части отечественных публикаций речь идет о становлении ювенальной юстиции, тем самым понятие ювенальных технологий рассматривается слишком узко, как технологии, используемые в уголовном судопроизводстве.

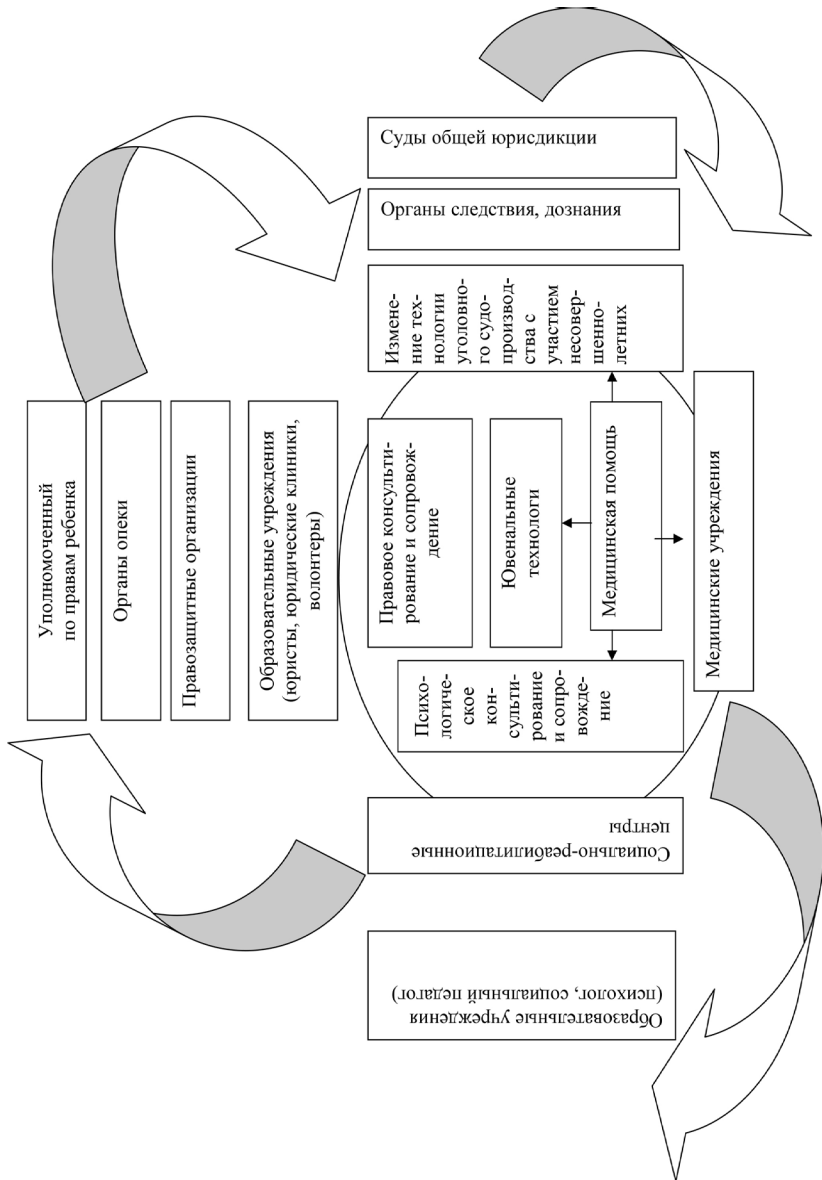

Рис. 1. Система ювенальных технологий

Например, в статье «Основные этапы и процессы становления ювенальной юстиции нового поколения в Красноярском крае» описывается опыт проектирования ювенальной юстиции нового поколения в Красноярском крае. Безусловно, следует согласиться с авторами, утверждающими что «становление системы ювенальной юстиции – это комплексный и многосторонний процесс, сочетающий различные функции большого количества организаций в юридические и другие, специфические процессы, связанные с несовершеннолетними, оказавшимися в социально опасном положении». Авторы утверждают, что для построения ювенальной юстиции должны быть увязаны организационно-управленческое, нормативно-правовое, информационно-аналитическое, кадровое, информационно-просветительское и материально-финансовое обеспечение [3].

При этом авторы не раскрывают понятие ювенальной юстиции и ювенальных технологий, но содержание статьи позволяет сделать вывод, что преимущественно речь идет об использовании ювенальных технологий в отношении несовершеннолетних, переступивших черту закона.

В этом смысле, на наш взгляд, понятие юстиции рассматривается слишком узко. Необходима система использования ювенальных технологий, поэтому речь должна идти не столько о создании ювенальной юстиции, сколько о некой системе ювенальных технологий, системы охраны, поддержки семьи и детства, развития семейных ценностей, организации помощи несовершеннолетним, оказавшимся в конфликте с законом через использование ювенальных технологий.

Таким образом, ювенальные технологии – совокупность мероприятий с использованием методов, средств, форм работы психологического, правового, медицинского сопровождения несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также сопровождения семьи [рис. 1].

Утверждение на некоторых сайтах, в том числе правозащитных организаций о том, что ювенальная юстиция в России существует, на наш взгляд, необоснованно. Поэтому широкомасштабная кампания в средствах массовой информации, направленная на формирование негативного отношения населения России к ювенальным технологиям и любой правовой регламентации данного вопроса, рассмотрение ювенальной юстиции как способа разрушения семьи, также не имеет правового,

научного обоснования. В настоящее время мы можем говорить лишь об использовании отдельных элементов ювенальных технологий, в том числе в судах, а также социально-реабилитационных центров, клубах по месту жительства, отдельных общественных организациях, отдельными субъектами муниципального управления.

Большая часть публикаций, предметом которых являются вопросы ювенальных технологий, носят негативный характер и раскрываются как механизмы разрушения семьи, как лишение родительских прав и отлучение детей от своих кровных родителей. На наш, взгляд, ювенальные технологии это в первую очередь превентивные меры. Говорить об использовании ювенальных технологий только в правовом аспекте было бы не совсем верно. Данные технологии имеют комплексный характер и «объединяют методы работы с несовершеннолетними в юридически значимых ситуациях. Их использование позволяет на ранних стадиях предупредить развитие криминального поведения, дать возможность не сформировавшемуся полностью молодому человеку отказаться от выбора криминальной карьеры и остаться полноправным, социально адаптированным членом общества» [7].

Любой зарубежный опыт использования ювенальных технологий, построения системы ювенальной юстиции так же рассматривается негативно, что связано с событиями последних нескольких лет, когда одним из родителей выступали бывшие и настоящие граждане России, у которых отбирали детей, без объяснения причин. Недоверие российских граждан растет еще и в связи с тем, что в некоторых ситуациях, когда речь шла о детях смешанных браков, где, как правило, мама - гражданка России лишалась возможности видеться с ребенком, органы государственной власти России, уполномоченные защищать детей и институт семьи, не смогли обеспечить данную защиту.

Тем не менее, опыт ряда стран, например, Франции может представлять определенный интерес. Во Франции реализуются меры превентивного характера, создана так называемая «Бригада по защите прав несовершеннолетних». При этом, вмешательство в дела семьи возможно только в случае согласия семьи на оказание помощи, в том числе консультационной, например, если возникают конфликты с несовершеннолетним, которые не могут быть самостоятельно разрешены родителями или иными законными представителями. Однако, если есть факт угрозы жизни и здоровью ребенку (т.е. возникла опасная ситуация), то служба

через судебные органы может потребовать от родителей выполнения своих обязательств. Специалисты данной службы проходят обучение не только по правовым блокам, но и психологии, педагогики, разработаны отдельные курсы по диагностике психофизического состояния ребенка, технологии ведения беседы с ребенком. На наш взгляд, уместно провести аналогии данного института Франции с институтом органов опеки и попечительства и инспекторов ПДН в России.

Также во Франции реализуются технологии ювенальных судов и создана должность ювенального судьи, который должен иметь обязательную подготовку в области психологии несовершеннолетних. Следует отметить, что ювенальный судья во Франции имеет особый статус, подчиняется прокуратуре и рассматривает дела двух типов: относительно защиты ребенка в случае нарушения его прав и дела, связанные с нарушением закона самими несовершеннолетними, начиная со стадии досудебного разбирательства. Помимо этого, ювенальный судья во Франции – специалист смешанного профиля, обладающий как правовой подготовкой, так и навыками помогающей деятельности [6].

В целом можно отметить, что опыт Франции близок России, что доказывает наличие схожих институтов власти по защите прав детей и попытка реализации ювенальных технологий в судебном производстве. Однако в России отсутствует четкая схема взаимодействия всех уровней власти в данном вопросе, и нет четкого закрепления алгоритма действия тех или иных органов, служб, а также специальной подготовки в рамках высшего образования ювенальных судей. Также необходимо на законодательном уровне, на уровне программ органов государственной власти субъектов, местного самоуправления, рассмотреть вопрос о разработке концепции сотрудничества с общественными организациями, образовательными учреждениями, особенно реализующими программы высшего педагогического образования. На наш взгляд, необходимо рассмотреть перспективу специальной подготовки кадров для органов опеки, ювенальных судов, инспекторов ПДН, которые на сегодняшний день не имеют специального образования (как правило, образование специалистов данных служб – юридическое без специфики изучения превентивных технологий, технологий помощи несовершеннолетним, оказавшимся в конфликте с законом и семьям, либо образование по направлению «государственное и муниципальное управление») именно в системе педагогического образования.

Отсутствие эффективных механизмов защиты ребенка и семьи в России (на наш взгляд, только в таком контексте необходимо рассматривать вопросы реализации ювенальных технологий, так как институт семьи и детства – основополагающие институты общественного развития и должны рассматриваться как единое целое) связано не с отсутствием необходимой нормативно-правовой базы или органов государственной власти, призванных защитить права ребенка, а с отсутствием взаимодействия между ними. «Эти вопросы находятся в компетенции органов управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел [8]. Надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется органами прокуратуры (ч. 3 ст. 10 Закона). Существует специализация судей, рассматривающих дела в отношении несовершеннолетних. Появился институт Уполномоченного по правам ребенка» [5].

По мнению автора, отсутствие единого кодифицированного нормативного акта, специальной системы образования для специалистов, реализующих ювенальные технологии; четкого механизма взаимодействия различных органов власти, которые наряду с другими функциями решают вопросы профилактики правонарушений, защиты прав детей, охрану семьи и детства, а также отсутствие методических рекомендаций по использованию ювенальных технологий для социально-реабилитационных центров, клубов по месту жительства, школ является основными проблемами, которые необходимо решить как на уровне государственной политики в системе образования, молодежной политики, так и на уровне обмена опытом и выработки концепций сотрудничества между органами государственной, муниципальной власти, общественными правозащитными организациями, юридическими клиниками при образовательных учреждениях.

Автор считает, что опыт реализации ювенальных технологий накоплен отдельными участниками данных организационно-правовых отношений. Но этот опыт представляет собой систему, разработанную по «наитию», путем проб и ошибок, экспериментов самих участников. Каждый из них готов делиться данным опытом, но для этого необходимы организационные, финансовые механизмы, которые позволят создать систему мер и закрепить ее на федеральном уровне.

Список литературы

1. Друзьянов И.И. Педагогические условия формирования профессионально-личностной культуры студентов в процессе физической подготовки. // Психология, социология и педагогика. № 10 Октябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/10/1125>
2. Марковичесва Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 58 с.
3. Опыт и прецеденты. Основные этапы и процессы становления ювенальной юстиции нового поколения в Красноярском крае [Электронный ресурс] // Вопросы ювенальной юстиции. № 2 (34), 2011. URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic>
4. Портнягина Е.В. Необходимость развития ювенальной науки в России: политико-правовые аспекты // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: материалы конференции, г. Новосибирск, 25–26 октября 2012 г. / Науч. ред. Н.В. Омелехина, И.В. Князева. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2013. С. 61–68.
5. Ростовская Т.К., Ростовская И.В. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних. Внесудебная защита прав и интересов несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 3(35). URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic>
6. Туре де Кузи Ф. Воспитательное воздействие в системе правосудия по делам несовершеннолетних во Франции. Социальные, воспитательные, психологические службы, пробация (условное осуждение с применением испытательного срока) и посредничество в урегулировании конфликтов [Электронный ресурс] // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4 (13). URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=905>
7. Шпагина Е.М., Чиркина Р.В., Карнозова Л.М., Дегтярев А.В., Коновалов А.Ю. Ювенальные технологии в публикациях зарубежных авторов // Современная зарубежная психология. 2012. № 2. С. 83–97.
8. Федеральный Закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рябкова С.А.

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
г. Дубна, Московская обл., Россия

В статье обсуждаются проблемы теоретико-политологического обоснования концепции устойчивого развития. Рассматриваются теоретико-политологические аспекты методологии управления политическими, экологическими и социальными рисками в интересах устойчивого развития. Анализируются особенности формирования глобальной политической доктрины устойчивого развития с точки зрения методологии политического планирования.

Ключевые слова: устойчивое развитие; политическая доктрина; политическое планирование и прогнозирование.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THEORETIC-POLITOLOGICAL ASPECTS

Ryabkova S.A.

International University of the nature, community and human «Dubna»,
Dubna, Moscow region, Russia

The article deals with the problems of theoretic-politological justification of the concept of sustainable development. Theoretic-politological aspects of management methodology of political, environmental and social risks in the interests of sustainable development are considered in the article. Special aspects of formation of the global political doctrine of sustainable development are analysed from the perspective of political planning methodology.

Keywords: sustainable development; political doctrine; political planning and forecasting.

Современное мировое развитие сопряжено с повышенными рисками и нестабильностью, представляющими серьезную опасность, и, как следствие – с активизацией усилий участников мировых процессов по поиску новых форматов мироустройства, способных обеспечить глобальную безопасность и придать развитию устойчивый характер. Одним из наиболее эффективных мобилизующих подходов к снижению нестабильности признана концепция устойчивого развития. Однако, несмотря на интенсивную работу по повышению статуса этой концепции, ее политологическому и естественнонаучному обоснованию, которая началась со второй половины XX века и ведется на протяжении последних десятилетий, заложенный в концепции потенциал не реализуется в полной мере, поскольку в начале XXI века глобальные риски становятся все более сложными и взаимосвязанными, а частота их возникновения и опасность для глобальной стабильности резко возросла. Все это переводит проблему устойчивого развития в разряд наиболее актуальных и требует ее дальнейшего осмысления с позиций политической теории.

Мировое научное сообщество и правящие элиты достаточно хорошо осознают тенденцию углубления кризисных явлений и нарастания агрессивности глобальных рисков в начале XXI века, что накладывает отпечаток на характер международной политики, требует пересмотра национальных стратегий долгосрочного развития, а, следовательно – концептуальных основ внешней и внутренней политики с учетом потенциала политической концепции устойчивого развития.

Эта концепция обладает несомненным методологическим потенциалом и предлагает, по сути, набор алгоритмов, позволяющих решать ряд совершенно новых политических задач, каждая из которых имеет четко выраженный теоретико-политологический характер.

Первая из политических задач, решаемых посредством данной концепции, – снижение или минимизация глобальных рисков (рисков возникновения трудно локализуемых или не локализуемых катастроф) с использованием возможностей международной интеграции и модернизации политических институтов, обеспечивающих достижимость поставленных целей. Теоретико-политологическое осмысление этой задачи напрямую связано с определением аксиологических и естественнонаучных оснований изучения феномена глобализации, в соответствии с которыми осуществляется оценка рисков и вырабатываются

предложения о политической модернизации. Дело в том, что исследования отечественных и зарубежных авторов, в которых осмысливаются понятийные трактовки глобализации, выявляются ее причины и факторы, анализируется эмпирический материал, подтверждающий реальный процесс глобализации на планете, предоставляя возможности для осмысления сущности, форм проявления, параметров глобализации, отнюдь не однородны с аксиологической точки зрения, поскольку позиции авторов противоречивы. Между тем о многозначности глобализации, включающей в себя и позитивные, и негативные процессы и ценности, говорят многие факторы, в том числе, например, и такое явление современности, как антиглобалистское движение. Эта объективная раздвоенность глобализации и определяет необходимость более глубокого исследования этого феномена с позиций аксиологического (ценностного) подхода, что в итоге должно способствовать выбору правильной методологии оценки рисков и их возможных последствий.

Вторая задача – приоритетное осуществление экологической модернизации, включающей в себя существенное повышение наукоемкости отраслевой политики, в том числе экономической и энергетической, в интересах природо- и ресурсосбережения, а также качественное технологическое обновление производств в глобальных масштабах. Роль теоретической политологии в решении этой задачи постоянно повышается, так как именно в рамках этой дисциплинарной матрицы исследуются отраслевые и межотраслевые концепции, проникающие из политической науки в практику политического отраслевого планирования. К тому же экологическая модернизация требует сближения политических исследований и научного знания с установкой на усиление естественнонаучной составляющей при разработке долгосрочных стратегий, что также является прерогативой теоретической политологии.

Но особый интерес в этом плане представляет третья задача, связанная с феноменом «политики двойных стандартов», которая характерна для международного сотрудничества в области устойчивого развития. Этот аспект проблемы не афишируется, так как это может отразиться на уровне сотрудничества, и довольно редко становится предметом публичного политического дискурса, а, соответственно, и аналитики, поскольку требует не свободной интерпретации, а тщательной теоретико-концептуальной реконструкции принимаемых решений. Речь идет, в частности, о сохранении лидирующего положе-

ния за ведущими странами мира (с учетом появления новых ведущих акторов мировой политики) и в процессах глобальной политической интеграции, и в разработке концептуальных основ мирового сотрудничества в области экологической модернизации, и в организации эффективного научно-технологического обеспечения единой глобальной стратегии. Потребность в такой интеграции не вызывает сомнения, как и востребованность стратегии, призванной консолидировать мировое сообщество. Поэтому вопрос заключается лишь в том, каким образом обосновать и легализовать сохранение и укрепление сложившегося международного порядка, обеспечивающего в условиях стратегической нестабильности централизованный контроль за перераспределением ресурсов в условиях неизбежного ресурсного голода и угрозы экологического коллапса.

Без учета этой задачи невозможно объяснить феномен появления концепции устойчивого развития, которая стала едва ли не основной сквозной темой и почти всех встреч на высшем уровне, и современного политического дискурса в целом. Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что разработка и принятие концепции были инициированы не только и не столько учеными, участвовавшими в подготовке и последующей популяризации ключевых решений, сколько политическими лидерами ведущих стран. Последний факт зачастую выпадает из поля зрения, что сводит эту концепцию к дискуссиям, которые ведут представители научного сообщества по поводу различных аспектов научного обоснования уже сложившейся и, что особенно важно, принятой политической концепции устойчивого развития.

Сегодня устойчивое развитие – уже не просто политическая концепция, т.е. комплекс ключевых идей о перспективах глобального развития, становление которой началось в 1960-е гг. За последние десятилетия политическая концепция устойчивого развития эволюционировала в нескольких направлениях.

Сегодня устойчивое развитие – это:

- 1) действующая политическая доктрина, т.е. совокупность принципов, целей и задач глобальной политики, используемых в качестве основы, программы действий. Она имеет статус ведущей политической доктрины в сфере международного сотрудничества, обеспечивает консенсус по ключевым вопросам межгосударственного сотрудничества и формирует то пространство возможностей, в рамках которых выстраи-

вают свои стратегии устойчивого развития конкретные участники мирового процесса.

2) глобальная стратегия, т.е. форма долгосрочного управления глобальными процессами на разных уровнях социоприродной системы в результате отбора наиболее эффективных путей, средств и методов достижения целей, определенных доктриной. Глобальная стратегия устойчивого развития соответствует доктрине и является основой для разработки региональных и национальных стратегий долгосрочного развития.

3) набор (система) научных теорий, которые призваны обосновать выработанные на политическом уровне стратегические цели устойчивого развития, предложить методы их достижения или просчитать альтернативные варианты;

4) образовательная практика, нацеленная на формирование мировоззренческих парадигм, которые соответствуют целям устойчивого развития, и подготовку специалистов, компетенция которых позволяет соединять научный поиск и научно-аналитическое сопровождение политической деятельности.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что концепция устойчивого развития, по сути, представляет собой феномен превращения научной теории, возникшей на стыке естественнонаучных, социально-политических и гуманитарных дисциплин, в политическую доктрину. При этом речь идет не только и не столько о становлении традиционных политических доктрин – отраслевых или межотраслевых, а также политических идеологий, а о доктринальном геополитическом планировании нового типа. Именно к такому типу стратегического планирования можно отнести концепцию устойчивого развития, а правильнее сказать – политическую доктрину, представляющую собой четкую систему воззрений и, главное, принципов и установок, принятую в соответствии с нормами и правилами, которые требуют достижения консенсуса от всех основных акторов мировой политики. Отметим, что политическое планирование и прогнозирование определяется как «наукоемкая деятельность по определению целей и задач внутренней и внешней политики, построению средне- и долгосрочных, а также дальнесрочных стратегий с предварительной разработкой механизма их построения и осуществления, определения четкого правового статуса соответствующих документов, в частности, политических доктрин» [2, с. 3].

То, что доктрина устойчивого развития определяется в языке современной политики как концепция, представляется далеко не случайным. За этой, казалось бы, чисто лингвистической подменой (она встречается не так уж и редко) скрыта определенная логика, свойственная политическому дискурсу. Дело в том, что само понятие «концепция» фиксирует внимание на объективности, научной состоятельности и обоснованности не только самой идеи устойчивого развития, но и политических стратегий, базирующихся на этой идее, которая, если называть вещи своими именами, очень далека от научного признания. Эта сторона процесса превращения идеи в руководство к действию (суть доктрины) – не что иное, как способ научной легитимации политических проектов и программ. Анализ, произведенный в ряде работ [1; с. 327–352; 3, с. 264–272; 4, с. 322–331], вскрывает разрыв между научной разработанностью темы и той степенью достоверности, которую приписывают собственно политической доктрине. Думается, такой анализ способен многое объяснить во взаимоотношениях между наукой, научно-аналитическим обеспечением политики и самой политической практикой.

Данная концепция, а точнее, доктрина устойчивого развития, отвечающая на «вызовы времени», стала не только основным доводом в пользу унификации национальных стратегий долгосрочного и долгосрочного развития всех ведущих стран мира, но и претендует на большее. А это «большее» – доктринальное обоснование той модели нового мирового порядка, которая предполагает концентрацию «наднациональной власти» в интересах достижения общих целей, связанных с коллективной безопасностью. Перед нами открывается совершенно новая тенденция, еще не исследованная с позиций теории политики.

При этом существует не только внешняя оболочка столь сложного явления, как превращение научной теории в политическую доктрину, но и внутренние противоречия, не позволяющие добиться полного слияния политической доктрины и научной теории, а точнее множества различных теорий и учений, которые имеют отношение к различным областям знания. Эти трудно совместимые разработки положены в основу внутренне непротиворечивой политической доктрины. Ее непротиворечивость заключается, разумеется, не в совершенстве базовой теории, а в самой функции доктрины, которая должна быть, прежде всего, эффективна, ибо ее основная функция – регламентация

и руководство к действию, а условие достижение функции – согласование интересов.

Таким образом, актуальность исследования концепции устойчивого развития с позиций теоретической политологии определяется несоответствием между уровнем ее теоретико-политологического обоснования и той ролью, которую она играет в современной политике, став одной из наиболее влиятельных политических доктрин, положенных в основу стратегии долгосрочного развития. Теоретико-политологическое обоснование осложнено тем фактом, что научный статус этой концепции остается не вполне определенным в силу противоречий, возникающих между конкурирующими научными (прежде всего естественнонаучными) теориями, из которых «выросла» идея устойчивого развития, различий между национальными вариантами этой стратегии, а также расхождений в требованиях, которые предъявляются к научным теориям и политическим доктринам, что не позволило пока реализовать целевые установки устойчивого развития. Актуальность теоретико-политологического обоснования стратегии устойчивого развития возрастает по мере повышения степени политических, экономических, экологических и социальных рисков, требующих осмысления с позиций политической теории.

Список литературы

1. Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект-пресс, 2005. 418 с.
2. Расторгуев В.Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 3–13.
3. Современные проблемы развития: мат-лы теорет. семинара / Под ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 284 с.
4. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: моногр. М.: Проспект, 2009. 432 с.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК НОВЫЙ ФАКТОР РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Сафонова А.С.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
Россия

В статье раскрывается понятие социально-политического проектирования. На примере проектов Молодежной коллегии при губернаторе Санкт-Петербурга и проекта молодежного движения «Весна – демократического лагеря «Территория свободы», автор обозначает степень влияния формальных и неформальных молодежных политических организаций на формирование политической культуры современной молодежи.

Ключевые слова: *социально-политическое проектирование, политическая культура, молодежные организации, молодежная политика, молодежное движение «Весна», Молодежная коллегия Санкт-Петербурга.*

SOCIO-POLITICAL PROJECTION AS A MAIN GROWTH FACTOR OF THE YOUTH'S POLITICAL CULTURE

Safonova A.S.

Saint-Petersburg State Polytechnical University, Russia

In the article the author considers the concept of socio-political projection. By the examples of Saint-Petersburg Youth Board projects and the project of the youth movement «Vesna» – democratic camp «The territory of freedom», the author brings out the degree of influence of the formal and informal political organizations on the youth's political culture forming.

Keywords: *socio-political projection, political culture, youth organizations, youth policy, youth movement «Vesna», Saint-Petersburg Youth Board.*

Современная молодежь все чаще стремится реализовывать себя в качестве активного субъекта молодежной политики. Поэтому на первый план выходят вопросы повышения субъектности молодежных социально-общественных и общественно-политических институтов, в том числе молодежных политических организаций. Помимо высокого уровня политической грамотности молодежи, данный процесс становится возможным при наличии нормативно-правовых актов, закрепляющих право реализации социального и политического потенциала молодежи. Важным аспектом также является наличие материальных и информационных ресурсов, четко выработанных целей и задач развития молодежных политических организации.

В процессе модернизации российского общества необходим системный взгляд на разработку социально-политических молодежных проектов исходя из назревшей необходимости политического и гражданского воспитания. Иначе говоря, недостаток ресурсного, законодательного и информационного обеспечения приводит к слабому функционированию всей системы формирования политической культуры подрастающего поколения.

Одним из наиболее важных элементов государственной молодежной политики являются новые формы социально-политического проектирования, направленные на «мягкое» включение подрастающего поколения в жизнь страны.

Рост использования проектных технологий наблюдается практически во всех сферах жизнедеятельности человека: от социальной сферы до области государственного и муниципального управления. Так, например, в рамках государственной молодежной политики на территории всей страны ежегодно осуществляется множество различных по направленности и содержанию проектов. Среди наиболее востребованных и актуальных на сегодняшний день – проекты «Все дома», «Молодежные правительства», «Ты – предприниматель» и другие.

Любой молодежный проект подразумевает под собой вложение определенных инвестиций (интеллектуальных, финансовых, технических), недостаток которых зачастую становится основным препятствием для его эффективного воплощения. Однако, как справедливо заметил О.А. Рожнов, «именно молодежь должна рассматриваться как сфера инвестиций, а не как проблемная сфера, требующая действий по сдерживанию» [12, с. 126].

Проектирование, сопровождение и управление проектами стало популярным не только в технических, социальных и экономических областях, но и в сфере политики. В частности, многие субъекты политического процесса (политические партии и движения, политические лидеры) оценили такие преимущества проектирования, как возможность осуществления контроля качества исполнения проектов, времени, стоимости и рисков проекта, трудовых ресурсов, информационного поля, жизненного цикла проекта. Кроме того, проектный подход позволяет осуществлять эффективный мониторинг, оценку и общий анализ действий.

Вопросам политического проектирования посвящены работы многих отечественных авторов, среди которых Д.А. Ежов [1], С.В. Иванова [2], К.В. Киселев [3], К.Е. Листратова [4], А.П. Логунова [5], Г.А. Лукс [6], Е. Малкин, Е. Сучков [7], М.О. Мухудадаев [8], В.Н. Расторгуев [11] и другие.

Достойна внимания работа исследователей Е. Малкина и Е. Сучкова «Политические технологии», в которой раскрыты основные аспекты как политического проектирования в области публичной политики, так и современные технологии управления избирательными кампаниями политических партий и лидеров.

Авторы отмечают, что постоянное ведение политических проектов – это основная форма деятельности политических партий и основное средство партийного строительства. Именно в ходе политических проектов приобретают смысл принципы работы с активистами и сторонниками партии. Именно реализация политических проектов делает процесс партстроительства содержательным и придает ему смысл не только в глазах партийных функционеров, но и всего гражданского общества [7, с. 469–470].

Однако, на наш взгляд, в современных реалиях политическое проектирование довольно слабо адаптировано к российским политическим процессам и наиболее активно используется политическими партиями и политическими лидерами только в предвыборный период в рамках политического менеджмента.

Тем не менее, проектный подход в политике позволяет осуществлять такие важные задачи как : расширение целевой аудитории политической организации (лидера), формирование лояльного пула журналистов, привлечение новых ресурсов (материальных, технических, информационных), усовершенствование и разработка современных способов ком-

муникации (беспроводная связь, он-лайн трансляции, видео-конференции), формирование обратной связи с политическими сторонниками и оппонентами, реализация творческого потенциала участников политического процесса и т.д.

Политическое проектирование стереотипно ассоциируется преимущественно с предвыборными кампаниями, избирательными технологиями, партийным строительством или созданием образа политического лидера, когда основная цель проекта – получить быструю выгоду непосредственно самому субъекту политики, подтвердить свою легитимность, право и способность участвовать в политическом процессе и повысить политический имидж.

Как отмечает С.В. Иванова, политическое проектирование «для» или «в» политической партии – это создание целостного, масштабного плана (проекта) деятельности партии как определенной политической силы, осознающей свое место в политическом пространстве страны (мира, региона и т.д.) и решающей определенные задачи по достижению поставленных политических целей. [2, с. 190].

Особенно актуальным сегодня является развитие технологий социально-политического проектирования, когда субъекты политики организуют проекты, направленные на решение общественно и социально-значимых задач. Данный подход позволяет не только привлечь внимание к определенной партии, движению или лидеру, но и удовлетворить существующие потребности населения.

Под социально-политическим проектированием мы понимаем организационно-управленческую деятельность субъектов политики, направленную на реализацию социально-значимых мероприятий с целью наиболее эффективного участия в политическом процессе.

Мы выделяем следующие виды социально-политических проектов:

1. *Имиджевый проект* – направлен на поддержание имиджа и подтверждение легитимности политика или политической партии. Позволяет не только увеличивать список сторонников, но и привлекать новые инвестиции. Учитывая, что главная цель имиджевых проектов – это воздействие на общественное мнение, то здесь зачастую используются методы пропаганды, агитации, манипуляции общественным мнением, медийных технологий. Как правило, политические акторы прибегают к данному виду проектной деятельности в выборный период. Как пример – участие в выборах 2013 года С.С. Собянина на пост мера

Москвы, которое принесло ему дополнительную легитимность среди горожан. С.С. Собянин активно посредством СМИ представлял общественности осуществляемые социально-политические проекты по озеленению территорий, эффективной миграционной политике, развитию транспортного комплекса и т.п. Не смотря на то, что данные проекты имеют социальную направленность, их основная цель – повысить политический имидж кандидата в обществе.

2. *Социальный* – проект, направленный на решение социально-значимой задачи или проблемы. Социальные проекты зачастую осуществляются на постоянной основе и предполагают усиление места партии/лидера в политическом процессе, кроме того подтверждают способность решать значимые задачи.

Так, например, в 2011 году политическая партия ЛДПР запустила проект «Русская Атлантида», направленный на возрождение и поддержание русской самобытности. Проект – конкурс реализовывался в течение нескольких месяцев по разным регионам страны, в том числе с привлечением молодежи. В конце конкурса были определены и награждены победители.

В ходе проекта были осуществлены различные социальные акции – концерты, выставки, шахматные турниры, бесплатные экскурсии для молодежи и т.д., основной целью которых являлось сохранение культурного наследия России.

5. *Познавательно-обучающий* – проект, направленный на обучение целевой аудитории новым навыкам, способностям, необходимым для участия в общественно-политической жизни. Таковым, например, является гражданский образовательный проект «Гражданин наблюдатель», в рамках которого готовятся команды из наблюдателей на выборах. По характеру данный проект не является политическим, однако формирует активную гражданскую и политическую позицию участников, мотивирует граждан к политическому участию.

6. *Смешанный* – проект, в рамках которого пересекаются различные цели, задачи и технологии воплощения.

Учитывая высокий творческий потенциал подрастающего поколения, проектная деятельность является востребованной и в сфере государственной молодежной политики.

В качестве объекта исследования предлагаем рассмотреть созданную в начале 2013 года Молодежную Коллегию Санкт-Петербур-

га, созданную постановлением Губернатора Санкт-Петербурга от 30.08.2012 N 58-ПГ (далее МК), а также молодежное демократическое движение «Весна».

Молодежная Коллегия представляет собой «проект в проекте»: являясь проектом команды губернатора Санкт-Петербурга, ее деятельность направлена исключительно на разработку и реализацию различных по направленности проектов, актуальных для современной молодежи.

Основной целью Молодежной коллегии является взаимодействие с властями и администрацией Санкт-Петербурга, разработка проектов, направленных на улучшение социальной, экономической и политической ситуации в городе. В основе деятельности данной организации лежит именно проектный подход, когда каждая комиссия анализирует текущую ситуацию в городе, затем поэтапно разрабатывает план осуществления проекта, после чего пытается осуществить проект с помощью административного ресурса.

В состав Молодежной коллегии при губернаторе входят 12 профильных комиссий (по образованию, по труду и занятости, по внешним связям и межэтническим отношениям, по охране окружающей среды, по науке и профессиональному образованию, по жилищно-коммунальному хозяйству и транспортной политике, по гражданско-патриотическому воспитанию и антикоррупционной политике, по социальной политике, и проч.). Общая численность организации довольно небольшая и составляет 65 человек.

По итогам деятельности МК в течение 2013 года можно отметить, что некоторые предложенные молодыми разработчиками проекты не нашли поддержки Губернатора Г.С. Полтавченко, другие, такие как, например, «Клятва Петербуржца» натолкнулись на критику общественности [10]. Многие проекты Молодежной Коллегии («Экскурсии по крышам», «Первая помощь», «Велопарковки и велодорожки») проходят длительные этапы согласования с администрацией города, что значительно снижает эффективность реализации этих проектов.

Вызывает некоторое сомнение и мотивация участников молодежной коллегии. Очевидным является тот факт, что ядро организации – это молодые люди, которые в первую очередь стремятся быть ближе к власти и административному ресурсу, удовлетворить частные и социальные потребности. Остальная часть «внешних» помощников организа-

ции – добровольцы, работающие на безвозмездных началах без четкой мотивационной составляющей.

Тем не менее, отметим, что Молодежная коллегия – это вариант современного молодежного демократического института формирования гражданского и политического участия молодежи в жизни города. Однако, существенным недостатком является слабая проработанность этапов осуществления проектов, неэффективное управление, отсутствие мотивации участников коллегии, затяжные согласования с администрацией города, что приводит к низкой эффективности работы организации в целом.

На сегодняшний день большая часть работы МК сводится к созданию положительного имиджа власти в глазах горожан, поэтому акцент делается не на результат, а на сам процесс, когда отсутствие реальной эффективности маскируется под проведение встреч, семинаров, обсуждений, мастер-классов, не приносящих конкретных, осязаемых плодов.

Кроме того, организации такого рода (Молодежные парламенты, Молодежные правительства) имеют еще один недостаток – это работа, прежде всего, в интересах власти. Зачастую одобряются малобюджетные проекты, которые, во-первых, наиболее удобны для реализации, а во-вторых, в состоянии поддержать имидж администрации города. Например, проекты МК «Буккроссинг» или «Произведения искусства глазами граффитистов на общественном транспорте» относятся к малобюджетным проектам, однако, реальных проблем городской молодежи не решают.

Стоит упомянуть еще один проект МК, разработанный комиссией по социальной политике. Смысл проекта заключался в поддержке молодых врачей-специалистов при оформлении ими жилья в ипотечное кредитование. Проект разрабатывался с целью привлечения в городские медицинские учреждения медицинского персонала, дефицит которого за последние годы стал реальной проблемой городских поликлиник. Однако, данный проект не нашел поддержки у администрации города в силу необходимости привлечения некоторых финансовых ресурсов и более сложных этапов реализации. Очевидная «удобность» и низкобюджетность проектов ставит под сомнение реальную эффективность работы Молодежной коллегии, когда молодежь не имеет возможности и ресурсов действовать преимущественно в своих интересах, отстаивать свои права и самостоятельно принимать решения.

Пожалуй, наиболее важным аспектом молодежной политики города является упущение из вида проблем формирования политической культуры и политической грамотности современной молодежи. Заметим, что участие в разработке законопроекта о патриотизме, которым занимаются члены МК, мало соотносится с текущей реальностью, когда жители Петербурга не всегда узнают в лицо губернатора Георгия Полтавченко [9].

Несмотря на имеющиеся преимущества членства в Молодежной коллегии, среди которых: возможность карьерного роста, социальный статус, привлечение внимания общественности к проблемам города, получение управленческого опыта, МК остается преимущественно имиджевым социально-политическим проектом городских властей, без четкой идейной основы, мотивационной составляющей и эффективных механизмов внедрения проектов.

Как справедливо отмечает О.А. Рожнов «молодежная политика в любой стране, любом обществе формируется общественными объединениями, политическими партиями, крупными корпорациями – структурами гражданского общества. Государственная молодежная политика – лишь часть всей молодежной политики. Если будет преобладать государственный подход, а программы реализовываться через государственные (муниципальные) учреждения, молодежная политика перестанет отвечать интересам самой молодежи, ее общественных объединений, подпитываться идеями и реальными запросами подрастающего поколения» [12, с. 125–125].

За последние годы особенно популярным видом проектной деятельности в молодежной политике становится проведение различных молодежных форумов. Один из наиболее известных – молодежный образовательный лагерь «Селигер», который ежегодно проводится при поддержке молодежного движения «Наши» и Федерального агентства по делам молодежи.

Не смотря на довольно резкую критику в адрес организаторов и участников форума (на проведение форума выделяется ежегодно порядка 200 млн рублей, а активисты и участники загрязняют прилегающие к озеру Селигер территории), лагерь продолжает оставаться наиболее крупной площадкой, объединяющей политически-активную молодежь по всей стране.

Многие активисты и участники современных молодежных неформальных политических организаций также считают такую форму

проектной деятельности наиболее удобной и доступной, в условиях, когда городские власти не способны оказать им какой-либо поддержки. Однако, необходимо понимать, что оппозиционные настроения в молодежной среде возникают именно тогда, когда власть не желает взаимодействовать с активными представителями молодежных субкультур.

В Санкт-Петербурге ежегодно с 2009 года проходит неформальный молодежный летний демократический лагерь «Территория свободы», собирающий несколько десятков молодых петербургских активистов – членов различных неформальных молодежных политических организаций города.

«Территория свободы-2013» проходил в период с 28–30 июня 2013 года в местечке Орехово под Санкт-Петербургом. Организацией проекта занимались активисты молодежного демократического движения «Весна» и участники Молодежной правозащитной группы.

Молодежное движение Весна – это оппозиционное демократическое движение, созданное в Санкт-Петербурге в 2013 году. В него вошли бывшие активисты самораспустившегося «Молодёжного Яблока», движения «Оборона», а также молодые люди, поддерживающие идеи свободы и равноправия.

Цель лагеря «Территория свободы» – объединить молодых активных людей, разделяющих ценности демократии. Работа лагеря проходит в формате проведения мастер-классов, конкурсов, встреч, на которых участники имеют возможность получить теоретические и практические навыки участия в социально-политическом мире. Кроме того, молодежные лидеры города имеют возможность представить для обсуждения свои проекты и идеи.

Для сравнения с Селигером отметить, что стоимость участия включала в себя организационный взнос в размере 200 руб., а также обеспечение себя питанием, палаткой и спальным мешком.

Программа лагеря в 2013 году включала в себя несколько блоков:

1. Обучающие лекции: «Молодежное движение здесь и сейчас», «От достоинства человека к достоинству сексуальности», «Права человека: какие есть и каких нет», «Потребительский экоактивизм», «Что значит быть гражданином», «Работа благотворительных организаций на примере организации «Ночлежка». «Взаимодействие с госструктурами», «Публичная политика в современной России»;

2. Интерактивные занятия: «Утро молодого либерала», «Совершенствование городской среды», «Уроки контркультуры для общественных и политических движений», ролевая игра «Митинг в Рио-де-Жанейро»;
3. Мастер-классы: Мастер-класс «Импровизация на сцене и в жизни»;
4. Спортивные занятия: «Ночная эстафета», «Чемпионат по сумасшедшему футболу».

Среди приглашенных гостей и экспертов: гражданские активисты Санкт-Петербурга Н. Грязневич и М. Иванцов, директор программы «Права человека» Факультета свободных искусств и наук СПбГУ Д. Дубровский, куратор и режиссер Театрального проекта «Вместе» Н. Мухина, директор организации помощи бездомным «Ночлежка» Г. Свердлин, гендерный исследователь В. Созаев, журналист и креативный директор интернет-проекта «Политграмота» А. Сошников, заведующий кафедрой прикладной политологии Высшей школы экономики гуманитарного и политологического центра «Стратегия», депутат муниципального совета округа «Екатерингофский» А. Шуршев и другие.

Лагерь «Территория свободы» ориентирован на передовую, активную, интересующуюся молодежь, которая не остается безразличной к проблемам большого города. Организаторы лагеря открыто заявляют о своих идеях и ценностях, среди которых ценности свободы общества и прав человека, борьба с ксенофобией, непредвзятое отношение как к генеральной линии правящей партии, так и к линиям партий оппозиционных, солидарность, взаимопомощь и плюрализм мнений.

В целях повышения информационной открытости был создан отдельный сайт www.demcamp.ru, группы в социальных сетях. Кроме того, информация о проекте была размещена на сайтах крупных Интернет-ресурсов: интернет-портала Закс.ру, молодежного медиа-проекта Полит-грамота, видеопортала Piter.TV.

В результате работы лагеря молодежь имела возможность открыто дискутировать и высказывать свое мнение, задавать вопросы экспертам, приобрести новые навыки и опыт политического участия. Важным достоинством является идейная сплоченность участников лагеря, чувство команды и единения. Активисты лагеря, в частности члены молодежного движения «Весна» продолжают вести активную политическую деятельность в Санкт-Петербурге.

Из недостатков проекта «Территория свободы» мы также можем отметить низкий процент вовлеченность молодежи, ограниченность ма-

териальных, технических и информационных ресурсов и редкий формат проведения мероприятия.

Проведенный нами анализ позволил сопоставить 2 уровня социально-политического проектирования: проекты Молодежной Коллегии Санкт-Петербурга и проект молодежного движения «Весна» – демократический лагерь «Территория свободы». Два полюса молодежной политики города отражают существующую реальность: молодежь, привлекаемая к работе органами государственной власти, зачастую становится объектом политического манипулирования. Низкая эффективность работы МК объясняется отсутствием четкого идейного содержания, отсутствием мотивационной основы «внешних» участников коллегии, использованием малобюджетных имиджевых проектов, невниманием к реальным нуждам современной молодежи.

Неформальные социально-политические проекты также остаются незамеченными в силу слабой информационной поддержки, нежеланию городских властей сотрудничать с гражданскими активистами, ограниченности материальных ресурсов, однако сегодня именно они берут на себя роль формирования политической культуры и политической грамотности подрастающего поколения.

Общество и власть должны осознать долю ответственности в развитии будущего поколения, в области гражданского и политического воспитания. В поддержке нуждаются как формальные так и неформальные объединения, отражающие настроение и мнение подрастающего поколения. Эффективность принимаемых сегодня мер в области молодежной политики довольно низка, что подтверждается низкой вовлеченностью молодежи в процессы гражданского и политического участия, альтернативой которому все чаще становится участие виртуальное, когда политическое участие молодежи ограничивается написанием комментариев в социальных сетях, блогах и т.п.

И, наконец, не хватает главного – масштаба, единой платформы, способной объединить в себе формальные, неформальные, оппозиционные, провластные и нейтральные взгляды, площадки, под эгидой которой возможен диалог, дискуссия, высказывание различных мнений, ибо только в конкурентноспособной среде может зародиться главное – общая рациональная идеологема, объединяющая современную молодежь.

Список литературы

1. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 288–299.
2. Иванова С.В. О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики // Пространство и время. 2011. № 1. С. 188–193.
3. Киселев К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/18.pdf>
4. Листратов К.Е. Теоретико-методологические основы управления политическими проектами: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 18 с.
5. Логунов А.П. Политическое проектирование как способ формирования политической современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2007. № 1. С. 127–136.
6. Лукс Г.А. Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. 278 с.
7. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: «Русская панорама», 2006. 680 с.
8. Мухудадаев М.О. Социальные основания политического проектирования (на примере приоритетного национального проекта «Образование») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 186–195.
9. Опрос РПР-Парнас показал, что 50% петербуржцев не узнали Г.С. Полтавченко. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/08/04/opros-rpr-parnas-pokazal-chto-50-peterburzhtcev-ne-uznali-poltavchenko-371175>
10. Пироговский А. Клятва «Гражданина РФ насмешила блогеров». [Электронный ресурс]. URL: http://www.neva24.ru/a/2013/02/08/Blogeri_ne_hotjat_prisjagat/
11. Расторгуев В.Н. Ренессанс политического планирования и типологический портрет современного политолога // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 4. С. 16–29.
12. Рожнов О.А. Социальное проектирование как технология управления молодежной политикой // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 123–132.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Семенова Д.М., Норина А.А.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

В данной статье объектом исследования является нормативно-правовая база РФ по вопросам религии и светского образования. Авторы постарались выявить противоречия в существующем законодательстве и процессе введения предмета Основы религиозных культур и светской этики и разработать рекомендации по их устранению. Вопрос актуален для изучения, поскольку с 1 сентября 2012 года предмет был введен во всех российских школах в качестве обязательного, а с 1 сентября 2013 года вступил в силу новый Федеральный Закон об образовании, который поддерживает введение данного курса.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Основы религиозных культур и светской этики, ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125-ФЗ, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, светский характер образования, взаимодействие государства и церкви.

THE COOPERATION BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF SCHOOL STUDENTS IN MODERN RUSSIA: LEGAL ASPECTS

Semenova D.M., Norina A.A.

Perm State National Research Polytechnic University, Perm, Russia

In this research, the object is the normative-legal base of the Russian Federation on issues of religion and secular education. The authors have tried

to reveal the contradictions in the modern legislation and in the process of introducing the subject Basics of religious cultures and secular ethics, and to propose recommendations. The problem is actual in modern Russia because, since 1 September 2012 the subject was introduced in all Russian schools as a compulsory, and from September 1, 2013 came into force the new Federal Law on Education, which supports the introduction of the course.

Keywords: *Russian Orthodox Church, the basics of religious cultures and secular ethics, the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations» № 125-FZ, FZ, «On Education in the Russian Federation» № 273-FZ, secular education, the cooperation between the state and the Orthodox church.*

В конце XX – начале XXI века влияние Русской православной церкви на все сферы общественной жизни резко возрастает. Сегодня православная церковь принимает активное участие во многих сферах государственного управления: здравоохранение, наука, образование, армия (возрождается институт полковых священников). Церковь принимает участие в общественных мероприятиях, а также имеет собственные средства массовой информации – что значительно повышает ее роль в социуме. Государство со своей стороны оказывает церкви разностороннюю поддержку, в том числе финансовую, идет процесс возвращения изъятого с годы советской власти церковного имущества. Также государство принимает участие в организуемых церковью мероприятиях, таких как Всемирный Русский Собор и Рождественские образовательные чтения.

Взаимоотношения государства и церкви в сфере образования наиболее ярко проявляются в процессе разработки и внедрения в школьную программу курса Основы религиозных культур и светской этики, который был введен в 2009 году в 21 субъекте РФ в качестве эксперимента, а с 1 сентября 2012 года – во всех российских школах в качестве обязательного предмета.

В процессе взаимодействия с РПЦ государство преследует следующие цели:

- легитимизация власти;
- формирование национальной идентичности в обществе
- объединение граждан
- создание фундамента для российской идеологии.

Сфера образования является одной из ключевых в жизни человека, так как именно в школе формируется мировоззрение, и личность наиболее восприимчива к влиянию извне. Поэтому в данной сфере изучение взаимоотношений государства и РПЦ наиболее важно. Исторически сложилось, что церковь в России была связана со сферой образования. Испокон веков именно при монастырях открывались первые школы, именно в церковной среде зародилась грамотность и письменность. Лучшие библиотеки также находились при монастырях [1].

В конце XX века РПЦ вновь выступила с инициативой работы со школьниками, еще в 1999 году, когда патриарх Алексей Второй призвал все епархии организовать обучение детей православию в школах.

На этот призыв также откликнулись органы государственной власти субъектов РФ, и в некоторых из них был введен курс основы православной культуры в рамках регионального компонента. В свою очередь Министерство образования и науки РФ направило в регионы примерное содержание курса ОПК, а также предварительное соглашение органов управления образованием субъекта РФ с епархиями РПЦ.

Введение в школьную программу данного предмета вызвало неоднозначную реакцию в обществе [2, 3, 4]. В итоге было выработано компромиссное решение. На встрече президента Дмитрия Медведева с представителями конфессий в 2009 году была одобрена идея о включении в школьную программу курса основы религиозных культур и светской этики, состоящую из 6 блоков.

Тем не менее, существуют противоречия во введении данного курса действующему законодательству. Именно поэтому был проведен правовой анализ двух законов ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» №125-ФЗ, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ, и в данной работе представлены его результаты.

Одним из принципов образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях является светский характер образования, однако ни в одном законе не раскрывается понятие «светский характер образования».

Введение образовательного курса во многом противоречило Федеральному Закону об Образовании в редакции от 10.07.1992 [5]. Поэтому, на протяжении периода мы можем наблюдать процесс внесения ряда поправок в этот закон и затем принятие нового закона, который вступил в силу 1 сентября 2013 года [6]. Однако в новом законе также

присутствуют спорные моменты, например, в статье, посвященной духовно-нравственному воспитанию, мы видим следующие пункты:

П. 1 – в основные образовательные программы могут быть включены, в дисциплины направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации.

П. 3 – примерные основные образовательные программы проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации в соответствии с ее внутренними установлениями».

П. 6 – к учебно-методическому обеспечению привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации.

П. 12 – образовательные организации, а также педагогические работники могут получать общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания их уровня, отвечающим критериям и требованиям, утвержденным централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями [6].

Реализация данных пунктов могут поставить школы в зависимость от религиозных организаций, что будет противоречить Конституции РФ.

В закон «О свободе совести и религиозных объединениях» №125-ФЗ [7] также был внесен ряд поправок. Однако некоторые моменты так и остались противоречивыми. В соответствии со ст. 4 Закона «О свободе совести и религиозных объединениях», государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Введение ОРКСЭ в обязательную программу противоречит положениям данной статьи.

Существующие противоречия в законодательстве могут привести к конфликтам в обществе, а также снижению уровня доверия РПЦ и государству со стороны граждан.

Поэтому на основе проведенного анализа были бы адекватными следующие рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы в данной сфере и структуры курса:

Во-первых, внести в законодательство следующее понятие светского образования, исключающее влияние религиозных организаций на образовательные учреждения. Светский характер образования – образование, характеризующееся отсутствием вероучительных предметов в образовательных программах и в сетке обязательных занятий, предполагающее невмешательство религиозных организаций в содержание и организацию учебного процесса в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, не направленное на профессиональную подготовку служителей культа, не включающее в себя проведения богослужений, религиозных обрядов или церемоний, использование в зданиях государственных и муниципальных учебных заведений религиозной символики, предметов культа, отправления молебнов и религиозных обрядов, мероприятий религиозного и миссионерского характера, любых форм религиозной пропаганды.

Во-вторых, изъятие или корректировка противоречивых положений в законах.

В-третьих, с целью приведения курса в соответствии с его задачами следовало бы заменить модули курсом по этике. Курс этики может включать в себя, в том числе представление о происхождении нравственных норм с точки зрения различных религиозных учений. Ключевой характеристикой данного курса было бы комплексное изложение структуры и содержания мировых религий.

Список литературы

1. Гуркина Н. История образования в России (X–XX века). Учебное пособие. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/gurkina/index.php
2. Вельк Н. Делить школьников по конфессиям неправильно и опасно // Infox.ru 03.08.2009. Режим доступа: <http://www.infox.ru/>
3. Владимиров В.А. Преподавание основ православной культуры в Российской школе (критические заметки на актуальную тему) Текст / Л.Л. Владимиров // Религиоведение. 2004. № 2. С. 118–126.
4. Железнова М., Кеворкова Н. По два часа православия в неделю // Газета «Родительский комитет», № 211, 14.11.2002. Инструктивное письмо всем епархиальным преосвященным № 5925 от 09.12.99 г. Режим доступа: <http://atheismru.narod.ru/atheism/rpc/direct.htm>

5. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 10.07.1992 N 3266-1. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/edu/>
6. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149753;dst=101493>
7. ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125-ФЗ. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149069>

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, СОЗДАННОГО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В 2000 ГОДЫ

Семенова Д.М.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Статья посвящена исследованию конструкта политической идентичности, созданного Русской православной церковью в 2000 годы. Данное исследование актуально, поскольку в последние годы РПЦ становится активным участником политической жизни, в том числе и в сфере создания национальной идеи и в области конструирования политической идентичности. Исследование проводилось методом контент-анализа текстов и официальных заявлений представителей церкви, опубликованных на официальных сайтах РПЦ в данный период времени. Целью исследования является выявление наиболее характерных терминов для дискурса РПЦ, которые позволяют дать ответ на вопрос «Кто мы?»

Ключевые слова: *политическая идентичность, конструирование идентичности, Русская православная церковь, Русская идея, русский менталитет.*

FEATURES OF THE CONSTRUCT OF POLITICAL IDENTITY CREATING BY THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 2000

Semenova D.M.

Perm State National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The research is about the construct of political identity, creating by the Russian Orthodox Church in 2000. This problem is topical in Russian political science because the Russian Orthodox Church becomes more and more active

political actor in social life and in the sphere of political identity's constructing. The research includes the content-analysis of the official Russian Orthodox Church's statements and speeches. The object is to reveal the terms, which make it possible to give the answer the question «Who we are?»

Keywords: *the political identity, political identity's constructing, the Russian Orthodox Church, the Russian Idea, the Russian mentality.*

Процесс конструирования политической идентичности включает в себя ряд последовательных действий, а именно: создание определенной системы символов и ценностей, основанной на стереотипах конкретного политического сообщества, которые позволяют отличить себя от других, а также мифа, который структурирует данные ценности, и в итоге – трансляцию конструкта в общество. В качестве инструментов трансляции конструкта могут выступать СМИ, Интернет, включение населения в конкретные практические действия, например, в общественные организации или движения, группы в социальных сетях, а также в дискурсивные практики.

Сам конструкт политической идентичности, на основании подхода В.И. Пантина и И.С. Семеновки, состоит из нескольких компонентов: «Кто мы» – основания принадлежности к политической общности; «Другие», которые могут выступать, в том числе, и как «Враги»; совокупность ритуалов и традиций, стиля поведения, которые необходимо соблюдать и выполнять, а также понимание нашего «прошлого» и «будущего».

Мы предполагаем, что существует непосредственная взаимосвязь между философским концептом «Русская идея» и современным конструктом политической идентичности Русской Православной Церкви. Одна из причин популярности философского концепта «Русская идея» и в современном российском обществе, это то, что он точно, полно и логично дает ответы на вопросы «Кто мы?», «Кто другие?», «наше прошлое» и «наше будущее». Идеологемы, лежащие в основе, складывались в течение долгого времени и с учетом русского менталитета, их вполне можно охарактеризовать, как социально значимые. Можно разложить концепт «Русская идея» на следующую систему понятий, «готовых» образцов – имманентной составляющей идентичности (по терминологии И.С. Семеновки и В.И. Пантина), на которую ориентируется РПЦ в современном публичном пространстве.

Основные идеи, заложенные в «русской идее» – позитивны по своей сути, то есть могут служить фундаментом для позитивной политической идентичности, согласно терминологии В.И. Пантина, И.С. Семеновко [1]. Важной чертой идеологемы является, по словам Ю.С. Пивоварова, то, что «Русская идея» принципиально отлична от европейской – «Свобода, равенство, братство» и от American dream – «Дом. Семья. Машина» [2, с. 325], и, следовательно, может быть эффективным основанием для определения «русскости», индивидуальности нашей нации.

В России происходит адаптация «Русской идеи» Русской православной церковью к современным условиям. При анализе частоты упоминаний конкретного слова, контекста упоминания, количества размещений в заголовках материалов, обнаружилось, что представители РПЦ в большом количестве материалов прямо или косвенно отождествляют Россию с идеологемами «Великое государство, «Святая Русь». В материалах сайтов наблюдается высокая частота упоминаний таких характеристик России, как «великое государство с высокой духовной традицией, богатейшей культурой, сильной экономикой, устойчивой политической системой, развитым гражданским обществом», [3] «центр христианской восточно-европейской цивилизации» [4]. Представители Русской Православной Церкви заявляют, что Россия играет все более значимую роль в современном мире и связывают их с задачами, стоящими перед РПЦ.

«Великая Русь, Великое государство, Святая Русь – эти категории в дискурсе являются социальным воображаемым, если основываться на терминологии Лаклау и Муфф [6, с. 60–67]. Это идеализированное представление о российском государстве, к которому апеллирует православная церковь, существует давно. В нем заключено скрытое противопоставление другим государствам, представляемым как менее духовные, менее богоугодные. Из этого противопоставления вытекает идея мессианства, характерная для русской философской мысли, идея, которая соотносится с мыслью Чаадаева: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [7].

РПЦ в Заявлении Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о противодействии экстремизму и терроризму, фокусирует внимание на следующих важных для русского человека ценностях: патри-

отизм («патриотизм – естественное чувство, оно изначально присуще человеку, говорится в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [8], крепкая семья («защита семьи – это борьба за будущее нашей страны в истории» [8]), трудолюбие и честность, любовь к ближнему, справедливость и взаимопонимание, история и традиции. В заявлении Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском всея Руси, даны характеристики фундамента российской идентичности: «Россия с ее многовековой культурой, основанной на ценностях соборности, самоограничения, умеренности, жертвенности и патриотизма...» [9]. Идеология России, по мнению членов Экспертного совета, должна иметь прочный базис, основанный на традиционных для нашего общества ценностях, укорененных в культуре и ментальности нашего народа, в том числе в нравственных постулатах традиционных религий России, в первую очередь, Православия. Неоднократно встречается констатация духовного богатства русской культуры, ее уникальных достижений.

Основополагающими принципами жизни России эксперты Совета называют принципы социальной справедливости и солидарности поколений, принципы высокой нравственности и этического поведения, социальной ответственности. Акцент делается на духовные основы человеческого бытия. В качестве основы общественной жизни выдвигается «не экономическая деятельность, а духовно-нравственные, идейно-мировоззренческие аспекты человеческого существования, нравственный выбор граждан» [9].

Солидарность и взаимопомощь – «важнейшие православные традиции» – наиболее часто встречаются в материалах при описании отличительных черт русских. Православная церковь называет данные черты укорененными в российском обществе, как необходимые условия существования и развития России. Категориям солидарность и взаимопомощь представители церкви противопоставляют западные ценности, в том числе и из области экономики, которые признаются неприменимыми к российским реалиям.

Еще одна важная категория, характеризующая категорию «Мы» – коллективизм как российский трудовой опыт, российская традиция, которая не отрицает частную инициативу, но дополняет ее.

Справедливость, солидарность, коллективизм, взаимопомощь, нравственность – эти категории являются узловыми точками в дискурсе.

Они, во-первых, обладают высокой степенью смысловой неопределенности, во-вторых, близки российскому менталитету, поэтому, попадая в изучаемое идеологическое поле, где господствующим означающим является православие, приобретают соответствующую идеологическую окраску, а также достаточно эффективно выполняют задачи, прежде всего, вызова чувства сопричастности, сопереживания у реципиента, являются критерием принадлежности к русской национальности.

Ключевой связующей чертой, маркером «Мы русские» – является православие: «1000-летний опыт истории и культуры России основан на христианстве, на православных культурных и нравственных ценностях» [10]. Православие – в Русской идее – это не просто религия, ветвь христианства, это мощный связующий русских людей элемент, который делает нашу нацию более духовной, более терпимой.

Подводя итоги, мы видим восемь ключевых понятий, которые встречаются наиболее часто: справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, патриотизм, солидарность, самоограничение и жертвенность. Каждое понятие обладает собственной степенью значимости в дискурсе и играет особую роль в процессе конструирования политической идентичности. Понятия обладают явно выраженной политической окраской, что позволяет сделать вывод о влиянии именно на политическую идентичность, несмотря на то, что в дискурсе они обозначены, как базисные ценности в основе общенациональной идентичности.

Русская Православная Церковь использует систему понятий и ценностей, основу которых мы можем найти в работах российских религиозных философов конца XIX – нач. XX века. Это идея Святой Руси, соборности, особой христианской миссии России в мире, богоизбранности русского народа, наследие Византии, симфония религиозной и светской власти. В основании всех ключевых слов лежит идея православия как основного связующего элемента. На вопрос «Кто мы?» РПЦ дает ответ «мы русские, мы православные», противопоставляя понятие «русский» – «россиянину».

Список литературы

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1.
Пантин В.И., Семененко И.С. Проблемы идентичности и российская

- модернизация // Впервые опубликовано в сб. «Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании» в контексте модернизации (отв. ред. Лапкин В.В., Пантин В.И.) М., ИМЭМО РАН, 2004.
2. Пивоваров Ю.С. Основные идеологемы русской истории / Метод. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. ИНИОН РАН. Москва, 2010. С. 325.
 3. Заявление религиозных лидеров России – членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/582344.html> (обращение к ресурсу 02.11.2012)
 4. Соборное слово XIII Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/652915.html> (обращение к ресурсу 02.11.2012).
 5. Слободяник Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 60–67.
 6. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vupkro.ru/Enc.ashx?item=786601> (обращение к ресурсу 02.11.2009).
 7. Заявление Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о противодействии экстремизму и терроризму. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418910.html> (обращение к ресурсу 02.11.2009).
 8. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705099.html> (обращение к ресурсу 02.11.2012)
 9. Патриаршее слово на торжественном акте Свято-Тихоновского университета, посвященном его 15-летию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/333781.html> (обращение к ресурсу 02.11.2012).
 10. Евгений Крылов: «Ко Дню народного единства мы относимся как к жемчужине в череде исторических праздников». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/56186.html> (обращение к ресурсу 14.11.2010).

РАСКОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ КАК ПРОДУКТ УПРОЩЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ

Ушанов П.В.

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

В статье разбираются причины раскола социального информационного поля в современной России. Выделяются факторы, которые этому содействуют. При анализе применяется главное положение теории бинарности – структура бинарных оппозиций является одной из характеристик человеческого разума.

Ключевые слова: коммуникация, информационное поле, политическая технологи, СМИ, телевизионный сериал, литература, бинарность.

THE SPLIT OF THE NATIONAL INFORMATION SPACE AS THE PRODUCT OF SIMPLIFYING THE COMMUNICATION STRATEGY

Ushanov P.V.

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

The article dealt with the social causes of the split of the information field in modern Russia, are allocated factors that contribute to this. In the analysis of the main provision applies the theory of binary – the structure of binary oppositions is one of the characteristics of the human mind.

Keywords: communication, information field, political technologists, media, television series, books, binary.

Идейно-содержательная конвергентность структурных элементов информационного поля как фактор консолидации общества

С момента обретения государственного суверенитета все «несущие конструкции» Российской Федерации – политическая система, об-

щество, право, экономика и т.д. – определяются исследователями как конструкции переходного типа. На протяжении двух десятилетий новейшей российской истории процесс выработки наиболее приемлемых форм и методов социально-политического устройства протекает противоречиво и болезненно. До сих пор российское общество является объектом борьбы представителей разных направлений политического сознания, идеологических доктрин, что предопределяет расколотость российского общества.

Как следствие, мы наблюдаем и расколотость национального социального информационного поля. В своих исследованиях мы опирались на доминирующую среди исследователей массовой коммуникации точку зрения, что информационное поле имеет сложную структуру, а СМИ является только одним из его сегментов. Учитывая литературоцентричность российской культуры (в том числе и информационной) мы сформулировали гипотезу, что такой сегмент информационного поля как художественная коммуникация обладает серьезным потенциалом влияния на общественное мнение, особенно в периоды, когда сюжеты произведений резонируют с актуальной политической повесткой дня. Поскольку преодоление расколотости российского общества является актуальной проблемой, объектом нашего научного интереса стала коммуникационная политика власти советской и российской властей в периоды, когда происходила консолидация общества вокруг популярной на тот момент политической программы.

В монографии «Гласность как политическая технология» [9] мы рассмотрели коммуникационные задачи, которые поставила перед руководством СССР инициированная ими политика либерализации, и провели анализ структурных элементов используемых политических технологий. Представленная в данной работе синхроническая таблица [9, с. 78–100] иллюстрирует взаимовлияние СМИ и объектов художественной коммуникации. Рассматривая структуру коммуникационных потоков в рамках гласности, мы выделили явление, которое обозначили как **«коммуникационную бинарность»**. Его сущность заключается в двойственном характере информационного потока: документально-рациональном, который транслировали СМИ, и художественно-эмоциональном, свойственном объектам культуры. В этот период функционирование бинарных оппозиций характеризовало

валась высокой степенью взаимовлияния в освещении актуальных тем политической жизни. Как следствие, достигался высокий уровень эффективности при внедрении в общественное мнение новых идеологем и программ решения актуальных политических проблем. Эта конвергенция заложила политико-идеологический каркас российской власти на 1990 гг., в период, который мы обозначили как «Россия Ельцина».

Развивая этот подход, в статье «Специфика проявления коммуникационной бинарности в политическом пространстве современной России» [10] мы описали технологию, которая обеспечила быструю замену идеологических и политических ориентиров у значительной части российского общества во второй половине 1990 гг. Если во время перестройки положения либеральной идеологии внедрялись в советское общество в рамках управляемого коммуникационного процесса (который, впрочем, в 1990 г. вышел из-под контроля), то российская версия консерватизма распространялась во многом стихийно. На наш взгляд, только к 1999 г. стали появляться признаки управляемости, когда на всех федеральных каналах стали появились сериалы о подвигах сотрудников правоохранительных органов. Премьера телесериала «Убойная сила» в марте 2000 г., на наш взгляд, являлась одним из элементов предвыборной президентской кампании В. Путина.

Это позволяет нам сделать вывод, что эффективность коммуникационной бинарности как информационной стратегии напрямую не связана с контролем над пространством СМИ и художественной коммуникации. Ее эффективность закладывается аудиторными ожиданиями, которые часто еще и не сформулированы и присутствуют в общественном сознании в качестве ощущений. Рыночные механизмы заставляют СМИ и создателей художественных произведений угадывать эти ожидания аудитории, и как только им удастся нащупать востребованный сюжет, он начинает активно разрабатываться уже в рамках конкурентной борьбы за читателя, зрителя, слушателя. Этот фактор власть в состоянии эксплуатировать в своих интересах, задавая информационную повестку дня.

В рамках данной статьи мы приводим результаты исследования бинарных оппозиций коммуникационного потока 2000 гг. с целью выделить элемент, который сегодня характеризует линию раскола национального информационного поля.

Упрощение системы:

ТВ как главный стратегический ресурс власти

Деятельность В. Путина на посту президента России по 2004 г. включительно совпадает с тематическим субстратом общественных ожиданий второй половины 1990 гг. и соответствует сложившемуся в тот же период представлению о качествах «сильного характера». Выдвинутая в 2000 г. идеологема «диктатуры закона» задала для власти ориентиры общественной поддержки ее курса, и она в целом его выдерживала. Выход за эти рамки сразу обострял отношения между властью и обществом, как в январе 2005 г. после монетеризации льгот.

Приведенный пример – частный случай. Фундаментальной для Кремля стала другая проблема: удовлетворив к началу второго президентского срока В. Путина основные общественные ожидания 1990 гг., власть не уловила изменение настроений в гражданском обществе, которое уже стало к этому моменту структурироваться и формировать повестку дня, отличную от официальной. Одновременно к середине 2000 гг. значительный сегмент СМИ перестал выполнять коммуникационную функцию гражданского общества. Причины этой проблемы подробно разобраны исследователями масс-меди [2, 3, 6, 7, 8]. На основе этих работ можно выстроить следующую причинно-следственную цепочку, которая характеризует основной тренд 2000 гг. в сфере отечественных СМИ: возвращение власти в качестве основного игрока на рынке медиа – изменение собственников СМИ – продолжение монополизации СМИ – увеличение политических инвестиций. Эта тенденция характерна не только для федеральных, но и региональных СМИ.

С середины 2000 гг. ситуация стала развиваться парадоксально: усиление роли государства в системе политической коммуникации привело к прекращению функционирования коммуникационной бинарности как технологии, которая еще в начале 2000 гг. обеспечивала консолидацию информационного поля вокруг популярных в обществе политических программ. Мы предполагаем, что это стало следствием попытки упростить или даже заменить сложное по своей структуре информационное поле только одним информационно-эстетическим пространством – телевидением. В рамках информационно-предвыборных дебатов 1996 и 1999 гг. оно показало себя прекрасно управляемым каналом коммуникации с высоким манипулятивным потенциалом. Опираясь на хорошие результаты его использования в тактических целях, в нулевых

годах телевидение стало функционировать в качестве стратегического информационного ресурса власти, что серьезно сузило возможности влиять на общественное мнение.

Телевидение, как канал массовой коммуникации, обладает потенциалом стирать грань между документальной и художественной реальностями. Этот опыт конца 1990 г. получил развитие в 2000-х, когда целая система правовых программ, программ происшествий и расследований постоянно дополнялась сериалами о борьбе правоохранительных органов с криминалитетом. Это подтолкнуло нас к формированию следующей гипотезы: телевидение стало для власти основным каналом размещения объектов художественной коммуникации в 2000 гг., которые должны были транслировать на общество главную идею политической системы, сформулированную на заре нулевых годов – утверждение «диктатуры закона». Для проверки наших предположений мы провели количественный контент-анализ, взяв за его единицу премьеру телесериала с темой героики правоохранительных органов и спецслужб России на современном материале. Временной промежуток – с 2001 по 2009 гг. включительно. Всего за это время состоялось 25 премьер с интересной динамикой: пиковыми годами запуска новых сериалов стали 2004 г. и 2008 г. – время президентских выборов.

Важно отметить, что телесериалы выходили не последовательно, а параллельно, причем по несколько сезонов. Например, 12-й по счету сезон сериала «Улицы разбитых фонарей» стартовал 16 февраля 2012 г. спустя 14 лет после премьерного показа. В целом объемы производства отечественных сериалов за это время выросли более чем в 20 раз: с 60–80 часов в год (в 1990 гг.) до 1500–2000 часов в год (к концу 2000 гг.) [1, с. 4]. Теперь сравним эту политически ангажированную тематику телевизионного кинематографа с основными сюжетами литературных произведений, точно попадавших в информационную повестку дня, и, которые также можно рассматривать как политически ангажированные. Литературные критики в целом не одобрительно относятся к политической ангажированности, но в периоды бурных политических процессов политизация творчества проявляет себя очень активно. Для того чтобы у писателя, художника, кинематографиста, поначалу далекого от политики, возникло желание создать произведение, в котором отразились бы реальные политические события, он должен сам политизироваться. Его гражданское и художественное сознание проходит в этом направлении сложный много-

фазовый процесс, начинающийся с пристального внимания к реальным политическим событиям и явлениям. К творцу приходит понимание их значения для судеб общества и цивилизации. В его сознании происходит глубокое осмысление политических идей, доктрин, идеологий, и формируются собственные политические взгляды. Он уже не может безучастно и свысока смотреть на политическую борьбу и, в конце концов, оказывается втянутым в нее на чьей-нибудь стороне.

В Пелевин в произведении «Священная книга оборотня» (М., 2004 г.) спроецировал образ оборотня на сотрудника спецслужбы. Когда писатель завершал роман, начался процесс над группой высокопоставленных сотрудников МЧС и МВД. Комментируя это событие, бывший тогда министром внутренних дел Б. Грызлов назвал их «оборотнями в погонах». С тех пор это устойчивый образ, регулярно используемый в СМИ.

Традиционный антагонизм общества и чиновников проявился в романах о вампирах. Если С. Лукьяненко в книге «Ночной дозор» (М., 1998 г.) только обозначил существование паразитирующего клана вампиров, то в «Романе с кровью» М. Чертанов (М., 2001 г.) высказал мысль, что вся российская элита принадлежит к этому тайному ордену. Наконец, в романе «*Empire V*» (М., 2006 г.) все тот же В. Пелевин делится версией: вампиры, специальный напиток «баблос», то есть деньги, которые производит человек, будучи вершиной пищевой цепочки. У вроде бы аполитичного в своих произведениях С. Лукьяненко в книге «Новый дозор» (М., 2012) главный герой размышляет на тему: имеет ли он моральное право пользоваться способностями «инога», преодолевая московскую автомобильную пробку? Это яркая иллюстрация того, как массовая литература внедряется в актуальный информационный контекст. В данном случае – движение «синих ведерок» против «мигалок».

Примером того, как меняется общественное настроение по отношению к бизнесменам, стал роман Т. Устиновой «Олигарх с Большой Медведицы» (М., 2004 г.), где разоренный олигарх изображается положительным героем. Нарастание волны экстремизма, прежде всего молодежного, предсказано в самом популярном романе З. Прилепина «Санька» (М., 2006 г.).

Процесс вмешательства силовых и государственных структур в бизнес-деятельность отражен в книге Ю. Латыниной «Промзона» (М., 2003 г.). В ней главным генератором конфликта, в котором участвуют «олигархи» и криминальный авторитет, является полпред в федераль-

ном округе, в советском прошлом – специалист по организации военных переворотов в Африке. Тема гибели России отражена в романе Д. Быкова «Эвакуатор» (М., 2005 г.). Ее мрачное будущее описано в антиутопиях В. Сорокина «День опричника» (М., 2006) и В. Пелевина «*S.N.A.F.F.*» (М., 2011).

Мы не ставили задачу воссоздать всю картину литературного процесса, а только сделали выборку произведений, которые пользовались успехом у аудитории и были отмечены профессиональным сообществом. В них актуализировались альтернативные по отношению к официальной информационной картине проблемы, чтобы подчеркнуть: взаимовлияние документального и художественного потоков происходило не только в телевизионном эфире, но и читательской среде. Влияние художественной литературы на политический процесс в современной России остается еще в значительной степени не изученным. Однако на основании сопоставления социологических исследований Аналитического центра Юрия Левады, мы предполагаем, что оно в принципе есть и должно учитываться при анализе социально-политических феноменов.

В «Вестнике общественного мнения» (2008. № 6) были опубликованы результаты социологического исследования «Чтение и общество в России в 2000-х годах» [4]. Обобщив зафиксированные в исследовании данные, мы можем сделать следующие выводы. Молодежь, молодые взрослые (они же жители крупных городов – от 500 тыс. жителей) с невысоким уровнем достатка (вопреки устоявшемуся мнению, что «молодежь не читает») стали к концу 2000 гг. больше читать художественную литературу, отдавая предпочтение темам и жанрам, успех которых зависит от точного воспроизведения разворачивающихся на их глазах политических процессов. В целом они удовлетворены прочитанным, а значит, склонны доверять полученной через этот канал информации. Сопоставив эти данные с результатами проведенного Аналитическим центром Юрия Левады по заказу «Новой газеты» [5] социологического исследования участников протестного движения: митинга на Проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. и шествия 4 февраля 2012 г., мы обнаружили, что основная их масса относится к наиболее читающим группам. И в противоположность: практически не читающие, согласно опросу, граждане старше 55 лет (отдающие приоритет телевидению – прим. автора) в процентном отношении составляют самую малую возрастную категорию среди участников протестных акций.

Таким образом, среди факторов, которые раскалывают социальное информационное поле, мы выделяем:

– политическая повестка конца 1990 – начала 2000 гг. на сегодняшний день исчерпала свой ресурс злободневности для определенной части общества, а ее искусственная актуализация не эффективна;

– контроль над медийным полем (прежде всего – телеэфиром) не обеспечивает управляемость всем информационным пространством;

– в России к 2012 г. сложились не связанные друг с другом коммуникационные пространства, аудитории которых абсолютно по-разному оценивают политическую реальность;

– в современной литературе, как это было не раз в российской истории двух последних веков, выделилась весьма значительная группа писателей, разрабатывающих важные для своих читателей темы, черпающих материалы из группы тех СМИ, которые стремятся быть актуальными для своей аудитории. Так формируется ценностная система альтернативного информационного поля;

– информационно-пропагандистский комплекс власти сегодня не в состоянии преодолеть раскол информационного поля, поскольку на часть граждан страны их усилия не действуют, так как они ориентируются на другое коммуникационное пространство.

Мы можем сделать вывод, что консолидация вокруг выдвинутой властью программы возможна только в том случае, если она будет компромиссной, то есть соответствовать ожиданиям той части общества, политические ценности которой транслирует альтернативное информационное поле.

Список литературы

1. Акопов А.З. Особенности отечественного телесериала 2000-х годов: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2011, 24 с.
2. Варганова Е.Л. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М., 2009, 318 с.
3. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М., 2004, 288 с.
4. Дубина С., Зоркая Н. Чтение и общество в России в 2000-х годах // Вестник общественного мнения. 2008. № 6. С. 30–53.
5. Дубин Б. Якиманка и Болотная 2.0. Теперь мы знаем, кто все эти люди! // <http://www.levada.ru/10-02-2012/yakimanka-i-bolotnaya-20-teper-my-znaem-kto-vse-eti-lyudi> (дата обращения: 17.07.2012).
6. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика. 1990–2007. М., 2007, 560 с.

-
7. Иваницкий В.Л. Модернизация журналистики: методологический этюд. М., 2010, 360 с.
 8. Тулупов В.В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестн. Моск. ун-та. Серия № 10. Журналистика, 2003. № 2. С. 32–43.
 9. Ушанов П.В. Гласность как политическая технология. Владивосток, 2012. 120 с.
 10. Ушанов П.В. Специфика проявления коммуникационной бинарности в политическом пространстве современной России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012, № 4. С. 30–36.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: ПОБЕДОНОСНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Чурьгин А.В.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В статье автор анализирует ключевые этапы развития политического ислама (ПИ) в конце двадцатого – начале двадцать первого веков: возникновение ПИ как ответ на попытки «вестернизации» мусульманского общества, трансформация ПИ в фундаменталистские движения и партии, стремящиеся к политической власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Исследуя результаты революций «арабской весны», автор показывает причины поражения ПИ в странах с большинством мусульманского населения – «материнских» странах и усиление влияния ПИ в странах диаспоры – на примере западной Европы. На основе статистических данных автор предлагает свое видение перспектив диалога между миром ислама и постхристианским Западом.

Ключевые слова: политический ислам; мусульманские диаспоры; исламистские движения; братья-мусульмане; исламизация.

POLITICAL ISLAM: VICTORIOUS DEFEAT

Chuprygin A.V.

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

In this Article the author analyzes key stages in evolution of Political Islam (PI) in the end of 20th – beginning of 21st Century, whereas the argument goes around PI evolving from the attempt to face westernization of Muslim societies into fundamentalist movements and parties seeking absolute political power. While researching the aftermath of «Arab Spring» revolutions the author compares failures of PI in the «mother» countries –

countries of predominantly Muslim population, and strengthening of its influence in the countries of diaspora as is the case of Europe. On the basis of statistical data the author argues his point of view on the future of the dialogue between the world of Islam and post-Christian west.

Keywords: *Political Islam, Muslim diasporas, Islamist movements, Muslim Brotherhood, Islamization.*

Темой настоящей статьи являются последствия «арабской весны» – те изменения общественного характера, которые произошли вследствие массовых выступлений социальных сил против диктаторских режимов, в результате которых мы наблюдаем феномен прихода к власти групп и движений, вдохновленных исламистскими устремлениями. Основные социальные группы в странах арабского региона систематически подвергались и подвергаются до сих пор репрессивному давлению со стороны диктаторских правительств – но не только. Большую роль в формировании «взгляда во-вне» (*weltanschauung*) общественных групп играют консервативные силы, использующие религию – в нашем случае традиции ислама – как основной и единственный источник конструирования базовых представлений о внутренних и внешних ценностях.

Целью настоящего исследования было определить – каким образом религиозный дискурс влияет на социальное и политическое развитие стран в регионе MENA? Что представляют собой религиозные элиты и некоторые более широкие социальные группы, использующие религиозные инструменты для влияния на различные сферы жизни и деятельности общества? В чем различие между развитием религиозного самосознания в «материнских» странах и в рамках мусульманских диаспор, прежде всего в Европе?

Монотеистические религии особенно подвержены тенденции интерпретировать религиозные законы (божественные установления) как неотъемлемую часть собственно веры. Бог в этом аспекте рассматривается в качестве единственного возможного законодателя. Однако «... этот примат божественных законов постоянно подвергался и подвергается в новейшее время противодействию с момента формирования национального государства» [1].

Эта тенденция противостояния наиболее наглядно проявилась в ситуации в Египте сейчас, спустя два года после революции, свергнувшей режим Мубарака. В центре противоречий оказался пункт конституции,

обеспечивавший бесспорный исламский приоритет в формировании законов страны. В дополнение к этому свою роль сыграла политика братьев-мусульман, направленная на полную узурпацию власти в стране, изоляцию гражданских политических групп и внедрению в повседневную жизнь практики доминирования исламских догм и уложений в противовес секулярной традиции. Удивительным стал тот факт, что «...в выработке «исламизированной демократической» конституции не принимали участия профессора «Аль-Азхара» – центра традиционной научной исламской мысли: процесс осуществлялся исключительно братьями-мусульманами и их салафитскими союзниками. Это стратегическое «упущение» резко снизило уровень легитимности правительства М. Мурси даже в глазах религиозно настроенной части населения» [2].

С момента завоевания независимости постколониальные страны MENA решали болезненный вопрос демократизации общественной жизни. Регион пережил «болезни» арабского национализма, панарабизма, социализма и целый букет других – измов за весьма короткий исторический период. Ни один из этих экспериментов не избавил народы региона от авторитаризма и, в некоторых случаях, деспотизма – за исключением ряда наследных монархий, которым удается поддерживать баланс сил гражданского общества благодаря продуманной «просвещенной» политике, как это происходит в Иордании, Марокко и Кувейте. В подавляющем же большинстве стран региона, начиная с восьмидесятых годов 20 века, доминирующим дискурсом является «дискурс исламизации». «Даже несмотря на некоторую невнятность, «исламизация», вероятно, представляет собой единственно действенный концепт, сформулированный сегодня в противовес «вестернизации»» [8].

З. Куру и А. Куру так описывали политический ислам: «...идеология, появившаяся в двадцатом веке, как реакция на колониализм и модернизацию. Политический исламизм ставит своей целью построение исламского государства, управляемого законами Шариата. Несмотря на то, что политические исламистские движения можно в некоторой степени отнести к феномену исламского возрождения, они все же прежде всего представляют собой движения политические. Политический исламизм считает создание исламского государства необходимым условием для достижения гармонии в жизни мусульман» [4].

В настоящей статье мы постараемся показать, что для преодоления расширяющейся линии раздела между исламским миром, каким мы его

видим сегодня, и Западом необходимо деисламизировать политические процессы, проходящие в странах современного Ближнего и Среднего Востока и вне его. Под деисламизацией мы понимаем как процесс ликвидации воинственных фундаменталистских тенденций так называемого «политического ислама», так и исключение из культурного и идеологического контекста радикальной риторики «глобального исламистского движения» и замещение его поддержкой социальных и политических групп, опирающихся на контекстуальную трактовку исламских принципов справедливости и равенства, лежащих в основе равноправного диалога мировых цивилизаций.

Исламизация неразрывно связана с исламистскими реформистскими движениями XVIII–XIX веков и всплеском исламского реформизма в 20–30-х годах XX века. Наиболее яркими примерами являются сануситы в Ливии и махдисты в Судане, братья-мусульмане в Египте и соседних арабских странах и Джамаат-и-Ислами (Индия), основанная Маулана Абу Аль-Махдуди. Все эти движения имели объединяющее начало в том смысле, что все они стремились к «настоящему, чистому Исламу» Корана и Пророка. Все реформистские движения того периода проповедовали строгий монотеизм и право каждого мусульманина на «иджтихад» как достижение собственного знания взамен слепого соблюдения застывших теологических и правовых традиций. Движение исламизации начального периода проникало во все сферы жизни – культуру, политику, экономику, образование и являлось в основе своей реакцией на политическую и культурную гегемонию Запада. Запад обвинялся в том, что насаждал в мусульманском обществе противные ему «так называемые гуманитарные ценности во имя прогресса», одновременно ведя беспощадную экономическую войну против коренных интересов исламских стран.

Во второй половине XX века исламизация стала приобретать современные формы, которые можно описать как «исламский модерн», полностью отрицающий фактор поступательного общественного развития. Это подтверждается, в частности, лозунгом неофундаменталистов, утверждающим Ислам как «единственный и самодостаточный стиль и образ жизни». Со второй половины 20 столетия начинается непримиримая борьба неофундаменталистов против «еретического» влияния Запада за умы молодежи в «материнских» странах и в рамках диаспоры. В экономико-социальной сфере начался бурный процесс создания

исламских банков, исламских школ и университетов, резко увеличилось количество исламских конференций различной направленности, усилилась пропаганда продуктов «халяль» и длинных бород у мужчин, «хиджабов» для женщин и «соуб» для мужчин. Неспособность или нежелание соблюдать внешнюю атрибутику ислама стала причиной социальной напряженности не только в странах традиционного ислама, но и в миноритарных исламских обществах и в странах диаспоры. Все эти явления должны рассматриваться как пассионарный поиск исламской идентичности на фоне протеста против навязываемых западных ценностей.

Апогеем процесса исламизации стали революции в Тунисе и Египте, где к власти пришли партия Ан-Нахда в Тунисе и братья – мусульмане в Египте.

Пониманию феномена процесса исламизации, наблюдаемого в последние три года на Ближнем Востоке, будет способствовать анализ, осуществленный Ларби Садики, который обратил внимание на фактор «арабского и исламского культурного наследия» как решающий в понимании бесконечных попыток арабского общества «сконструировать переход к независимости, затем к модернизации, исламизации, глобализации и, наконец, демократизации» [9].

Результатом «исламизации» политического дискурса стало формулирование хартии прав человека, принятой Исламским советом Европы 19 сентября 1981 года и получившей название Всеобщая Исламская Декларация Прав Человека. Однако, как метко заметил Ибрагим Муса, «Всеобщая Исламская Декларация Прав Человека должна на самом деле называться Всеобщая Исламская Декларация Обязанностей Человека», тем самым показав, что при формулировании Декларации ее создатели практически переписали основные нормы Шариата.

Здесь кроется один из краеугольных вопросов исламизации, а именно – кто определяет соответствие законов нормам Шариата? И что является первичным в законоустановлении – Шариат или Умма (общество)? Например, в Египте до восстания 2011 года вопросами Шариата занимался Верховный конституционный суд, а после 2011 года эта функция перешла в компетенцию университета Аль-Азхар, на практике же была узурпирована братьями-мусульманами. В Иране за соответствие законов нормам Шариата отвечает Совет Хранителей (вилаяй аль-факих). Отсутствие единой нормы и методики приводит к серьезным конфлик-

там в трактовке фундаментальных ценностей. При этом «основным постулатом исламистов является примат Шариата перед Уммой в установлении законопорядка» [3]. В ряде случаев этот конфликт приводил и приводит к противопоставлению индивидуальных свобод, в том числе в отправлении религиозных обрядов, «общественной исламской морали», что в свою очередь вызывает реакцию отторжения в современном арабском обществе в «материнских» странах, в особенности, у самой продуктивной его части – возрастной категории от 20 до 45 лет.

Наиболее ярким проявлением этого конфликта явилось бесславное правление М. Мурси и братьев-мусульман в Египте. Пришедшие к власти на волне массовых протестов против коррупции и вестернизации режима Мубарака, братья-мусульмане при поддержке союзников-салафитов, исходя из тезиса о том, что «настал день возрождения настоящего шариатского государства», приступили к открытой исламизации всех сторон жизни общества – от конституции до СМИ и до государственных учреждений. Примечательно, что в своем отчете, опубликованном на волне прихода к власти в Египте исламистов, американский исследовательский фонд PewResearch объявил, что 76% населения Египта хотели бы видеть шариат государственным законом своей страны [7]. Однако, по прошествии лишь одного года, то же самое большинство лишило исламистов власти в стране на волне протестов против исламизации общества. Прав был французский социолог Оливер Руа, заметивший что «не существует настоящей исламистской политической теории, так как исламизм отрицает политическую философию и гуманитарные науки вообще. Мистические зывания к добродетели маскируют неспособность сформулировать исламистскую политическую программу, отражающую потребности общественных реалий».

В то время как светские политики в регионе все громче провозглашают необходимость отделения религии от политики, те же политики используют символику и риторику ислама для достижения тактических целей.

Манипулирование исламом ради политических целей стало узнаваемой частью инструментария арабских лидеров, при этом совершенно очевидно, что до тех пор, пока не появятся другие инструменты легитимации на политическом поле в регионе, тенденция эта будет усиливаться.

Рассуждая об использовании светскими властными элитами исламской символики и риторики, нельзя не обратить внимание на то, что в абсолютной параллели к тем же инструментам прибегают их антиподы – исламские фундаменталисты. Причем как традиционные религиозные лидеры, так и «новые» исламисты, а также духовные отцы пуританских общественных движений, таких как ваххабизм, салафизм и др. В результате противоборствующие силы как на светском, так и на религиозном фланге находят исключительно «практичным» манипулирование религиозными понятиями ради «сохранения арабского/исламского наследия».

Все это приводит к тому, что в современных арабских обществах мы наблюдаем некий феномен, когда государство осуществляет светский заказ с легким налетом ислама в экономико-политической сфере, при этом сталкиваясь с массовым стремлением к восстановлению религиозных исламских ценностей в морально-этическом, семейном и культурном аспектах. Такое раздвоение не может в результате не привести к серьезному социальному конфликту – что и произошло в Египте и, полагаем мы, в скором будущем, повторится в Тунисе.

На основании вышеизложенного мы приходим к парадоксальному выводу: основным результатом событий «арабской весны» стал серьезный провал «политического ислама». Пришедшие к власти представители фундаменталистских исламистских движений, составляющих основу этого явления, в короткие сроки наглядно продемонстрировали населению не только необузданное стремление к тоталитарной власти, но и полную неспособность осуществлять какую-либо внятную социально-экономическую программу. Парадокс ситуации заключается в том, что провал «политического ислама» ограничен территорией «материнских стран», тогда как в странах диаспоры видна тенденция усиления позиций движений и групп, непосредственно связанных с явлением «политического ислама». В качестве материнской страны наиболее ярким примером представляется Египет. Сразу после прихода к власти М. Мурси начал проявлять склонность к авторитаризму. Вместо того, чтобы обратить внимание на те 48%, которые голосовали против него, и попытаться привлечь их на свою сторону, Мурси с первых дней проводил жесткий курс исламизации всех без исключения сторон жизни египетского общества, при этом демонстративно игнорируя тот факт, что в 52% процента его сторонников на выборах вошли и предста-

вители либеральной интеллигенции. Интересна характеристика правления Мурси, данная Фаридом Закария, назвавшим режим Мурси «антилиберальной демократией» и указавшим на «...тревожный феномен избранного правительства, систематически нарушающего права своих граждан и лишаящего их гражданских свобод» [10]. Таким образом, население Египта – материнской страны, включая 76% сторонников шариата, столкнулись с жесткой антилиберальной политикой исламистов, резко отличающейся от лозунгов периода борьбы за власть. К тому же и в экономической сфере братья-мусульмане, пришедшие во власть без внятной экономической программы, потерпели полное поражение.

В то же время в европейских странах мусульманская диаспора переживает период пассионарного подъема уровня религиозности. Растет количество мечетей и прихожан. Пятничная молитва становится все популярней, в особенности среди продуктивной молодой части диаспоры. Ислам в последнее десятилетие не только активно распространяется в Европе: идет процесс вытеснения христианства как доминирующей религии. В Германии мусульманское население выросло с 50000 в 1980 году до 4 млн человек. Несмотря на то, что 64% (41,6 млн чел) населения Франции называют себя католиками, только 4,5% (1,9 млн чел) являются практикующими католиками, тогда как 4,5 млн из 6 млн выходцев из Северной Африки идентифицируют себя с исламом и 2,5 млн считают себя практикующими мусульманами [4]. В Англии, как показывают исследования, 930000 мусульман как минимум один раз в неделю посещают мечеть, тогда как только 916000 последователей англиканской церкви еженедельно присутствуют на молитве в храме. Начиная с 1960 года, 10000 церквей в Англии было закрыто и еще 4000 планируются к закрытию к 2020 году из-за дефицита прихожан, в то время как, по официальной информации, количество мечетей достигло 1700, а мусульманских молельных домов – 2000, многие из которых образованы в помещениях покинутых церквей. По прогнозам Pew Research Center к 2030 году количество мусульман в Англии достигнет 5,5 млн человек, что составит 8% населения страны. «В процессе замещения исламом христианства в качестве доминирующей европейской религии все больше покинутых церквей превращаются в мечети, которые выступают не только в роли религиозных институтов, но и как кирпичики политического основания для создания в Европе параллельных мусульманских общин, основанных на законах Шариата» [6].

Мусульманская диаспора в Европе, не сталкиваясь с негативными последствиями прихода к реальной власти исламистских движений, наиболее подвержена влиянию пассионарной риторики миссионеров от фундаменталистских пуританских движений политического ислама и представляет собой наиболее благоприятную почву для распространения экстремистских идей. Можно быть уверенным в том, что наиболее активные движения и группировки, занимающие лидирующие позиции в политическом исламе в ближайшие годы сосредоточат основные усилия на работе в мусульманских общинах Европы.

В этих условиях на первый план выходит вопрос интеграции исламской диаспоры и противодействия политическому исламу со стороны традиционных мусульманских религиозных деятелей при поддержке секулярных правительств и неправительственных организаций в Европе – тем более, что политический ислам в своем стремлении к узурпации власти и нетерпимости к любым проявлениям инакомыслия теряет опорную базу в странах с подавляющим большинством мусульманского населения и становится уязвим в странах диаспор. От результатов просветительской работы в мусульманском обществе зависит не только и не столько судьба стран Ближнего Востока и Севера Африки или путь, по которому пойдет развитие отдельных европейских стран, но и, прежде всего, судьба диалога цивилизаций, необходимость которого очевидна. Ответ лежит в деисламизации политической и общественной жизни, в процессе которой подойдет к завершению поиск ответа на вопрос «что есть исламское, а что нет».

Список литературы

1. Arskal Salim. Challenging the Secular State: The Islamization of law in Modern Indonesia. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. P. 1.
2. Al-Labbad Mustafa. Is a Second Egyptian Revolution on the Way? ALMONITOR. 2013. <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2013/01/egypt-new-revolution.html> (просмотр 27 сентября 2013 г. 10:50).
3. Al-Sayyid, Ridwan. 2013. State and Religion in a Revolutionary Era: Perspectives and Demands of the Islamic Awakening. Contemporary Arab Affairs, July 16: 1–16. doi:10.1080/17550912.2013.799732. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17550912.2013.799732>
4. IFOP. ANALYSE: 1989–2011, Enquete Sur L'implantation et L'evolution de L'islam de France. 2011. http://www.ifop.com/media/pressdocument/343-1-document_file.pdf

5. Kuru Z.A., Kuru A.T. Apolitical Interpretation of Islam: Said Nursi's Faith-Based Activism in Comparison with Political Islamism and Sufism. *Islam and Christian-Muslim Relations*. Vol. 19. No. 1. P. 99–111, January 2008. P. 100.
6. Kern S. Muslims Converting Empty European Churches into Mosques. Gatestone Institute. 2012. <http://www.gatestoneinstitute.org/2761/converting-churches-into-mosques>
7. Pew Research Center. 2013. The World's Muslims: Religion, Politics and Society. 2013. <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/> P. 2.
8. Sadiki Larbi. *Rethinking Arab Democratization: Elections Without Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2009. p. 19.
9. Sadiki Larbi. *Rethinking Arab Democratization: Elections Without Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2009. p. 16.
10. Zakaria Fareed. After the Coup: Egypt Must Reach Out to the Islamists It is now jailing. *Time*. 22 July 2013.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ В КАББАЛИСТИКЕ: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Антипина Е.В.

Аспирант БашГУ, Уфа, Россия

В данной статье исследованы проблемы творчества, значения творчества для человека и взаимодействие творчества и личности в каббалистике. На наш взгляд в каббалистической литературе представлены социально-философские проблемы, связанные с творчеством и личностью. В статье показана актуальность данных вопросов, поставлены проблемы и раскрыт образ творчества в каббалистике.

Ключевые слова: творчество, личность, творческая энергия, каббалистика, самореализация, интеллектуальный труд, тело, дух.

CREATIVITY AND PERSONALITY IN CABALA: SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Antipina E.V.

Postgraduate student BSU, Ufa, Russia

In this article analyzed the problem of creativity, value creation for human, interaction creativity and personality in the cabala. In our opinion, in Kabbalistic literature are social and philosophical problems associated with creativity and personality. The article shows the importance of the issues, problems and put an image of creativity is disclosed in the cabala.

Keywords: creativity, personality, creative energy, cabala, self-actualization, intellectual work, body, spirit.

В последние годы всё больший интерес, особенно на Западе, начинает проявляться к каббалистике. Однако, мы не можем говорить о рассмотрении вопросов кабалистики, как вопросов философского толка. В России же каббалистическая литература совершенно не сопоставима с философским знанием, а именно не однозначно отношение к её преподнесению понятия личности. Кроме того, данный вопрос вызывает массу волнений. Рассмотрение данного понятия довольно специфично и соотносимо и с эзотерикой, и с психологией, не смотря на то, что изначально каббалистика представляла собой взаимосвязь философии, религии, астрономии и других видов знаний.

«Наука каббала представляет собой причинно-следственный порядок нисхождения Высших сил, которые подчиняются постоянным и абсолютным законам, связанным между собой и направленным на то, чтобы раскрыть человеку в этом мире Высшую управляющую силу, которую мы именуем Творцом» [1, с. 9].

Современная философия, а в частности социальная философия не может позволить себе базироваться лишь на логике, идеи разума. Личность слишком сложное понятие и для полного раскрытия данного понятия необходимо прибегнуть ко всем отраслям знания. Самораскрытие, самоактуализация, самоидентификация, философская рефлексия, самопознания это всё вопросы, находящиеся на грани множества дисциплин, и раскрывающие понятие личности. Неоспорима актуальность вопроса творчества, и соотношения личности и творчества в наши дни. Через творчество личность становится личностью и человек человеком. Существует множество концептуальных образов творчества. Каббалистика даёт нам достаточно специфичный образ творчества и показывает тонкую взаимосвязь творческого начала в человеке со всем миром.

«Тайны и постижение мироздания не передаются одному или избранным, а всем творениям, всему миру, каждому дано слияние с Творцом» [3].

Здесь нет явного конкретного описания понятия творчества, но есть представление о человеке творящем, мыслящем, интеллектуальном, и создающем. В литературе достаточно мало мы сможем найти упоминаний о том, как трактуется творчество в каббалистике. Но рассматривая понятие личность, мы не можем обойти понятие творчество. В каббалистике на наш взгляд представлен концептуальный образ твор-

чества и взаимосвязь личности и творчества, а также способы раскрытия в человеке творческой энергии. Проблема и одновременно новизна состоит в том, чтобы выявить этот образ творчества в каббалистике, раскрыть его суть. Личностное начало в каббалистике напрямую связано с творческой энергией. Данное понятие – творческая энергия в полной мере раскрывает сущность интеллектуальных порывов, созидательного начала в человеке.

Одновременно проблематика состоит в том, что в каббалистике чисто воображение без материальной оболочки, то есть без своей реализации недопустимо. «Если вам тяжело приняться за последовательный труд, тогда как воображение действует само по себе, это доказывает, что ваш интеллектуальный центр преобладает над центром инстинктивным, чему следует противодействовать, так как, в случае внезапного несчастья или материального недостатка, обстоятельства поставят вас лицом к лицу с действительной жизнью, и тогда вы не в состоянии будете воспроизвести что-либо основательное и останетесь мечтателем и болтуном» [2]. Мы можем выразить данные слова по-иному: социально-значимым и значимым для самореализации самой личности является лишь то действие, которое является окончанным, основательным, имеющим конечный результат. Идеи сами по себе пусты, они должны иметь материальную оболочку. Значат ли данные слова то, что процесс творчества не важен для каббалистов? Нет, важен не только результат, но и процесс, но процесс должен иметь определенный вид, для достижения реального результата. Творческая работа это всегда тяжелый труд или даже «страдание», к которому мы должны подготовиться и идти всю свою жизнь. Кроме того, мы постоянно должны помнить о своём физическом теле и о его потребностях, ровно, так как о материализации своих идей и замыслов, и в этом должна проследиваться взаимосвязь. «Большое заблуждение относиться презрительно к физическому телу и его потребностям. Это доводит до бессилия ума, непроизводительного мистицизма и сумасшествия. Природа одарила человечество тройным способом проявлять свое существование, и цель этого существования заключается не в том, чтобы убить быка под предлогом, что он плохо двигается, так как этим способом мы лишились бы возможности перемещения» [2]. Данная постановка очень проблематична, и может вызывать массу вопросов связанных с тем: правомерно ли

называть такую материализацию творчеством. Если мы рассматриваем образы творчества, связанные с самореализацией личности, то в них творчество рассматривается именно как полезная деятельность, то есть та деятельность, которая имеет конечный результат. Все эти концепции имеют место быть. И материализация творческого процесса только усиливает значимость творчества, а, кроме того, данная постановка весьма актуально сейчас, так как этот вопрос связан ещё и с самореализацией личности.

Материализация творчества связана также с вопросом о возможности обучения творческому процессу. В каббалистике данный вопрос решается неоднозначно. С одной стороны, получить творческий порыв человек может извне, то есть из природы, причем с помощью своего физического тела. Для приобретения творческой энергии необходимо, во-первых, приступать к работе всегда в одно и то же время, во-вторых, выполнять определенные интеллектуальные упражнения. Дисциплина и тренировка. Но, самое главное, то, что к человеку может прийти вдохновение после недели приёма определённой пищи, определённого питья и прослушивания определённой музыки и к этому должны добавляться различные благовоения по предписанию в зависимости от того, что желает постичь в итоге человек, к примеру, желает ли он, чтобы снизошло к нему вдохновение, либо озарение. Но в то же время в литературе говорится о том, что не каждый может, поев определённой пищи стать великим мудрецом или великим поэтом, эта энергия связана не только с телом человека, но и с духом. Дух и тело должны прибывать в полной гармонии и получать постоянно энергию из внешнего мира. Человек должен трудиться, упорно трудиться, получать информацию, и только тогда он сможет, как в дар получить способность созидать.

Таким образом, представление о творчестве в каббалистике связано с социально-философскими проблемами, актуальными проблемами. Это и самореализация личности, самоактуализация, гармония души и тела, положение человека в обществе, материализация возможностей человека, результаты творчества и ценность их для человечества. Здесь дан образ творчества как созидающей энергии, которая дает возможность человеку занять свое место в социуме, которую возможно получить извне, но только через упорный труд.

Список литературы

1. Михаэль Лайтман «Каббала для начинающих». Т. 1. М., Астрель, 2007 г. 437 с.
2. Папюс «Практическая магия». Электронная книга, 6 часть, гл. 5.
3. URL: http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D0%B1%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B0 (30.08.2013 г.).

МЕТАФОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Власов Д.В.

Московский государственный университет экономики, статистики
и информатики (МЭСИ), Москва, Россия

Метафоризация и концептуализация – способы образования понятий, соотношение которых зависит от особенностей предметной области, ее связью с миром повседневного опыта. В статье установлено, что если предметная область теории полностью или в значительной степени совпадает с миром повседневного опыта, то основным способом образования понятий является концептуализация, если же предметная область не совпадает с миром повседневного опыта, но позволяет усматривать определенные структурные сходства, то при образовании новых понятий широко используется метафоризация.

Ключевые слова: *концепт, концептуализация, метафоризация, понятие, язык, онтология, предметная область.*

METHAPHORIZATION AND CONCEPTUALIZATION AS WAYS OF FORMING THEORETICAL NOTIONS

Vlasov D.V.

Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (MESI),
Moscow, Russia

Methaphorization and conceptualization are the two ways to form theoretical notions. The relationship between these chiefly depends on the theory's subject matter and its relationships between the everyday experience world. If the theory's subject sphere completely or mostly coincide with everyday experience world, then the main principle of theoretical notion formation become conceptualization. If the theory's subject sphere does not

concur with everyday experience world, but allows to see some similarity of structure, then during processes of notion forming methaphorization is used in general.

Keywords: *concept, conceptualization, methaphorization, notion, language, ontology, subject area.*

Традиционно понятие определяется как абстрактная информационная структура, мысль, отображающая определенный набор предметов, позволяющих эффективным образом их выделить от других предметов универсума. При этом понятие противопоставляется представлению как чувственному образу. Процесс же формирования понятий представляется как абстрагирование от всех чувственно конкретных признаков выделяемого класса, поскольку эти признаки могут не обладать достаточной степенью общности и не свободны от субъективизма, могут отражать индивидуальное восприятие конкретного субъекта, обремененное его личным опытом.

Между тем в реальном человеческом мышлении понятие неотделимо от представлений (обобщаемые в понятиях предметы, как правило, первоначально даны в представлениях). Многие понятия науки и других специальных областей человеческой деятельности для своего терминологического оформления используют слова естественного языка, имеющие интуитивно-ясные смысловые референции. При этом вступает в силу механизмы метафоризации и концептуализации.

Метафоризация как путь образования новых понятий прослеживается уже на уровне обыденного языка. Об этом свидетельствуют, в частности, названия мер длины, используемые во многих национальных языках (в ходе социальной практики происходило перенесение восприятия человеком бытия, первоначально ограниченного пределами собственного тела, на все более широкие пласты внешней реальности). На метафорическую природу такого переноса указывает А.П. Шептулин: «В качестве образцов некоторых общих свойств человек иногда использовал части своего собственного тела, о чем свидетельствуют метафоры, сохранившиеся до сих пор в цивилизованных языках» [1, с. 186].

А.Е. Седов приводит целый ряд понятий генетики, для языкового оформления которых использованы метафорический термины: «барабанные палочки», «ген-хозяин», «молчащая ДНК», «химерный ген», «эгоистичная ДНК» и др. [2, с. 526–534]. Ричард Докинз даже назвал

свою книгу, используя метафорический термин «Эгоистичный ген» [3]. Можно привести немало примеров подобных понятий и из других областей научного знания и техники. Так, например, медицинская терминология на современном этапе пополняется уже не столько за счет латинских терминов, сколько за счет терминов общеупотребительной лексики, используемых в метафорическом значении. Эта тенденция ярко проявляется и в сфере компьютерных технологий.

Объективной основой для метафорического использования терминов естественного языка чаще всего является наличие ассоциативных связей по сходству формы, внешнего вида или производимого впечатления (например, пятак борта крыши, козырек судна и т.д.), либо по сходству функции (например, дворник). Термин-метафора может иметь своим источником слово из какой-то одной подсистемы языка, например, из общелитературного языка или базироваться на взаимодействии двух лексических систем, например, системы общеупотребительного языка и языка для специальных целей (например, «юбка конуса агрегата заправки самолета» и т.д.). Наиболее часто термины-метафоры имеют своим источником общеупотребительную лексику, таким образом, метафора может рассматриваться как способ непосредственной связи естественного языка с языком науки.

По мере использования нового понятия, его уточнения, наполнения строгим теоретическим содержанием метафорическая напряженность снижается, понятие становится привычным, превращается в «стершуюся» метафору. Таков, в частности, путь образования основных понятий классической физики. Так, например, Г. Башляр проследил эволюцию понятия массы. Первоначально это понятие означало совокупность благ, количество еды, затем оно использовалось при взвешивании. И лишь в ньютоновской механике это понятие приобрело теоретическое значение, будучи включенным в систему понятий, наряду с понятиями силы и ускорения [4].

Аналогичным образом складывалась судьба других понятий физики – таких, как сила, поле, тяготение и др. Все они были заимствованы из повседневного опыта и натурфилософских концепций. По мере развития теории и уточнения содержательного и оперативного смысла понятия его метафорическая основа элиминируется. Поэтому чем старше наука, тем меньше метафор среди ее основных понятий. Так, мы не найдем метафор среди основных понятий математической ста-

тики. Понятия «переменная», «зависимая переменная», «признак», «надежность», «статистическая мощь» и др. давно утратили свое метафорическое звучание, в основе которого лежала смысловая связь с общеупотребительной лексикой.

Другая причина, по которой доля метафор среди понятий науки может сводиться к минимуму, связана с особенностью предметной области науки. Так, при образовании юридических понятий используется не метафоризация, а главным образом концептуализация. Это объясняется близостью права к обыденному опыту, отношению между людьми. Вот почему основным способом образования юридических понятий является концептуализация. В качестве материала для концептуализации могут выступать как неконцептуализированные, обыденные понятия, так и понятия, уже прошедшие концептуализацию в правовом дискурсе. Процесс концептуализации обыденных понятий осуществляется путем таких процедур, как

1) юридическое закрепление определения понятия. Это определение, как правило, фиксирует значение понятия в обыденном языке или его общенаучное значение (примером может служить определение понятия «вода» в статье 1 Водного кодекса России, согласно которому вода – это «химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состояниях» [5]);

2) формирование системы смежных понятий, объединенных родо-видовыми и иными смысловыми отношениями;

3) включение понятия в более широкую систему правовых понятий, содержащую юридические понятия.

Наряду с перечисленными процедурами, в ходе концептуализации правовых понятий используются такие процедуры, как:

4) терминологическая филиация, то есть замена термина, выражающего понятие, другим термином, более точно выражающим содержание понятия.

5) совершенствование существующего нормативного определения, устранение имеющихся в нем дефектов формы (противоречий, тавтологий, неполноты).

Аналогичным образом обстоят дела с понятиями экономики. Основные экономические понятия, такие как «деньги», «цена», «богатство», «прибыль», «труд», «потребление», «товар», наряду со специфическим, строго определенным значением в системе экономической

теории, имеют близкие значения в обыденном языке, где соответствующие им термины используются для обозначения реалий повседневной жизни. Эти экономические понятия являются результатом концептуализации понятий естественного языка. В то же время от этих «старых», классических, базовых понятий экономической теории принципиально отличаются по способу своего образования некоторые новые понятия. К таким понятиям относится, в частности, понятие экономического пространства, которое имеет явно метафорическую природу.

Из двух функций языка – коммуникативной и когнитивно-познавательной – при использовании метафор в целях терминологической номинации в большей степени проявляется вторая функция. Эту позицию разделяет целый ряд исследователей. Так, С.С. Гусев еще в 1980-е г. назвал метафору «способом организации познавательной деятельности» [6, с. 153]. В.А. Татаринев отмечает, что термины-тропы выполняют не только номинативную, но и когнитивную (познавательную) функцию, помогая познавать новое явление [7, с. 5–12].

Когнитивистская концепция метафоры, как правило, опирается на авторитет Аристотеля, который первым описал метафору и считал ее единственно возможным средством выражения значений [8, с. 645–686], поскольку основу метафорического переноса составляет подобие, которое, по мнению Аристотеля, является основным средством познания.

Именно когнитивными свойствами метафоризации обусловлено ее широкое использование в процессе формирования языка науки. Метафора выступает в качестве необходимого элемента научного мышления, призванного восполнить дефицит информации об определенном фрагменте действительности путем сочетания семантически разнородных элементов знания по принципу аналогии.

Необходимость в метафорическом обозначении элементов онтологического базиса науки возникает, как правило, в том случае, когда этот онтологический базис не имеет или имеет мало общих элементов с онтологией обыденного опыта и естественного языка. В противном случае, как мы видели на примере языка права, используется концептуализация.

Метафора, используемая в роли научного понятия, выступает «посредником» при установлении аналогии или структурного соответствия между различными объектами или системами, благодаря чему выполняет эвристическую функцию. Например, в ходе поиска обобщающей

теории для объяснения электромагнитных явлений Д.К. Максвелл использовал аналоговые модели механики сплошных сред, причем фарадеевская картина мира создавала основу для переноса гидродинамических уравнений в создаваемую теорию электромагнитного поля. Такой перенос возможен за счет подстановки в аналоговую модель новых абстрактных объектов, которые соединяются с новой структурой, входят в новую сетку отношений, наделяются новыми признаками. В результате этой процедуры аналоговая модель превращается в теоретическую схему новой области взаимодействий, гипотетическая модель обнаруживает новое содержание, соответствующее еще не исследованной системе отношений. С.В. Степин описывает процесс выдвижения гипотезы в дедуктивном развертывании теории посредством следующей цепочки шагов: 1) картина мира, задающая единую точку зрения на материал, подлежащий теоретическому синтезу; 2) построение аналоговой модели как основы для переноса структур и отношений; 3) создание гипотетической модели, предполагающей конструктивное обоснование посредством процедур интерпретации в системе особых конструктов и превращение ее в теоретическую схему [9, с. 118].

На этом основании В.С. Степин приходит к выводу, что «применение аналогий является универсальной операцией построения новой теории. Научные теории не являются изолированными друг от друга, они развиваются как система, где одни теории поставляют для других строительный материал» [10, с. 18]. С этим утверждением, однако, нельзя согласиться. Как было показано, метафоризация не является единственным путем образования теоретических понятий. Для теорий, онтологическая база которых в значительной мере совпадает с онтологией обыденного опыта, преобладающим путем образования понятий служит не метафоризация, а концептуализация.

Не ограничиваясь примерами, приведенными выше, можно проиллюстрировать сказанное на примере понятий таких наук, как социология, психология, социальная психология. Предметом исследования социологии является общество, социальные отношения, процессы, протекающие в обществе. И, соответственно, значительная часть социологических понятий образована путем концептуализации соответствующих понятий естественного языка. Таковы, в частности, понятия «быт», «власть», «культура», «личность», «мода», «нация», «семья» и др. Что касается специфических понятий социологической науки, то

они образованы также путем терминологической филиации. К таким понятиям относятся «социальный агент», «социальная группа», «социальная ассимиляция», «вульгарный социологизм», «социальная дисфункция» и др. Число социологических понятий, образованных путем метафоризации, ничтожно (например, «выборка», «социальная роль»).

Таким образом, принимая во внимание все вышеизложенное, можно утверждать, что широко распространенная в классической философии и методологии науки позиция, согласно которой метафоре отводится главным образом роль подручного, вспомогательного средства, используемого на промежуточных этапах формирования любой теории, нуждается в корректировке.

Во-первых, как было показано, метафоризация в ходе образования научных понятий, используется отнюдь не во всех науках и специальных областях практики. Этот путь образования понятий характерен главным образом для тех теорий, онтологически удаленных от мира обыденного опыта людей. Что же касается теорий, онтологическая база которых в значительной своей части пересекается с онтологией повседневности, то они не нуждаются в метафоризации. К таким теориям относится большинство гуманитарных наук. Однако было бы ошибкой полагать, что все гуманитарные науки свободны от понятий метафорической природы. К теориям, в которых широко используются понятия-метафоры, относится, в частности, теория музыки.

Во-вторых, в тех науках, где метафоризация используется, она служит отнюдь не только вспомогательным, подручным средством. Понятия, образованные путем метафоризации, являются не только промежуточной, ступенью для образования полноценных, строго определенных научных понятий, встроенных в структуру теоретического знания, но сохраняют свою метафорическую природу на всем протяжении своего существования.

В связи со сказанным возникает ряд вопросов о соотношении метафоризации и концептуализации как двух механизмов образования специальных понятий. Это вопросы о том, насколько универсален каждый из названных механизмов, всегда ли они сопутствуют друг другу, или существуют области знания, в которых понятия образуются при преобладающем действии одного из этих механизмов.

С учетом описанных свойств концептуализации и метафоризации представляется, что соотношение этих двух механизмов образования

понятий в значительной степени зависит от особенностей предметной области соответствующей науки, ее соотношения с миром повседневного опыта. По этому признаку можно выделить следующие типы специальных предметных областей.

I. Предметная область, полностью или в значительной части совпадающая с миром повседневного опыта или определенным его фрагментом. Ярким примером данного типа предметной области является предметная область права. Практически все предметы, явления, события, с которыми имеет дело право, существуют в мире повседневного опыта. Другое дело, что в сфере права эти предметы, явления, события получают специальную, правовую интерпретацию. Различие между понятием естественного языка и юридическим понятием заключается лишь в том, что второму посредством определения придано более строгое значение, в то время как первое является более семантически широким, расплывчатым.

Для понятий, применяемых в сферах, характеризующихся этим типом предметной области, характерно образование понятий путем концептуализации. Метафоризация в таких сферах используется редко.

II. Предметная область, далеко отстоящая от мира повседневного опыта и при этом не связанная с ним внешним сходством, не дающая пищи для аналогий. Примером такой предметной области является предметная область математики. При условии, что данная наука (или иная социальная практика) существует давно, процессы концептуализации и метафоризации, если и осуществляются при образовании новых понятий, то в качестве их материала выступает собственный язык теории, а не естественный язык.

III. Смешанный тип предметной области, примерами которой могут служить такие науки, как медицина, социология и др. Наряду с явлениями, имеющими корреляты в мире повседневного опыта, они содержат и сущности специального характера (объекты, свойства, отношения), относящиеся, как правило, в основном к метатеоретическому и методологическому пластам. В этих науках при образовании понятий используются в равной мере концептуализация и метафоризация.

IV. Предметная область, не совпадающая с миром повседневного опыта, но позволяющая усматривать определенные, по крайней мере, внешние структурные сходства. В таких сферах деятельности (примером которых может служить биология), при образовании новых понятий широко используется метафоризация.

Соотношение механизмов образования понятий в значительной степени зависит и от возраста науки. На начальных этапах развития науки, как правило, преобладающую роль в образовании понятийного аппарата играет метафоризация, и, напротив, в понятийном аппарате более «старых» наук новые понятия образуются чаще всего путем концептуализации.

Список литературы

1. Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М.: Высшая школа, 1973.
2. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6.
3. Ричард Докинз. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
4. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987.
5. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (принят ГД ФС РФ 12.04.2006). Действующая редакция.
6. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
7. Татаринов В.А. Сопоставительный анализ терминов на основе выявления мотивационных семантических признаков // Терминоведение. М.: Рос. Терминологическое общество, 1994.
8. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч. в 4 томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
9. Степин В.С. Философия как рефлексия над основаниями культуры // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+ОН «Реабилитация», 2002.
10. Степин С.В. Парадигмальные образцы решения теоретических задач и их генезис // Философия науки. 1998. Вып. 4.

НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вшивцева Л.Н.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуются причины, предпосылки и основания конфликта цивилизаций в современном мире. С позиций насилия и ненасилия определяется место России в межцивилизационном конфликте. Выявляются базовые ценности и фундаментальные мировоззренческие принципы бытия участников конфликта.

Ключевые слова: *цивилизация, глобализация, конфликт цивилизаций, насилие, ненасилие, цивилизационная идентичность, диалог культур.*

VIOLENCE AND NONVIOLENCE AS STRATEGIC PRINCIPLES OF RUSSIA IN CONDITIONS OF THE CONFLICT OF CIVILIZATIONS

Vshivtseva L.N.

Institute of Socio-Economic and Humanities Research of the Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

The article is devoted to reasons, preconditions and basis of the conflict of civilizations in the modern world. The place of Russia in the conflict of civilizations is determined from positions of violence and nonviolence. The basic values and fundamental worldview principles of being of conflict participants are defined.

Keywords: *civilization, globalization, conflict of civilizations, violence, nonviolence, identity, dialogue of cultures.*

Современный мир находится в состоянии конфликта цивилизаций, и от того на каких принципах, насилия или ненасилия, он будет решаться, зависит будущее человечества. В основе межцивилизационного конфликта можно выявить различные причины: экономические (распределение ресурсов), политические (борьба за мировое господство), религиозные (многовековое противостояние между христианством и исламом), культурные (различные ценности и мировоззренческие принципы). В зависимости от того, какие причины считать основными, меняются инициаторы: если за основу брать религиозные и культурные факторы, то основным инициатором конфликта выступает исламский мир, если же экономические и политические факторы, то – США и их союзники.

Место России в конфликте цивилизаций пока не определено: она может выступать, во-первых, третьей примиряющей силой; во-вторых, пассивной стороной; в-третьих, основным участником. В данном случае место зависит от выбора стратегических принципов – насилия или ненасилия.

Очевидно, что Россия не должна быть ориентированна только на отражение внешних угроз, и как следствие, на насилие, так как присутствующее большинству россиян ощущение нахождения в окружении врагов в лице Запада, Китая и др. выступит основной причиной, во-первых, формирования негативной идентичности по отношению к окружающему миру; во-вторых, ориентации на поиски внешнего врага, что в итоге может привести к становлению авторитаризма. К тому же насилие не порождает ничего другого кроме ответного насилия. Следовательно, основным стратегическим принципом России в конфликте цивилизаций должно выступить ненасилие.

Ненасилие – это сложное и многоплановое понятие, представленное в нескольких различающихся значениями и смысловыми оттенками ракурсах. Во-первых, оно рассматривается как принцип взаимодействий в природе и обществе, предусматривающий неприменение действия с целью нанесения вреда окружающим. Во-вторых, как принцип деятельности, направленный на преодоление ситуации, в которой возможны применение разрушительной силы, конфронтация, нетерпимость, недоверие. В культуре ненасилие может проявляться как: 1) пассивное ненасилие – принцип жизни, заключающийся в непричинении страдания ничему и никому, ни помыслом, ни словом, ни делом; 2) актив-

ное ненасилие – принцип социально-политических ненасильственных движений за справедливость; 3) принципиальное ненасилие – принцип нравственного самосовершенствования человека, проявляющийся в последовательном неприятии зла и добром отношении к людям; 4) прагматическое ненасилие – принцип социальных действий, направленных на разрешение проблем и конфликтов без причинения физических страданий его участникам и без человеческих жертв.

В 1990-е гг. развитие российского общества характеризовалось доминированием принципа пассивного ненасилия. Россия перестала рассматриваться мировым сообществом как мощное и сильное государство, так как не могла предложить миру ничего, кроме своих природных ресурсов. Под пассивным ненасилием в качестве принципа России в условиях цивилизационного конфликта понимается, в первую очередь, идейная немощность России, проявляющаяся в отсутствии национальной идеи и идеологии. Если внутреннее культурно-цивилизационное содержание России не будет соответствовать ее восприятию в качестве сильного во всех отношениях государства, великой державы, с главной и особой ролью в мире, то российской цивилизации вообще не найдется места в мировой истории. Следовательно, принцип пассивного ненасилия мог бы быть основным принципом цивилизационной идентичности России только в том случае, если бы мы жили в мире всемирной гармонии, в котором бы не было никаких опасностей и угроз, все люди были бы преисполнены друг к другу истинной христианской любовью, но тогда бы вообще не нужны были никакие идеологии, национальные идеи, да и сама цивилизационная идентичность.

В условиях конфликта цивилизаций в современном мире как насилие, так и пассивное и принципиальное типы ненасилия не могут выступить важнейшими стратегическими принципами России. В этом плане весьма перспективными представляются активное и прагматическое типы ненасилия, допускающие позитивно направленные формы силы. Главным образом, эти типы ненасилия осуществляют поиски способов трансформации насилия в ненасильственные формы, детерминант, обеспечивающих реализацию принципа адресного насилия, не подменяя реальные объекты военного, физического и политического насилия в угоду политической конъюнктуре.

Придерживаясь принципа активного ненасилия, Россия в конфликте цивилизаций должна выступить не в качестве его участника, а в каче-

стве третьей стороны. Стать «мостом» между противоборствующими сторонами, между западной и исламской цивилизациями, между современностью и традиционностью, но для этого она должна явить пример гармоничного взаимодействия традиции и современности. С.Ю. Иванова рассматривает Россию в качестве консолидирующей мировой основы, исходя из дуального характера ее цивилизационной идентичности: «цивилизационная идентичность обусловлена принадлежностью ее этнокультурного ядра к восточной ветви европейской христианской цивилизации, а геополитическая идентичность связана с историческим местоположением на евроазиатской географической платформе» [4, с. 25]. П.Н. Савицкий и В.И. Жуков – исходя из ее особого географического положения: «Особое географическое положение России предопределило и уникальность геополитического положения Российской Федерации. Занимая центральную часть Евразийского континента, Россия объективно играет роль геополитического моста и посредника между странами Запада и Востока. Ее одновременное присутствие в Европе и Азии влияет на содержание социальных, экономических, политических, военных и культурных процессов в данных частях света. Занимая огромное пространство, имея выходы к морям, используя большую территорию для международного транзита, а также обладая системой космической, воздушной, морской навигации, Россия владеет уникальными возможностями для активного и эффективного участия в международной интеграции и воздействия на глобальные политические процессы и жизнь планеты в целом» [3, с. 453].

На сегодняшний день Россия не является третьей стороной в конфликте цивилизаций, а выступает ее участником. Противостояние «Запад – Россия» можно, на наш взгляд, обозначить как противостояние «насилие – ненасилие». Запад в этой борьбе преследует одну цель – мировое господство, достигнутое посредством насильственной универсализации своих ценностей, идей, мировоззренческих принципов. Россия ведет здесь оборонительную ненасильственную борьбу за само свое существование в мире в качестве уникальной, самобытной цивилизации, базирующейся на многовековой культурно-цивилизационной основе.

По мнению З. Баумана, реалии глобализованного мира далеки от идеала и соответственно от ненасилия. Наша цивилизация считает устранение насилия одной из главных задач в деле установления порядка. И в то же время, в глобализованном мире осуществляется явная жесто-

ченная борьба, которая идет из-за границы, отделяющей правильное (т.е. наказуемое) использование силы и принуждения от неправильного (т.е. наказуемого). «Война против насилия» ведется во имя монополии на использование силы» [2, с. 263]. Следуя логике З. Баумана, можно резюмировать, что в современном глобальном мире ненасилие, понимаемое как «устранение насилия» и рассматриваемое в качестве одного из главных принципов установления мирового порядка, предполагает не отсутствие использования силы, а лишь отсутствие ее нелегитимного использования. При таком положении дел можно утверждать, что в качестве одного из ключевых стратегических принципов России в условиях конфликта цивилизаций должна выступить сила не только и не столько военная, сколько мировоззренческая, идейная. Россия как цивилизация просто обязана противопоставить западным теориям либерализма свою теорию, свою программу развития мировой истории, где Россия вновь будет сильнейшим и мощнейшим государством. В этом, по мысли Б.В. Аксюмова, «суть и смысл участия России в конфликте цивилизаций, который есть нечто иное, как конфликт конкурирующих теорий, мировоззренческих парадигм, программ мирового развития, субстанциальных принципов и идей культурно-цивилизационных систем мира» [1, с. 222].

Таким образом, ненасилие в качестве стратегического принципа России в условиях конфликта цивилизаций может, с одной стороны, привести к тому, что Россия будет являться лишь марионеткой, безвольным вассалом США, это произойдет в случае доминирования пассивного ненасилия, проявляющегося в отсутствии национальной идеи, отказе от своей исторической миссии, уникальности, самобытности, слепом следовании воле Запада. С другой стороны – активное ненасилие, следование которому может привести: во-первых, к участию России в конфликте цивилизаций как третьей, примиряющей стороны, силы; во-вторых, как полноценного, сильного, достойного участника.

Список литературы

1. Аксюмов Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 288 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований: в 3 т. М.: Изд-во РГСУ, 2007. Т. 1. 482 с.
4. Иванова С.Ю. Вестник ВЭГУ. 2012. № 2 (58). С. 2–28.

ФИЛОСОФИИ ОРИЕНТИРОВАНИЯ В МИРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дедюлина М.А.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В работе показывается, что в условиях повсеместного использования высоких технологий рождается новое знание. Человек ориентируется в меняющемся мире, который показывает одни возможности и скрывает другие. На смену классической философии приходит философия ориентирования.

Ключевые слова: ориентирование, философия ориентирования, высокие технологии, человек, облачные технологии, наука, Интернет.

PHILOSOPHIES OF ORIENTATION IN THE WORLD OF HIGH TECHNOLOGIES

Dedyulina M.A.

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

In work shows, that in conditions of universal use of high technologies the new knowledge is born. The person is guided in a changing world which shows one possibilities and hides others. On change of classical philosophy the philosophy of orientation comes.

Keywords: orientation, philosophy of orientation, high technologies, the person, cloudy technologies, a science, the Internet.

В условиях активного внедрения во все сферы жизнедеятельности человека высоких технологий возникает необходимость в осмыслении их актуальности в изучении философии. В современных условиях на смену традиционной философии приходит философия ориентирования. По утверждению В. Штегмайера «философия ориентирования» будет заниматься социально-этической экспертизой, изучая воздействия высоких технологий на природу человека. Эта философия помо-

жет человечеству осознать возможные риски от появления этих технологий. Следовательно, с появлением высоких технологий рождается новое знание. «Человек ориентируется в меняющемся мире, который показывает одни возможности и скрывает другие. Наука... обеспокоена не только производством знания, но и своей собственной жизненной проблемой – производством субъекта, способного к поискам истины» [3, с. 36]. Между тем, заметим, что одним из первых проблемы ориентирования в мышлении исследует немецкий философ И. Кант. «Ориентироваться в мышлении вообще, таким образом, означает: при недостаточности объективных принципов разума определяться в движении к истине (*im Fürwahrhalten*) по субъективному принципу» [1, с. 86–105].

Идеи философского осмысления ориентирования в мире прослеживаются и у К. Ясперса. Эту проблему можно исследовать, по утверждению философа, двумя путями научно-исследовательским и философским. «Философское ориентирование в мире пытается сломить всякую замкнутость мира, возникающую в эмпирическом ориентировании в мире. Здесь ищут границ, за которыми нет никакого другого мира, и за которыми, однако, не обязательно должно быть ничто» [6, с. 76, 92]. Ориентирование в научном пространстве – это движение через экзистенцию, которое личность совершает «как сознание вообще», тем самым теряет свою безопасность в мире, чтоб потом попытаться ее найти в мире артефактов. Мир становится реальным в качестве множества миров. Фактически, К. Ясперс приходит к выводу, что каждый из нас открывает себе мир природы, техники и потребления через экзистенцию, которая важна познания действительности. «Каждому отдельно человеку, как бы он ни жил, для удостоверения в своем самобытии всегда остается нужно некоторое существование, в котором для него вновь возникает его мир (*in welchem ihm wieder seine Welt wird*), как бы ни был этот мир стеснен и сужен: маленький мир собственности и непрерывности личного бытия; более пространный мир профессии, возможных планов и совместной жизни людей в совместном производстве нового; мир, обращающийся к нам из истории, как традиция» [6, с. 102]. Высокие технологии и наука делают из человека исследователя.

В мире высоких технологий «границы возможной деятельности и осмысленного планирования состоят в известном отношении к границам теоретического ориентирования в мире. Мы ориентируемся на неизменное, чтобы яснее овладеть возможным [6, с. 141].

Так, в работах американского философа Дона Айди показывается, как технологии влияют на процесс познания. Он пишет, что современная наука, с помощью созданных ею артефактов, изменяет наше восприятие. Он предлагает исследовать, как изменяется наше восприятие под воздействием этих технологий с помощью микроперцепции и макроперцепции. Если под первым понимаются конкретные телесные трансформации при взаимодействии с миром высоких технологий, то под вторым макроперцептивный опыт [7].

В связи, с этим одна группа ученых пытается доказать, что высокие технологии это благо для человечества, другие же полагают, что они могут полностью подчинить человечество себе. На каком-то уровне большинство людей практически усвоили, что новые технологии, связаны с изменением практики и моделей повседневной жизни. Мы понимаем, что технологии, которые окружают нас, помогают нам в трудовой жизни, в сохранении семейных связей (электронные письма, скайп и т.д.), заботятся о нашей безопасности, а с внедрением в жизнь Интернета помогают нам общаться с такими социальными институтами как школы, клиники, банки, средств массовой информации и т.д.

Сегодня уже никто из нас не может избежать влияния этих систем, независимо от того, что мы можем думать о них, а так как мы взаимодействуем с этими технологиями, наше поведение становится автоматизированным. Те, из нас, кто признает, что наш образ жизни переплетается с высокотехнологичными устройствами, данные изменения - даже изменения, которые на первый взгляд зловещи - могут стать причиной для надежды. Например, по подсчетам ООН, десять процентов населения планеты это инвалиды (650 млн. человек). Но жизнь этих людей уже сейчас, возможно изменить с помощью новых технологий. Американская компания Berkeley Bionics знаменита своими е-ногами, т.е. экзоскелетами для инвалидов-колясочников (eLegs). А у компания Martin уже сейчас есть антропоморфный экзоскелет HULC (Human Universal Load Carrier) с гидравлическим приводом. Человек-инвалид одев этот жилет вполне может себя чувствовать полноценным человеком с развитой двигательной активности и он сможет носить грузы свыше 90 кг, как супермен. С помощью подключенного к жилету компьютера инвалид сможет экзоскелету передавать свои желания и намерения, а так их выполнять. Большинство из нас, с уверенностью могут, сказать, что технологии и новые изобретения сделали нашу жизнь проще и удобнее.

Они принесли нам много удобств, которые наши бабушки и дедушки не видели, когда они были молоды. Однако, живя с этими удобствами, мы становимся зависимыми от них. Весь наш образ жизни полностью меняется. «Технология питает мозговые центры физического и психического удовольствия, но это опьянение одновременно выжимает из нас дух человечности и заставляет с удвоенной энергией искать смысл бытия»[4, с. 5].

Сегодня в сфере информационных технологий начинают лидировать «облачные технологии». Они не только преобразовывают облик самих информационно-коммуникационных технологий, но и кардинально видоизменяют жизнедеятельность социума. Информационное обеспечение осваивает новую сферу применения, а именно сферу услуг. Одни исследователи полагают, что облачные вычисления являются рыночным ответом на систематическую специализацию и усиление роли аутсорсинга в информационных технологиях, другие, что активное использование таких технологий говорит о кризисе технократической модели развития человечества. Уже сейчас, можно сказать, что мировые ИТ-компании используют облачные технологии как мировой коллективный разум. Во всяком случае пользователю кажется, что он через Интернет уже подключен к нему. Фактически, это позволяет маркетинговым компаниям анализировать потребительское поведение и проводить персональные рекламные кампании. Как и в случае с любой новой технологией, этот новый способ работы – новые риски и проблемы, особенно при рассмотрении вопроса о безопасности и конфиденциальности информации, которая хранится, и обрабатывается в пределах облака.

Один из рисков облачных технологий, что пользователи, которые являются владельцами информации, теряют контроль над своими данными, когда они дают информацию в облако для обработки. А связи с этим значительно возрастает риск раскрытия данных, а значит и проблема доверия к ним. Ведь никто не может сегодня гарантировать пользователю, что его данные не будут просматриваться и анализироваться компанией, которая предоставляет облачные услуги. Например, в России они активно используются в образовании. Если в нашем вузе (Южный федеральный университет) активно применяется социально-образовательный портал ЮФУ «Цифровой кампус, то в некоторых регионах России запущена программа замены всех бумажных учебников средней школы на электронные.

Социальные сети очень активно привлекают в свои сети миллионы пользователей. Мы можем предположить, что в скором будущем пользователь уже не сможет отказаться от предоставления такого рода услуг. Фактически, получается, что философия ориентирования становится практической философией, которая пытается осмыслить экзистенциальные проблемы современного социума в мире высоких технологий. Все вышперечисленное можно суммировать словами В.А. Лекторского, что «распространение новых информационных технологий, в частности, Интернета, создает колоссальные возможности для манипулирования психикой. Исчезают непроходимые границы между моим, и не-моим. Появляются новые ограничения человеческой свободы, возникает необходимость её переосмысления. Обостряется старая философская проблема отношения реального и кажущегося, а также знания и мнения, ибо с помощью информационных технологий можно фабриковать знание о реальности, а тем самым до известной степени и саму реальность» [2, с. 32].

Список литература

1. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении / И Кант // Кант И. Сочинения в 8-ми т. (под общей ред. проф. А.В. Гулыги). М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 86–105.
2. Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека / В.А. Лекторский // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 30–35.
3. Марков Б.В. Философия и ориентирование человека в мире / Б.В. Марков // Стратегии ориентации в постсовременности / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. СПб., 1996.
4. Нейсбит Д. Высокие технологии, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит // Пер. с англ. А.Н. Анвараева. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 381.
5. Штегмайер В. Основные черты философии ориентирования / В. Штегмайер // Стратегии ориентации в постсовременности / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. СПб., 1996.
6. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс // Пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ – «Реабилитация», 2012. С. 384.
7. Ihde D. Instrumental realism: the interface between philosophy of technology and philosophy of science / D. Ihde // Bloomington: Indiana University Press, 1991.

СУДЬБА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Денисова Т.Ю.

Сургутский госуниверситет, Сургут, Россия

В статье представлен философский дискурс темы судьбы как феномена, связывающего индивидуальную экзистенцию с порядком Целого. Обосновывается идея о том, что неугасающий на протяжении всей истории человечества интерес к проблеме судьбы обусловлен глубокой экзистенциальной потребностью человека не только в объяснении фактов его существования, но и осмыслении этого существования как завершенного целого. Показано, как понятие судьбы участвует в осознании экзистенциальных границ личности и включении индивидуального существования в общий порядок Целого.

Ключевые слова: граница, оракул, порядок, свобода, судьба, судьбоносное событие, экзистенция, Целое.

THE FATE AS AN ONTOLOGICAL AND EXISTENTIAL PROBLEM

Denisova T.Y.

Surgut State University, Surgut, Russia

The paper presents the philosophical discourse of the fate as a phenomenon that links the individual existence to the order of the whole. The idea is that the undying interest to the problem of fate in the issue of fate is caused by the deep existential human need, not only to explain the facts of his existence, but also to grasp the meaning of this existence as a completed whole. It is shown, how the concept of fate takes part in the comprehension of existential boundaries of every person and inclusion of individual existence in the general order of the Whole.

Keywords: border, oracle, order, freedom, fate, life-changing event, existence, Whole.

Вопрошание о судьбе, сужденном, грядущем, были свойственны человеку всегда. И это вызвано не только любопытством, каким будет то, чего пока нет, и не только страхом перед будущим – как раз такой страх зачастую заставляет отказаться от попыток знать это будущее заранее.

Тема судьбы, вне зависимости от ее трактовок и концепций (философских, художественных, религиозных и т.д.), на анализе которых мы не будем останавливаться, остается универсальной онтологической и экзистенциальной проблемой, сохраняющей свою значимость в любую эпоху. На наш взгляд, это происходит, поскольку судьба и как феномен, и как концепт, имеет отношение к таким важнейшим экзистенциальным проблемам, как определение значимости и места отдельного события в жизни индивида; осмысление отдельной человеческой жизни в ее целостности и завершенности; установление экзистенциальных границ личности; соотнесение в спонтанном существовании индивида свободы и необходимости, внутреннего и внешнего, случайного и закономерного, инвариантного и альтернативного; включение отдельно взятой человеческой жизни в порядок Целого. Рассмотрим обозначенные ракурсы проблемы по порядку.

События и происшествия, составляющие содержание существования, побуждают не только их оценивать, но и вызывают вопросы: «Почему это произошло?», «Почему это произошло именно со мной?». Невозможность объяснить происходящее следствием предшествующих событий или поступков и невозможность оставить их без объяснения побуждают искать их причину или смысл вне их самих, поскольку хаос, отсутствие системы, структуры, предсказуемости невыносимы психологически. Идея судьбы (благосклонной или злонамеренной, справедливой или вздорной) объясняет, а значит, упорядочивает ход событий, придает им смысл.

Объяснение произошедшего (неважно, ожидаемого или неожиданного) – «на роду написано», «суждено», «такая планида», – словом, судьба. Объяснение неслучившегося (того, что могло бы быть, что ожидали, даже действовали ради этого определенным образом, но не произошедшего) – не судьба, вернее, даже несудьба. Не судьба – то, чему *не суждено* сбыться, несудьба – то, чему *суждено не* сбыться. (Идея различения смысловых нюансов слов, написанных слитно или раздельно с «не», принадлежит М.Н. Эпштейну [4]).

Если «судьба» – то характер дальнейших событий представляет линейную перспективу, встраивая произошедшее в порядок будущего, и обуславливая это будущее «судьбоносным» событием, а также в порядок прошлого (ретроспективная проекция «все к тому и шло» всегда дается легче, чем перспективная). Препятствия, которые стояли на пути «судьбоносного события», и до его актуализации ставили его под вопрос, признаются реально существующими, но воспринимаются как нечто такое, что слабее предопределения, либо как необходимое испытание готовности человека принять судьбу или готовности бороться за нее.

Если же «несудьба» – то данный вариант развития событий окончательно обрывается, исключается из перспективного плана ожиданий и действий. Неслучившееся не стало актуальным событием конкретного существования, однако значит ли это, что отныне оно не принадлежит существованию и не влияет на него? Нет, не значит. Несудьба, как и судьба, меняет жизнь, определяет, оформляет ее каким-то образом, принуждает к принятию иной, чем предполагалось, но все же определенной модели, участвует в конечном итоге в отливке ее завершенного образа.

Восприятие жизни, как спонтанного существования, представляющего чередование случайных поступков и событий, лишено осмысленности. Представление о судьбе, очерчивая контуры предстоящего, соединяет уже известное прошлое и настоящее с неизвестным будущим, придавая существованию завершенность, а, значит – смысл. То есть судьба, как принцип, проявляет в явном плане сущего, в том числе индивидуальной экзистенции, тайный, скрытый план Целого.

Еще одной причиной интереса к теме судьбы является то, что она выражает глубокую экзистенциальную потребность человека в знании, кто он, каковы его границы, к чему он предназначен, значит ли что-то его короткая и однократная жизнь. В разворачивании судьбы все вещи и люди становятся собой, обнаруживают, являют свою суть. Судьба помещает существо в его собственные границы, принуждая сбиться в качестве себя.

Собственно, в судьбе и раскрывается бытие, способность и необходимость быть определенным существом. По замечанию А.В. Ахутина, «Быть – значит быть в своей форме, сбываться собой, исполнить свое определение (предназначение), быть на деле, осуществляться в качестве себя» [1, с. 725]. А потому под «судьбоносными событиями»

следовало бы понимать не просто повороты (порой кажущиеся неожиданными и случайными), круто меняющие прежнее течение чьей-то жизни, а те моменты, в которых с очевидностью явлены сущности чего-то или кого-то. Греки называли эти моменты *каірós* – срок, пора; и *акμή* – вершина, пик, расцвет, поскольку именно в них «сосредоточивается и обнаруживается, что есть что и кто есть кто» [1, с. 725]. То есть судьба – не просто то, что происходит со мной, но то, что *должно* произойти со мной и *может* произойти только со мной. Моя судьба – это я. Моя судьба делает меня мной. И в этом обнаруживается парадоксальная связь и противостояние внешнего и внутреннего: любая личность подчиняется судьбе и обладает собственной судьбой. И в этом состоит отличие человека от кого и чего угодно, и его достоинство.

Для того, чтобы узнать судьбу, греки обращались к оракулам, но, конечно, не для того, чтобы действовать в соответствии с предсказанием. Если что-то суждено – оно произойдет, знаешь ты об этом или нет. Знать необходимо, чтобы предотвратить, скорректировать, попытаться обойти. В том и парадокс, что признание существования судьбы побуждает к тому, чтобы померяться с ней силами, противостоять, обмануть. Помимо знаменитого Дельфийского оракула в качестве источника универсальных истин античный мир использовал поэмы Гомера, позже – Вергилия, а в XVIII–XX вв. появляется мода на средневекового предсказателя Нострадамуса [6, с. 156].

Однако понять оракул невозможно простому смертному. Все оракулы выражались туманно, поскольку заключали в себе не конкретную и детализированную проекцию в скорое будущее, а лишь указание самого общего свойства, которое можно было истолковать прямо противоположным образом. Как писал Гераклит, «Владыка, чье прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подает знаки» (14 фр., DK 93) [2, с. 193; 5, с. 172]. Человек не узнаёт, а толкует оракул, а потому любое предсказание – логос бытия, воплощение космического порядка, – неизбежно является источником различных толкований и смыслов. Отсюда важный вопрос: какое отношение имеет неизреченный логос оракула к сказанному, истолкованному? Зависит ли исполнение от истолкования? Участвует ли толкователь в осуществлении судьбы, влияет ли толкование на дальнейшие события? Очевидно, да. В соответствии с оракулом человек начинает действовать, словно запуская механизм судьбы. «...Человеческое

толкование оракула (откровения или «факта») приводит в действие сверхчеловеческие судьбы, словно нуждающиеся в этом толковании, чтобы стать судьбами», – пишет А.В. Ахутин [1, с. 454]. Пример царя Эдипа, ставшего не только жертвой, но и инструментом судьбы, – убедительное подтверждение этой мысли.

Судьба не только определяет содержание моей жизни, но и соединяет ее со временем до и после нее, вплетая ее в общую канву бытия. В многочисленных концепциях судьбы скромное существование отдельного индивида связано со многими вещами, находящимися за его пределами: жизнью предков или его предыдущими жизнями, общим космическим порядком, божественным предопределением, игрой или капризом богов, случайным расположением звезд.

Примечательно, что синонимом слова «судьба» в русском языке является слово «участь» – понятие, выражающее причастность субъекта некоему целому (как, кстати, и в древнегреческом понятие μοῖρα переводится и как «судьба», и как «доля»). Именно в силу этой причастности, соучастия в общем, любая случайность в жизни – встреча, удача, несчастье – не вполне случайна, но и не вполне зависит от сознательных усилий и решений. Любое существование включает поступки и происшествия, но не сводится только к ним. «Начала и концы» как пишет М.Н. Эпштейн, упрятаны во времени [3, с. 241].

Какой бы привлекательной ни казалась идея, что любое Я абсолютно свободно в разработке сценария и режиссуре собственной жизни, она имеет и оборотную сторону. Если вся моя жизнь есть итог только моих планов и усилий по их воплощению, она представляет попытки автономного – очень непрочного и недолгого – образования сохранить себя в чуждой среде. Замкнутость в собственных границах делает ее случайной и необязательной. Судьба же, подчиняя, управляя, подталкивая, указывая, наказывая, пугая неизвестностью или грядущими несчастьями, вместе с тем делает отдельное существование причастным порядку целого, делая его значимым.

То есть судьба выполняет традиционную роль границы: отделяет субъекта от всеобъемлющей тотальности, от других, одновременно соединяя с этим внешним пространством, включая в Целое в качестве отдельного. Благодаря этому участию в порядке Целого отдельное существование обретает статус ценного и необходимого, отвечая одной из самых настоятельных экзистенциальных потребностей человека.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 783 с.
2. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Подг. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
3. Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М. Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
4. Эпштейн М.Н. Отрицание как утверждение. Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи // Культура письменной речи: [Электронный ресурс]. <http://www.gramma.ru>
5. Diels H. Die Fragmente Der Vorsokratiker / Neunte Auflage herausgegeben von W. Kranz. Berlin: Weidmannsche Verlag Buchhandlung, 1960. 486 p.
6. Eco U. On symbolism // Eco U. On literature. London: Vintage Books, 2006. P. 140–160.

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ
ЦЕЛОСТНОГО ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА:
СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД**

Захаров Д.В.

Астраханская государственная медицинская академия,
г. Астрахань, Россия

XX век русской культуры представляется веком разрыва культурных традиций. Тот же взгляд доминирует в оценке русской философии этого периода. В статье на позициях субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса делается попытка связать разорванные нити национальной традиции постановки философских вопросов.

Ключевые слова: субъект-объектная парадигма историко-философского процесса, русская философия XX века, русская философия советского периода, органическая теория (органицизм), антропокоzmизм, неоаристотелизм, О.Н. Бредихина, А.А. Ермичёв, И.И. Евлампиев, В.П. Зинченко.

**ABOUT METHODOLOGICAL STRATEGIES
TO THE WHOLE DESCRIBING OF HISTORY
OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF XX CENTURY:
SUBJECT-OBJECT APPROACH**

Zakharov D.V.

Astrakhan state medical academy, Astrakhan, Russia

XX century of Russian culture is presented as the century of brokenness of cultural traditions. The same view dominates in the evaluation of Russian philosophy of this period. In the article on the subject-object paradigm of

historical-philosophical process attempt to link broken thread of national tradition of formulation of philosophical issues.

Keywords: *subject-object paradigm of historical-philosophical process, Russian philosophy of XX century, Russian philosophy of soviet period, organic theory (organicism), anthropocosmism, neoaristotelizm, O.N. Bredichina, A.A. Ermichov, I.I. Evlampiev, V.P. Zinchenko.*

Язык философии, являющийся, безусловно, языком категорий, тем не менее, содержит в себе глубинные образы культуры. Всякое целостное историко-философское исследование, поэтому, неизбежно становится исследованием культуры, её порождающих структур.

Субъект-объектная парадигма историко-философского процесса как программа возводит отношение субъекта и объекта к всеобщим рационализирующим началам мировоззрения, выражающимся в изначальном расколе мира и человека. Гносеологическое противоположение субъекта и объекта, лежащее в фундаменте классической философской рациональности, поэтому, представляется частным случаем всеобщего разрыва части и целого, единичного и всеобщего, предельно усилившегося в эпоху Нового Времени.

С точки зрения названного подхода, субъект-объектное отношение многолико и выражается в различных категориальных системах: «часть – целое», «единичное – всеобщее», «человек – мир», «человек – природа», «человек – Бог», «человек – общество» и мн. др. [8, с. 46–47]. Поэтому названная программа, как нам представляется, позволяет переводить языки культурно-исторических, региональных, национальных типов философских систем на язык всеобщих отношений, преодолевая известную фрагментарность в описании такого рода систем.

В частности же нас волнует именно нецелостный и фрагментарный подход к истории отечественной философии XX века, который господствует ныне как в историко-философской науке, так и в популярных изложениях. То есть, господствующее описание истории русской философии усматривает существенную смену типа философствования в связи с событиями, произошедшими после 1917 года, связанными со сменой политической системы и направления цивилизационного развития России. С этой вполне понятной точки зрения в XX веке происходит прерывание линии развития русской философии.

Но, вместе с этим, парадоксальным образом концепция прерыва (прерывания традиции русской философии в Советской России) тесно связана с концепцией самобытности традиционной русской философии. Причём уникальность эта фиксируется почти что исключительно в её религиозности. Поэтому, по этой логике, с насильственным прерыванием религиозной традиции, как будто, и исчезает сама философия. Не говоря о прочих недостатках этого взгляда, здесь исчезает самое главное – возможность рассмотрения русской традиции философствования как целого.

Вместе с тем, существует ряд концепций, оспаривающих такой распространённый взгляд. Именно они, на наш взгляд, в сочетании с методом субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса, позволяют выстроить устойчивые смысловые связи русской философской традиции, увидеть её во внутренней целостности и в единстве с логикой мирового историко-философского процесса.

Большое значение для понимания единства русской философии является исследование путей преемственности отечественного философского процесса от XIX к XX веку.

Первая, из выделяемых нами методологических стратегий такого рода, находит общий связующий признак отечественной традиции в её органистическом видении единства мира. Дискурс органицизма связывает различные направления: органицизм, антропокосмизм, евразийство, неоаристотелизм, витологию. К этой группе примыкают исследования Русской идеи, путей её трансформации в русский коммунизм (особенно, исследования В.Д. Жукоцкого).

Так, О.Н. Бредихина видит в органической теории мировоззренческую метафизическую основу, обеспечивающую единство русской философии, несмотря на полемику и конфликт различных направлений. Она не находит глубокого различия религиозного (идеалистического) и атеистического, позитивистско-марксистского (материалистического) реализма, видя в марксизме (диалектическом материализме) воплощение традиционного русского органического мировоззрения.

Автор отмечает, что метафизика (диалектика) всеединства является стержнем русского органического мировоззрения, соединяющего «религиозно-мистическое направление», «линию Киреевского-Соловьёва» (к которой причисляются многие – от Сковороды до Лосева – Л.М. Лопатин, С.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин) и

направление «реалистическое» («линия Писарева – Чернышевского – Ленина»). К последнему относятся социалисты XIX века и диаматчики века XX [1, с. 84–85].

Главным различительным моментом концепции Бредихиной является выявление отличий органического мировоззрения от мировоззрения механического. В этом задачи концепции совпадают с логикой субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса, полагающей суть поворота в современной философии в переходе к новой неклассической метафизике – и шире – от рациональности классической – к неклассической, от механистической картины мира – к новому органистическому мировоззрению [8, с. 46–47].

Дело в том, что классическая рациональность порождает частичный образ субъекта как гносеологической и эмпирической единичности; от единичного можно прийти только к многому – простой, «дурной» бесконечности (в таком образе выступает объект классической метафизики), но не к Единому. Поэтому то аналитический логизм позитивизма XIX – XX веков был в корне отвергнут русской мыслью.

«Исходная интуиция русского мировоззрения – пишет О.Н. Бредихина – определена метафизикой всеединства, её суть, сердцевина и тайна – это представление о мире как органическом целом» [1, с. 64]. Основным же принципом метафизики всеединства названный автор полагает принцип тождества микро- и макрокосмоса («всё во всём»). В этом плане «органическое мировоззрение» одновременно и возрождает архаический «антропный» принцип (вводя в мир и природу человеческое, даже, антропоморфное измерение) и является стратегией новой неклассической онтологии. Последняя порождает системное видение равенства уровней организации этого всеобщего организма.

Тем самым проект «онтологической гносеологии» (В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, С.Л. Франк) становится актуально новой стратегией, ибо выводит гносеологическую проблему «субъект – объект» в область более фундаментального онтологического отношения «целое – часть», «единое – многое», понимая под последними человеко-мирное подобие, «возвращает человека в состав бытия».

Через эти основоположения органической школы выстраиваются линии преемственности от философии XIX – к философии XX века.

Во-первых, Ольга Николаевна открывает для дискурса органицизма мировоззрение С.Л. Рубинштейна (с его идеей «возвращения человека

в состав бытия»), мысля его в разрезе проекта «онтологической гносеологии». Методологическая стратегия О.Н. Бредихиной позволяет нащупать точки соприкосновения философии Рубинштейна с трансцендентально-антропологическими идеями (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский) в том направлении, которое намечает и В.П. Зинченко. О чём и пойдёт речь ниже.

Во-вторых, русская органическая теория через методологию органицизма открывается в более широком значении, чем обычно представляемом в комплексе «философии русского космизма», предложенном Ф. Гиренком. Это позволяет выстроить смысловые связи естественнонаучных и гуманитарных синтезов типа: В.И. Вернадский – А.Л. Чижевский – Н.Г. Холодный – Л.Н. Гумилёв; евразийцы – Л.Н. Гумилёв; «пражский кружок» (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон) – евразийцы – структурализм; «пражский кружок» – «ОПОЯЗ» (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов) – тартуско-московская школа (Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Б. А. Успенский); «ОПОЯЗ» – М.М. Бахтин – тартуско-московская школа и т.д.

В-третьих, через программу О. Бредихиной открываются возможности отдельного нового описания истории системно-структуральных и эволюционных идей как части русского органицистического мировоззрения, в корне отмежевавшегося от позитивизма, потратившего целый век (совсем не зря, конечно) на замыкание круга и возвращение на исходные холистические натурфилософские метафизические позиции. Продолжение органицистических идей в XX веке автор связывает с эволюционной школой А.Н. Северцова – И.И. Шмальгаузена. Кроме того, переоткрытием методологических идей метафизики всеединства она считает те течения, которые возникли как в западной логике и методологии науки и системном движении (Л. фон Берталанфи, А. Рапопорт) [1, с. 65–69], так и в СССР (В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин) [1, с. 82].

Вторую методологическую стратегию можно ассоциировать с идеей схождения русской и западной философии в XIX–XX вв. Эта идея, как кажется, наиболее чётко представлена Санкт-Петербургской школой истории русской философии (А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров, А.Ф. Замалеев, А.А. Ермичёв, И.И. Евлампиев и др.) Её суть можно представить в тезисе: западное влияние (философия Лейбница, Спинозы, Канта, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха и др.), конечно, преломляется через единство общего настроения русской мысли, но это единство не

есть та самобытность, которая отличает русский философский процесс от западного – это своеобразная система категорий и образов, характеризующая национальное мировосприятие всеобщего. Родство русской и западной традиции обеспечивается родством культурно-исторических архетипов западноевропейской и русской, восточно-христианской культур, поэтому их прошлая взаимная открытость и будущий синтез предреши́т этим обстоятельством.

Согласно А.А. Галактионову, «...«органическое» объяснение природы и общества следует отнести к числу «сквозных» концептов и методологических установок отечественного интеллектуального пространства» [2, с. 17]. Органистическое мировоззрение позволяет противоречиво соединять, например, через философию Л. Фейербаха материализм и религиозную философию (А.Ф. Замалеев), а через философию «органической школы», берущей начало в философской системе Ф. Шеллинга – естественнонаучную (материалистически-позитивистскую) и гуманитарную историософскую (неославянофильскую) методологию (А.А. Галактионов). Эти идеи, как мы видим, созвучны дискуссии органической методологии О.Н. Бредихиной. То есть, как и у неё, религиозный аспект русской философии XIX – нач. XX века признаётся здесь в качестве второстепенного признака, скорее затрудняющего анализ отечественного философского наследия. Но и при том отличии, что О. Бредихина противопоставляет русскую органистическую философию западной механистической, а Санкт-Петербургские исследователи подчёркивают, что «органистический архетип» русского мировоззрения не только не препятствует, но и служит основанием для синтеза русской и западноевропейской метафизики (особенно немецкой), но на новых основаниях.

Из идеи такого – нового – синтеза вытекает вторая фундаментальная предпосылка «питерской школы», связанная с анализом закономерностей перехода от классической к неклассической метафизике в русской и западноевропейской философии.

Так, по мнению И. Евлампиева «русская философия в поисках Абсолюта» самостоятельно, в кругу своей проблемной ситуации приблизилась к тому повороту к новой метафизике, что и западноевропейская философия XX века.

Субъект-объектная парадигма, как мы уже писали, фиксирует конкретные черты перехода к новой, неклассической метафизике в при-

знаках изменения формы (модуса и модификации) субъекта и объекта, приводящего к снятию их абсолютного, «гносеологического» противоположения в пользу тождества [8, с. 46–47]. Тот же ход мысли находит И. Евлампиев в построениях русской философии от Соловьёва до Франка, по-новому поставившей проблему отношения Абсолюта и личности вплоть до идеи «взаимной обусловленности человека и Абсолюта».

Объект в качестве Абсолюта мыслится уже не как нечто, отвлечённое от личности с её сугубо субъективным интуитивным его переживанием, но «... в признании в качестве Абсолюта самого процесса осуществления этого интуитивного акта, взятого во всей его полноте, как интуитивное схватывание бесконечно богатого и всецелого «жизненного мира» [3, с.252]. Как и О.Н. Бредихина, наш автор представляет самый замысел «онтологической гносеологии» в решении классической «гносеологической» субъект-объектной дихотомии на позициях онтологизма, реализма и интуитивизма. (Но, между прочим, не критической философии).

То же самое происходит с идеей субъекта. Согласно И. Евлампиеву, в философской системе Франка в наиболее полной мере выразилось новое понимание субъективности как «акта трансцендирования, выхождения за пределы самого себя – с целью обретения основания в актуальном и объективном бытии» [4, с. 75]. Интуиция становится трансцендентальной, попадая в самый центр бытия, становится «бытийным отношением», характеризуясь «не столько как «гносеологическое», сколько как «онтологическое» понятие» [4, с. 121].

Творческий акт (и интуиция как его «онто-гносеологическая» ипостась), связывает тем самым субъективный и объективный планы классической философской картины мира, придавая и субъективному и абсолютному бытию характеристики творческого становления и развития. Приблизительно в таком виде И.И. Евлампиев представляет основное открытие и линию развития европейской и русской метафизики, нашего, по его мнению, наиболее полное воплощение именно в феноменологической философии.

Однако эта, открытая им для анализа, трансцендентально-феноменологическая, или трансцендентально-антропологическая линия, в которой сходятся русская и западноевропейская метафизика, сужается до феноменологии М. Хайдеггера. Вообще, общим местом современных отечественных исследований точек пересечения русских и западноевро-

пейских метафизических систем является их ориентация прежде других на такие фигуры как М. Хайдеггер или Э. Гуссерль. К сожалению, при этом за скобками остаётся само смысловое поле, которое порождает эти и многие другие философские системы и направления, объединённые логикой конструирования новой философской рациональности. К такому, выносимым, обычно, за скобки, относятся течения реалистского толка – прежде всего, позитивизм и марксизм.

Этот существенный недостаток, на наш взгляд корректирует схема, предлагаемая А.А. Ермичёвым. Он выделяет две линии в русской философии рубежа веков, которые осознали «важность гносеологического и методологического развития критической философии». Именно такая логика классификации может установить искомые «пути схождения русской и западноевропейской философии» XX века и сопрягается с классификацией основных течений в западной философии, предложенной Б.Т. Григорьяном [см. 6, с. 25–34].

К первой, реалистской линии, А.А. Ермичёв относит философию «марксистствующего позитивизма» («механицизма») «вобравшего в себя многие результаты современного критицизма». И верно – будущее развитие реализма связано с преодолением механистического объективизма и детерминизма классической философской рациональности.

Вторая, трансцендентально-феноменологическая (трансцендентально-антропологическая) линия связана с нелёгким путём синтеза метафизики всеединства с трансцендентализмом (неокантианством и феноменологией). Будущее развитие трансцендентализма связано с преодолением субъективизма классической философской рациональности. Именно на этом пути следовало преодолеть «небрежение гносеологием», свойственное представителям «русского религиозного ренессанса» [5, с. 9–16]. И именно этот путь вёл не столько к метафизическим системам, вроде системы Хайдеггера, сколько к новым объяснительным схемам «наук о человеке». Через трансцендентальную философию, организованную как научное знание, проходят фигуры, оказавшиеся в самом центре философского процесса XX века: Г.П. Челпанов, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Г.Г. Шпет, П.А. Флоренский, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, любимые философские персоналии В.П. Зинченко.

Не требуется дополнительных обоснований, чтобы обнаружить логические связи преемственности в русском реализме. Философский спор, начавшийся в начале XX века в глубине Российской социал-де-

мократической партии, перерос в середине 20-х годов в жаркую полемику между «марксистствующими позитивистами» («механицистами») и «марксистствующими гегельянцами» («диалектиками»). Но важно заметить, что вопреки распространённому мнению, этот спор не прекратился в начале 30-х годов. Как показали М.В. Попович и А.И. Бродский (правда, с оттенком иронии) дискуссия эта в 60-е – 80-е годы не утихает. Теперь на арену выходят, с одной стороны, «системники» (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин), с другой – диалектические логики, «субстанциалисты» (В.С. Библер, Э.В. Ильенков, «ранний» Г.С. Батищев). Но в своей глубине объяснительные схемы и тех и других объединяет общая логика. Понятие субстанции претерпевает существенное преобразование: субстанция теперь есть целое, для своего «саморазличения» требующая встречной активности субъекта, её органической части. То же самое система есть целое, возможное как таковое только процессуально, в силу универсального действия его частей. И в том и другом случае мы имеем дело с органическим целым, а дискуссии вызваны разночтениями в толковании этих понятий, которые претерпели сильные изменения в ходе преодоления родовых дихотомий классической философской рациональности [6, с. 29–32].

Интересно, что критики обнаруживали в диалектической логике некую «мистико-иррационалистическую» сущность диалектического материализма. Это весьма важное указание, ибо «марксистствующие гегельянцы» и вправду создают проект, напоминающий по своим исходным посылкам «онтологическую гносеологию» русских философов рубежа веков, но это и позволяет говорить о русской традиции постановки философских вопросов. Тождество сознания и бытия, достигаемое в акте деятельности и тождество личности и Абсолюта, достигаемое в акте интуиции, возведённые в принцип представляют собой одинаковое описание некой логической фигуры, охватывающей единство части и целого, единичного и всеобщего, субъекта и объекта. Философия тождества, понятая в самом широком смысле слова, погружает сюжеты, возникшие в горизонте этой логической схемы (философии русской физиологической школы (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн), концепции ноосферы В.И. Вернадского, эволюционной теории А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена, «тектологии» А.А. Богданова, мифо-логики А.Н. Лосева и Я.Э. Голосовкера, «учения о диалоге» М.М. Бахтина, диа-логики В.С. Библера, диалектической ло-

гики Э.В. Ильенкова, учения о семиосфере Ю.М. Лотмана, концепции семиотической вселенной В.В. Налимова и мн., мн. др.) в метафизическую глубину русского органистического мировоззрения.

Для реконструкции второй, трансцендентально-антропологической, линии преемственности в русской философии от XIX – к XX веку необходимо дополнить классификацию А.А. Ермичёва третьей методологической стратегией, предложенной В.П. Зинченко.

Не секрет, что в 20-е – 30-е годы XX века в СССР свободное развитие антропологической и аксиологической проблематики было возможным только в пограничных науках (как «науках о человеке», так, между прочим, и «науках о природе»), на периферии философского знания. Особую роль здесь принадлежит психологии, в категориальных системах, теориях и рабочих программах которой открывается проект новой трансцендентальной антропологии. В центре этого проекта, по словам В. Зинченко, оказался «человек, который должен превосходить себя, чтобы быть самим собой».

Феноменологические идеи опосредствования человеко-мирного, субъект-объектного отношения, заложенные Г.Г. Шпетом, А.Ф. Лосевым, П.А. Флоренским созвучны поиску исходных оснований широкого междисциплинарного синтеза – в форме слова, знака, символа, мифа, действия уже в советской России на базе иных фундаментальных абстракций, нашедших дальнейшее продолжение [9, с. 43 – 103].

Понятие деятельности (предметной деятельности) как предельная абстракция, в 60-е гг. XX века легшая в основу междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания, в своём единственном, исходном и первоначальном значении, сформулированным С.Л. Рубинштейном, олицетворяла творческое определение человеческой природы, субъекта в его единстве с миром – акт изменения внешнего предмета есть акт формирования самого субъекта, который и фиксируется как реальность исключительно в момент такого акта, выводящего его за свои пределы. При этом предмет представляется не как законченная вещь, а как ещё незавершённый образ деятельности, оказывающий творчески-формирующее воздействие на субъекта, вызывающий его встречное действие. В предметной деятельности, таким образом, осуществляется трансцендентальная коммуникация со всеми возможными мирами человеческого опыта. В этом весь пафос предметно-деятельностной парадигмы и её связь с метафизикой всеединства (или

русской нравственной философией), которое и разыскивает О.Н. Бредихина и В.П. Зинченко.

Поэтому известное противопоставление деятельностной и коммуникативной парадигмы как двух конфликтующих программ, характеризующих два разных подхода к человеческой природе может быть представлено как угроза разрыва традиции русской органической философии. Ведь, где в теории предметной деятельности мы обнаруживаем предмет – в коммуникативной системе категорий мы находим те самые: слово, знак, символ, миф, в силу своей неоднозначности, амбивалентности и незаконченности, порождающие новые смысловые системы, что мы уже разъясняли [7, с. 9–10]. Снятие такого рода разночтений позволяет установить и расширить систему родства концепций трансцендентально-антропологического толка, направления, которого в общих чертах обозначила О.Н. Бредихина (учений С.Л. Рубинштейна, В.С. Выготского, М.М. Бахтина, В.С. Библера, системно-структуральных идей тартуско-московской школы, которые, и действительно, прежде не сопоставлялись).

По словам О. Бредихиной, история русского реализма ещё не написана; наверное, история русского трансцендентализма ещё не написана тоже. Но и сделать это невозможно без метода, который бы представлял русскую философию как целое. Таким общим подходом, как мы пытались показать, может стать метод субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса, который помогает связать различные, но движущиеся параллельными курсами стратегии описания русской философии как целого. Это движение в самом главном повторяет самую идею проекта новой, органистической рациональности – чаемого грядущего синтетического этапа в новейшей философии и мировоззрении, наступающего после заката эпохи аналитизма и деконструктивизма. Именно с ним связываются надежды на новую востребованность исконных идей русской мысли.

Это движение соединяет в единое целое эпохи, казалось бы, уже удалённые из нашего сознания, но снова оживающие как грёзы о той, когда-то утраченной целостности мира и человека.

Список литературы

1. Бредихина О.Н. Русское мировоззрение: восстановимы ли традиции? (Книга-вопрос) / О.Н. Бредихина. Мурманск, 1997. 134 с.

2. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия X–XX вв. / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 744 с.
3. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. Часть 1 / И.И. Евлампиев. СПб.: Алетея, 2000. 415 с.
4. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. Часть 2 / И.И. Евлампиев. СПб.: Алетея, 2000. 413 с.
5. Ермичёв А.А. Основные мотивы русской философии конца XIX – нач. XX в. / А.А. Ермичёв // Русская философия: конец XIX – нач. XX века: Антология. Учебное пособие / Вступительная статья А.А. Ермичёва, составление и примечания Б.В. Емельянова, А.А. Ермичёва. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1993. С. 5–34.
6. Захаров Д.В. Введение к проблеме субъекта и объекта в отечественной философии советского периода / Д.В. Захаров // Общественные науки. 2012. № 2. С. 21–35.
7. Захаров Д.В. О соотношении деятельностной и коммуникативной парадигмы в отечественной философии 60–80-х гг. XX в.: субъект-объектный метод / Д.В. Захаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1. С. 8–12.
8. Захаров Д.В. О субъект-объектном подходе к истории отечественной философии XX века / Д.В. Захаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7. С. 46–51.
9. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. М.: Тривола, 1994. 301 с.

СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Иванова С.Ю.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Статья посвящена анализу проблемы достижения социального согласия в полиэтничном и поликультурном российском обществе. В ней рассматриваются вопросы о применимости зарубежного опыта, о роли науки в поиске новых технологий и механизмов достижения межнационального согласия и мира в российском обществе. Особое внимание уделено значению национальной идеи как консолидирующего феномена.

Ключевые слова: *социальное согласие, интеграция, межэтнические отношения, национальная идея, система ценностей.*

THE SOCIAL CONSENT IN POLY CULTURAL SOCIETY: RUSSIAN EXPERIENCE AND ISSUES

Ivanova S.U.

North Caucasian federal university, Stavropol, Russia

Article is devoted to the analysis of a problem of achievement of a social consent in polycultural Russian society. In it questions of applicability of foreign experience, of a science role in search of new technologies and mechanisms of achievement of an international consent and the world in the Russian society are considered. The special attention is paid to value of national idea as consolidating phenomenon.

Keywords: *social consent, integration, interethnic relations, national idea, system of values.*

Достижение социального согласия в российском полиэтничном, поликонфессиональном обществе предполагает: социальное согласие вокруг общих ценностей, поддержание определённого уровня доверия

в обществе, взаимодействие и диалог между этническими общностями, движение в сторону гражданского мира и поиск общих ориентиров развития, ценностей и смыслов.

Интегральной частью политики формирования национального согласия в обществе должна стать этнонациональная политика. И наоборот, практическое отсутствие устойчивых и действенных форм политических солидарностей, общенациональной идеи, общепринятой системы ценностей в комплексе с очень низким уровнем межличностного доверия представляют собой серьёзное препятствие для выстраивания гражданской идентичности и обеспечения социального согласия.

Актуальной представляется задача аккумулировать усилия в этом направлении всех участников национального процесса, отвечающих за духовное производство – представителей политики, науки, искусства, участников сети Интернет. Между тем указанные сферы реализуются в этом пространстве различными средствами. Политика утверждает в общественном сознании определенные идеологические ценности, что позволяет ее субъектам использовать национальную идею в качестве способа достижения и удержания власти, для получения общественной поддержки при реализации определенных политических задач. В сфере искусства образ «идеального национального» рассчитан на возможность одномоментно (в одном творческом акте) и ярко воздействовать на общественное сознание, объединять в одном эмоционально-образном пространстве представителей различных общественных и политических сил. Наука предоставляет знание о национальной идее в виде теоретических моделей. Журналистика и Интернет дают этому феномену актуальное современное прочтение. Здесь трактовка идеи, вписываясь в текущую информационную ситуацию, не достигает «завершенного» знания, но предвосхищает появление многих новых субъектов общественной жизни.

Актуализация национальной идеи в столь разных представлениях являет собой противоречивый и многосторонний процесс, в ходе которого идея порой настолько видоизменяется, что определить современные черты и границы бытования этого феномена становится непросто. Так, если наука и искусство призваны ответить на вопрос, «какие мы», «чем отличаемся от других», то политику интересует скорее «что делать» и «как жить». В первом случае национальная идея наиболее значима как фактор национальной самоидентификации, а во втором –

национального целеполагания. Иначе говоря, эти сферы оперируют качественно разным знанием об одном и том же объекте.

Отсюда – затруднения в современном прочтении очевидных, как кажется, мобилизационных задач и возможностей национальной идеи. Не случайно большинство современных кампаний по выработке, формулированию идеи на самом деле порождают действительную заинтересованность в ней со стороны общества, но в результате так и не приводят к нахождению национальной идеи в том виде, который бы удовлетворил основных участников обсуждения.

Сложность представляет собой совмещение указанной иерархии представлений об идее. Разноуровневое функционирование этого феномена породило массу вопросов, неопределенностей, двусмысленностей уже на первых подступах к разговору о национальной идее для современной России. И, прежде всего – при необходимости расставить акценты в оппозиции «традиция – современность».

Очевидно, что смысл и содержание идеи на разных этапах существования нации подвергается трансформации. Так, актуализация идеи в современной общественной мысли интегрировала идеи вековой и более давности («русскую идею» Ф. Достоевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова и др.) в иные цивилизационные условия – несравнимые по интенсивности обмена социально значимой информацией в обществе. Характерной чертой является расширение используемых сфер и каналов функционирования национальной идеи, непредусмотренных традицией (например, в виде различного рода массовых акций – конкурсов, общественных форумов, ток-шоу и т. д.). Идет и обратный процесс – очевидно, утрачиваются некоторые традиционные формы бытования идеи (в частности, для национального большинства отошло на второй план ее религиозное содержание).

Вместе с тем в недрах нации, безусловно, существует нечто, что позволяет не только констатировать формально-историческое родство – Руси, России, СССР, РФ, но и преемственность сложной и иерархичной системы представлений нации о себе и своей стране, сложившейся в ходе многовековой истории. Здесь присутствуют различные уровни – от бытового (возникающие ассоциации с «морозом», «водкой», «гостеприимством», «ленью» и т.п.) и психологического («терпение», «эмоциональная возбудимость», «коллективизм») до политического («потребность в жестком управлении», «пассивность народа», «вера в

мессию, героя-освободителя» и т. п.). Уровнем наибольшего обобщения является философский – то, что в литературе как раз и получило название «русской идеи» – с ее категориями соборности – («единство во множестве», внутреннее приятие другого как себя самого), всеединства (особый «полифонический» строй мирового сообщества), Общего Дела (единение человечества ради преодоления смерти).

Разнонаправленные тенденции – «модернизации» и «консервации» национальной идеи – лишаются антиномичности, если представить этот феномен в историческом развитии, в диалектике его культурных и цивилизационных составляющих. В науке известно, по меньшей мере, несколько трактовок понятий «культура» и «цивилизация» в самых разнообразных их соотношениях. Не вдаваясь в дискуссию, следует отметить, что в данном случае культуру можно определить как процесс и результат человеческой деятельности, смысл которой заключается в реализации определенных ценностей и жизненных смыслов. Цивилизация есть, соответственно, система средств, обеспечивающих эффективную реализацию ценностей, смыслов культуры. Цивилизационно-культурная динамика представляет собой искомую закономерность бытования национальной идеи, в соответствии с которой выстраивается алгоритм ее актуализации – во взаимодействии всех сфер национальной жизни, участвующих в массовой коммуникации.

Однако в случае трансляции этих категорий на массовую аудиторию, «соборность», «всеединство» и т.д. оказываются неизвестными национальному большинству, сложными для восприятия и актуальной трактовки. Для успешной интеграции в общественное сознание уровень теоретических обобщений должен трансформироваться в культуре, искусстве, журналистике, Интернете в более простые и современные формулы – и уже в таком виде поступить к обществу. Эти механизмы цивилизационных трансформаций национальной идеи обеспечивают формирование адекватного историческому времени (с его объективными социальными реалиями) и культурной потребности – комплексного представления нации о самой себе.

Названные составляющие идеи действуют и взаимодействуют на двух уровнях: больших социальных общностей, и межличностных контактов – соответственно, через надындивидуальную систему знаний, передающихся из поколения в поколение, и через обмен информацией между людьми одного поколения. Так формирование национальных

приоритетов предстает в синхроническом (одномоментном) и диахроническом (эволюционном) измерениях. Осуществляя синхроническое описание цивилизационно-культурного бытования национальной идеи, возможно сделать шаг к диахроническому представлению об этом феномене, и, следовательно, к пониманию исторических закономерностей, его обусловивших. Культурная составляющая национальной идеи обеспечивает «стабильность и «индивидуальность» в качестве определенного содержания исторического прогресса, аккумулятора исторического опыта». Это своего рода национальный «неприкосновенный запас», откуда под влиянием необходимости в модернизации национальной жизни, нация может черпать материал для мобилизации. Эти универсумы «национального» и составляют содержание научного уровня бытования национальной идеи.

Таким образом, определенные черты национальной идеи имманентно присутствуют в сознании россиян, а задача науки в целом заключается в объективировании ее основ в условиях актуальной потребности в присвоении идеи. Принято считать, что любая национальная идея должна обладать определенными атрибутами, делающими ее жизнеспособной и эффективной. Главным таким атрибутом является ее интегрирующий характер: мобилизующая национальная идея объединяет общество, отодвигая на второй план существующие социокультурные различия. Общенациональная же идея должна быть сдерживающим реальными и возможные центробежные тенденции началом, основой для достижения социального согласия. В силу этого, она должна быть равноудалена как от национальной и конфессиональной конкретики, так и от политических доктрин.

A. КАМЮ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕРРОРЕ

Исаев А.А.

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия

Рассматривается идея политического бунта через призму государственного террора на примере германского фашизма и русского коммунизма. При этом гитлеровский государственный террор Камю считает иррациональным, а русский коммунистический террор – рациональным. Делается вывод, что Камю видел огромную опасность в государственном терроризме, уничтожающем все человеческое в человеке.

Ключевые слова: *политический бунт, государственный террор, коммунистический террор, германский фашизм, русский коммунизм.*

A. KAMU ABOUT THE STATE TERROR

Isaev A.A.

Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa, Russia

The idea of the political rebellion is examined through the prism of the state terror with the example of the German fascism and Russian communism. At the same time Kamu thinks that the Hitler state terror is irrational, and the Russian communist terror is rational. It is concluded that Kamu saw a great danger in the state terrorism that destroys everything human in a man.

Keywords: *political rebellion, state terror, communist terror, German fascism, Russian communism.*

Одним из тех, кто глубоко и проникновенно занимался проблемой государственного террора, был французский философ-экзистенциалист А. Камю. Наиболее ярко свои мысли по этой проблеме он выразил в одном из самых известных и значимых своих трудов – эссе «Бунтующий человек». Камю писал это произведение в 1950 году, когда ста-

линизм достиг апогея своего могущества, а марксизм превратился в государственную идеологию, система распространилась на Китай, началась война в Корее. Безусловно, эти исторические события не могли не повлиять на политические и философские воззрения французского мыслителя. В «Бунтующем человеке» он рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека.

Что же является главной темой эссе? Отвечая на этот вопрос, автор вступительной статьи к произведениям французского философа А. Руткевич пишет: «"Бунтующий человек" – это история идеи бунта – метафизического и политического – против несправедливости человеческого удела. Если первым вопросом «Мифа о Сизифе» был вопрос о допустимости самоубийства, то эта работа начинается с вопроса об оправданности убийства. Люди во все времена убивали друг друга, – это истина факта. Тот, кто убивает в порыве страсти, предстает перед судом, иногда отправляется на гильотину. Но сегодня подлинную угрозу представляют не эти преступные одиночки, а государственные чиновники, хладнокровно отправляющие на смерть миллионы людей, оправдывающие массовые убийства интересами нации, государственной безопасности, прогресса человечества, логикой истории» [3, с. 17]. Здесь уместно привести определение идеологии, которое дает К. Ясперс в своей работе «Истоки истории и ее цель» (1948 г.): «Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации» [4, с. 146]. Немецкий философ сам приводит примеры идеологической аргументации, когда подлость людей успокаивает их совесть: «В тех случаях, когда государство прибегает к явно преступным действиям, эта аргументация гласит: государство греховно по самой своей природе, я тоже грешен; я повинуюсь требованиям государства, даже если они греховны, потому что я и сам не лучше и потому, что это мой долг перед родиной. Однако, по суще-

ству, все это выгодно для того, кто таким образом оправдывает свои действия, он – соучастник и извлекает из этого пользу; его искаженное лицо говорит о терзаниях, которых он в действительности не испытывает, это просто маска. Греховность используется здесь как средство успокоения» [4, с. 147–148].

Камю – современник XX века, в котором человек оказался перед лицом тоталитарных идеологий, служащих оправданием убийства. Главная проблема, которую усматривает здесь французский мыслитель, заключается в том, что сами эти идеологии родились из идеи бунта, преобразившейся в нигилистическое «все дозволено». Он рассматривает и трагедию философии, превращающейся в идеологию, оправдывающую государственный террор. Переломным моментом в резком усилении могущества государства послужила первая мировая война, которая, как утверждает Камю, разделалась с остатками «божественного права». Государство взяло на себя функцию созидания «града людей» взамен разрушенного «града божьего». Об этом и пишет философ в своем эссе: «После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях – террористического» [1, с. 255]. Террор тем самым приобретает государственные масштабы. Главную «заслугу» в этом Камю приписывает Муссолини и Гитлеру: «Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история – всего лишь случайное противоборство сил» [1, с. 255]. На примере нацистской Германии французский философ прослеживает путь: к чему может привести подобная политика. В 1933 году эта страна принимает низкопробные ценности, более того – она пытается навязать их всему миру. Это мораль уголовного мира и Германия поплатилась за это: «Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением» [1, с. 257]. Вера в тотальность государства, а значит и в тотальную правдивость его устремлений, приводит, в конце концов, к видению тотальной опасности, нависшей над данным государством или нацией. Исходя из этого, государство пытается защитить себя террором и оправдывает этим свой террор: «... Вечные поиски врага предполагают вечный террор – теперь уже на государственном уровне. Государство отождествляется с «аппаратом», т.е. с совокупностью

механизмов завоевания и подавления. Завоевание, обращенное внутрь страны, называется пропагандой или репрессией. Направленное вовне, оно порождает военную экспансию. Таким образом, все государственные проблемы милитаризуются, переводятся в область насилия» [1, с. 258–259].

Государственный террор гитлеровской Германии Камю считает иррациональным. Любые попытки посягнуть на суверенитет народа, который якобы охраняется фюрером при помощи партии, должны решительно пресекаться. В такой ситуации человек, по выражению французского философа, исчезает. Ибо, являясь членом партии, он превращается в орудие фюрера, винтиком «аппарата», а, будучи врагом фюрера, он перемальвывается жерновами этого «аппарата». Машина направлена на уничтожение человеческого в человеке: «Иррациональный порыв, порожденный бунтом, направлен теперь только к одному: подавить в человеке то, что не позволяет ему стать простым винтиком, то есть его страсть к бунту... Иррациональный террор превращает человека в вещь, в «планетарную бактерию», согласно выражению Гитлера. Он ставит своей целью не только разрушение личности, но и уничтожение заложенных в ней возможностей, таких, как способность к мышлению, тяга к единению, призыв к абсолютной любви» [1, с. 260].

Иррациональность гитлеровских преступлений Камю доказывает на примере уничтожения деревни Лидице. «Гибель этой деревни, – пишет французский писатель, – показывает, на какие зверства способно иррациональное мышление, подобного которому невозможно отыскать в истории» [1, с. 261]. Действительно, как можно разумно объяснить тот факт, что в течение нескольких месяцев специальные воинские бригады расчищали пепелище деревни при помощи динамита, вывозили обломки камней, засыпали пруд, отводили речку в новое русло и даже разравнивали дорогу, которая вела к деревне. Все это делалось для того, чтобы от Лидице не осталось ровным счетом ничего. В довершение ко всему каратели опустошили местное кладбище, которое напоминало о существовании деревни. Этому нет объяснения, ибо в этих действиях нет никакой логики.

Нацистская Германия во главе с Гитлером попыталась создать религию на основе идеи уничтожения, и эта попытка привела к уничтожению самой этой религии. Камю вспоминает гегелевское отрицание, призванное созидать. Но в данном случае отрицание было лишь разрушитель-

ным, а Гитлер остался для своего народа и для всего мира воплощением истребления и самоистребления. Французский философ называет его единственным в истории тираном, не оставившим после себя ничего положительного. Думается, что нижеприведенные слова Ясперса вполне могут выступить характеристикой личности и деяний Гитлера: «Человек участвует в страшных делах и говорит: жизнь сурова. Высокие цели нации, веры, будущего подлинно свободного и справедливого мира требуют от нас этой суровости. Такой человек суров и по отношению к самому себе; но эта суровость не опасна, отчасти даже приятна, так как создает видимость подлинности этих суровых требований, а в действительности лишь маскирует безудержную волю к жизни и власти» [4, с. 148].

Претендуя на руководящую роль в мире, фашисты, по мнению Камю, никогда всерьез не помышляли о создании вселенской империи. «Русский же коммунизм, – пишет французский философ, – напротив, как раз в силу своего происхождения открыто претендует на создание всемирной империи. В этом его сила, его продуманная глубина и его историческое значение... Это первое в истории политическое учение и движение, которое, опираясь на силу оружия, ставит своей целью свершение последней революции и окончательное объединение всего мира» [1, с. 262–263].

Русский коммунизм в отличие от германского фашизма рационален: «...Русский марксизм в общем и целом отвергает мир иррационального, хотя очень неплохо умеет им воспользоваться. Иррациональное может служить Империи, а может ее и подорвать. Оно не поддается расчету, а в Империи все должно быть рассчитано. Человек всего лишь игрушка внешних сил, которыми можно рационально управлять» [1, с. 303]. И хотя Ленин борется против терроризма, считая его «напыщенным и бессмысленным позерством», но это относится только к одиночным борцам. Отречение от бунта происходит ради Империи и рабства. Под знаменем идеи свободы свершается тотальный террор: «Отдельные личности при тоталитарном режиме поработены, хотя человеческий коллектив можно считать свободным. В конце концов, когда Империя освободит весь род человеческий, свобода будет царить над стадом рабов, которые, по меньшей мере, будут освобождены от Бога, да и вообще от всего трансцендентного. Именно здесь проясняется пресловутое диалектическое чудо, переход количества в качество: всеобщее рабство выступает отныне под именем свободы» [1, с. 300].

Трагедию русской революции («величайшей в истории») французский писатель видит не в том, что она стремилась к справедливости посредством беззакония и насилия (этого было сколько угодно во все времена), а в том, что она соединяет нигилизм с современным разумом, претендующим на универсальность, но в то же время концентрирующим в себе все человеческие увечья и уродства. Человеческое вытесняется из человека во имя истории и ее целей: «Притязания вселенского Града сохраняются в этой революции только за счет отрицания двух третей человечества и наследия веков, за счет того, что природа и красота отрицаются во имя истории, а человек лишается силы своих страстей, сомнений, радостей, творческого воображения – словом, всего, что составляло его величие. Принципы, избираемые людьми, в конце концов берут верх над самыми благородными их стремлениями» [1, с. 305].

Камю пытается провести сравнение между фашизмом и русским коммунизмом, которое на первый взгляд приводит к их отождествлению: «Те, кто рискнул ринуться в историю во имя иррационального, говоря, что она лишена какого бы то ни было смысла, находят в ней рабство и террор и в конце концов оказываются в мире концлагерей. Те, кто ломится в нее, проповедуя абсолютный рационализм, находят то же рабство и террор и упираются в ту же лагерную систему» [1, с. 310]. Фашизм пытался обозначить пришествие нищезанского сверхчеловека, но человек, претендующий стать Богом, должен присвоить себе право на жизнь и смерть других людей. Так он становится «поставщиком трупов», «гнусным прислужником смерти», превращаясь в недочеловека. Рациональная революция стремилась реализовать всечеловека, появление которого предсказывал Маркс. Но, приняв логику истории в ее тотальности, она все сильнее калечила человека, превратившись в итоге в объективное преступление. О том, как иррациональная и рациональная тотальности воздействуют на личность, перестраивая ее для своей выгоды, Камю пишет: «...Только дошедший до иррационального остервенения зверь в человеческом обличье может задуматься до садистских пыток людей, чтобы выбить у них согласие. В этом случае происходит как бы омерзительное совокупление личностей, из коих одна подавляет другую. Представитель рациональной тотальности, напротив, довольствуется тем, что позволяет вещному началу в человеке одержать верх над личностным. Сначала посредством полицейского

промывания мозгов высшие духовные начала в человеке сводятся к низшим. Затем следует пять, десять, двадцать бессонных ночей, в результате которых появляется на свет новая мертвая душа, проникнутая иллюзорной убежденностью. С этой точки зрения единственная подлинная психологическая революция нашего времени после Фрейда была осуществлена органами НКВД и вообще политической полицией» [1, с. 304].

Французский философ приходит к выводу, что между фашизмом, являющимся воплощением иррационального государственного террора, и русским коммунизмом, осуществляющим государственный террор на основе рациональности, нельзя поставить знак тождества: «Было бы несправедливо отождествлять цели фашизма и русского коммунизма. Фашизм предполагает восхваление палача самим палачом. Коммунизм более драматичен: его суть – это восхваление палача жертвами. Фашизм никогда не стремился освободить человечество целиком; его целью было освобождение одних за счет порабощения других. Коммунизм, исходя из своих глубочайших принципов, стремится к освобождению всех людей посредством их всеобщего временного закабаления. Ему не откажешь в величии замыслов. Но вполне справедливо отождествление их средств – политический цинизм оба они черпали из одного источника – морального нигилизма» [1, с. 310].

Французский философ, писатель А. Камю во второй половине XX века искренне «болел» за человека и человечество, видя огромную опасность в государственном терроризме, уничтожающем все человеческое в человеке, калечащем личность. Хотя творчество Камю вызвало после его смерти оживленные споры, многие критики считают его одной из наиболее значительных фигур своего времени. Он показал отчужденность и разочарованность послевоенного поколения, однако упорно искал выход из абсурдности современного существования: «Камю пытается найти ответы на смыслообразующие вопросы человеческой жизни и стремится выработать новый гуманизм, который объединил бы людей и принес им свободу» [2, с. 193].

Философия бунта Камю – выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопrotивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
2. Камю Альбер // Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-н/Д., 1995.
3. Руткевич А. Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
4. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991.

ВЛАСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Каменчук И.Л.

Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Саратов, Россия

В статье предпринята попытка философского обоснования толерантности в качестве современной этической доктрины современности. Культурная, этническая, религиозная неоднородность общества в условиях глобализации, с одной стороны, и стремление к стабильности, с другой, фундирует развитие толерантности как составляющей духовной культуры общества. Рассматриваются особенности политики России и стран Запада со второй половины прошлого столетия по достижению социального мира. Толерантность рассматривается в качестве важнейшей составляющей межкультурного диалога.

Ключевые слова: толерантность, глобализация, политика мультикультурализма, понимание, предпонимание, межкультурный диалог, культурное многообразие.

POWER AND TOLERANCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: INTERACTION PROBLEMS

Kamenchuk I.L.

SarIPKiPRO, Saratov, Russia

The article attempts a philosophical justification of tolerance as a modern ethical doctrine of today. Cultural, ethnic, religious heterogeneity of society in the context of globalization, on the one hand, and the desire for stability, on the other hand, substantiates the development of tolerance as a component of the spiritual culture of the society. Specific policy of Russia and western countries to achieve social peace in the second half of the last century. Tolerance is considered as a crucial element of intercultural dialogue.

Keywords: *Tolerance, globalization, the policy of multiculturalism, understanding, pre-understanding, intercultural dialogue and cultural diversity.*

Современное общество в условиях глобализации превращается в целостный социум, а нарастание рисков, по убеждению Ульриха Бека, сужает его до размеров общины. Риски, порожденные модернизацией, угрожают всему живому на планете Земля, стирая государственные и национальные границы. Высокая плотность международных, межгрупповых и межличностных связей создает условия, при которых сложно уклониться от контактов, остаться безразличным или нейтральным к происходящему.

Вместе с тем, глобализация демонстрирует многообразие современного мира – социокультурных традиций, норм взаимоотношений, основанных на ценностях, присущих разным сообществам. Сегодня все события жизни и сознании людей пронизывает проблема различий. Именно различия становятся основным структурообразующим фактором современной социальной жизни.

В условиях политической, экономической, культурной, конфессиональной, этнической неоднородности общества, с одной стороны, и стремлении к стабильности, с другой, возникает необходимость в формировании новых форм взаимодействия государств и народов. В качестве современной этической доктрины выступает толерантность, претендующая на центральное место в «оси координат» XXI века.

Развитие идеи толерантности, начавшееся несколько веков назад, продолжается и сегодня. Общечеловеческое значение толерантности сформировано в контексте гуманистической философии и получило подтверждение в либеральной концепции прав и свобод человека. Проблема реализации толерантности, как социальной нормы, претерпевает определенную трансформацию в условиях глобализации. Характер глобальных процессов в корне меняет постановку проблемы о субъекте и объекте толерантности. Если раньше считалось, что большинство должно быть терпимо к меньшинству, то в условиях глобального информационного общества вектор терпимости становится взаимобратным, то есть функционирование любой современной общественной демократической системы зависит уже и от позиции меньшинства.

Сегодня вопрос о толерантности – это вопрос о том, как при существующих различиях в положении, взглядах, интересах люди могут

наладить совместную жизнь. Толерантности приходится иметь дело с «вызовом плюрализма», поскольку вопрос ставится не просто, как жить вместе, а как жить вместе, сохраняя имеющиеся различия.

Признание различий – главный принцип толерантности, принцип позволения быть. Позволить другому быть – значит признать, что ценностью является само существование другого, каким бы он ни был. Толерантность делает возможным существование различий, различия обуславливают необходимость толерантности. Толерантность фактически выполняет роль компромисса между признанием различий и уважением их права на существование. Различия в условиях глобализации могут сохраниться лишь при условии признания естественного существования в общественной жизни «различностей» (термин французского постмодерниста Ж. Деррида).

На протяжении многих веков проблема интеграции этнических сообществ решалась за счет политики *подавления культурного разнообразия*. Во Франции до сих пор она выражается в лозунге: «Одна страна, один язык, один народ». В целом ассимилятивной была и американская модель «плавильного котла» и идея создания «единой общности – советский народ» в СССР.

Со второй половины XX века культурная ассимиляция стала все более негативно восприниматься мировым общественным мнением. В Докладе UNDP (Программы развития ООН) 2004 года отмечается: «Если XX век что-то и доказал, так это то, что попытки ликвидировать или просто вытеснить культурные группы вызывают их упорное сопротивление. Признание же существования культурной самобытности, наоборот, приводит к разрядке постоянной напряженности» [1, с. 3]

В период 60-80-х годов прошлого столетия в странах Запада ассимиляторская стратегия в политике этих стран подвергается ревизии, на смену приходит политика *мультикультурализма*, где культурное многообразие уже не подлежит преодолению, а, напротив, признается полезность существования этнических общин, представляющих различные культуры. Попытки внедрить мультикультурализм в общественную жизнь и, тем самым, способствовать утверждению культуры толерантности, осуществляются властями западных стран. Пожалуй, лишь Франция проводит уникальную этническую политику. Такую политику называют *культурным централизмом* в противоположность *культурному федерализму или культурному многообразию* в других странах ЕС

и США. Во Франции не признается существование этнических общностей – есть только граждане и в этом смысле все французы. Франция, единственная из стран ЕС, не подписала Рамочную конвенцию Совета Европы «О защите национальных меньшинств», как, впрочем, и другие международные документы по этой проблеме, поскольку во Франции нет признанных национальных меньшинств.

Первой страной, в которой официально, в 1971 году, была провозглашена доктрина мультикультурализма, стала Канада. Ее примеру в 1973 году последовала Австралия, а в 1975 году – Швеция. Концепция мультикультурализма широко представлена в политической практике США. В базовой для Америки доктрине «политической корректности» (political correctness) отмечается, что эта страна *«выступает за большую терпимость к человеческому многообразию»* [2, с. 38]. В той или иной форме мультикультурализм вошел в политическую практику большинства других стран Запада.

В России политика мультикультурализма не получила распространения в силу ряда исторических причин. Страна формировалась как многонациональное государство за счет присоединения многочисленных территорий с различными социально-политическими и природно-климатическими условиями, этнической и этноконфессиональной спецификой. Политика государства характеризовалась ориентацией на сохранение мира, достижение согласия, стабильности внутри своей страны и постоянное расширение контактов и связей с внешним миром. Даже в период татаро-монгольского завоевания не возникло резкого антагонизма с ордынцами. Политика диалога и компромисса в конечном итоге привела к сохранению народа, религии, обогащению собственной культуры, являясь основанием для формирования толерантного менталитета народа.

Идея толерантности в России зачастую отождествлялась с христианскими заповедями возлюбите ближнего своего, не противьтесь злу, нести свой крест. Что же касается места терпимости в русском менталитете, то она, несомненно, является одной из важнейших его характеристик. Личностная активность не отрицается всеми русскими философами, но она, во всяком случае, понимается ими принципиально иначе: как личная ответственность за народ, за людей, как сознательное и творчески-активное служение «общему делу». Социальность в русской философии понимается как слитность своего «Я» с общественным

«ты» и «вселенского чувства» – углубления чувства своего единства с Вселенной [3, с. 269].

Терпеливое отношение русского народа к своим проблемами трудностям – это одна сторона его толерантного менталитета. Другая сторона – такое же толерантное отношение к иноплеменникам, другим нациям и народам. Россия, в отличие от Европы, сохранила свои этносы, да и самой Европе неоднократно помогала выжить, оберегая ее границы. В русском народе слабо чувство национального эгоизма и исключительности, ему в большей мере присуще чувство взаимопомощи, «всечеловечности» (Ф.М. Достоевский) и, следовательно, толерантного отношения к другим народам. Русская идея подразумевает сочувствие, доброту, она есть «идея сердца» (И. Ильин). Терпимость и «духовное терпение» входят в систему культурных ценностей русской нации, то есть в такую систему, которая является социально детерминированным типом программирования поведения: это наш способ делать дело, наш способ существования в мире.

Анализируя колонизацию русских окололежащих земель, Л.Н. Гумилев в работе «От Руси к России» отмечает отсутствие насильственного превращения местных народов в русских, проходившее без насильственной христианизации. Примечательно, что долгое время национальность не имела особой значимости в жизни российских подданных, в отличие от социального положения, вероисповедания.

Национальная политика после революции 1917 года стояла по принципу этноцентризма, давала привилегии национальным меньшинствам, что стало одной из причин распада СССР. В советский период толерантность, как уважение к людям других политических взглядов, терпимость к иному мировоззрению, иной вере, иному мнению считалась недопустимым качеством. Возможно, в этом кроется объяснение, что современное российское общество, столкнувшись с явлениями этнокультурного сепаратизма, начало в некотором смысле утрачивать свою цивилизационную особенность: стал расти национализм, в том числе и русский, разрушающий старую российскую традицию всечеловечности.

В настоящее время развитие политики мультикультурализма в странах Запада трансформируется в сторону *межкультурного диалога* целью понимания и уважения иной культуры. Исторически данный подход близок и актуален для современной России.

Понимание М. Хайдеггер считал одним из главных способов бытия человека в мире. Понимание исходит из того, что уже что-то известно, оно невозможно без *предпонимания* и горизонта понимания. Чего сам не пережил хотя бы минимально, понять нельзя. То, что мы опытно испытываем как уже понятое, составляет канву предпонимания того, что дано для понимания. Кроме того, чтобы два человека могли понять что-то по конкретной проблеме, должно возникнуть общее пространство, в котором люди до этого уже приходили к пониманию. Г-Г. Гадамер говорит о «предварительном понимании» (*vorverstandnis*), «смещении горизонтов» понимания: чтобы человек понимал человека, надо, чтобы их горизонты взаимно пересеклись, смешались.

Приобретая императивное значение, толерантность институционализируется: создаются Центры, музеи, проблема толерантности включается в образовательный процесс, находится в центре общественного дискурса, научных конференций и официальной государственной политики. Процесс институционализации толерантности в разных странах имеет свои особенности, но, благодаря нему, формы поведения, ориентированные на уважение, приобретают «ценность и устойчивость» [4, с. 32].

В ряде государств создаются специализированные государственные органы, в сфере деятельности которых находятся проблемы реализации этнополитики и соблюдения принципов толерантности. Например, в Швеции в связи с обострением проблем иммиграции в 1987 году риксдаг создал комиссию по борьбе с расизмом и нетерпимостью к иностранцам. В Австралии в нижней палате парламента имеется постоянный комитет по делам аборигенов. В британской палате общин традиционно работает комитет для рассмотрения дел, касающихся Шотландии и Уэльса. В России долгое время существовало (под различными названиями – Государственный комитет Российской Федерации по делам Федерации и национальностей, Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям и др.) ведомство, занимавшееся данным кругом вопросов. В настоящее время в структуре Министерства регионального развития создан Департамент межнациональных отношений, отвечающий за выработку и реализацию государственной политики в сфере межнациональных отношений.

Список литературы

1. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. Издано для ПРООН. М.: Весь мир, 2004.
2. Р. Ле Кодиак. Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. М., 2005.
3. Франк С.Л.Смысл жизни. Сокровищница русской религиозно-философской мысли. М.,1994, вып. 2.
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: «Прогресс-Традиция», 2004.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БУРЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Караваяев Н.Л.

Вятский государственный гуманитарный университет,
Киров, Россия

В статье рассмотрены проблемы современного информационного общества и человека, который в нем находится. Показаны изменения, происходящие в информационном пространстве, связанные с развитием информационных технологий. Рассмотрены основные аспекты влияния информационно-перенасыщенной социальной среды на человека.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, информационное общество, информационная буря, человек, знание, ценности, влияние.

INFORMATION STORM AND ITS IMPACT ON HUMAN BEING

Karavaev N.L.

Vyatka State University of Humanities, Kirov, Russia

In article, the author envisages the problem of modern information society and man in this society, shows the transformation of information space due to information technologies, and explains the main aspects of the impact of the information-packed social environment on human being.

Keywords: information, information technology, information society, information storm, man, knowledge, values, impact.

Появление информационных технологий, функционирующих на основе компьютерной и телекоммуникационной техники, изменило не только информационную среду, в которой существует современный человек, но и оказало глубокое воздействие на самого человека, на его образ жизни, ценности и мировоззрение. Эти изменения на этапе формирования

информационного общества являются актуальной проблемой, требующей целостного научного и философского осмысления. Целью данной статьи является попытка дать краткое описание проблемы изменения информационной среды общества, и влияния этой новой среды на человека.

Сегодня существует множество подходов к толкованию понятия информационного общества. Наиболее полно обобщил характеристики основных подходов британский социолог Ф. Уэбстер в своей книге «Теории информационного общества» [2]. Он выделил основные пять критериев, относительно которых определяется информационное общество:

1. *Технологический критерий*, выделяющий ключевым фактором формирования информационного общества информационные технологии, развитие индустрии производства информационных продуктов.
2. *Экономический критерий*, учитывающий рост экономической ценности информационной деятельности, и превалирование ее над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности.
3. *Критерий, связанный со сферой занятости*. Он предполагает снижение занятости в сфере производства и увеличение занятости в информационной сфере, где сырьем является информация.
4. *Пространственный критерий*. Акцент здесь переносится на «информационные сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства» [2, с. 25].
5. *Критерий культуры*, констатирующий информационную насыщенность современного общества, большую информативность нынешней культуры в сравнении с предыдущими культурами.

Однако, на наш взгляд, ни один из этих критериев не отражает в должной мере ключевой фактор формирования нового типа общества, поскольку упускает из вида то, что послужило толчком к его появлению. Сущностной же особенностью информационного общества является автоматизация информационных процессов, которая осуществляется с помощью информационных технологий, построенных на основе компьютерной и телекоммуникационной техники. Информационное общество – это общество *информатизированное*, т.е. общество, в котором большая часть информационных процессов так или иначе автоматизирована. В такой трактовке основным смыслообразующим элементом понятия информационного общества становится не информа-

ция, как считают многие ученые, но автоматизация информационных процессов. Исходя из такого понимания информационного общества, закономерным становится объяснение экономических изменений нового типа общества, трансформаций в сфере культуры, процесса глобализации социального пространства и многих других социокультурных проявлений новой эпохи.

Эффективность жизнедеятельности практически любого члена общества непосредственно зависит оттого, насколько благоприятна та информационная среда, в которой он находится, насколько легко и успешно он способен удовлетворить свою потребность в информации. Именно поэтому наличие информации является для человека основным фактором, не только детерминирующим успешность решения той или иной задачи, но и стимулирующим самостоятельность человека, не подверженностью влиянию толпы, сложность в манипуляции человеком. Знание, или информированность – это сила, благодаря которой человек способен действовать осознанно, а не только реагировать на сложившиеся обстоятельства.

Во все времена было крайне сложно получить доступ к важной информации. В разные эпохи ей владели либо жрецы, либо священники, либо государственные чиновники. Стратегия, в которой человек неосведомлен и, тем самым, более уязвим, является весьма эффективной в управлении массами. Однако, появление современных информационных технологий, автоматизирующих процессы передачи, обработки и хранения информации и позволяющих беспрепятственно передавать информацию на большие расстояния и в больших объемах, сделало данную стратегию в полной мере нереализуемой. Поэтому стратегия власти изменилась.

Вместо ограничения доступа к информации, появились безграничные возможности в ее создании и использовании. Ежемесячно в мире издаются тысячи новых книг, газет и журналов, создается множество сайтов, появляются новые кабельные каналы. Человека заваливают лавиной информации со всех сторон. В связи с этим информационная ситуация в современном обществе является крайне неблагоприятной: информация общедоступна, но в большинстве случаев бесполезна, т.к. искажена и не достоверна, и деструктивна, т.к. навязывает (программирует) определенный образ жизни и мысли. Современному человеку сегодня непросто обнаружить представляющую для него интерес информацию, поскольку она погружена в общий информационный поток, который за последние десятилетия вырос в тысячи раз. Выделить же

из этого потока то, что необходимо, то, что достоверно, оказывается нелёгкой задачей. Чтобы получить что-то действительно стоящее, человеку приходится пропускать через себя огромное количество информации, сортируя ее и отбрасывая лишнее. Создается положение, когда человек страдает от избытка информации так же, как от её недостатка, а умение фильтровать информацию становится необходимой составляющей информационной и интеллектуальной культуры человека. В действительности концепция закрытости информации была заменена *концепцией информационной бури*. И такая стратегия отвечает тем же целям – не дать доступ к важнейшей информации широким массам населения, и тем самым контролировать человека, манипулировать им, отработывая определенные установки.

Наиболее угрожающей установкой, усиленно пропагандируемой в современном информационном обществе, является установка потребления. Понятие о нормальном потреблении, соответствующем реальным запросам человека, сегодня кардинальным образом изменяется. Человек превращается в человека «фуа-гра». «Фуа-гра – печень гуся, получаемого садистским способом. Гусю четыре раза в день вставляют в горло воронку и всыпают килограммы зерна. Гусь не может его извергнуть назад. В организме птицы начинаются процессы, приводящие к фантастическому увеличению печени. Зачастую печень достигает размеров, пропорциональных самому гусю. Это в прямом смысле инвалид, не способный жить, потому что нарушена вся структура организма... С человеком современная система проделывает аналогичные манипуляции. Она заставляет его потреблять» [1, с. 354–355]. Средства массовой информации сегодня выискивают все новые и более изощренные способы навязать человеку переизбыток жизненных удобств, очень часто совершенно ему не нужных.

Отсюда и трансформация наших мыслительных способностей и духовных ценностей. В первую очередь происходит детерминация нашего интеллекта, мышления современной информационно-перенасыщенной средой. Как таковое, мышление предполагает любое затруднение, в которое попадает наш интеллект, и что можно назвать проблемой. Проблемная ситуация вынуждает человека переключиться с режима бездумного опыта на режим мышления. Скорее всего, именно этот аспект и имел в виду М. Хайдеггер, когда писал о том, что мышление мыслит только насильно и вынужденно. Такое происходит тогда, когда сознание встречает то, что заставляет задуматься; оно столкнулось с тем, что

непрерывно следует обдумать [3, с. 135]. Только проблемная ситуация может обладать такой принуждающей силой. В современном информационном пространстве именно проблемность ситуаций и пропадает: если раньше познавательная (информационная) потребность отражала вопрос «Как?» (например, «Как сделать это?», «Как решить эту задачу?»), то сегодня она отражает вопрос «Где?» («Где узнать, как сделать это?», «Где найти решение этой задачи?») или даже «Где купить решение этой задачи?»). Вместо интеллектуального (продуктивного) поиска решения проблемы, на смену пришел механический (репродуктивный) поиск. Человеку требуется меньше усилий со стороны интеллекта для осуществления деятельности, поскольку у него нет необходимости в самостоятельном решении задачи или проблемы, он просто использует найденную информацию для ее решения.

Информация как источник знаний до появления автоматизированных информационных технологий ценилась, как и сами знания гораздо выше, чем это происходит сейчас. Любой современный школьник знает, как воспользоваться информационными технологиями, чтобы достать нужную ему информацию. Причем деятельность по поиску информации, по ее хранению и обработке стала проще, а участие самой личности в этих процессах сокращается. Т.е. ценность *знания* чего-либо снижается. Сам человек знает сегодня меньше, но он имеет много возможностей получить информацию. А ведь чем меньше чего-либо, тем это что-то ценится больше, чем то, что есть в избытке. То же с информацией. В ситуации, когда результат может быть достигнут очень быстро, без усилий, ценность самого процесса решения задачи, мышления, пропадает. Другими словами сегодня вместо ценности внутренних, личных знаний на смену пришла ценность накопления (потребления) информации.

Потребление и информация становятся преобладающими ценностями, а такие ценности как знание, любовь, красота, личность, мышление, доброта и многие другие трансформируются по причине того, что человек становится элементом созданной системы потребления: либо потребителем кем-то созданных услуг и информационных ресурсов, либо средством самого процесса потребления. Поэтому как у гуся «фу-а-гра» уменьшаются способности к нормальному функционированию, так и у современного человека уменьшаются способности к саморефлексии, самостоятельному мышлению, развитию и саморазвитию. Как у гуся увеличивается печень, так и у человека увеличивается потреб-

ность иметь все больше, потреблять все больше, удовлетворять свои желания все больше. Человеку становится безразлично все, что не соответствует его желаниям. А желания его настолько сильны, что кроме них он ничего не видит или не хочет видеть, и готов удовлетворять их любыми способами. Человек уже не хочет прилагать усилия, чтобы изменить себя и свой внутренний мир, поскольку информационная среда заставляет его думать, что все что ему нужно находится во внешнем мире, мире вещей и информации. Воля к саморазвитию тонет в «одурманивающем» информационном потоке, не имеющем границ.

Итак, перенасыщенность информационной среды приводит к печальным последствиям. Аналогично обжорству, результатом которого являются повышение массы тела, сердечно-сосудистые заболевания и т.д., перенасыщение информацией становится причиной трансформации внутреннего мира человека, его сознания, мышления, потребностей и ценностей. И становится очевидным, что информатизация общества помимо позитивного начала имеет огромный пласт негатива, и этот негатив приведет к необратимым изменениям человека и общества, если мы не уделим этим проблемам наше пристальное внимание. От нас сейчас зависит то, как мыотреагируем на вызовы информационных технологий: продолжим идти тем же курсом усовершенствования технологий, не затрагивая нашей внутренней сущности, или же озаботимся последней, но принимая во внимание все преимущества созданных нами информационных технологий. Ведь сами по себе информационные технологии как средство нейтральны, они ни хороши и ни дурны. Только мы в ответе за то, что получится в результате их использования. Ведь и молоток может принести вред, если воспользоваться им не по назначению.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (соглашение 14.В37.21.1014).

Список литературы

1. Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: ЭКСМО, 2009. 449 с.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: АспектПресс, 2004. 400 с.
3. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М., 1991. С. 134–145.

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кленина Е.А.¹, Песков А.Е.²

¹Волгоградский государственный технический университет»,
Волгоград, Россия

²Волгоградский государственный архитектурно-строительный
университет, Волгоград, Россия

В статье проводится мысль о том, что символическая иммортализация существует в системе личностного знания как знание целого, где диалектическое взаимодействие жизни, смерти и бессмертия открывает возможность видеть человека не частично, а целостно. Способность увидеть имморталогическую составляющую жизни является одним из факторов уникальности, целостности и многомерности личности. Эта способность наделяет ценностно-смысловой потенцией все стороны жизни человека.

Ключевые слова: символическое бессмертие, модусы, иммортализация, личностное знание, любовь, целостность личности, ценностно-смысловой потенциал жизни.

UPDATING SYMBOLIC IMMORTALITY IN THE CONTEXT OF PERSONAL KNOWLEDGE: AXIOLOGICAL ASPECT

Klenina E.A.¹, Peskov A.E.²

¹Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

²Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE), Volgograd, Russia

In the article the idea that symbolic immortalization exists in the system of personal knowledge as knowledge of the whole, where the dialectical

interaction of life, death and immortality opens the possibility to see the person not in part, but holistically. The ability to see immortologichesky component of life is a factor of uniqueness, integrity and multidimensional personality. This ability gives value-semantic potency of all aspects of human life.

Keywords: *symbolic immortality, modes, immortalization, personal knowledge, love, the integrity of the individual, value-semantic potential life.*

Современный мир противоречив, и по сравнению с классической рефлексией уже неактуально рассуждать о девальвации или изменении системы ценностей человека и общества, о выборе между «быть» или «иметь». В современных реалиях человек все больше склоняется к стратегии пиара и позиционирования своего имиджа, к стратегии «казаться». И это не случайно, так как акценты в информационном обществе расставлены в основном над темами разрушения, террора, абсурдности, фальсификации, бессмысленности. И при этом, человек и без того живет «мышлением-к-смерти», которое имманентно присуще его личностному знанию. Возникает вопрос: как человек может сохранить свою уникальность, целостность, смысл жизни, в конечном счете, перед лицом того, что оказывает негативное воздействие на жизнь человека, перед «лицом смерти»?

Наш исследовательский интерес сосредоточен на тезисе, что в повседневных структурах сознания бытует не только знание смертности, но и обретает витальность идея бессмертия, ибо человек видит смерть тела другого, но не смерть сознания. Одновременно с этим открывается пространство для смыслового прецедента (который в силу объективных обстоятельств не имеет и не может иметь единственного и окончательного решения): смерть это конец или начало? Более того, сама идея бессмертия набирает потенциальную силу только благодаря смертности. Поэтому вполне естественно обнаруживается, что идея бессмертия, как и осознания смерти, – явление сугубо человеческое.

В антропологическом плане смерть – это не просто исчезновение индивидуальной жизни. Это вопрос и о посмертном существовании, вопрос о том, как можно преодолеть страх перед смертью. Поэтому жизнь конкретного человека «во плоти и крови» определяется не только инстинктом самосохранения, но и инстинктом увековечения. Человек, как писал М. де Унамуно, живет и творит для вечности, так как осоз-

вание смерти пробуждает «жажду бессмертия». Начинается борьба за то, чтобы каким-то образом пережить себя в памяти других. Это борьба не на жизнь, а на смерть, за то, чтобы имя пережило человека. Человек хочет быть уникальным. И чем уникальней, тем ближе к иллюзорному бессмертию: смерть горька, но слава вечна [3, с. 70, 71].

Поэтому одна из экзистенциально-важных задач, которую ставит себе человек – поддержание жизни перед лицом неизбежной смерти. «Трагическое чувство жизни» вынуждает и в какой-то мере обязывает человека творить символику бессмертия. Более того, в контексте витальной парадигмы инстинкт самосохранения перерастает в позитивную программу жизни, и жажда бессмертия становится определяющим вектором человеческого существования, имманентной частью культуры. В результате человек культивирует различные способы компенсации страха смерти: формирует в своей психике структуры, соответствующие символике бессмертия, которые и обеспечивают человеку возможность существования в условиях осознания смерти.

Сама потребность в выработке символов бессмертия, на наш взгляд, ни в коей мере не иллюзорна, она есть необходимое условие для поддержания жизни.

Зарубежная иммортологическая традиция предлагает выделять пять универсальных модусов бессмертия (способов иммортализации): 1. биологический – надежда на продолжение жизни в потомстве; 2. творческий – надежда на продолжение жизни посредством активной деятельности и ее результатов; 3. теологический – различные религиозные формы трансцендирования смерти: бессмертие души и воскресение тела, метемпсихоз, реинкарнация; 4. натуралистический – бессмертие через слияние с природой; 5. чувственная трансценденция – механизм иммортализации, основанный на непосредственном личном опыте, связанном с достижением различных состояний, таких как экстаз, просветление, расширение сознания, преодоление чувства времени, которые воспринимаются как пребывание «по ту сторону смерти» [1, с. 73–74].

Актуальность того или иного модуса бессмертия детерминирована конкретной социокультурной ситуацией. Исходя из этого, наблюдается непрерывная смена и новое утверждение названных модусов параллельно с изменениями условий существования.

Для современного же российского человека потеряли свою убедительность не только те модусы, которые были актуальны в период

язычества на Руси, но и те, которые успешно действовали еще в прошлом столетии. В настоящее время ментальная стратегия направлена на постепенный переход от решающей роли безличных природных или сверхъестественных сил к более сложным символическим построениям, более психологичным и теснее связанным с жизнью конкретного человека. Осознание того, что смерть человечества уже не мифологизируется, а выступает как порождение техники, ослабляет, а точнее подрывает, все существующие модусы символического бессмертия. Биологический модус оказался подорван в наибольшей степени в к. XX – н. XXI вв., поскольку в ситуации, когда происходит нарастание смертогенных тенденций, когда смертность превышает рождаемость, заложенный в человеке глубинный слой «базисного доверия к миру» (термин Э. Эриксона) и уверенности в будущем постепенно нивелируется.

Затронутым оказался и теологический модус. «Смерть Бога» и современный нигилизм девальвируют надежду на посмертное существование, а само обещание духовного выживания теряет свою символическую и утешающую силу, если не сопровождается гарантией земного выживания.

Значение творческого бессмертия также неизбежно подрывается, так как оно связано с надеждой на длительное сохранение результатов деятельности. Особенно ослабевает вера в благотворное воздействие научно-технического прогресса, поскольку современное состояние цивилизации, где наблюдается доминирование материальных ценностей, где растет конфликтность на всех уровнях человеческого взаимодействия, свидетельствует об отрицательных последствиях такого прогресса. Отсюда – негативизм и неверие в силу научной рациональности и всевозможное распространение вненаучных форм знания.

Натуралистическое бессмертие (характерное для японской и индийской культуры) и опытная трансценденция (получившая главным образом распространение в буддизме и дзэн-буддизме) практически никогда не являлись актуальными для отечественной культуры. И как итог – девальвация всех модусов символического бессмертия и непреодолимый страх перед смертью, ибо символическая иммортализация предстает в основе свое не только как преодоление, отрицание смерти, но и делает возможной полноценную жизнь перед лицом неизбежной смерти.

Но закономерен вопрос: как же человеку в таких условиях «не утонуть», «не раствориться» в трагизме личного существования перед

«лицом смерти»?; как ему не только открывать, но и сохранять ценностно-смысловую потенцию своей жизни?

Любовь, на наш взгляд, – то единственное, что является убедительным свидетельством существования человеческой целостности (мы остановимся лишь на одной из форм проявления любви – любви к Другому). Это универсальная действенная сила, имманентно присущая человеческой сущности и характеризующая действительно подлинное человеческое бытие, так как она открывает человеку жизнь и ее ценности. Любовь («мышление сердцем») есть род познания, постижения целостности: любящий прозревает целостность в объекте своей любви и в самом себе. Любовь – это то, что придает полноту жизни и дарит гарантии бессмертия. «Жажда вечности – это и есть то, что зовется у людей любовью; и если ты любишь другого, то это значит, что ты хочешь обрести в нем вечность» [3, с. 58].

Еще Платон и Аристотель утверждали, что личностный «эйдос» живет до тех пор, пока живущие помнят об умершем. А в отечественной традиции человек предстает как Личность, которую нельзя ни постичь разумом, ни растворить в космическом потоке, но можно понять только через любовь (именно эта идея неразрывно связана с культурой русского православия).

Через любовь человек обретает способность жить в Другом, переходит границы своего феноменального бытия, вступает на путь бессмертия. «Благодаря любви наша жизнь перестает быть кратким эпизодом и обретает смысл вечности» [2, с. 311]. Любовь – это возрождение, она превращает смертных в бессмертных (характерно, что в мировой литературе проводится параллель между смертью и любовью: «сильна как смерть любовь», «смерть нивелирует – любовь возрождает»). Поэтому культ умерших – это не культ смерти, но культ любви и воспоминания, а значит – культ бессмертия, так как любовь – основа человеческого существования: *amore ergo sum* (лат. – «я люблю, следовательно, я существую»).

Таким образом, символическая иммортализация существует в системе личностного знания как знание целого, где диалектическое взаимодействие жизни, смерти и бессмертия открывает возможность видеть человека не частично, а целостно. Без способности увидеть иммортологическую составляющую своего бытия под вопросом может оказаться возможность человека к самореализации и саморазвитию.

Идея бессмертия апеллирует к человеку как свободному и многомерно-му существу и помогает, на наш взгляд, не потерять ценностно-смысловое предназначение своей жизни.

Список литературы

1. Лифтон Р., Ольсон Э. Жизнь и умирание / Р. Лифтон, Э. Ольсон // Буржуазные психоаналитические концепции общественного развития. Реферат. сб. М.: ИНИОН, 1980. С. 64–92.
2. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи; пер. с англ. О.В. Захаровой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. 2-е изд. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
3. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов / М. де Унамуно; пер. с исп., вступ. ст. и коммент. Е.В. Гараджа. Киев: «Символ», 1996. 416 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Корнющенко-Ермолаева Н.С.

Томский университет систем управления и радиоэлектроники,
г. Томск, Россия

Статья посвящена философскому анализу экзистенциально-онтологических оснований одиночества. Особенность философского подхода к проблеме одиночества заключается в том, что он позволяет раскрыть амбивалентную природу данного феномена. В статье показано, что одиночество является неустранимым, имманентно присущим способом бытия человека.

Ключевые слова: *одиночество, человек, самосознание, свобода, гендерная идентичность, язык, трансцендирование, онтология.*

EXISTENTIALLY-ONTOLOGICAL FUNDAMENTALS OF LONELINESS

Kornyushchenko-Ermolaeva N.S.

Tomsk state university of control system and radio electronics,
Tomsk, Russia

This paper is devoted to philosophical analysis of existentially-ontological fundamentals of loneliness. The specific feature of a philosophical approach to the problem of a loneliness allows to throw light on an ambivalent nature of a given phenomenon. In this paper is showed that a loneliness in a contemporary world becomes an irremovable, immanent inherent way of the existence of a man.

Keywords: *loneliness, man, self-consciousness, freedom, gender identity, language, transcendentness, ontology.*

Данная статья посвящена проблеме поиска экзистенциально-онтологических оснований одиночества. Актуализация проблемы одиноче-

ства происходит вследствие того, что современная философия ставит в центр своего внимания индивидуальное человеческое существование, при этом делая акцент на самодостаточности и замкнутости внутреннего мира человека, на переживании им уникальности своего бытия и своей судьбы, фактически ставя вопрос о способе существования одинокого субъекта.

В современной философской антропологии проблема поиска онтологических оснований одиночества упускалась из виду. Одиночество анализировалось по преимуществу как социальный феномен, появление и актуализация которого являются результатом отношений с Другими и к Другим. Рассмотрение данного аспекта проблемы позволит разобраться с тем, является ли одиночество только социальным явлением или коренится в самой специфике человеческого существования, а потому может рассматриваться как его неотъемлемая характеристика, экзистенциал.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы раскрыть онтологические корни одиночества как имманентно присущего человеку состояния, которое не всегда осознается или воспринимается актуально здесь и сейчас, но потенциально содержится в человеческом существовании как возможность, актуализация которой вызывает у человека негативные переживания страха и отчаяния.

В философской антропологии принято выделять специфические признаки человеческого существования, которые в данной работе будут пониматься в следующем контексте: самосознание, понимаемое как способность переживать и осознавать единство и специфичность собственного «Я» как отдельной сущности; свобода, понимаемая как способность преодолевать зависимость от природы и социума и реализовывать возможности самоопределения в своих действиях и поступках; отношение к смерти как осознание собственной конечности, способности конституировать собственное бытие во времени; осознание гендерной идентичности и половой дуальности как условий гендерно-специфического способа существования; язык как необходимое условие мышления, специфическая знаково-символическая форма коммуникации, в которой человек выражает уникальность своего индивидуального опыта переживания одиночества через описание событийных актов не тождественных одиночеству, но родственных ему: «я покинут», «тоскую», «предан» и т.д.

Сознание человека осуществляет себя в двух направлениях. Интенциональная направленность сознания во вне, на мир внешний, позволяет осознать бытие других вещей как отдельную от «Я» реальность, как то, что мной не является. Одновременно сознание человека – это самосознание. Оно обращено к внутреннему миру самого себя как переживающего, понимающего и познающего себя «Я». Этот рефлексивный акт сопровождается вынесением себя и своего сознания вовне, за пределы этого мира. «...равное себе самому благодаря исключению *из себя* всего *другого* [отличного от него] «Я» обнаруживает себя в мире как единичное» [3, с. 101]. Акт самосознания разъединяет «Я» и мир и делает его одиноким. Собственно человеческое существование начинается с момента разрыва, с возникновения зазора свободы, необходимости существовать на дистанции от мира внешних объектов.

Благодаря способности к рефлексии человек впервые оказывается в ситуации свободного и одинокого самоопределения, открывая собственное бытие как автономную реальность, противостоящую миру природы. Продолжая оставаться частью природы, человек существует особым рефлексивным способом, который дает ему возможность наблюдать себя и мир дистанцированно, со стороны, быть «зрителем сценария собственного внутреннего поля» [4, с. 125]. Человек оказывается перед необходимостью реализации собственной свободы, а потому должен действовать и выбирать. Возможности выбора ему не дарованы, он должен изобретать их самостоятельно. Быть свободным значит не быть тождественным и предписанным определенному (природному, детерминированному) бытию. Человеческое существование представляет собой динамику развития, потенцию стать кем-то. Человек всегда есть то, чем он не является. В своем существовании он подвластен негативности, отрицанию, т.е. представляет собой активное и самостоятельное действие – одинокое самополагание и самосозидание.

Исторически самосознание становится возможным с появлением языка, оно не отделимо от языка. Именно язык создает возможность понятийного дистанцирования. Благодаря ему человек сумел образовать понятие собственного «Я» и, тем самым, отстраниться от него, стать объектом для самого себя. Язык является не только средством коммуникации, но и необходимым условием рефлексивного мышления и экспрессивного выражения себя даже при полном одиночестве. Животное может переживать одиночество, но не может определить свое

существование как одинокое и описать его. Посредством языка человек выражает пережитый им опыт одиночества, сообщая Другому о том, что он чувствует себя покинутым, не понятым, преданным и т. д. Одиночество выражая определенную форму самосознания предполагает уход в себя, глубокую сосредоточенность на своём внутреннем мире. Человеческое «Я» раскрывается и обнаруживается для себя и для Другого через самосознание и язык.

Многие философы указывают на взаимосвязь феноменов смерти и одиночества, «в предельной своей постановке проблема одиночества есть проблема смерти» [2, с. 91]. Всеобщность смерти и знание о ней определяет человеческое существование как конечное. Осознание своей конечности замыкает человеческое существование в определенных временных границах, уединяет человека до его конечных пределов, вынуждая собраться и с толком использовать отведенный ему срок. Смерть всегда сопровождается одиночеством, поскольку смерть – это то событие, которое никто не сможет пройти за меня, «никто не может снять с другого его умирание» [7, с. 240]. Опыт смерти есть прохождение через абсолютное одиночество, поскольку стояние в пограничной ситуации – лицом к лицу со смертью, замыкает личное существование в его целостности. Конечность существования обнаруживает для человека факт его единственности и уникальной неповторимости. Смерть становится частью жизни и гораздо более личным делом, чем сама жизнь, поскольку возможно прожить чужую жизнь, посвятить свою жизнь другому, наконец, умереть за Другого, но нельзя встретить чужую смерть.

Смерть, насколько она «есть» в качестве предстоящего конца, всегда только «моя». Она есть «феномен моей личной жизни, делающей из этой жизни уникальную жизнь, которая не повторяется, которую не начинают сначала» [5, с. 538]. Осознание себя как конечного придает жизни особый, неповторимый колорит, делает её уникальной ценностью. Если игра как один из феноменов человеческого существования находится в начале жизни (как детская игра), «любовь – на вершине жизни» [6, с. 363], а смерть – в конце, то одиночество сопровождает человека от рождения до смерти, заставляя его заняться собой, постоянно возвращая его к себе. Смерть, находясь в конце жизни, замыкает человеческое существование в границах неповторимой и уникальной, принадлежащей только мне судьбы, которую невозможно разделить уже

ни с кем. Единоличное владение своей судьбой и своей смертью делает каждого изначально онтологически одиноким и единственным, делает самим собой. «Я» вынужденно присваивает свое бытие, погружается в него, «...всем своим одиночеством отдаваясь его требовательной единственности» [1, с. 549]. Решимость стать собой для человека – это значит мужественно принять на себя свое онтологическое одиночество.

С одной стороны, смерть объединяет всех живущих, потому что носит всеобщий характер, ведь все люди смертны. Повседневная жизнь сопровождается постоянными столкновениями со смертью, «...мы находимся в ситуации осужденного среди осужденных, который не знает дня казни, но видит каждый день, как казнят его товарищей по тюрьме» [5, с. 539]. В то же время, смерть разъединяет, разрывает все существующие в этом мире связи и отношения между мной и Другими, поскольку умираю именно Я – неповторимый, уникальный и единственный. Смерть представляет собой разграничительную линию, которую неутомимая судьба проводит между мной – тем, кто умирает и теми, для кого наступит завтрашний день и опять взойдет солнце. Переживание одиночества в смерти связано с переходом через порог, отделяющий мир, существование, жизнь от небытия. Живущие рядом сопровождают умирающего, но лишь до границы, до порога смерти, но не по ту сторону смерти. Поэтому смерть воспринимается как окончательное одиночество, тиски которого невозможно разорвать.

Одна из главных причин одиночества человека скрывается в поле. Человек как существо половое, разломлено, разорвано на две половинки – мужскую и женскую, и потому не целостное, стремящееся к восполнению. Половая раздвоенность вносит в существование «Я» трагический надрыв. Сам «...факт существования пола есть уединение, одиночество и томление, желание выхода в другого» [2, с. 100]. Если бы «Я» было целостным, полным, оно было бы муже-женственным, андрогинным. Преодоление ситуации одиночества есть, прежде всего, преодоление этой разломленности, не целостности.

Одиночество не является исключительно социальным явлением, оно есть нагруженность существования самим собой. Оно коренится в самом человеческом бытии, поскольку существование человека – это такой акт, который может быть совершен только им самим. Отличительная особенность одиночества человека заключается в том, что оно очевидно для самого себя, оно себя осознает и выражает в языке, а, зна-

чит, только человек способен обнаруживать себя в мире как одинокого, раскрывая при этом свой внутренний мир как сферу интимности.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 743 с.
2. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: ООО Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2003. Сс. 25–159.
3. Гегель Г.Ф.В. Феноменология духа / Гегель Г.Ф.В. Сочинения. Том IV. М.: 1959. 438 с.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек / Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 693 с.
6. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 357–403.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 450 с.

О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Макаева Г.З.

Филиал ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной
технический университет» в г. Стерлитамаке, Россия

Предлагаемая статья посвящена проблеме формирования мировоззрения башкирского народа, сложности, многообразности и противоречивости этого процесса. Автор рассматривает формирование мировоззрения башкирского народа, его психического склада, нравов под воздействием исламского фактора, раскрывает в целом значение этого фактора в жизни башкирского народа. Раскрывается феномен мусульманско-языческого религиозного синкретизма, который родился на сплыве старого с новым.

Ключевые слова: *мировоззрение, менталитет, морально-этическая позиция, этика, шариат, адат, сакральный, такафуль, двоеверие, синкретизм.*

ABOUT THE FACTORS OF FORMING THE BASHKIR MENTALITY

Makayeva G.Z.

Sterlitamak branch of FSBEI of HPE «Ufa State Petroleum Technical
University», Sterlitamak, Russia

The article is devoted to the problem of influence of Islam to the Bashkir outlook, complexity, variety and paradoxes of the process. The author considers forming of the Bashkir outlook, their mentality, way of life, religion, traditions, customs, etc. under the influence of Islam factor, reveals the meaning of the factor in the Bashkir's life. The phenomenon of Muslim pagan religious sinkretizm which appeared on the mixture of the old and the new is revealed.

Keywords: *outlook, mentality, moral ethics position, ethics, shariat, adat, sacred, cooperation, duel religion, sinkretizm.*

Интерес к изучению влияния религии на жизнь, культуру народов обусловлен прежде всего сложившейся сегодня социокультурной ситуацией, проявившейся в наступлении глобализации, кризисе национальных культур, упадке морали, переоценке нравственных ценностей, в духовном обнищании, наступлении поп-культуры в планетарном масштабе. Сегодня российское общество ищет пути, формы, средства для возрождения духовного потенциала всего человечества. Россия, решая эту глобальную проблему, возлагает большие надежды на возрождение духовной культуры населяющих её народов, осмысление того вклада, который они внесли в сокровищницу отечественной культуры, российской цивилизации. Острой необходимостью стало выявление всего рационального и полезного в культурно-историческом наследии каждого народа, в том числе и религиозного, которое может принести реальную пользу в преодолении духовного кризиса общества. В связи с этим важное значение приобретает сегодня философское осмысление духовного потенциала ислама как социокультурного явления, выработавшего уникальные методы регуляции взаимоотношений между людьми, обществом и природой, его культуротворческих возможностей. В последнее время значительно активизировалась общественная, культурная, религиозная жизнь башкирского народа. В личном и общественном сознании все большее распространение получает утверждение о нравственно-духовном оздоровлении общества на основе задействования всех возможных механизмов, в том числе и традиционного религиозного фактора.

С X века Башкирия была вовлечена в мир исламской цивилизации, где духовную основу общества составляли мусульманские ценности, всецело определившие мировоззрение и повседневное поведение народа. Очень долгое время существовало мнение, рассматривающее ислам в качестве реакционной силы, оплота экстремизма, развязывания войн мусульманскими государствами против «неверных», что вело к игнорированию и неприятию многих этических, эстетических, мировоззренческих ценностей этой религии, её богатейшего духовного потенциала, выработанного за многие века.

Ислам сыграл большую роль в истории башкирского народа, оказывая существенное воздействие на его социально-политическую, культурную жизнь, постепенно определяя его национальное самосознание, быт, стиль и образ жизни. Ислам стал «сунной» организации религиоз-

но-нравственного, семейно-брачного и межличностного быта башкирского народа [1, с. 45].

Проникновение ислама в Башкирию и его утверждение в крае принесло с собой новые исторические реалии, иной уровень осмысления окружающего мира, усвоение норм и ценностей иного («нового») образа жизни. Принятие ислама было цивилизационным выбором, изменившим не только область веры, но и всю духовную и материальную культуру башкир. Ислам принёс образование и письменность на основе арабской графики, стал «сунной» организации религиозно-нравственного, семейно-брачного и межличностного быта башкир. Шариат наложил табу на всё, что могло угрожать физическому здоровью людей, их умственному и нравственному становлению: на алкоголь, наркотики, табак, азартные игры. Ислам категорически осудил самоубийство, прелюбодеяние, самоотречение и крайний аскетизм в «мире дольнем», приветствуя дух умеренности и правильное (в меру) пользование всеми радостями жизни в проживании посюсторонней судьбы [2, с. 9]. Постепенно ислам вошёл в «культурную плоть» башкир, «оседал» в душах людей, превратившись в их ментальность, духовной основой жизни. Сложилось единство языка, власти и веры, без чего впоследствии было бы невозможно становление единого народа. Всё это способствовало формированию человека нового типа с новыми ценностями и новыми формами жизни.

Наиболее значительным аспектом жизни башкирского народа всё более становится духовно-нравственный, потому что связующим звеном и стержнем всего мировосприятия становится этика. Для башкирского народа определяющую роль в жизни стал играть Коран, смысл которого – в рассмотрении всех проблем бытия с морально-этических позиций. Эта линия становится ведущей в мировоззрении башкир к XV веку и противостоит языческому натуралистическому сознанию. На смену консервативному языческому благочестию, суть которого к тому времени во многом сводилась к исполнению привычных обрядов, пришло искание нравственной правды. Вместо круговой поруки рода появляется идея личной ответственности, личного выбора, основанного на моральных убеждениях личности.

Социальная и личная жизнь людей, природные и космические процессы, трудовая деятельность и исторический процесс и т.д. рассматривались через призму этики. Мусульманство по-новому высветило

перед человеком окружающую его действительность, а именно – красоту, гармонию, лад. Эстетическая оценка была неразрывно связана с этической, добро – прекрасно, зло – безобразно. Кроме красоты внешней стали воспевать красоту внутреннего мира человека.

Исторический процесс стал выстраиваться в систему, начиная с рассмотрения бытия Бога, творения мира, истории человечества и мира, конечного итога существования мироздания. По мнению мусульманина, Аллах, сотворив всё, установил закон существования, который должен восприниматься как благо и долг. Мир является в принципе примером порядка (в форме строгой иерархии). Именно установление твёрдых законов, порядка и покоя для всего, созданного Аллахом, определяет нормальную жизнь человека. Весь окружающий мир, вся природа: животные, птицы, рыбы – являются образцом подражания для человека, дают примеры трудолюбия, терпения, справедливости, любви и уважения; земля даёт дом, пищу и является началом всего [3, с. 493–494]. Человек должен постоянно искать пути к Аллаху, так как даже животные, несмотря на их ограниченность, ищут лучшее и полезное, тем более к лучшему и более полезному должен стремиться человек.

Еще в традиционном башкирском обществе в результате имущественной дифференциации происходит складывание различных по положению социальных слоев: биев, ханов, тарханов, многочисленных категорий служилых и духовных лиц. Основную массу населения составляли рядовые общинники – скотоводы и земледельцы. Постепенно в крае устанавливаются феодально-патриархальные порядки. Укреплению существующих социальных отношений способствовал ислам, который внедрял в сознание людей идею их божественного происхождения, их незыблемости и неизменности. Идея предопределения проходит через всё мусульманское вероучение. Волей бога объясняются социальное неравноправие, эксплуататорские порядки классового общества, иерархичность отношений:

В правовой культуре Башкортостана обычно-правовые нормы (адат) сохранили довольно сильные позиции. Как указывают исследователи истории ислама в России, «сращивание нормативного ислама с местным духовным субстратом разных культур привело к сложению региональных форм его бытования, опиравшихся, однако, на общеисламские принципы» [4, с. 5].

Одной из отличительных черт национальной психологии башкир является приверженность к коллективности (братство). Сильно развитое в

башкирском характере чувство взаимопомощи и взаимоподдержки является закономерным следствием их общинной жизни, уходящей корнями в суровый кочевнический быт. Только единство и солидарность могли обеспечить башкирам историческое выживание в последующем как этноса в сложнейших катаклизмах их исторической судьбы [1, с. 24]. С принятием ислама башкиры-мусульмане общинный образ жизни стали осознавать в рамках исламского понятия «такафуль» (богоугодное сотрудничество в процессе труда, в общем деле) [5, с. 25], сыгравшего значительную роль в религиозно-сакральной рефлексии совместного, коллективного труда.

Многие важнейшие грани башкирского менталитета определялись мусульманской моделью мира. Немаловажную роль в становлении таких черт характера народа, как щедрость, скромность, терпение и терпимость, покладистость и др. сыграл дух исламской веры.

Влияние ислама на мировоззрение народа был противоречивым. С одной стороны, этика ислама, элементы социальных гарантий для правозверных, идеи солидарности и взаимопомощи, строгие нравственные требования и т.д. оказались по душе башкиру-язычнику, созвучны его смысложизненным ориентациям. С другой стороны, столкновение с достаточно развитой к IX–X векам башкирской политеистической системой верований существенно преобразовало ислам. Образовался некий синкретизм языческо-исламских верований и культа, который в религиозной и светской литературе обычно называют «двоеверием». У ислама было заимствовано то, в чём была социальная и культурная потребность [1, с. 11–12]. Таким образом, башкиры не были фанатичными мусульманами, знание Корана не считалось обязательным, признавались не все запреты ислама. «...Башкиры были не строгие магометане и в старину» [6, с. 28]. Даже в XIX веке они предпочитали клясться на могиле предков. Память о родителях была более свята, чем религиозные доктрины ислама. Формально-ритуальная форма распространения ислама в нашем крае объясняется незнанием элементарных идей исламской онтологии и гносеологии, ограниченной интерпретацией основ вероучения, что привело к тому, что «новая религия захватила все слои общества, но не всего человека» [1, с. 12]. Начался долгий путь слияния язычества с мусульманством. Образовался феномен мусульманско-языческого религиозного синкретизма, который родился на сплаве старого с новым и продемонстрировал яркую способность башкирского менталитета творчески вбирать в себя новое.

Список литературы

1. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух // Ватандаш. 2002. № 5.
2. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). Уфа, 2002.
3. Семёнова Н.А. Экологическая культура – новая парадигма культуры XXI века. СПб., 2006.
4. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
5. Андреев И.Л. Ислам и борьба за социальный прогресс в освободившихся странах // Вопросы научного атеизма. Вып. 31, 1983.
6. Аксаков С.Т. Семейная хроника. «Башкирия в русской литературе», Т. 1. Уфа, 1961.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ С АКЦЕНТОМ НА МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИДЕЙНАЯ ПОДОПЛЕКА РУССКОГО КОСМИЗМА

Макухин П.Г.

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Согласно русскому космизму как модификации общемировых холистических – т.е. ориентированных на целостное мироздание и целостного человека – интуиций, все познаваемое в последнем смысле может быть понято только в свете абсолютного Целого (например, у В.С. Соловьева и его последователей Абсолют просматривается сквозь мир и неотделим от Космоса). Гносеологический аспект такого Всеединства предполагает синтез различных способов познания, в котором только и возможно постижение онтологического единства. Синтез же знаменуется появлением новых системных качеств, невыводимых из свойств отдельных элементов. Поэтому гносеологический холизм с акцентом на нравственные ценности представляется методологически эффективным для понимания современности, требующего сближения философского и научного познания.

***Ключевые слова:** русский космизм, Всеединство, онтологический и гносеологический аспекты холизма, моральные доминанты познания, Логос.*

EPISTEMOLOGICAL HOLISM, WITH AN EMPHASIS ON MORAL VALUES AS THE IDEOLOGICAL BACKGROUND OF THE RUSSIAN COSMISM

Makuhin P.G.

Omsk state technical University, Omsk, Russia

According to Russian cosmism as modifications of global holistic – ie oriented holistic universe and of the whole man – intuitions, all knowable

in the latter sense, can be understood only in the light of the absolute whole (for example, in Soloviev and his followers Absolute seen through the world and is inseparable from the Cosmos). Epistemological aspect of the Unity involves the synthesis of various ways of knowing, in which alone the attainment of the ontological unity. Synthesis is marked by the appearance of new systemic qualities of non-printing of the properties of the individual elements. Therefore epistemological holism, with an emphasis on moral values is methodologically effective for understanding the present, requiring convergence of philosophical and scientific knowledge.

Keywords: *Russian cosmism, Unity, the ontological and epistemological aspects of holism, the dominant moral cognition, the Logos.*

В условиях нарастающей волны критики науки (в том числе и вследствие осознания того, что последствия лавинообразного научно-технического вмешательства в природу зачастую оказываются непрогнозируемо отрицательными, что актуализует различие между Новоевропейской идеей покорения десакрализованной природы и ориентацией русского космизма на «одухотворяющую власть» над «космически» понимаемой природой [5, 6]), представляется важным рассмотреть как «ответственные» за эту критику, так и способствующие её преодолению (или хотя бы переходу в конструктивное русло) особенности науки в историческом контексте. В частности, необходимо более глубокое осмысление того обстоятельства, что разрабатывавшийся представителями русского космизма вариант отношения науки к вненаучному знанию, в т.ч. метафизическому, явился эвристичным для развития как философии, так и науки, в частности позволив осуществить ряд прозрений в смысловом пространстве постнеклассической науки, предвосхитив системные и синергетические интуиции, антропный принцип, идею некумулятивного развития науки и её объективности, обеспечиваемой через субъектность, холистическую гносеологию и гуманистическую ориентацию науки как ценностно-размерного знания, и т.д. В этом ряду два последних принципа представляются особенно актуальными на фоне того, что сегодня в идеологических целях фундаментальные смыслы научного познания нередко «отрываются» от ценностно-нравственных начал, для обоснования чего заявляется о некоей «надэтической» позиции науки и замалчиваются те смыслы, которые привязаны к её ценностным основам.

Понимая русский космизм как отечественный вариант возрождения целостного видения человека и «космически» понимаемой природы в их нерасторжимом единстве и не затрагивая до сих пор продолжающиеся острые дискуссии как о точном списке относимых к нему философов, философствующих учёных и представителей искусства, так и о иерархии объединяющих их принципов, в качестве его главных философских оснований назовём в первую очередь идею Всеединства В.С. Соловьева и близкую к её гносеологическому аспекту концепцию «цельного знания» И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Отдавая отчёт в том, что однозначная и непротиворечивая реконструкция модели Всеединства проблематична, всё же согласимся с фундаментальным утверждением В.В. Зеньковского о том, «В ... чисто платоновском определении пути к Абсолютному Соловьев видит в Абсолютном последнюю основу всякого бытия – Абсолютное здесь не отделено от космоса, оно усматривается нами «сквозь» мир – оно есть Единое и в то же время в нем заключено «все». Абсолют есть, т.о., «Всеединое»» [3, с. 11], и «Абсолютное, непосредственно ощущаемое «сквозь» мир, было, конечно, для Соловьева тождественно с понятием Бога» [3, с. 12]. Соответственно, анализируя статью «Философские начала цельного знания» как «программу всей дальнейшей философской работы Соловьева» [4, с. 50], В.В. Зеньковский так формулирует её главную гносеологическую идею: «во всяком нашем знании мы познаем одновременно и истинно Сущее, т. е. Абсолют ... у всех людей глубже всякого определенного чувства, образа, воли лежит непосредственное ощущение абсолютной действительности» [4, с. 50], откуда, по его мысли, «Соловьев сразу же выводит, как само собой разумеющееся положение, что «этим непосредственным чувством дается единое во всем и все в едином»» [4, с. 50–51], правда, оговариваясь: «гносеологический момент в идее всеединства не вводит еще нас в самую основу этой концепции, — эта основа дана в метафизике, где явно выступает зависимость Соловьева от неоплатонизма» [4, с. 51]. В свете этого наиболее показательными нам представляются следующие слова самого В.С. Соловьева: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотой*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в

них как *полнота* бытия» [12, с. 63]. Известный современный философ науки Н.В. Бряник, исходя из того, что для понимания сущности науки необходимо учитывать историко-культурный контекст её развития, указывает, что «Используемые русскими теистами слова «единение» и «всеединство» ... привносят в понятие единства смысловой оттенок теснейшей взаимозависимости» [1, с. 24], в рамках которой «Единение Бога и мира – не связь по принципу целого и части, даже органически понятых, оно заключается в том, что «мир есть то «иное Бога», в котором «раскрывается», «выражается» Бог» [1, с. 24]. Этот важный принцип русской метафизики Н.В. Бряник называет «теологическим онтологизмом», выводя из него то обстоятельство, что что всё сотворенное обладает «самостоятельностью, самозаконностью и самоответственностью» [1, с. 24], на основании чего и возможно объективное, в частности научное, познание.

Первую крупную работу «Кризис западной философии (против позитивистов)» В.С. Соловьев завершает словами о том, что выход из данного кризиса заключается в создании «универсального синтеза науки, философии и религии» [11, с. 122], соединении «содержания духовных созерцаний Востока» с «логическим совершенством западной формы» [11, с. 122], что и «должно быть высшею целью и последним результатом умственного развития» [11, с. 122]. Таким образом, в рамках гносеологической трихотомии В.С. Соловьева синтезировались эмпирическое, рациональное и мистическое познание. Истоки новых системных свойств как результата синтеза лежат не в феноменальной плоскости – поскольку они более фундаментальны, чем то, что можно обнаружить на уровне понятийно-вербального их осмысления – и некоторыми современными авторами связываются с понятием сверхсознания, которое русскими космистами определялось как «космическое чувство Мироздания как единого целого», в свете которого только и существуют, и становятся адекватно понимаемыми его части, воспринимаемые непосредственно в опыте. Это Целое в контексте базовой для русского космизма идеи тождества макро- и микро-Космов понималось как неразрывно связанное с человеком, но не «частичным», греховным, а так же целостным, актуализовавшим все свои потенции. Именно такому грядущему человеку (Богочеловечеству по В.С. Соловьеву и П.А. Флоренскому) и должна служить наука, занимаясь как его дальнейшим нравственным совершенствованием, так и преодоле-

нием ограничителей развития человечества, в т.ч. и феномена смерти. Н.Ф. Фёдоров (которого, по словам одного из первых и авторитетнейших его исследователей С.Г. Семеновой, в 90-х гг. XX в. включили «в одновременно почтенную и интригующую плеяду мыслителей русского космизма на правах «синкретического» ее родоначальника» [9, с. 5]) в различных формулировках обосновывал мысль о том, что «наука не должна быть знанием причин без знания цели ... (т. е. знанием ... без действия), не должна быть знанием того, что есть, без знания того, что должно быть» [13, с. 45], и более того, цель науки – познание «причин именно небратства ... причин розни, которая делает нас орудиями слепой силы природы, вытеснения старшего поколения младшим» [13, с. 45], и «Должны ли вера и знание быть всегда противоположными и враждебными, или же они должны объединиться, и каким образом» [14, с. 399], при том, что «Вправе ли наука чистая ... университетская, быть безучастною к человеческим бедствиям, т.е. должна ли она быть ... знанием лишь того, почему сущее существует, а не того, почему живущее страдает и умирает?!» [14, с. 390], вплоть до того, что «не преступна ли наука прикладная, создающая предметы вражды – мануфактурные игрушки – и вооружающая враждующих из-за этих игрушек ... орудиями, мощно содействующими к обращению земли в кладбище» [14, с. 390]. Такой «недолжной» науке противопоставлялся супра-морализм как «Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела (Бог, человек и природа» [14, с. 388], «синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхою» [14, с. 388]. Слова С.Г. Семеновой о том, что «философия «всеобщего дела» предлагает последовательно синтетический способ мышления и достижения высших целей» [9, с. 12], могут быть отнесены ко всему русскому космизму, который развил и утвердил понимание того, что в подлинной науке приемлема только нравственно фундированная мудрость, связанная с разумом как Логосом, если исходить из античной традиции, что конгениально идеям постнеклассического этапа развития науки об аксиологических доминантах познания, согласно которым не может быть никакого адекватного вне ценностного восприятия. Высокие же ценностные, общечеловеческие ориентации отвечают импульсам не-гэнтропийного характера, что не позволяет обществу скатываться в хаос деградации. Отсюда обязанная заботиться об этом наука должна носить в первую очередь «жизнесперегающий характер». Например, у

П.А. Флоренского, также пытавшегося объединить возможности разных видов познания, в связи с этим представляется эвристичным синтезирование естественнонаучных и философских представлений в противопоставлении ряда «энтропия – хаос – грех» ряду «негэнтропия – культура – гармония». Основным законом мира он называет «второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания» [15, с. 39], чему противопоставляет «Логос – начало эктропии» [15, с. 39] (которую С.М. Половинкин в примечании определяет как «изменение в сторону упорядочения, большей организованности, сложности, т. е. в сторону, противоположную энтропии, ведущей к хаотизации и деградации» [8, с. 704]) и в целом культура как «сознательная борьба с мировым уравниванием» [15, с. 39]. Это представляется емким по смыслу и выражающим реальное проведение идей Всеединства в науку, которая в этом случае не может быть эмпирически заземленной, что неоднократно подчеркивалось в русском космизме [7].

В XX в. это эти идеи нашли наиболее яркое и последовательное выражение в творчестве В.И. Вернадский, разделявшего следующие типы ученых: с одной стороны, сторонников «упрощенной мысли», проникнутой «призрачными созданиями человеческого ума» [2, с. 13], картина мира которых «дает нам совершенно чуждое, нас не трогающее впечатление, и, очевидно, представляет схему, далекую от действительности» [2, с. 13], и «Эта абстракция является удобной формой научной работы, входит в научное мировоззрение, но не охватывает его всего ... она явно неполна» [2, с. 13], и, с другой стороны, натуралисты – учёные «типа охвата Природы как целого» [2, с. 17], которые «ярко чувствуют и охватывают эту живую, реальную природу нашей планеты, всю проникнутую вечным биением жизни ... понимание единой Природы является руководящей нитью всей их научной работы» [2, с. 14], и, сталкиваясь с частными явлениями, «ищут более общих их проявлений в едином целом» [2, с. 14], формируя «полную картину процесса, отрывки которого были давно известны» [2, с. 17]. По определению В.П. Казначеева, именно такие «подвижники», не понимаемые современной им наукой, и не позволяют прерваться холистической традиции, как раз и дающей возможность революционных прорывов в науке.

Всё вышепроанализированное позволяет согласиться с руководителем Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского В.В. Сербиненко, который, признавая, что «было бы странно отстаи-

вать какой-то приоритет русской мысли в утверждении идеалов цельности духовной жизни личности и общества ...абсолютного значения нравственных ценностей. Это все темы вечные и в подлинном смысле общечеловеческие» [10, с. 141], в то же время убедительно доказывает, что «в отечественной философии и русской культуре они были развиты с исключительной силой и последовательностью» [10, с. 141]; для понимания значимости этого в контексте осмысления трансформации современной науки необходимо учитывать, что холизм сегодня оценивается как одно из наиболее эвристичных направлений постнеклассической методологии [16, с. 315].

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, соглашение № 113300603 и от 04.08.2011 г.

Список литературы

1. Бряник Н.В. Самобытность русской науки: предпосылки и реальность / Н.В. Бряник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. 148 с. С. 24.
2. Вернадский В.И. Два синтеза Космоса (вместо введения) / В.И. Вернадский // Живое вещество. М.: Наука, 1978. С. 12–21.
3. Зеньковский В.В. Предисловие / В.В. Зеньковский // Владимир Соловьев Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
4. Зеньковский В.В. Идея всеединства Владимира Соловьева / В.В. Зеньковский // Православная мысль. 1955. 10. С. 45–59.
5. Макухин П.Г. К вопросу о влиянии Реформации на формирование классической научной рациональности / П.Г. Макухин // Международный научно-исследовательский журнал: Сборник по результатам XVIII заочной научной конференции Research Journal of International Studies. Екатеринбург: МНИЖ – 2013. № 8 (15). Часть 1. С. 122–144.
6. Макухин П.Г. Проблема понимания человека и природы в их взаимосвязи в рамках классического и современного типов научной рациональности / П.Г. Макухин // Омские социально-гуманитарные чтения – 2013: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 14–15 марта 2013 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. С. 126–131.
7. Макухин П.Г. Статус науки в русском космизме / П.Г. Макухин // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. Сб. науч. трудов Сибирского института науковедения. Вып. 3. Красноярск: НИИ СУВПТ, 2004. С. 46–51.

8. Примечания // Флоренский П.А. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 701–762.
9. Семенова С.Г. Философия воскрешения Н.Ф. Федорова / С. Г. Семенова // Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. М.: Издательская группа Прогресс, 1995. С. 5–35.
10. Сербиненко В.В. История русской философии XI–XIX вв.: Курс лекций / В.В. Сербиненко. М.: Рос. открытый ун-т, 1996. 144 с.
11. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В.С. Соловьев // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–139.
12. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике / В.С. Соловьев // Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 59–66.
13. Фёдоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... / Н.Ф. Фёдоров // Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. М.: Издательская группа Прогресс, 1995. С. 35–309.
14. Фёдоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез... / Н.Ф. Фёдоров // Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. М.: Прогресс, 1995. С. 388–442.
15. Флоренский П.А. Флоренский П.А. [Автореферат] / П.А. Флоренский // Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 37–44.
16. Цехмистро И.З. Постнеклассика in action: современный холизм / И.З. Цехмистро // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом Мирь, 2009. С. 315–339.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВА В ЖИЗНИ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Малинин А.В., Яценко М.П.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

В статье освещаются особенности исторического познания в условиях глобализации, одной из важных характеристик которого является силовая интерпретация истории. Доказывается, что она проводится в интересах субъектов глобализации, то есть ведущих стран Запада за счет стран «второго и третьего миров», поэтому идеологи глобализации не заинтересованы в объективном изучении исторического прошлого. Они используют историю в ее европоцентристском варианте, в основе которого мондиалистические тенденции, оправдывающие агрессивные устремления инициаторов глобализации, результатом чего становится угроза потери отдельными социумами своей социокультурной сущности.

Ключевые слова: *глобализация, национальные ценности, взаимодействие цивилизаций, историческая преемственность, историческое познание, интеграционные процессы, информационное общество.*

AXIOLOGICAL THE CONTENTS OF THE HISTORY AND THE PROBLEM OF PERFECTION IN THE GLOBAL SOCIETY

Malinin A.V., Iatcenko M.P.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

In the given article we consider peculiarities of historical cognition under the conditions of globalization, of which one of the most important characteristics is a forceful interpretation of history. Here, we prove that it is performed in the interest of the subjects of globalization, i.e. leading west-

ern countries on the account of the countries of «the Second and the Third World», and that is why the ideologists of globalization are not interested in objective study of the historical Past. They use history in its euro-centric variant, in which basis there are mondialistic tendencies, justifying aggressive ambitions of globalization initiators, and the result of it becomes the menace that separate societies can loose their socio-cultural essences.

Keywords: *globalization, national values, interaction of civilizations, historical continuity, historical cognition, integration processes, information society.*

Аксиологический ракурс истории играет принципиальную роль в исследовании особенностей совершенствования современного глобального сообщества. Проблема единства мира сквозной нитью проходит через всю историю философии, хотя и предстает в самых различных видах, формах, вариациях, концептуальных подходах и модификациях, проецируясь на ключевые, центральные смыслонесущие концепты, Охват подобного широкого диапазона вряд ли возможен вне аксиологического подхода.

Аксиологическое содержание истории в современных российских условиях актуализирует национальные ценности, которые находят социально-политическое выражение в национальных интересах и конкретизируются в национальных целях, что определяет включенность исторического познания в сферу национальной безопасности России. Дело в том, что Россия столетиями принимала на себя историческую тяжесть в деле умиротворения Востока и Запада, собирания земель и народов, объединения их в единое целое.

Необходимость исследования проблемы единства мира и единства культуры задается и формируется осмыслением многочисленных эффектов целостности, взаимозависимости разнообразнейших процессов и явлений, которые все в большей степени обнаруживаются, выступают на передний план не только в теоретической, но и в практической деятельности человека. Осознание национально-этнических специфических особенностей неосуществимо вне соотнесения с общечеловеческими ценностями, инвариантами, социокультурными универсалиями. Именно с позиции целостности, состоящей из подсистем и структурных компонентов, их взаимоотношений в рамках более обширной общности, возможно адекватное восприятие исторических ценностей

каждого социума, а подобная деятельность вряд ли возможна вне аксиологической оценки исторического прошлого и экстраполяции истории на современность.

Оформление совершенства общества в разрезе существования социальных систем можно рассматривать как первую концептуальную основу моделирования, базирующуюся на представлении общества как самообеспечивающейся системы, имеющей определенные базовые потребности, удовлетворение которых необходимо для выживания и поддержания равновесия системы. В рамках вышеуказанной теории внимание акцентируется на том, что социальная система способна поддерживаться, самоуправляться и самоорганизовываться за счет собственных внутренних ресурсов. Исследование таких систем основывается на рассмотрении функциональных особенностей подсистем социальной системы, поскольку именно в них заключена энергия, способная поддерживать систему в равновесии и способствовать ее развитию. Поддержание равновесия подразумевает определенную динамичность внутренних процессов, в результате появляется угроза трансформации ценностных установок конкретного общества. Это связано с важными проблемами, ведь впервые социальные явления такого глобального уровня ставят перед обществом задачу управления и создают иллюзию своей управляемости. Современное общество становится участником естественноисторического эксперимента по управлению человеком подобными глобальными явлениями. Это потребует изучения всего управленческого опыта, причем не только массивов знаний в области управления социумом и накопленных навыков социального регулирования и конструирования сложившихся систем, форм и методов управления обществом, но также учет аксиологического фактора, базирующегося на исторических корнях.

Важность аксиологического подхода к истории и современности детерминирована своеобразием российского исторического пути, который часто, по мнению Запада, трактовался как выпадение нашей страны из общемирового контекста, хотя, на самом деле, стремление аккумулировать положительный опыт Европы и Азии означал перспективность нашего общества. Использование данных базовых параметров позволяет рассматривать историю стран и народов в качестве органических составляющих глобального развития человечества. Указанные параметры выступают индикаторами степени интеграции отдельных

потоков истории в общечеловеческий процесс цивилизации, что принципиально противоречит современному этапу глобализации, который основывается на системе «западных ценностей».

Аксиологические аспекты истории в том или ином ракурсе исследуют многие отечественные ученые. Они подчеркивают, что именно духовный мир России подвергался наиболее глубинным ценностным трансформациям, что особенно проявилось в эпоху глобализации. Исследование аксиологических аспектов исторического прошлого предполагает осознание важности устойчивых социальных взаимосвязей и взаимодействий как фактора, детерминирующего, обуславливающего и вместе с тем ограничивающего деятельность человека, возникло не сразу. В условиях глобализации приобретает важность еще один важный аспект, который принципиальным образом влияет на исследование аксиологической сущности истории. Историки всегда пытались донести свою шкалу ценностей, преподнося победы предков и не пытаясь утаить поражений, т.е. формировали соответствующую аксиологическую шкалу учащихся.

По мнению П.Е.Бойко, сегодня «...само время становится антиметафизическим и антидогматичным, требуя в отношении философии истории XX в. нелицеприятного суда диалектического разума» [2, с. 18]. Решение задач, связанных с историческим выбором пути России, видится в том, что «отечественная историческая наука переживает новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории России» [1, с. 125]. Исследование современной глобализации требует аксиологического подхода к такому краеугольному понятию русской истории как соборность. В древнерусской философии понятие «соборность» выступает как одна из характеристик всеобщей связи социальных явлений. Взятые вместе, эти явления раскрывают творческое совершенство, оформление которого философы находили в упорядоченности, сложности, разнообразии человеческого мира, в противоречивости, в гармонии, красоте и т. д. [6, с. 107]. А. Гулыга совершенно справедливо отмечает: «Органическое единство общего и единичного нашло выражение в понятии соборности. Это зерно русской идеи, центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки, даже на немецкий – самый всеобъемлющий по части философской терминологии» [3, с. 27]. Родственной философскому пониманию

полифонии является религиозная категория соборности – идея единства во множестве, которая определяет природу личного православного сознания. И. Есаулов подчеркивает, что соборное сознание входит в понимание человеческой духовности в православном типе культуры, а также соборное сознание «...отвергает оппозицию человека-индивидуума и человека-массы» [4, с. 22–26]. Вместе с тем, противопоставление индивидуального и массового сознания было в высшей степени типичным не только для представлений европейских философов, но и для христианских мыслителей Запада. По мнению Вячеслава Иванова, «соборность – здание, а не данность, она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно», ведь «нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию логического понятия. Смысл соборности – такое же здание для теоретической мысли, как и осуществление соборности для творчества жизненных форм» [5, с. 100–101].

Значение аксиологического фактора в формировании совершенного общества проявляется в эвристической мировоззренческой сущности исторического познания. Вследствие этого его важная нравственно-воспитывающая составляющая находит наиболее полное выражение в современной учебно-исторической литературе, формирующей нравственные и общественно-политические взгляды нового поколения, определяя его жизнедеятельность в будущем. Мировоззренческая сущность исторического познания детерминирует процесс создания учебных вариантов национальных историй государств на постсоветском пространстве, что является особым способом переосмысления места и роли локальных этнических культур в прошлом и настоящем, показывает влияние данной литературы на внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты национальной безопасности России. «Современный историк, особенно работающий в отдаленных от столицы регионах, всегда являлся авторитетом, хранителем российской государственности в этнической системе воспитания» [7, с. 139]. Аксиологическое содержание исторического знания принципиально влияет на совершенствование современного общества в глобализирующемся мире.

Таким образом, глобалистская модель переустройства мирового сообщества исходит из того, что впервые в истории мир стягивается в единое целое в экономическом, политическом и информационном плане. Однако многополярный мир отрицает неконструктивное, на-

сильственное навязывание единой вестернистской системы ценностей всему мировому сообществу, вплоть до потери ими своей социокультурной идентичности, что возможно только на базе учета аксиологической шкалы каждого социума.

Список литературы

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004.
2. Бойко П.Е. Идея России в русской философии истории. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006.
3. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006.
4. Есаулов И. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
5. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.
6. Фомина Н.В. Власть лучших. Красноярск, 2006.
7. Яценко М.П. Мировоззренческая сущность исторического познания // Философия образования. 2013. № 2(47).

ПРЕДЕЛЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБЪЕКТИВИРОВАННЫХ СТРУКТУРАХ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОГО

Обухов К.Н.

Удмуртский госуниверситет, г. Ижевск, Россия

Рассматриваются пределы использования объективистских подходов к изучению социального целого. Выделяются способы конструирования индивидуальной идентичности в ситуации кризиса целостного определения социальной реальности. Формулируется необходимость возвращения субъективных оснований в процесс формирования идентичности социального целого и индивида.

Ключевые слова: *дискурс, диспозитив, идентичность, объективность, перформативность, социальная реальность.*

THE LIMITS OF IDENTIFICATION IN THE OBJECTIVIZED STRUCTURES OF SOCIAL SPACE

Obukhov K.N.

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

This paper explores the limits of using objectivist perspectives towards the social integrity research. It is defining the ways of individual identity constructing in the situation of social reality determination crisis. It formulates the necessity of returning for the subjective reasons into the formation process of the social whole and of the individual.

Keywords: *discourse, dispositive, identity, objectivity, performativity, social reality.*

Попытки следовать объективным методам изучения социальной реальности задают проблему существования социального целого и

способов его самоидентификации. Субстанциализация различных вариантов социальной структуры в пространстве социальных наук оборачивается невозможностью определения или схватывания идентичности социального целого, которое распадается на множество фрагментов или частей, вследствие устранения субъективности. Позиция индивида и его идентичность в подобных структурах становится незначимой, фрагментарной, невыразимой или пустой [5, с. 106].

М. Фуко предпринимает попытку изучения разрозненных компонентов социального, где социальная реальность понимается в качестве совокупности дискурсивных образований, которые подлежат связыванию через установления всеобщего, объективного принципа или правила функционирования дискурсов. В результате разворачивания его теории фактически возникает абсолютная, универсальная структура «пустого» субъекта, через которую и осуществляется связывание многочисленных дискурсивных порядков [11, с. 86]. Тем самым социальная реальность начинает структурироваться посредством обнаружения прерывностей или лакун, в совокупности которых проявляется рассеянный субъект дискурса, производимый внешними дискурсу правилами. Производимость субъекта высказывания оборачивается его определяемостью, которая выражается в тотальном распространении власти знания. Социальная реальность начинает идентифицироваться в качестве единого целого с помощью понятия «власть», при этом однозначная идентификация основных элементов социального – индивидов, как и субъектов высказывания, становится проблематичной [9, с. 4].

В подобных дискурсах предельным понятием, выражающим объективированную идентичность индивида, является «диспозитив» [1, с. 23], который предъясняет принцип расстановки «индивидуальных тел» или их именованья в пространстве социального. При этом выделение «диспозитивов» осуществляется на основе авторской методологии, призванной представить объективные способы «обнаружения» власти в ситуации элиминации субъективности за пределы пространства социального. «Диспозитивы» практически производятся исследователями, через установление взаимосвязей различных высказываний или пересечения различных вариантов научных/около научных дискурсов, тем самым происходит формирование «нового» пространства, выражающего дискурс самих авторов. В этом дискурсе осуществляется «именование» индивидов, т.е. обозначение их идентичностей, определяемых

включением в механизмы действия конкретным диспозитивом. Т.к. социальная реальность напрямую связывается с тотальным распространением власти, она будет выражаться через различные варианты установления диспозиций или в различных диспозитивах. С этой точки зрения, диспозитив предъявляет универсальный способ выражения множества идентичностей социального и индивидов или является понятием с неопределенным/множественным значением.

Дальнейшее развитие исследований процессов идентификации концентрируется на объективных способах структурирования социального пространства. Создаваемые универсальными социальными структурами (диспозитивами) места, через которые обозначается идентичность индивида, в условиях элиминации субъективности, обнаруживают свой трансцендентный характер. Вынесение структур, вместе с субъективностью и субъектом, за пределы пространство социального оборачивается тотальной неразличенностью [4, с. 77]. Невыразимость социальной реальности находит свое обозначение в представлении о социальном как «массе», состоящей из множества тиражируемых индивидов. Таким образом, в любой точке социального пространства, в ситуации отсутствия субъективности и субъекта, обнаруживаются лишь одинаковые, невыразимые и неразличающиеся места/точки – индивиды. Подобные рассуждения предъявляют ситуацию радикального кризиса объективных методов в пространстве социальных наук, когда идентичность социального целого и индивида существуют только на уровне понятий с неопределенной или пустой дефиницией. Весь дискурс о социальном и способах идентификации подвергается сомнению с точки зрения наличия в нем смысла, т.к. внешние, произведенные социальные структуры не способны удерживать имманентные социальной реальности смыслы.

Эвристическая проблематизация основных социальных структур классической социологии приводит к обнаружению динамизма в пространстве социального [10, с. 46]. Одновременно обостряется проблема взаимосвязанности и согласованности «освобожденных» и «приведенных в движение» элементов, а целостность социального подвергается сомнению. Так как внешние социальные структуры больше не могут предъявлять идентичность социального и индивидов, то современными социологами предпринимается попытка идентификации части через целое и/или целого через его части. В этих случаях возникает кон-

цепт «глобальное» как виртуальный конструкт в социальных науках, призванный гарантировать наличие целостности в ситуации принципиальной неустойчивости или риска, когда социальное выходит на предел (подтверждения) своего существования (З. Бауман, У. Бэк, Э. Гидденс и др.). Глобальное целое задает пространство для осуществления процессов идентификации, как процесса выбора из заданного диапазона возможных способов согласования элементов или возможных вариантов их идентичности. При этом обнаруживаемая подвижность не гарантирует возвращение субъективности и субъекта в пространство социального, а идентификация постоянно изменяемой в процессе движения части или индивида остается затруднительной.

В теории З. Баумана подвижность социального обнаруживается с помощью движением капитала в глобальном пространстве [2, с. 14]. Последнее понимается как исключительно пространственно-географическое движение на планете. Непрерывное перемещение капиталов приводит к «растворению» традиционных социальных структур, появлению автономного индивида, непрерывно передвигающегося по земному шару. Движение капитала, увлекающее за собой индивидов, связано с необходимостью его постоянной экспансии в новые географические области. Тем самым происходит распространение стандартных капиталистических элементов или образований, которые на пределе будут предьявляться в универсализации всех мест или фактической неразличности. В ситуации безразличия к содержанию социального «места», остается лишь само перемещение в пространственно-географической системе координат.

Иными словами, идентичность социального целого предьявляется в крайней форме в понятии «глобального» как физического пространства, где идентичность элемента социального – индивида, выражается в системе географических координат. Т. к. движение никогда не прекращается в социальном пространстве, идентичность индивида всегда будет изменяться, являясь производной от «глобального» устройств, как совокупности определяемых и определенных «мест». С этой точки зрения, осуществляется фактическое опространствливание идентичности социального целого и идентичности индивидов, которые становятся взаимопределяемыми, а в виду содержательной неразличности социального пространства, необходимо говорить не столько об идентичности индивида, сколько о процессах его идентификации, т.е. опре-

деленной траектории движения. Именно в траектории движения может быть представлена позиция социального субъекта, конституированного в процессе осуществления субъективности, однако, вследствие пространственно-географической фиксации подобного движения, возможно констатировать лишь наличие «объективной» модели физического перемещения, которая связана с элиминацией субъекта и субъективности за пределы социального пространства.

Принимая конструкт «глобального», как возможность удержания целостности социального, Э. Гидденс осуществляет попытку редукции идентичности социального и индивидов к универсальным структурам, через прохождение этапа реконфигурации в процессе разворачивания/становления «глобального порядка» [7, с. 29]. Основной категорией анализа в этом случае является «социальный институт», который содержательно совпадает с понятием «диспозитива». По сути, «глобальное» и есть институциональное, выражающее идентичность социального целого, определяющего идентичность своих элементов – индивидов. Несмотря на то, что сам процесс рефигурации социального открывает возможность обнаружения субъективности и субъекта в пространстве социального, осуществляется фиксация индивида на уровне «психологии действия» и «повседневности», т.е. определяемых институциональными порядками способами взаимодействия и идентификации. С этой точки зрения, в данных рассуждениях производится устранение субъекта и субъективности из социального пространства и осуществляется попытка возвращения к объективным методам изучения социального. При этом продуцируются «внешние» социальные структуры, которые не предполагают обнаружения смысла процессов идентификации индивидов и социального целого, а лишь сводят их к «внутренним психологическим процессам» [6, с. 106].

Отличия в способах определении идентичности социального целого и индивида обнаруживаются в социальной теории У. Бэка, где индивид наделяется способностью к рефлексии, выражающейся в возможности конструирования своей индивидуальной биографической ситуации или построения самоописания. При этом субъект социального действия проявляется в необходимости осуществления согласования разрозненных социальных институтов, которые в ситуации усложнения/движения социального все чаще приводят к возникновению разнообразных рисков [3, с. 85]. Целостность социального в ситуации принципиаль-

ной открытости и неопределённости в случае появления противоречий постоянно подвергается сомнению. Возможность конструирования индивидуальной биографии гарантирует сохранение социального, но т.к. индивидуальных биографических ситуаций существует множество, социальная реальность виртуализируется и предъясняется как инвариант множества вариантов индивидуальных, открытых изменениям в процессе движения и построения самоописания идентичностей. Иными словами, осуществляется попытка возвращения субъекта в социальное пространство, а вместе с ним и смысла. При этом субъект является производным, от складывающихся ситуаций необходимости согласования различных институтов или диалогитивов, в движении/столкновении или разрыве которых и будет обнаруживаться субъективность.

Исходя их вышеизложенного можно констатировать необходимость возвращения субъективности и субъекта в пространство социального взаимодействия. Подобное возвращение осуществляется через обозначение конструируемого характера «диспозитивов» [1, с. 27]. В случае с объективистскими подходами в акте аналитического конструирования осуществляется реификация понятий, тем самым субъективность предъясняется в объективированном виде, т.е. субстанциализированных структурах социального или географического пространства [8, с. 32]. Возможным способом возвращения субъективности в социальное пространство, а тем самым и субъекта, становится обнаружение субъективных оснований в наличествующих диспозитивах или понятиях.

Субъективные основания всегда содержатся в «диспозитивах» (и институтах/понятиях), т.к. последние предполагают определенную практику своего создания и дальнейшего взаимодействия, через которую и происходит конституированные субъекта в процессе актуализации определенного типа идентичности. Таким образом, в развитие подобной логики, диспозитив может быть представлен в качестве инварианта, предполагающего актуализацию определенного варианта идентичности «здесь-и-сейчас» в процессе разворачивания субъективности в социальном пространстве взаимодействия, когда идентичность индивида обретает смысл в практике обнаружения своего места в социальном порядке или движении субъективности.

Иными словами, невозможно вести речь об идентичности социального целого и его частей, без отслеживания субъективности и субъекта

в пространстве социального. Попытки маскировки и устранения последних оборачиваются становлением идеологических, доксихических или пространственно-физических систем, которые в ситуации подвижности социального обнаруживают бессмысленность процессов идентификации. Каждая такая система содержит в себе множество «пустых» понятий или конструктов, которые могут быть переопределены с течением времени, но ввиду отсутствия возможности отслеживания движения субъективности, эти понятия или образования не могут быть связаны со смыслом. В ситуации множественности, наблюдающейся в пространстве социогуманитарного знания, некритическое заимствование понятий из различных дискурсов оборачивается еще большей путаницей при определении идентичности социального целого и его частей. Таким образом, сохранение смысла идентификации социального целого и индивида возможно только в случае обнаружения субъективных оснований этого процесса.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Что современно? К., 2012.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000.
5. Бушмакина О.Н. Философия постмодернизма. Ижевск, 2003. URL: <http://proxima.school.udsu.ru/files/20052.zip> (дата обращения: 22.09.2013).
6. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
7. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004.
8. Обухов К.Н. Идентификация социального в пространственно-географических структурах «обществ» / К.Н. Обухов // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1. URL: <http://sisp.nkras.ru/p-ru/issues/2013/1.pdf> (дата обращения: 22.09.2013).
9. Соловей И.В. Философские смыслы поля политики. Ижевск, 2012. URL: <http://proxima.school.udsu.ru/files/1327446958.pdf> (дата обращения: 22.09.2013).
10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012.
11. Фуко М. Археология знания. К., 1996.

МУЗЫКА, ЗАСТЫВШАЯ В КАМНЕ

Осинцева Н.В.

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Тюмень, Россия

В данной статье феномен архитектуры рассматривается в философско-эстетическом контексте. Вопросы философских категорий осмысляются в связи с произведениями архитектуры. А также в статье раскрывается новый онтологический подход к понятию «дом».

***Ключевые слова:** архитектура, философия, бытие, пространство, онтология, дом, движение, поза.*

MUSIC, CARVED IN STONE

Ossintseva N.V.

Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering,
Tyumen, Russia

In this article the phenomenon of architecture is seen in the philosophical and aesthetic context. Questions of philosophical categories are considered in relation to works of architecture. And the article reveals a new ontological approach to the concept of «home».

***Keywords:** architecture, philosophy, being, space, ontology, home, moving, pose.*

Представление об архитектуре как отдельной сфере искусства со своими специфическими законами существует скорее лишь в узкой области, связанной с искусствоведением и историей искусств европейской культуры. Если рассматривать архитектуру в самом широком смысле, как способ организации пространства, то мы непременно сталкиваемся с философскими категориями. Так, например, диалектика формы и содержания просматривается во всех типах сооружений любого исторического периода. Категории движения и покоя, являясь все-

общими, также характеризуют определенные качества архитектурных произведений. Однако с обыденной точки зрения достаточно сложно представить себе архитектуру в движении. Тем не менее, в живописных полотнах мы видим и экспрессию, и порывы, и динамику, даже иногда чувствуем дуновение легкого ветерка, слышим шум прибора. Этот эффект объясняется специфическим методом, который был описан еще Леонардо да Винчи, движущийся объект изображается не в реальной анатомически допустимой форме, а так, чтобы он захватывал одновременно момент прошлого, настоящего и будущего. В этом случае и создается ощущение движения в, казалось бы, статичном виде искусства. Может ли архитектурное произведение вызывать ощущение полета, устремленности, возвышенности, приземленности? Конечно, готические соборы устремлены вверх, к небесам. Монументальные храмы первых восточных цивилизаций вызывают ощущение приземленности. Не случайно Ф.В.Й. Шеллинг называет архитектуру «застывшей в камне музыкой». Чуть раньше схожая мысль была у И.В. Гете в его «Изречениях в прозе», где он говорит, что «архитектура — это онемевшая музыка». Таким образом, архитектура может не только характеризоваться категорией движения, но и в своей сущности она наполнена живым дыханием.

Неоспоримо, что любое архитектурное произведение использует пропорции, соразмерность, меру и ритм, то есть регулярность, цикличность. Более того, образ архитектурной формы в пространстве сравним с позой в танце. Поза, как «картинность» объекта, всегда семантически нагружена сильнее, чем движение (танцевальное или любое другое). На всем пути бытия архитектурной формы, от фундамента до руины, есть ключевые моменты (исторические события), смысловые акценты или «позы», по которым и происходит декодирование культурных кодов.

Когда мы говорим об архитектуре как о способе организации пространства, речь идет не только об окружающем ландшафте, но также о пространстве бытия человека. Начиная еще с первобытной культуры, архитектура делила бытие человека на «хаос» и порядок («космос»). Возведенные стены создают «сакральность пространства», то есть мир внутри отличается от остального мира, который является беспорядочным, непознанным и, возможно, даже опасным. Понятия «ограда», «ограждения» так же указывают на дихотомию в пространственном са-

моощущении человека: «хаос – космос», «чужое – свое». В этом смысле высказывание «в родном доме и стены помогают» как нельзя лучше демонстрирует, что пространство своего дома несет совершенно другую энергетику, нежели все остальное пространство.

Дом в жизни человека занимает особое значение, это не просто место, где человек реализует функции для сохранения жизни и продолжения рода. Все убранство дома, внутренний интерьер, внешний дизайн сооружения оформляются постепенно, в тандеме с формированием и развитием внутреннего мира человека. «Дом» – это то место, которое проживает вместе с человеком его жизнь, и, более того, становится самостоятельным персонажем в его судьбе. Мысль О. Шпенглера, высказанная в контексте новой онтологии (онтологии взгляда), о том что «оказаться под взглядом, значит начать говорить», раскрывает новые грани понятия «дом».

С точки зрения культурологии, все очевидно: в системе кодирования и декодирования языка культуры участвует любой объект культуры. Дом или иное архитектурное сооружение, являясь знаком или символом культуры, безусловно, несет нам информацию, скрытые смысловые значения, то есть любое архитектурное сооружение или элемент дизайна обязательно семантически нагружены. Ведь любое здание может нам «рассказать» о своей истории, о своем предназначении, о статусе своего хозяина и т.п. Но кроме этого, нельзя не замечать другую, онтологическую сторону этого вопроса. В рамках новой онтологии, следуя за рассуждениями О. Шпенглера, М. Хайдеггера, начать говорить дом может вне контекста своей культуры. Атмосфера дома влияет на формирование сознание человека. Например, в древнегреческой архитектуре с культом красоты внешнего мира, сооружения и частного, и государственного назначения были не просто красивы, гармоничны, пропорциональны, то есть приятны не только для эстетического созерцания, но все сооружения зывали к возвышенности духа. Следует помнить, что такое единство эстетического и этического вообще свойственно для всей культуры Древней Греции. Тем не менее, не только культура в целом обладает своим особым этосом (характером), но дом каждого отдельного человека. В данном отношении более уместно употребление античного термина «топос» (место), вместо привычного понятия пространство. Для человеческого бытия содержательнее будет находиться на своем месте, а не в ограниченном пространстве. Дом на-

чинается там, где человек начинает жить, не существовать, а именно жить в экзистенциальном смысле.

Зачастую роль дома недооценивается человеком в своем бытии. Особенно в условиях модернизации, информатизации, техногенного развития становится актуальным высказывание Ле Корбюзье о том, что дом – это машина для жилья. Действительно, если в доме нет ни музыки, ни танца, то это уже не дом, не архитектура бытия, а искусно выполненное ремесло. Когда архитектура больше чем зодчество, появляется дом со своей музыкой, пусть и застывшей в камне.

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ «ДОСИНГУЛЯРНОГО» ОПИСАНИЯ МАТЕРИИ

Пеньков В.Е.

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Определяются методологические подходы к описанию так называемого «досингулярного» состояния материи. Показано, что проблема сингулярности возникает в результате несовершенства общей теории относительности, которая лежит в основе современной космологической картины мира. Определены причины того, почему теория расширяющейся Вселенной ничего не может сказать о начале расширения.

Ключевые слова: *Большой Взрыв, Вселенная, космология, материя, мироздание, происхождение, сингулярность, системный подход.*

PHILOSOPHICAL SENSE OF THE «TO SINGULARITY» DESCRIPTION OF A MATTER

Penkov V.E.

Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia

The methodological approaches to the description of the so-called «before-singular» state of matter are defined. It is shown that problem of the singularity appears as a result of the imperfection of the general theory of the relativity, which is in the basis of the modern cosmological picture of the world. The reasons are defined, why the theory of the increasing Universe can't say anything about the beginning of the expansion.

Keywords: *Big Bang, Universe, cosmology, provenance, matter, singularity, systems approach.*

В традиционных подходах Большой Взрыв рассматривают как рождение Вселенной, до которого ничего не существовало. Данную

проблему можно проанализировать двояко: с точки зрения времени и с точки зрения материи.

В первом аспекте вопрос должен звучать так: что было до Большого Взрыва? В первом аспекте вопрос должен звучать так: что было до Большого Взрыва? В классическом контексте сам вопрос в такой формулировке не имеет смысла, поскольку до Большого Взрыва не было ничего, не существовало и самого времени, постольку говорить о том, что было «до» некорректно. «Когда мы спрашиваем, а что было до начала Вселенной, то это тоже самое, что спрашивать, а что южнее Южного полюса? Просто понятие "до" теряет свой смысл до этой точки начала Вселенной. Есть только "после"» [2].

Во втором аспекте рассматриваемая проблема, по мнению А.Н. Павленко, распадается на два вопроса.

1. Имел ли мир происхождение, или он существовал вечно?
2. Если мир имел происхождение, то из «чего» он произошел?

Если мир существовал всегда, второй вопрос автоматически снимается. Если же мир имел происхождение второй вопрос, как отмечает А.Н. Павленко, также лишен смысла: «Ведь если «до мира» самого «мира» не было, то не было и самого «чего», **из которого** он произошел» [5, с. 89]. Однако, этот же вопрос можно сформулировать по-другому: из какого «ничего» произошел мир? Отвечая на него, А.Н. Павленко подчеркивает: «Таким образом, существование «ничего», а главное – способы его интерпретации, становятся нервом второго вопроса: *как следует понимать «ничего» в качестве источника наблюдаемого мира?*» [5, с. 89]. Подобную мысль находим у Е.П. Левитана: «Главная идея сводится к тому, – отмечает он, – что Большой взрыв – выдающееся событие в истории Вселенной, но Вселенная существовала и до него. Пока мало что можно сказать о том, каким был этот «предок» нашей Вселенной, но можно предположить, что в его истории произошло нечто такое, что привело к Большому взрыву, породившему нашу Вселенную» [3].

Такое рассмотрение подводит нас к философской проблеме первоначала, уходящей в античность, в которой уже существовало представление о некоем едином начале, из которого все происходит и эволюционирует. «Это значит, – пишет А.Ф. Лосев, – что в самом же космосе необходимо было признавать особого рода начало, которое объединяло бы собою и все целесообразное, что творится душой и умом, и все нецелесообразное, что не творится душой и умом и тем не менее обязательно существу-

ет в том же самом космосе. Отсюда возникает поразительная склонность античного мышления признавать еще и такое начало, которое выше самого мышления и которое вмещает в себя также и все немислительное. Это начало в античности называлось "единым" или "одним". Оно трактовалось выше души и ума, а в конце античности даже и выше самого космоса. Но оно только и существовало в самом же космосе» [4, с. 24]. Таким образом, считалось, что имеется некое первоначало (субстанция), хранящее в себе всю информацию о развитии мира. Оно рассматривалось как некая онтологическая категория, которая обозначала абсолютное основание бытия, всего сущего, некое предельное начало, в котором его сущность и существование совпадают, не различаются, а само оно, самоорганизовываясь, проявляется через атрибуты.

Исторически первая трактовка субстанции отождествлялась с субстратом, из которого состоят все вещи, а сам он является объектом внешнего воздействия. В античной философии такое представление субстанции связывалось с различными стихиями, которые, являясь причиной самих себя, служили «строительным материалом» для всей материи. Важную роль играет также количество субстанций. На основе этого философские учения подразделяют на монистические (например, вода Фалеса, огонь Гераклита, апейрон Анаксимандра), дуалистические и плюралистические. Монистические учения создают проблему умножения сущего – непонятно, каким образом из одной субстанции порождается все многообразие мира. Плюралистические учения влекли за собой беспредел размножения сущностей.

В настоящее время эта проблема находит решение в различных космологических теориях. В современном представлении Большой Взрыв можно рассматривать как некий качественный скачок, породивший все многообразие наблюдаемых сегодня явлений из этого первоначала. В таком аспекте вопрос образования Вселенной приобретает несколько иной смысл: до начала расширения Вселенная находилась в принципиально ином качественном состоянии, в момент начала расширения произошёл переход в принципиально иное качество, после чего стала реализовываться фридмановская модель расширения.

В этом случае вопрос о субстанции также остается, но приобретает другой смысл: это не то, что существовало всегда, а то, что породило нашу Вселенную. Отсюда вытекает важный философский вывод: при рассмотрении происхождения Вселенной необходимо признать, что

она является только частью мироздания, и космология изучает именно эту часть. Тогда ее необходимо рассматривать как элемент некоей более общей системы, которая детерминирована «многообразием отношений в контексте других элементов» [1, с. 211]. И тогда наиболее логичным ответом на вопрос существовал ли мир всегда будет ответ положительный. Однако, формы существования этого мира могут быть самые разнообразные, выходящие за рамки современных теоретических представлений. И самой сложной методологической проблемой будет проблема построения теоретической модели этого мира, поскольку никаких эмпирических данных в этой области не имеется. Фактически мы должны по элементам системы описать свойства всей системы. «Познание Вселенной (особенно в сфере «археокосмологии») подвело к пределам применимости известных фундаментальных теорий. Осознана необходимость создания «новой физики», включающей существующие теории в качестве своих частных случаев» [6]. Как отмечает Э.М. Чудинов: «Эйнштейн считал, что сингулярности являются результатом несовершенства общей теории относительности и должны быть устранены в более общей теории, которая должна прийти ей на смену» [7, с. 51]. Если же, все-таки мир имел начало, то речь идет не о нашей Вселенной, а о более общей системе, полное описание которой на данном этапе познания выходит за пределы науки.

Таким образом, становится понятным, почему «теория Большого Взрыва ничего не может сказать о самом Большом Взрыве», и задача «досингулярного» описания материи заключается в том, чтобы найти приемлемые, теоретически непротиворечивые модели мироздания, из которых следовала бы возможность такого качественного скачка, который породил все многообразие нашей Вселенной.

Список литературы

1. Гаранина О.Д. Человек в зеркале системной методологии // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (1). С. 210–214.
2. Гриб А.А., Фильченков, М.Л. Квантовая космология [Электронный ресурс] URL: <http://www.kabbalahscience.com/content/view/full/496> (дата обращения 22.09.2013).
3. Левитан Е.П. А было ли что-нибудь до Большого Взрыва? [Электронный ресурс] URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/20684/> (дата обращения 22.09.2013).

4. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд., исправл. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
5. Павленко А.Н. Философские проблемы космологии: Вселенная из «ничего» или Вселенная из «небытия»? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 208 с.
6. Современная космология: философские горизонты // Под ред. В.В. Казютинского, Е.А. Мамчура, А.Д. Панова URL: [Электронный ресурс] <http://lib.rus.ec/b/423398/read> (дата обращения 22.09.2013).
7. Чудинов Э.М. Философские проблемы современной физики: Теория относительности и космология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 136 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ (ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ)

Риккер Ю.О.

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

В статье дан диахронный анализ трансформации существующих воззрений на проблему осмысления понятия «гендерная идентичность» как феномена социальной и культурной идентичности человека; рассмотрены важнейшие концепции в истории воззрений социогуманитарной мысли на проблему гендерной идентичности; проанализирован и обобщен опыт зарубежных и отечественных ученых, работающих в области гендерных исследований. Исходя из того, что гендерный аспект человеческого бытия формируется под влиянием социокультурного пространства, которое в свою очередь также формирует гендерный аспект бытия – замкнутый круг, формируемый их взаимовлиянием обуславливает то, за счет каких механизмов конструируется социально приемлемая гендерная идентичность, какие культурно обусловленные гендерные стереотипы функционируют в обществе и каким образом они влияют на формирование гендерной идентичности. Автор приходит к выводу, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют понимание маскулинности и фемининности в конкретном обществе.

Ключевые слова: *гендер, гендерная идентичность, мультиполярность, биполярность, андрогинность, концепции гендерной идентичности, история гендерологии.*

TRANSFORMATION OF GENDER IDENTITY UNDERSTANDING IN THE HISTORY OF SCIENCE (DIACHRONIC ASPECT)

Ricker Yu.O.

Transbaikal State University, Chita, Russia

The paper gives a diachronic analysis of the transformation of the existing views on the interpretation problem of the term «gender identity» as

a phenomenon of the social identity of a person, considered the most important in the history concept of socio-humanitarian views of thought to the problem of gender identity person. The gender dimension of human life is influenced by socio-cultural space, which in turn also forms the gender dimension of existence. The vicious circle formed by their interaction causes is through what mechanism is formed socially acceptable gender identity which culturally defined gender stereotypes are functioning in society and how they affect the formation of gender identity.

Keywords: *gender, gender identity, multipolarity, bipolarity, androgyny, gender identity concept, history of genderology.*

Появление в научном дискурсе второй половины XX в. термина «гендер» обусловило формирование не только стойкого интереса к аспектам феномена пола человека, но и теоретическое многообразие трактовок различных форм гендерного бытия человека. Одним из таких проявлений считается концептуализация понятия гендерной идентичности человека. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать существующие теории и подходы к понятию «гендерная идентичность» в диахронном аспекте, обобщить сильные стороны существующих толкований и дать собственное определение гендерной идентичности.

В условиях диахронного анализа трансформации взглядов на проблему исследования понятия гендерная идентичность представляется возможным рассмотреть ряд концепций. Первыми в истории формирования гендерной теории стали феминистский и эссенциалистский подходы.

Эссенциалистский подход к гендерной идентичности позволяет выделить характерные черты социо-культурно-биологической группы. В силу того, что эссенциалистский подход к гендерной идентичности формировался в рамках феминистской теории, то этой группой по умолчанию, являлись женщины. По мнению Джудит Батлер «...подавляющее большинство теоретиков феминизма признает существование идентичности, обозначаемой понятием «женщины», которая не только задает собственные интересы и цели внутри феминистского дискурса, но и создает субъект, который должен быть представлен в политической сфере» [1, с. 297].

Женская идентичность выстраивается с позиции обратной женской идентичности в культуре патриархата путем отрицания мужского и

признания женского как альтернативной позиции; при этом существует устоявшееся мнение относительно специфичности женского мышления.

Феминистский подход предполагает четкое ограничение понятия «женщина» и «женственность», вследствие чего формируется значительная группа женщин, остающаяся исключением вследствие несоответствия этим понятиям. По мнению Сандры Бем акцент делается на позицию обоснования неравенства и возможностей изменений существующей поло-ролевой сегрегации [14, с. 598].

Следующим этапом стало появление структурно-конструктивистского подхода Роберта Коннела, который в научном труде «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика» предложил четыре парадигмы анализа гендерной идентичности в противовес двум классическим подходам, освещенным выше – эссенциалистскому и феминистскому.

Первая парадигма – марксистская, базируется на теориях классового подхода, социального воспроизводства и двойных систем. Угнетение женщин в рамках данной теории рассматривается как воспроизводство капиталистических отношений в обществе, тогда как поло-ролевой подход иллюстрирует зависимость личности от социальной структуры, в рамках которой существуют определенные предписанные по признаку пола социальные роли, прививаемые индивиду в процессе социализации. Обе эти парадигмы в своем конструировании опираются на биологические различия в контексте сегрегации социокультурных аспектов интерпретации пола. Основным их минусом является отсутствие объяснения изменения поло-ролевых моделей и учет самой возможности их трансформации.

Третья парадигма получила название «парадигмы гендерных категорий» и ее суть заключалась в описании отношений неравенства между двумя социальными категориями – мужчин и женщин. Гендерная идентичность определяется с позиции соответствия социального статуса воспроизводимого отношениями патриархата. В рамках четвертой парадигмы гендерная идентичность рассматривалась как процесс взаимодействия исторически сложившихся социальных структур, где женственность и мужественность являются постоянно воспроизводимыми идентичностями. Данная теория получила название теории практик. По мнению Коннела, в условиях патриархатного социального порядка

вторична не только женственность относительно мужественности, но и вторичные варианты мужественности по отношению к гегемонной маскулинности (т. е. типа маскулинности, доминирующего в конкретном обществе) – таким образом, анализ «теории практик» применим не только к отношениям мужественности и женственности, но и к отношениям различных вариаций маскулинности.

Помимо теории Р. Коннела, интерес представляет перформативная теория гендерной идентичности, являющаяся результатом лингвистических исследований Джудит Батлер. Перформатив, согласно ее исследованиям – это речевой акт, заключающий в себе смысл равный действию. Заимствование этого понятия из языка привело к тому, что основной смысл перформативов – отсутствие у них истинного значения – был возведен в ранг одной из теорий гендерной идентичности. В условиях определенного культурного контекста гендер, имея частое повторение, закрепленное многократностью использования, создает иллюзию естественности. Эта особенность перформативов, и их соотносимость с действием, позволили использовать их в теории гендерной идентичности в ранних работах Джудит Батлер и Ив Ко-софски-Седжвик. Согласно перформативной теории гендерной идентичности, не существует истинной природы женщины или истинной природы мужчины, вытекающих из их телесных особенностей. Гендер является результатом, или следствием многократных перформативных действий, осуществленных в определенном культурном контексте, а видимость его естественности создается этим многократным повторением.

Данные подходы не удовлетворяют требованиям, предъявляемым в условиях современного трансформационного состояния гендерной идентичности, в связи с чем в настоящее время предпочтение отдается трем подходам в типологии гендерной идентичности: биполярному; андрогинному; мультиполярному.

Биполярный подход предполагающий наименьшую вариативность подразумевает жесткую дифференциацию гендерной идентичности по признаку пола (мужчины обладают исключительно маскулинными характеристиками, а женщины – фемининными) [3].

Биполярная модель гендерной идентичности была пересмотрена в конце XX века Сандрой Бем. По ее мнению, мужчины и женщины не обязаны соответствовать традиционным поло-ролевым моделям и со-

четание в своем поведении как маскулинных, так и фемининных характеристик не является показателем отклонения. По мнению самой Бем наиболее актуальной является андрогинная модель гендерной идентичности, вбирающая в себя все лучшее из других ролей [2]. Формирование того, что предполагается наделять эпитетами «мужской» или «женский» в своей сути не обладающего ни мужскими, ни женскими признаками, маркируется таковым образом за счет культурно обусловленных маркеров, зависящих от того, как они «объясняются и используются культурой, а их социальный смысл зависит от исторического и современного контекста». Так, какие-либо гендерно окрашенные свойства личности общество может маркировать фемининными (как социально приемлемые для женщин) либо напротив – маскулинными (как социально приемлемые для мужчин).

Мультиполярный подход допускает существование нескольких вариантов гендерной идентичности в рамках одного пола. В контексте данного подхода можно выделить следующие основные компоненты – биологический пол и маскулинность/фемининность/андрогинность как социокультурные характеристики личности [3].

По мнению Л.П. Великановой «... с точки зрения мультиполярной модели гендерной идентичности, ее типология представлена шестью вариантами: андрогинный женский; андрогинный мужской; маскулинный женский; маскулинный мужской; фемининный женский; фемининный мужской» [3].

Наличие маскулинных черт предполагает «...совокупность «инструментальных» качеств личности и выраженность свойств, традиционно предписываемых мужчинам (независимость, напористость, властность и т.д.) [3].

Фемининный вариант предполагает «...«экспрессивные» характеристики личности: скромность, исполнительность, конформность, преданность, способность к состраданию, гибкость, эмпатия, склонность к кооперации и компромиссам» [3].

Маскулинность и фемининность большей частью обусловлены социальным контекстом при формировании [3].

Андрогинный вариант гендерной идентичности обладает примерно в равной степени и маскулинными и фемининными качествами. Логично предположить, что «...представители этого типа личности воспитывались в ситуации менее жестких нормативных требований, связан-

ных с полоспецифичным поведением» [7]. Л.П. Великанова полагает что, «...андроги́нность как форма гендерной идентичности является наиболее характерной и распространенной среди женщин и мужчин в современных социально-культурных условиях; именно она помогает самоопределению личности и обеспечивает ей чувство эмоционального комфорта».

Подобная вариативность предоставляет возможность предположить, что «...динамические характеристики гендерной идентичности личности обусловлены сложным процессом взаимодействия биологического и социокультурного влияния с ценностными ориентациями и жизненными смыслами, направленным на удовлетворение базовых потребностей личности (стремление к внутренней согласованности, самоактуализации) вне зависимости от половой принадлежности». [3] Являясь одной из структур самосознания личности, гендерная идентичность играет определяющую роль в процессах адаптации и саморегуляции. [3]

Концепция мультиполярности в типологии гендерной идентичности в итоге базируется на следующих идеях:

– первопричиной социальных, культурных, психологических характеристик личности является не биологический пол;

– гендерная идентичность как элемент эго-идентичности представляет собой многокомпонентную структуру, включающую в себя систему жизненных ценностей и целей; на современном этапе понимание этого понятия несводимо к дихотомии «маскулинности-феминности»;

– гендерная идентичность «...предполагает вариативность в рамках одного пола (маскулинный, феминный и андрогинный вариант)» [3].

Обращение к истории науки позволило проследить трансформацию формирования воззрений на природу пола и выстраивания социальной иерархии маскулинного и феминного от биологического детерминизма до социальной обусловленности.

Ослабление жесткой гендерной дихотомии и ломка традиционной системы гендерной поляризации приводит к тому, что личность приобретает все больше возможностей в реализации того типа гендерной идентичности, который является результатом ее индивидуального жизненного опыта, обеспечивающего психологический и социальный комфорт личности.

Список литературы

1. Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: ПроPILE, 2000. С. 297–298.
2. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 120.
3. Великанова Л.П. Мультиполярный подход в типологии гендерной идентичности. Режим доступа [klgtu.ru>ru/magazine/2008_13/33.doc].
4. Голод С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация / С.И. Голод // Человек. 2004. № 4. С. 113–124.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах: пер. с англ. / Э. Гидденс. СПб.: Питер. 2004. 208 с.
6. Киммел Майкл. Гендерное общество. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm
7. Клецина И.С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях. Режим доступа: [http://anthropology.ru/ru/texts/kletsina/woman_37.html].
8. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Маскулинность как история. Российский мужчина и его проблемы (Лекции 1–3) / Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 189–209.
9. Ожигова Л.Н. Гендерный подход в социально-психологических исследованиях. Краснодар, 2001. С. 31–32.
10. Словарь гендерных терминов. Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/015.htm>. Дата обращения: 2.04.2013.
11. Юнг К.Г. Структура Души // Проблемы души нашего времени. М., 1993. С. 131.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга, АСТ, 1996. 714 с. С. 459.
13. Connell R.W. The Big Picture: Masculinities in Recent World History // Theory and Society. Vol. 22, № 5, Special Issue: Masculinities. October. 1993. P. 597.
14. Bem S.L (1983). Gender Schema Theory // Sings. Vol. 8. № 4. P. 598–616.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Сулова Т.И.

Томский госуниверситет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР), г. Томск, Россия

В статье рассматриваются острые социально-философские проблемы современности: здоровья и старения населения, представленные как взаимообусловленные. Прогнозирование продолжительности жизни происходит в период становления и формирования человеческого потенциала, зависит в том числе и от философии и культуры здоровья, закладываемых в период обучения в вузе.

Ключевые слова: *здоровья, инклюзивное образование, молодежные программы, глобальный демографический переход, политика, рождаемость, биомедицина, индекс развития человеческого потенциала.*

THE HUMAN FACTOR: A HEALTH AND AGING POPULATION OF RUSSIA

Suslova T.I.

Tomsk State University of Control Systems and Radio electronics
(TUSUR), Tomsk, Russia

The article examines the leading social-philosophical problems of health and ageing is presented as may. Forecasting life expectancy occurs during the formation of the philosophy and culture of health, pledged including in the process of study at the University.

Keywords: *health, inclusive education, youth programs, the global demographic transition, policy, fertility, Biomedicine, human development index.*

В число проблем, рассматриваемых комиссией ПРООН в последние годы в связи с прогнозированием будущего, усилением роли человеческого фактора и развитием человеческого потенциала, попадают и проблемы формирования культуры здоровья, и проблемы старения населения мира. Философия и идеология здоровья, культивирование ведения здорового образа жизни со студенческой скамьи способны принести весьма ощутимый эффект, позволяют предотвратить не только большие расходы на восстановление здоровья в будущем, но и преодолеть связанные с болезнями ограничения вести полноценную, насыщенную жизнь до глубокой старости. Особую значимость культивирование философии здоровья приобретает в условиях небывалого старения населения мира и социально-экономическую и человеческую заинтересованность сохранения здоровья в преклонном возрасте, необходимость вести качественный образ жизни, сохранять работоспособность, физическую и психологическую самостоятельность.

В Уставе ВОЗ здоровье характеризуется как «состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие». (См. сайт ВОЗ., 2011. URL: www://who.int/governance/eb/constitution/ru/). Будучи базовой ценностью человека, здоровье определяется как некое идеальное состояние, поскольку на протяжении всей жизни человек не бывает вполне здоров. В Конституции указывается, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это предполагает в числе прочего государственную поддержку инвалидов и пожилых граждан, развитие социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Предполагается, что населённые пункты нашей страны станут благоприятными для жизни инвалидов, будет обеспечен безбарьерный доступ к объектам всей общественной инфраструктуры, в том числе возможность получать государственные услуги дистанционно, с использованием сети Интернет. Как говорил в своей предвыборной речи премьер-министр В.В. Путин, будет расширена сеть центров реабилитации для детей-инвалидов, возможности для качественного обучения в общеобразовательных и специализированных учебных заведениях по выбору. Вместе с тем реальная практика демонстрирует постоянную или спорадическую изоляцию

некоторых социальных групп, их маргинализацию и даже эксклюзию. В первую очередь эти явления затрагивают индивидов, которые ввиду ограниченных возможностей здоровья не могут выполнять типичные для общества виды деятельности. В реальности же пока мы видим, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень интеграции инвалидов остается по-прежнему низким, социальная активность и профессиональная самореализация, социальные и семейные сценарии деформируются ограничениями, налагаемыми дефектами здоровья. В Российской Федерации наблюдается рост численности инвалидов – (2004 год – 11,4 млн человек, 2010 – 13 млн человек). Ежегодно признаются инвалидами около 3,5 млн человек, в том числе более 1 млн человек – впервые. Во многом это обусловлено высоким уровнем заболеваемости и травматизма населения, недостаточным качеством медицинской помощи и услуг, оказываемых лечебно-профилактическими учреждениями и учреждениями медико-социальной экспертизы, а также другими причинами. Увеличивается число инвалидов трудоспособного возраста и детей-инвалидов. В социальной структуре общества наблюдается значительное количество лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности вследствие боевых действий и военной травмы и их интеграции в общество. Количество инвалидов в Томске на сегодня – около 45 тысяч человек, среди них детей-инвалидов около 4 тысяч. В городе действуют программы, направленные на организацию существенной помощи лицам с ограниченными возможностями при участии, в том числе и представителей системы высшего образования, готовящих специалистов соответствующего профиля. Философия здоровья в практическом применении получила распространение в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники. Идеология и философия здоровья реализуется усилиями преподавателей и студентов гуманитарного факультета. За последние годы на факультете созданы два структурных подразделения, направленных на решение проблемы инклюзивного образования инвалидов. Во-первых, это Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ), который создан с целью организации помощи и содействия студентам с ограниченными возможностями здоровья, обеспечения условий для успешной адаптации в образовательной деятельности. При посредстве центра в университете стало возможным обучение инвалидов, которых курируют специалисты с момента подготовки к вступительным испытаниям, поступления

и сопровождения в процессе обучения. На сегодня в главном корпусе созданы условия для обучения инвалидов, в том числе колясочников: смонтированы пандусы, отдельные туалетные комнаты и специальная аудитория для обучения. Благодаря этим изменениям начиная с 2010 года, в университете проходит городской кубок по шахматам для детей с ограниченными возможностями, в котором принимают участие и будущие студенты. На более широкий охват студентов рассчитано создание второго – «Спортивно-оздоровительного центра» (СОЦ), вызванного к жизни пониманием необходимости совершенствования системы физкультурно-оздоровительной работы в нашем университете. Деятельность этого центра направлена на развитие физической культуры и спорта в университете, воспитание студенческой молодежи, а также более активное привлечение сотрудников к спортивной жизни университета, формирование у них потребности в физическом, нравственном и духовном совершенствовании. В числе главных задач деятельности Центра стоят, возможно, общие для всех университетов задачи: медицинское обеспечение спортивно-массовых мероприятий, соревнований и учебного процесса по физическому воспитанию в вузе; организация спортивно-оздоровительных программ и проектов в университете; организация совместной работы и координации деятельности кафедр, факультетов и структурных подразделений вузов региона в научном, учебном и учебно-методологическом обеспечении развития физической культуры и спорта в высших учебных заведениях; проведение исследований с целью разработки и внедрения теории и методик совершенствования технической и тактической подготовки спортсменов различного уровня; проведения исследований функциональных возможностей и адаптационных резервов при занятиях физической культурой и спортом и ряд не менее значимых задач.

Поскольку в последние годы «растут потери национального дохода вследствие смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта и диабета, становится очевидно, что государство, политики, да и простые люди не относят здоровье к числу приоритетов, средний россиянин готов им пожертвовать ради достижения каких-то материальных или социальных выгод» [1]. Философия и идеология здоровья, культивирование ведения здорового образа жизни со студенческой скамьи, способны принести весьма ощутимый эффект, позволят предотвратить не только большие расходы на восстановление здоровья

в будущем, но и преодолеть связанные с болезнями ограничения вести полноценную, насыщенную жизнь. В число проблем, рассматриваемых комиссией ПРООН в последние годы в связи с прогнозированием будущего, усилением роли человеческого фактора и развитием человеческого потенциала, попадает проблема старения населения мира.

Старение населения уже давно является одной из актуальнейших тем обсуждения политиков, демографов, экономистов, медиков и других заинтересованных, в том числе и ООН [2]. В проблеме изучения теоретических основ человеческого развития, выделяются в качестве наиболее значимых демографические, социально-экономические со стороны ИРЧП (индекса развития человеческого потенциала) и биомедицинские, (включая современные био- и нано-технологии), аспекты. Философско-мировоззренческие основания проблемы старения указывают на то, «что время существования технически развитой цивилизации ограничено» [3]. Человек как сложное природное образование имеет свою видовую ограниченность существования на планете, в статусе своего изначального телесного бытия человек уже накопил достаточное количество мутаций для завершения своего эволюционного цикла. Ряд ученых полагают, что в скором времени человечество овладеет механизмами управления старения и будет возможен «переход биологической жизни к индискретной (непрерывной) форме, то есть форме биологически бессмертного человека» [4, с. 85]. Выделим наиболее значимые реальные аспекты старения человека.

Демографический. Как показывают современные исследования, средняя продолжительность жизни землян постоянно растет, начиная с 1840 года. За последние 50 лет жители тридцати развитых стран мира вдвое чаще стали пересекать рубеж 80 лет. В 1950 году вероятность дожить до возраста 80–90 лет составляла в среднем 15% для женщин и 12% для мужчин. В 2002 году этот показатель уже был 37% для женщин и 25% для мужчин. Ученые прогнозируют, что более половины младенцев, рожденных в развитых странах в наши дни, доживут до 100 лет. Старость за последние 170 лет отодвинулась. В каменном веке средняя продолжительность жизни составляла 18–20 лет, в Средние века 30–40 лет. И только с конца 19 века (средняя продолжительность жизни 35 лет) до конца 20 века продолжительность жизни увеличилась до 70–75 лет.

В 1959 г. средний возраст жителей планеты составлял 23,9 лет, ожидаемая продолжительность жизни – 46,6. В 2000 г. – 26,8, а продолжи-

тельность – 65,4. Согласно демографическому прогнозу ООН средний показатель 2050г. будет: 37,8 – средний возраст, продолжительность – 75,5 лет. А в Японии, Швеции и Израиле в 2045–2050 годах по прогнозам ожидается: 87,4, 85,7 и 86,3 лет. И это еще в ситуации, когда массово не запущены средства продления жизни, основанные на нанотехнологиях и др. новейших достижениях

По мнению Н.М. Римашевской, «на характер демографического состояния в России XX века повлияли три обстоятельства: первое, в 1980–1990 гг. возникла «крутая» демографическая волна, обеспечившая взлет рождавшихся до 2,4–2,5 млн в год» [5, с. 30]. В 1996–2001 произошло падение до 1,2–1,3 млн человек, это приведет к тому, что к 2020 г. число женщин репродуктивного возраста сократится.

И второе, произошло постарение возрастной модели рождаемости (возраст первородящих сдвинулся к 25 годам). В-третьих, сократился миграционный потенциал России (внутренние миграции практически прекратились из-за слабой социальной и экономической защищенности со стороны государства при обустройстве на новом месте).

Страны мира находятся в состоянии демографического глобального перехода, чем обусловлено глобальное старение населения. На факторы старения населения России повлияли особенности исторического развития страны.

Это, прежде всего, политические, социальные и военные катаклизмы XX века, которые «поглотили» человеческие ресурсы. Потенциал демографического роста в России, таким образом, по мнению того же автора, исчерпан. Точка невозврата – 1991 год. Как начало депопуляции в стране, величина естественного прироста стала отрицательной.

Социально-экономический. По мнению ряда ученых, на данном этапе эволюция заинтересована не просто в развитии и увеличении численности человечества, а в приумножении старшей возрастной группы как носительнице интеллектуального капитала. Так, при общей занятости в России 70 732 тыс. человек, 2984 тысяч занятых – люди в возрасте 60–72 лет. Значимость имеет квалификационный ресурс, профессионалы в области образования, культуры, здравоохранение и способность к инновационному развитию. Доля людей с высшим образованием среди занятых 60-64 лет наиболее велика. Их в 2011 году было в 1,5 раза больше, чем имеющих среднее (полное) общее и в 56,5 раз больше, чем не имеющих образование и занятых неквалифицированным трудом»

[6, с. 14]. По утверждению Министерства труда и социальной защиты, в нашей стране неуклонно снижается количество граждан, способных трудиться. На начало 2012 года число лиц старше трудоспособного возраста составило 32,4 миллиона человек, или 22,7% от всего населения. По прогнозам Минтруда предполагается, что к 2015 году число пенсионеров достигнет цифры в 39 миллионов, а в 2016 – 39,4 миллионов человек. Каждый восьмой россиянин (13%) – старше 65 лет. Согласно международным критериям население страны считается старым, если доля людей старше 65 лет превышает 7%.

Биомедицинский. Рассмотрение проблемы показывает, что «медико-демографические данные в России свидетельствуют о кризисе здоровья населения», а его состояние определяется в том числе и условиями жизни, динамикой, и системой здравоохранения [7, с. 42].

Изменился и биологический возраст по возрастной шкале Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). От 25 до 44 – это молодой возраст, 44–60 лет – это средний возраст. 75–90 – это старческий возраст, а после 90 – долгожители. Некоторые ученые не относят сдвиг биологического возраста к заслугам цивилизации, а считают данный факт следствием глубинного развития, которое претерпела материя – интеллектуальная биомасса, которой по сути является человек. Тем не менее четыре прошедшие в медицине революции, безусловно продлили средний возраст человека уже на 40 лет: гигиена (XVII век); появление антисептиков (XIX век); вакцинация (XIX век) и открытие антибиотиков (XX век). Требования к здоровью и необходимости его сохранения в этом возрасте возрастают. Речь идет не просто о продлении жизни, а необходимости качественного существования. При дряхлеющем теле продолжает и становится необходимым качественный мозг, интеллект и опыт. Численность старшей возрастной группы с 60 до 90 лет увеличивается в 4-5 раз быстрее, чем общая численность населения Земли. Старение определяется как ухудшение работы биологической структуры, среди которых выделяются органы – «недолгожители». Так, на первом месте – истощение резервов сердечно-сосудистой системы – около 40 лет, на втором – остеопороз: около 30% женщин в 50 лет и более 50% в возрасте 75–80 лет страдают остеопорозом. Третий фактор – снижение функций иммунной системы, что является причиной развития инфекционно-воспалительных осложнений и опухолей в организме. Четвертая значительная группа заболеваний – диабет и гепатиты, имеющие в

результате серьезные осложнения и приводящие к преждевременному старению. Статистика показывает, что некоторыми болезнями россияне страдают примерно так же как жители других стран, но умирают от них в несколько раз чаще. При этом в Москве смертность от ряда заболеваний ниже, чем в стране в целом, так как уровень здравоохранения в Москве на порядок выше. При этом россияне не дорожат здоровьем и хотят, чтобы у них было здоровье, но заботу о нем перекалдывают на государство.

Представляется, что в условиях надвигающейся демографической ямы, экономически перспективно вкладывать средства в обеспечение продления работоспособности стареющего населения России, улучшение качества его жизни. Преодоление же негативных явлений в демографическом состоянии страны становится приоритетной задачей государства.

Список литературы

1. Степанова Г. Болевые точки здоровья россиян // Человек. 2008. № 1. 148 с.
2. Последующая деятельность по итогам Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Доклад Генерального секретаря ООН. 22 июля 2011 г. 66-сессия. Пункт 27(с) предварительной повестки дня. Нью-Йорк, 2011.
3. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. М.: Наука, 1976.
4. Прякин В. Проблема радикального увеличения продолжительности жизни человека // Человек. 2012. № 4.
5. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г., и др. Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. 2012. № 1.
6. Доброхлеб В.Г. Направления социально-экономической модернизации в условиях старения населения // Народонаселение. 2012. № 2.
7. Молчанова Е.В. Медико-демографическая ситуация в России, Республике Карелия и Финляндии // Народонаселение. 2012. № 1. С. 41–53.

МЕТОД СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА (КЕЙС-СТАДИ) В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

Сычев А.А., Якина Л.А., Курмаева К.К.

Мордовский госуниверситет, Саранск, Россия

В статье рассматриваются особенности использования ситуационного анализа в социальных науках в целом и в экологической этике в частности. Делается вывод о том, что метод кейс-стади способствует развитию этической теории и формированию навыков принятия моральных решений.

Ключевые слова: *ситуационный анализ, кейс-стади, методология, прикладная этика, экологическая этика.*

CASE STUDY IN ENVIRONMENTAL ETHICS

Sychev A.A., Yakina L.A., Kurmaeva K.K.

Mordovia State University, Saransk, Russia

The article is focused on the specific features of the use of case study in social sciences in general and in environmental ethics in particular. It is concluded that the case method helps to develop ethical theory and to form the skills of moral decision making.

Keywords: *situational analysis, case-study, methodology, applied ethics, environmental ethics.*

Традиционно ситуационный анализ (*case study*) понимается как эмпирическое исследование, предметом рассмотрения которого является современное явления, взятое в своем непосредственном жизненном контексте. При этом границы между феноменом и контекстом сложно определить, а в исследовании используются разнообразные источники информации [8]. Кейс-стади, таким образом, представляет собой подробный контекстуальный анализ конкретного социального объекта (в виде события, случая, ситуации, условия, действия, лица, группы, ор-

ганизации и т.д.), четко определенного в социальном пространстве и ограниченного во времени.

Ситуационный анализ как исследовательский метод получил широкое распространение в ряде наук – социологии, психологии, экономике, политологии. В настоящее время он активно развивается и в этике.

Традиционно этика понималась как философская наука о наиболее общих принципах и законах, определяющих моральное поведение человека. Одним из конституирующих критериев морали признается принцип универсализируемости. Согласно этому принципу «Нравственная оценка или предписание, даже в том случае, если непосредственно она относится к единичному действию какого-то индивида, может быть обобщена таким образом, что будет правомерной в отношении всего класса подобных действий, кем бы они ни совершались» [3, с. 126]. Таким образом, мораль выдвигает императивы общего, а не ситуативного характера. В том смысле исторический контекст ситуации, индивидуальные особенности ее участников, их субъективные мнения и прочие конкретные факторы должны рассматриваться в качестве вторичных по отношению к морали. Наиболее типичен в этом отношении категорический императив И. Канта, представляющий собой самую общую формулу поступка, применимую к бесконечному количеству поступков. При этом все привязанности, чувства, мнения выносятся за скобки морального действия. Фактически мораль в интерпретации Канта представляла собой заранее заданный философской теорией всеобщий закон, которому должны были соответствовать и с позиции которого оцениваться эмпирические поступки.

В XX веке появились неклассические этические теории (М.М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса и др.) которые попытались поставить на место всеобщего долга индивидуальную ответственность, поместив тем самым в центр этики не закон, а конкретного человека, самостоятельно выносящего свои решения с учетом всех сопутствующих обстоятельств. Фокус этического рассмотрения стал постепенно смещаться с общих теорий к конкретным ситуациям и индивидуальным поступкам. Этот процесс постепенно привел к появлению качественно новой формы этического знания – прикладной этике.

Прикладная этика – это раздел этики, рассматривающий общезначимые моральные дилеммы современности в различных областях науки и общественной жизни. Под моральными дилеммами в этом разделе

этики понимаются проблемы, не имеющие простого и однозначного решения: в них содержатся противоречия, которые логически разрешить невозможно. Если традиционная моральная проблема – это выбор между собственным интересом и долгом, то дилемма – это такая моральная проблема, где необходим выбор уже между двумя видами долга: так, в дилемме эвтаназии врач должен избавить человека от страданий и, в то же время, должен сделать все, чтобы он остался жив [4, с. 50–51].

В таких ситуациях однозначные нормы («не убий», «не навреди» и т.д.) противоречат друг другу и человек должен сам сделать моральный выбор в своей собственной уникальной ситуации. При этом ему необходимо взвесить все «за» и «против», учесть универсальные принципы, общественные нормы, законы, логику моральной аргументации и т.д. Инструменты для этого ему и предоставляет прикладная этика.

В отличие от теоретической этики прикладная этика сосредоточена на конкретных проблемах. Она не формализуется во всеобщих моральных законах, а выражается в конкретном моральном выборе и представляет только общие принципы и ориентиры, не диктуя окончательных ответов. Окончательный ответ может дать только человек, учитывая свою уникальную ситуацию выбора.

Прикладная этика возникла во второй половине XX века как попытка дать ответы на вопросы, которые не могли быть решены в рамках теоретической этики. Это было связано, прежде всего, с тем, что многие проблемы отличались, сложностью, неоднозначностью и новизной и не имели аналогов в прошлом. Среди них – ответственность бизнеса, права животных, последствия применения био- и нанотехнологий и т.д. Другой важной предпосылкой для появления прикладной этики стал мировоззренческий плюрализм, когда вместо единого четко заданного (государством, религией, философией) морального ориентира человек оказался в ситуации сосуществования различных ценностных доктрин, противоречащих друг другу. Очень часто то, что с одной позиции представляется правильным, с другой объявляется недопустимым: таковы, например, традиционная позиция *pro life* и либеральная позиция *pro choice* в ситуации с абортom.

Современность сталкивается с моральными проблемами, которые не могут быть решены в рамках традиционных теорий, тем более что сами эти теории противоречат друг другу и ни одна из них не обладает всеобщим признанием. Дедуктивный путь, как нисхождение от тео-

рии к эмпирике, демонстрирует здесь свою непродуктивность. В этих условиях исследователю фактически приходится не просто прилагать готовую теорию к исследуемым фактам, а восходить к новой теории, исходя из того, что имеется в наличии, то есть из эмпирических данных. В таком случае он не будет связан устоявшимися объяснительными схемами и сможет предложить свою оригинальную интерпретацию рассматриваемых явлений. При этом основанием этой интерпретации станет уже не отвлеченная теория, а сама жизнь. От анализа и систематизации неструктурированных качественных данных исследователь может перейти к концептам, категориям, и, наконец, к итоговым интерпретациям. Наиболее адекватным методом для исследования сложных моральных проблем в прикладной этике стал ситуационный анализ, который проводится: на основе анализа эмпирических данных.

Схема проведения кейс-стади в прикладной этике является индуктивной и подразумевает движение от конкретной ситуации к общим выводам. Исследователь (а) идентифицирует реальную современную ситуацию как содержащую моральную дилемму, (б) определяет исследовательские вопросы и операционализирует центральные понятия, (в) получает значимые для понимания ситуации данные в ходе анализа документов, а иногда – непосредственного наблюдения и опроса, (г) для всесторонней картины ситуации определяет интересы и ценности всех заинтересованных сторон, а также теории, стоящие за ними, (д) оценивает варианты решения дилеммы, возможное развитие ситуации и применимость выводов к другим подобным ситуациям. Конечно, из одного случая нельзя сделать общие выводы, но на материале многих ситуаций могут выявиться некоторые сквозные моменты, вносящие вклад в этическую теорию.

Одним из наиболее важных направлений развития прикладной этики сегодня является экологическая этика. Общепринятой теории в ней не существует: она является полем борьбы между различными доктринами, представленными антропоцентризмом (Г. Йонас), биоцентризмом (А. Швейцер), экоцентризмом (О. Леопольд) и патоцентризмом (П. Сингер). Соглашаясь в целом с необходимостью охраны окружающей среды, различные представители экологической этики расходятся в вопросе о том, кто обладает моральной ценностью: люди, млекопитающие, все живые существа или экосистемы.

В такой ситуации индуктивный подход, предполагающий движение от ситуаций к новой теории, представляется наиболее адекватным.

Фактически ситуационный анализ становится способом построения этической теории. Примером такого анализа может служить очерк Р.Г. Апресяна о Химкинском лесе [1]. Более обширный материал по проблеме представлен в сборнике «Этика и экология», где рассматриваются ситуации с реками Свияга и Амур, озером Байкал, Керченским проливом, экспериментами над животными и т.д. [6] Р.Г. Апресян в этой связи утверждает: «Экологическая этика как разновидность прикладной этики нуждается в систематическом ситуационном анализе как важной предпосылке для верификации общих теоретических положений, их критического освоения и развития» [2, с. 238].

Не менее перспективен кейс-стади и в обучении. Е. Олджар указывает, что «использование кейс-стади как стратегии обучения возникло в области права, медицины и бизнеса, то есть именно в тех профессиях, где моральные факторы играют особенно заметную, даже центральную роль» [7, с. 2]. С самого начала становления этики бизнеса, биоэтики и других разделов прикладной этики как учебных дисциплин было понятно, что кейс-стади является наиболее органичным методом обучения этике.

В обучении экологической этики кейс-стади незаменим. М.Д. Мартынова пишет: «К наиболее эффективным педагогическим методам, рассматривающим конкретные моральные ситуации, имеющие общезначимый, “пограничный и открытый” характер, относится метод ситуационного анализа. Ситуационный анализ, или *case-study*, сегодня широко применяется в практике современных вузов. Эта методика является одной из наиболее эффективных форм проведения семинарских занятий по предмету “Экологическая этика”» [5, с. 245]. В пособии «Основы экологической этики» представлены некоторые ситуации учебного плана, демонстрирующие потенциал кейс-стади в обучении.

Сегодня как в исследовательской, так и в обучающей своей ипостаси, метод ситуационного анализа представляется одним из наиболее плодотворных методов экологической этики, позволяющих делать обоснованные выводы в ситуации моральной неопределенности и многообразия ценностей. Кейс-стади – основа для развития теории. Кроме того, с помощью ситуационного анализа можно не только получать новые знания, но и учиться использовать их в различных реалистичных ситуациях, оценивать ситуацию с позиции нравственности, мыслить критически и отстаивать свою точку зрения, а также приобретать навыки принятия решений в условиях сложного морального выбора.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МД-3512.2013.6.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Борьба за Химкинский лес. Ситуационно-аналитический очерк. URL: <http://econet.mrsu.ru/id9/post/151>
2. Апресян Р.Г. Экологическая этика в университетском приложении // Вестник НИИ ПЭ. Вып. 33. 2008. С. 238–253.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
4. Коновалова Л.В. Прикладная этика. М.: ИФ РАН, 1998. 217 с.
5. Мартынова М.Д. Ситуационный анализ в экологической этике // Основы экологической этики. Уч. пособ. Минск: МГЭУ, 2008. С. 245–277.
6. Этика и экология. Новгород: НовГУ, 2010. 368 с.
7. Oljar E.A. The Value of Case Law in Teaching Philosophical Ethics // Teaching Ethics, Fall, 2002. P. 1–18.
8. Yin R. Case Study Research: Design and Methods. London: Sage. 2009. 219 p.

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНТИНУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВСЕОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА

Талапина М.Б.

Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Статья посвящена обобщению особенностей научной картины мира с учетом градуальности границ между знаниями разного типа. Представлены точки зрения на объем концептуального содержания научной картины мира в разные исторические периоды, описаны основные характеристики научного знания в настоящее время. Делается вывод о важности построения целостной структуры картины мира, что тесно связано с изучением знаний разного типа.

Ключевые слова: картина мира, типы знания, научная картина мира, наивная картина мира, профессиональная картина мира, континуальность, тип научной рациональности.

SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN TERMS OF CONTINUAL CHARACTER OF UNIVERSAL PICTURE OF THE WORLD

Talapina M.B.

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

The paper presents description of the scientific picture of the world in terms of gradual transitions between different types of knowledge. Different points of view on the volume of the scientific picture in various historic periods are given, basic features of scientific knowledge of the present day are described. Conclusion is made about importance of building a complete structure of picture of the world with relation to studies into knowledge of different types.

***Keywords:** picture of the world, types of knowledge, scientific world picture, naïve world picture, professional world picture, continuity, type of scientific rationality.*

В современной науке понятие «картина мира» продолжает сохранять ключевое значение. Будучи выдвинутым в рамках физического знания в конце XIX в., данный термин долгое время употреблялся для обозначения реальных закономерностей природы. Естественнонаучная картина мира, основанная на постулировании объективных законов природы, рассматривалась как абсолютная модель реального мира, не зависящая от субъективных факторов.

В данной статье ставится задача рассмотреть основные этапы развития научного знания и выявить взаимосвязи частнонаучных картин мира с другими типами знания в рамках всеобщей картины мира.

По мере развития науки объем понятия «картина мира» расширялся, выходя за области чисто научного знания. В современной философской и специально-научной литературе данный термин применяется, в частности, для обозначения «мировоззренческих структур, лежащих в фундаменте культуры определенной исторической эпохи» [8, с. 13]. В этом значении используются также термины “образ мира”, “модель мира”, “видение мира”, отражающие целостность мировоззрения. Картина мира описывается в научной литературе как сложное, многоуровневое образование, в которое входит научное знание, религиозный опыт, образы искусства, идеология, мифология.

Различение картин мира может происходить по нескольким основаниям, среди которых выделяют два основных: степень общности и средства моделирования реальности [5, с. 204–205].

В соответствии с первым основанием, картины мира делятся на всеобщую, частную и единичную. Примером всеобщей научной картины мира является всеобщая картина мира науки определенного периода [5, с. 204]. Так, в период классической рациональности картина мира науки характеризовалась отказом от личностных факторов, благодаря чему считалось возможным достижение надличностного и наднационального единства науки. В современную эпоху неклассической рациональности с признанием эволюционно-исторической динамики познава-

тельных структур научная картина мира предстает как синтез знаний, получаемых в различных областях научного исследования в определенный исторический период. Смена картин мира показывает, что не все их элементы могут быть сопоставимы с объективной реальностью [8, с. 29; 9, с. 42].

Отличия в картинах мира в классической и неклассической периоды наблюдаются и в степени полноты познания. «Классическая рациональность направлена в пределе на полное познание стационарного Бытия», в то время как современная рациональность имеет дело с необъективируемым до конца опытом [9, с. 50].

Процессы дифференциации в науке привели к появлению частно-научных картин мира – физической, биологической, химической, социальной и др. В связи с этим, «картина мира» стала рассматриваться как дробное образование, отдельные части которого эксплицируются в различных концептуальных областях.

Однако вопрос об архитектонике естественнонаучной картины мира должен рассматриваться с точки зрения целостности и единства связей явлений в природе, которые фиксируются в виде системы научных принципов. Научная картина мира представляет собой целостное видение, возникающие благодаря сведению воедино отдельных частно-научных фрагментов знания. Так, физическая, химическая и биологическая картины мира объединены информационным характером всех процессов: информационно-фазовым состоянием материальных систем и взаимодействий [3, с. 223–225].

Кроме того, с бурным ростом гуманитарных наук активно развиваются «пограничные» области исследования, в частности синергетика, биофизика биологическая лингвистика, лингвофизика и др. «Введение в эпистемологию так называемого человеческого измерения определяет принципиальную гуманитаризацию современного неклассического образа естественнонаучного познания» [9, с. 55]. Научное знание начинает рассматриваться как текст, предмет, аналогичный предметам гуманитарного знания.

Таким образом, вопрос о содержании научной картины мира не может быть решен только в рамках научного знания. «Научная картина мира опирается в своей основе на научные формы рациональности, но поскольку научная картина мира лишь потенциальный компонент общей картины мира, являющейся результатом всей духовной

деятельности, то она не может быть сведена к редуцированному образу мира, формирующемуся в одной из специализированных отраслей духовного производства» [6, с. 16–17].

Общепринятым становится взгляд, что в научной картине мира находят отражение не только знания о природе, но происходит «слияние этих знаний с ценностными, мировоззренческими установками, отражающими явное или неявное присутствие конкретно-исторического субъекта в знании» [6, с. 21]. Образное и символическое мышление, интуиция играют большую роль в научном творчестве, особенно если оно происходит на достаточно высоком уровне. Будучи компонентом мировоззрения, научная картина мира становится чрезвычайно интересным материалом для исследования в различных областях знания.

Кроме того, в настоящее время продолжается обсуждение вопроса о соотношении различных типов знания, в частности наивной и научной картин мира. Считается, что наивные картины мира, вербализованные в языках, могут в деталях различаться, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается [2].

Можно отметить, что сегодня граница между научной и наивной картиной мира постепенно стирается. Это может быть объяснено тем, что интуитивные представления о вещах не всегда расходятся с научными [1, с. 14, 15]. Наивная картина мира диалектична и допускает противоречивые определения вещей, но с точки зрения истины... ничуть не уступает научной [4, с. 7, 89].

Отношение научной и наивной картин мира может быть рассмотрено с точки зрения идеи «дополнительности» – представлению о том, что «подлинная реальность открывается в различных своих ракурсах и проекциях лишь сочетанию различных, в том числе и находящихся между собой в конфликтах и противоречиях, позиций сознания» [9, с. 48].

В настоящее время особенно остро ставится вопрос о единстве картины мира и возможностях достижения ее целостного описания, что непосредственно связано с объединением ее фрагментов в рамках единой картины мира культуры. Научная картина мира оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения через систему философских идей, мировоззренческих смыслов. Тем самым

«проблема соотношения научной картины мира и мировоззрения трансформируется в проблему взаимосвязей научной, философской картины мира и базисных мировоззренческих образов культуры» [7, с. 194].

Таким образом, одним из ведущих направлений современной науки представляются междисциплинарные исследования, проводимые на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания. Можно говорить о стирании границ между зонами строго научного и наивного компонентов картины мира, которые характеризуются частичной нейтрализацией антитетичных признаков во всеобщем континууме знания. Научная картина мира выступает как компонент мировоззрения, при формировании которого большую роль играют принцип диалогичности по отношению к предмету познания и принцип дополнительности во взглядах на исследуемую реальность.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 7–15.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка): Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры. Вост. лит. РАН, 1995. 472 с.
3. Зенин С.В. Концептуальная сущность естествознания // Актуальные проблемы философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 220–226.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический Проект, 2008. 692 с.
6. Михайловский В.Н., Светов Ю.И. Научная картина мира: архитектоника, модели, информатизация. СПб.: Петрополис. 1993. 155 с.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
8. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. 274 с.
9. Швырев В.С. Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 48–59.

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СРЕДСТВ ОСВОЕНИЯ МИРА: ИКОНИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КАК СИМПТОМ ПОСТМОДЕРНА

Терентьева И.Н.

Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексева, Дзержинск, Россия

Взаимодействие понятийного и образного активно обсуждается в социальных и гуманитарных исследованиях (медиафилософия, визуальная социология, визуальная антропология, культурология) в связи с проблемой поиска средств познания, адекватных новому состоянию общества. Объектом данного исследования является визуальное как способ презентации образа и репрезентации содержания, предметом – инструментальные возможности визуальных средств познания и практики. Выделены и описаны три формы инструментального использования визуального как специфического средства освоения постмодерного мира.

Ключевые слова: визуальное, визуальный поворот, иконический поворот, постмодерн, социальная коммуникация, инструментальные возможности визуальных средств: организующие, познавательные, социально-технологические.

PEOPLE IN SEARCH FOR MEANS OF MASTERING OF THE WORLD: ICONIC TURN AS SYMPTOM OF POSTMODERN

Terentyeva I.N.

Nizhniy Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Dzerzhinsk, Russia

Interaction of the conceptual and visual are discussed in the social and humanitarian studies (media philosophy, visual sociology, visual anthro-

pology, cultural studies) in connection with the problem of finding funds of knowledge, correspondence for new state of society. The Object of the research is visual as a way of image presentation and representation of the content, the subject – the instrumental capabilities of visual means of cognition and practice. Are identified and described three forms instrumental use of the visual as a specifically means of cognition for postmodern world.

Keywords: *visual, visual turn, iconic turn, postmodern, social communication, instrumental capabilities of visual means: organizational, cognitive, socio-technological.*

Одним из свидетельств неустанного поиска средств освоения мира стала фотография в ее многообразном бытовании. Неослабевающая популярность фотографии заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к проблемам человека эпохи постмодерна, человека, которому не приходится надеяться ни на память потомков, ни на жизнь вечную. Этот человек в своем стремлении обозначить себя в мире, убедиться в реальности этого мира и самореализоваться в нем, превращается, по мнению некоторых исследователей, в универсального потребителя, пытающегося присвоить будущее, свободно распоряжаться прошлым и неуверенного в настоящем. Универсальное потребительство – это «вырождение» бытовой фотографии, по мнению одного из отечественных исследователей [11, с. 135–136]. Однако назначение фотографии, как одной из распространенных визуальных практик, гораздо серьезнее, а сам интерес к ней – это составная часть «иконического поворота».

Перепроизводство визуальной продукции, перенос внимания и доверия от слова к образу обнаружено уже в 30-е годы XX века и обозначено как «икономания» [12, с. 31]. Визуальное подразумевает изображаемое, зрительное, воспринимаемое зрением, наглядное, образное, представляемое, обозримое, воображаемое. Визуальное в этом смысле противопоставляется вербальному, словесному, понятийному. В практической жизни новоевропейского человека визуальное постепенно занимало все большее место. «Век толп», век «восстания масс» стал и веком визуализации. Тенденция визуализации в последние десятилетия XX века была обозначена как «pictorial turn» (Т. Митчел), «imagic turn», «visual turn» и, наконец, как «iconic turn» (Г. Бём). Эта тенденция получила развитие в рамках двух интеллектуальных традиций, обращенных к исследованию презентации и воздействия образа (pictorial turn)

либо к культурным репрезентациям содержания образа (visual turn) [7, с. 187–188]. Развитие исследований связано с новым состоянием общества и является как порожденным, так и порождающим фактором постмодерна [8, с. 30].

Уже в шестидесятые годы XX века, характеризуя эпоху постмодерна, констатируют, прежде всего, изменение характера социальных связей постиндустриального общества. Это общество надо понимать не как органическое целое и не как дуалистическое поле конфликта, но как сеть коммуникаций, в которой языковая игра становится не только основой социальности, но и общим исследовательским методом [10, с. 45]. В этом контексте бесконечных языковых игр наука лишается привилегированного положения, основанного на двух легитимирующих мифах модерна. Это миф французской революции о героическом деятеле и миф немецкого идеализма о духе как последовательном развертывании истины [1, с. 38–39]. Визуальное становится инструментом освоения мира, адекватным его новому, постмодернистскому, состоянию. Именно поэтому, на наш взгляд, в сферу философской рефлексии должны быть вовлечены формы инструментального использования визуального.

Сложная структура визуального образа, присутствие и взаимодействие в нем физической вещи, изобразительной поверхности и собственно изображения [7, с. 194–195], неизбежно вовлекает этот образ в процесс коммуникации. Визуальное активно участвует в повседневной жизни и науке, образовании и рекламе... Каждая из многообразных социальных практик использования визуального позволяет, на наш взгляд, выделить три формы его инструментального использования: организующую, познавательную и социально-технологическую.

Рассмотрим эти формы подробнее. В *организующем инструментальном* плане визуальный образ «работает» с имеющимся знанием, способствует трансляции знания, систематизирует и организует наше восприятие. Визуальное здесь – вспомогательное по отношению к вербальному, предшествующее ему или заменяющее вербальное. Привлечь внимание, выделить некоторое содержание из общего потока информации, структурировать материал и акцентировать нужные для коммуникатора детали – таково традиционное назначение художественных средств публичной коммуникации. Пример этому – развитие средств инфографики, информационного дизайна, позволяющего

упростить сложные идеи, визуализировать данные, ускорить передачу и восприятие информации. Итак, прикладная задача визуализации связана с «наглядностью» представления данных, как в обучении, так и в коммерческой или общественно-политической практике. Это подразумевает, что есть набор установленных данных и идей, аудитория и задача эффективного сообщения ей этих данных. Например, визуализация – одно из активно развивающихся направлений в педагогике активных методов обучения. Другой распространенный пример – реклама, в которой визуализация приобретает отчетливо коммерческое содержание. Это также подтверждает тенденцию медиатизации и визуализации информационных потоков. Рекламная практика «введения в заблуждение» ставит задачу раскрытия механизмов такого заблуждения, механизмов использования инсценировок культурного символического содержания [13, с. 29].

В *познавательном инструментальном* плане визуальный образ включен в процесс «выявление неявного», в процесс открытия еще скрытых для словесного выражения тенденций, состояний, форм или объектов. В этом познавательном направлении визуалистики можно отметить два течения. С одной стороны, это стремление к до-словности, к прорыву через изживающие себя понятия к «подлинной» реальности, сходное с практиками различных направлений буддизма. С другой стороны, это рационалистическое обращение к визуальным документам, понятным как «тексты», предполагающие значение и смысл, связь с «затекстовой» реальностью. Оба эти направления визуализации уже стали предметом исследования не как иерархически сопоставленные, но как расположенные в едином пространстве познания и творчества [6, с. 10], а сам образ предстает как медиум, позволяющий описать не только изображения, но и условия их «производства, восприятия и бытования» [5, с. 98].

В более узкой исследовательской трактовке визуальные материалы используются в социологическом исследовании: это вид документов, требующих классификации. Типология документов различна: по способу создания, например, созданных специально для исследования или использование готовых изображений, по источнику изображений, по ситуации создания документа и т.д., – все это важно для последующей интерпретации. И репортажный снимок, и фотография из старинного семейного альбома открыты для такой работы. Однако характер и мас-

штаб интерпретаций будут различны, что так подробно показал Р.Барт в своем «комментарии к фотографии».

Методы работы с изображениями, во-первых, предполагают их документальную природу, т.е. способность изображать что-то, фиксировать что-то, имеющее социальный смысл; во-вторых, их знаковую природу, в частности сочетание и возможность выделения иконографических знаков, знаков-индексов и знаков-символов (Ч. Пирс); в-третьих, возможность анализа и интерпретаций в рамках различных социологических парадигм, различных исследовательских стратегий. Так, семейный альбом фотографий может стать материалом исследования истории личности, организации, страны [4, с. 146–168], а серия репортажных снимков с городских улиц может быть использована в структурной интерпретации проблем современного города. Важно, что многообразие исследовательских стратегий в работе социолога [14, с.77–100] позволяет понять или хотя бы приблизиться к пониманию сложности социального мира и созданию специфических инструментов его изучения.

Освоение пространства глобального мира и потребность идентификации его новых субъектов актуализируют подход к визуальному в его связи с усложняющимся социальным познанием. Примером этому может быть философский анализ работ современного фотографа Андреаса Гурского, предпринятый Е. Петровской [2, с. 9–27]. Фотография рассматривается как способ приобщения к опыту коллективной памяти, как способ объективации коллективного воображения, как функция свидетельствования [9, с. 201] и, соответственно, позволяет ставить и решать задачи раскрытия форм коллективного воображения, задачи исследования реальности исторического времени. Уже в самом раннем и ныне классическом анализе практики фотографии был поставлен вопрос о природе такого свидетельствования. В «Краткой истории фотографии», а затем и в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В.Беньямин противопоставляет «художественную» искусственность помпезных салонных снимков сюрреалистическим снимкам городских улиц у Атже. Его снимки безлюдных улиц становятся снимками «места преступления» и превращаются в «доказательства, предъявляемые на процессе истории» [3, с. 205]. Сейчас свидетельство фотографии уже не означает прямого копирования и простого тиражирования визуальных образов. Ныне, как у Атже, искус-

ственность становится средством проявления «натурального», художник и сам выступает как персонаж события [9, с. 202].

В *социально-технологическом* плане визуальный образ включен в системы действия, будь то акции антиглобалистов, будь то практика брендинга территорий. Сколько дискуссий, например, вызвала пермская арт-интервенция и активное внедрение новой системы визуальной идентификации (от создания специального шрифта до установки «Ворот Перми»)!. Характерным примером социально-технологического использования визуального стали логотипы. Практика их создания и использования подтверждает и сложную структуру образа, и возможности компактной организации содержания, и активное включение в социальную коммуникацию. Передача сложного и объемного содержания, передача его в максимально упрощенной для восприятия форме, преодоление языковых и ментальных барьеров аудиторий, – все это используется для решения задач индивидуализации и идентификации! Сами эти задачи спровоцированы не только омассовлением и атомизацией общества, но и попытками их преодоления. Так, логотип Амстердама, *Amsterdam*, в котором выделенные цветом сливающиеся буквы второго и третьего слов, демонстрирует идею воссоединения человека и места, а также акцентирует индивидуальное начало. Организующие и познавательные возможности визуального образа в социально-технологическом плане дополняются особой функцией конструирования смыслов в процессе социальной коммуникации, провокацией социальных действий и социальными преобразованиями.

Мы считаем рассмотренные формы использования визуального практическими следствиями «иконического поворота». Это констатация того, что в настоящее время в использовании визуальных средств традиционная репрезентация существующего, установленного и тиражируемого знания взаимодействует с актуальной диагностикой ситуации, открытием еще только намечающихся тенденций, самопознанием и организацией новых субъектов практики. Презентация самого визуального в этих процессах не менее важна, чем репрезентация заданного содержания. Провоцируя коммуникацию, визуальное провоцирует осмысление мира. «Заговори, чтобы я тебя увидел», – эта фраза, приписываемая Сократу, характеризует соотношение слова (мысли) и образа в рационалистической традиции освоения мира. «Изобрази, чтобы я заметил явное и понял неявное», – таково, на наш взгляд, восклицание человека постмодерна.

Список литературы

1. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: «Территория будущего», 2011. 208 с.
2. Аронсон О. Петровская Е. По ту сторону воображения. Современная философия и современное искусство. Лекции. Н. Новгород, 2009. 230 с.
3. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
4. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. [под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина]. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
5. Гавришина О.В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 192 с.
6. Григорьева И.А. Визуализация, творчество и культурные практики // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования). М.: ИФРАН, 2008. С. 10–26.
7. Инишев И. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Логос. 2012. № 1. С. 184–211.
8. Круткин В.Л. Кит Мокси: о визуальных исследованиях и иконическом повороте // Вестник удмурдского университета. 2011. Вып. 2. С. 30–35.
9. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. Составитель А.С. Нилогов. М.: Поколение, 2007. 576 с.
10. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
11. Лишаев С.А. Помнить фотографией. СПб.: Алетейя, 2012. 140 с.
12. Медиафилософия I: Основные проблемы и понятия. Материалы международной конференции «Медиа как предмет философии». [Электронный ресурс]. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/books/mediaphilosophy_1/ (дата обращения: 25 сентября 2013).
13. Мещерская-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. [под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина]. Саратов: Научная книга, 2007. С. 28–43.
14. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М.: Логос, 2007. 168 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МИФОЛОГЕМЫ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Усманова Л.Р.

Астраханский Государственный Университет, Астрахань, Россия

В процессе построения новых ценностей, преодоления кризиса в мифотворчестве Серебряного века конструируется мифологизированный образ женственности. В статье проанализированы источники возникновения феномена Вечной Женственности в русской религиозной философии и культурной традиции в конце XIX начале XX вв. Данная мифологема была переосмыслена русскими философами и поэтами Серебряного века, и обрела новое значение для русской культуры, олицетворявшая всеединство мира, созерцаемого Богом.

Ключевые слова: Русская религиозная философия, Серебряный век, Вечная Женственность, Софиология, Мировая Душа, Вл.С. Соловьев, Ф.В.И. Шеллинг.

PREREQUISITES OF BECOMING ETERNAL FEMININITY MYTHOLOGEMA IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Usmanova L.R.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

During construction, the new values, the crisis in the Silver Age myth-making is constructed mythical image of femininity. The article analyzes the sources of the phenomenon of the Eternal Feminine in Russian religious philosophy and cultural traditions in the late XIX early XX centuries. This myth has been redesigned Russian philosophers and poets of the Silver Age, and has acquired a new meaning for the Russian culture, symbolizing the unity of the world, to contemplate God.

Keywords: *Russian religious philosophy, the Silver Age, the Eternal Feminine, Sophiology, World Soul, Vl.S. Soloviev, F.V.I. Schelling.*

Актуальность изучения этой темы сегодня связана с необходимостью осмысления роли женщины и женственности в современном мире, в условиях развития гендерного плюрализма, размывания границы пола, утраты традиционных гендерных ролей женщины и мужчины в обществе. Эта тенденция коснулась и отношений между мужчинами и женщинами, когда оказались деформированными статусы материнства и отцовства, понимание любви и супружеской верности, подвергается разрушению существовавший веками институт семьи. С этих позиций, полагаем, обращение к наследию русских философов будет представлять значительный интерес и в дальнейшем.

Серебряный век был особенным этапом, когда на грани двух столетий ломался привычный уклад русской жизни: страна вступала в драматическую пору войн и революций. Во многом это стало отражаться на творчестве деятелей культуры и искусства Серебряного века, которые стремились разобраться в сущности происходивших глобальных перемен во всех сферах жизни. Перед философами, художниками, учёными вставали проблемы, связанные с сохранением культуры на основах гуманизма и приоритета общечеловеческих ценностей. Данный факт не мог не отразиться на концептуальных составляющих, в том числе и на представлениях о женственности. В философии Серебряного века, особенно в философии всеединства, раскрывалось богатство смыслов Женственности, анализировалось широко дискутировавшиеся в обществе взаимоотношения мужчины и женщины, что отражало внимание русских философов к изучению проблемы Женщины и Женственности.

В процессе построения новых ценностей, преодоления кризиса в мифотворчестве эпохи конструируется мифологизированный образ женственности. В философских, художественных мифотекстах создается мифологема женственности, требующая поклонения, – культ, воплощенный в образах Вечной Женственности, Прекрасной Дамы, Лучезарной Подруги, Вечной Жены [5, с. 26]. Как отмечает Н.К. Кашина, ключевой концепт русской литературы рубежа XIX–XX веков «Вечная Женственность» имеет богатую генеалогию [2]. Нельзя не согласиться с мнением Н.В. Рогоза, еще одного из исследователей данной проблемы, по словам которого, всплеск интереса к проблеме женственно-

сти в данной среде в значительной степени явился ответом на работу О. Вейнингера «Пол и характер: Принципиальное исследование».

Зарождение метафизики женственности происходит в лоне учения В.С. Соловьева о Софии-Премудрости, о Богочеловечестве, всеединстве, призванного дать ответы на многие актуальные мировоззренческие проблемы той эпохи.

Если говорить о предпосылках становления мифологемы Вечной Женственности в культуре Серебряного века, то можно выделить как внешний, так и внутренний источники. В качестве внешних философских источников ее формирования О. Клинг называет Вечную Женственность воспеваемую И.В. Гёте и мировую Душу в трактовке Ф.В.И. Шеллинга. Внутренним источником, повлиявшим на формирование идеи Вечной Женственности, является важнейший символ православного христианства – Софии Премудрости Божией (греч. Sophia Theos), послуживший основой для русской религиозной философии, этики, искусства. Представление о Софии как о Премудрости Божией получило особое развитие еще в культуре Византии и Древней Руси. Учение о Вечно Женственном встречается также в немецком идеализме и романтизме. И в этом немецком идеализме Соловьев находил свое подтверждение о Софии, произведение *Das Ewig-Weibliche* («Вечная женственность» нем.) яркий тому пример. Вечноженственное – символический образ из заключительных строк «Фауста» И.В. Гёте («Вечная женственность влечет нас вверх»), трансцендентная сила, поднимающая человека в область вечной творческой жизни.

Обогатившись от контекста трагедии И.В. Гёте, Вечная Женственность стала универсальным символом в европейской и отечественной культуре, объединяющим различные воплощения женственности как высшего начала: мистический образ «Софии» как женской персонализации Божественной мудрости, культ «прекрасной» дамы в поэзии трубадуров, романтический идеал женщины как средоточия красоты и гармонии и мира. Если в конце 1890 – начале 1900-х годов младосимволисты в России воспринимали мифологемы и символы культуры как исключительно соловьевские, то уже к середине 1900-х годов они называют Гёте «дальним отцом нашего символизма» (Вяч. Иванов) и обращаются к мифологемам *ewige Weiblichkeit* /Вечная Женственность, *Weltseele* / Мировая Душа напрямую через И.В. Гёте и Ф.В.И. Шеллинга [8, с. 149]. У В. Соловьева София – космический творческий прин-

цип, «существенный образ красоты», «светлое тело вечности» – полностью отождествляется с Вечной Женственностью, которая должна явиться в мир и спасти его красоту от тления: («Das Ewig-Weibliche», 1898).

Возвращаясь к предпосылкам становления мифологемы Вечной женственности, важно отметить, что немецкий идеализм, особенно учения Ф.В.И. Шеллинга и Г.В.Х. Гегеля, оказали сильное влияние на теорию всеединства В.С. Соловьева. Сходство во взглядах немецкого философа Ф.В.И. Шеллинга и русского философа Соловьева специально анализирует П.П. Гайдено в ее книге «Владимир Соловьев и философия Серебряного века» в главе «Соловьев и Шеллинг» [1].

«Один из центральных вопросов теософии Шеллинга – происхождение чувственного мира, материи из Абсолюта»[1, с. 79]. Здесь Шеллинг воспроизводит учение Якоба Бёме о вечной Божественной Премудрости – Софии, которую Бёме назвал *Szientz* (от *scientia* – знание) и в которой видел Мать всего сотворенного, всех существ, которая она рождает и творит. Именно Бёме называл Софию зеркалом, отражением Бога, отождествляя ее со Святым Духом – женственным началом в Боге, именуемым им Духом – матерью. Софиологию Бёме, имеющую своим источником не только и не столько Ветхозаветный образ Премудрости Божией, сколько гностические и каббалистические учения о Софии, воспринял и развил французский теософ Луи-Клод де Сен-Мартен, чьи сочинения тоже были известны Шеллингу; их высоко ценил также и Вл. Соловьев. У Сен-Мартена читаем: «Богу довольно созерцать себя в зеркале вечной Девы, или Софии, в котором он мысленно начертал образец всех живых существ на веки веков» [11]. Согласно Сен-Мартену, София – это природная материнская почва, питающее чрево земли, которое он называет «духовным материнским чревом» [12]. Как замечает Т. Шипфлингер, посвятивший специальное исследование софиологической теме, «Луи-Клод де Сен-Мартен, как и Бёме, видит человека и весь космос в их особом отношении к Софии, то есть как жениха (человека) Софии, а Софию – как невесту (жену) человека и всего космоса» [8, с. 192].

Если говорить о внутреннем источнике вдохновения культа Вечной Женственности, то необходимо отметить следующее. В.С. Соловьев обращался к идее Софии и в своих размышлениях об обществе. Общество для В.С. Соловьева есть «собираательный организм», причем для

него это не абстракция, а живая реальность. Русский мыслитель пишет: «...в этом смысле мы признаем человечество как настоящий органический субъект исторического развития» [6, с. 145]. По его мнению, О. Конт указал на человечество как на живое положительное единство, на «великое существо» по преимуществу, – *le Grand Etre*» [6, с. 568], что он в «Великом Существо» угадал Абсолютное человечество, то есть ту цель, к которой стремится развитие всей вселенной. В. Русский философ отмечает и еще один весьма важный для него признак «Великого Существа»: «Великое существо Контовой религии кроме своей полной реальности, могущества и мудрости, делающих его нашим Провидением, имеет еще один постоянный признак: оно есть существо женственное» [6, с. 574]. Соловьев приводит для подтверждения своей концепции одну древнерусскую икону, на которой в центре изображена сидящая на престоле в царском одеянии женская фигура, а в окружении этой фигуры – Богородица, Иоанн Креститель и возносится над ней Христос. Образ называется образом Софии Премудрости Божией. Как считает В.С. Соловьев, сама икона новгородской Софии никакого греческого образца не имеет – это дело нашего собственного религиозного творчества.

Икона «София Премудрость Божия» первоначально появилось в Византии [10]. Именно такому образу был посвящен юстиниановский храм Софии Премудрости Божией в Константинополе, который был построен по божественному наитию: строителям этого храма тоже явилась София, указывая размеры и пропорции храма (по преданию, София как Огненный Ангел явилась сыну одного из строителей, повелев назвать храм Ее именем). Именно посещение этого храма послами князя Владимира, по свидетельству летописей, окончательно убедило их принять христианство по византийскому образцу. На Руси Софийские соборы, огромные и великолепные, были построены вскоре после крещения – в Киеве и в Новгороде. София Премудрость Божия – это Божественная энергия, исходящая от непостижимой природы Трехипостасного Бога. Ею Бог творит все. Царский венец – знак того, что смиренная мудрость царствует во всем Божьем творении. Огненные крылья – образ незримого присутствия Лица Святой Троицы – Святого Духа и «высокопаримое пророчество», т. е. высокий пророческий дар и скорый, быстрый разум. Христос, как глава Церкви изображается над Огнезрочной Софией – устроительницей Церкви. Он подает архи-

ерейское благословение [9]. Таким образом, культ Софии имеет древние корни в русской культуре, при этом он наделен именно сакральным значением, что отличает его от западноевропейского представления о «женском».

Сам В.С. Соловьев несколько иначе объясняет этот момент: мы можем говорить о Софии как существенном элементе божества, но это не значит, с христианской точки зрения, вводить новых богов. Более того, автор утверждает, что мысль о Софии всегда была в христианстве, а также она была еще до христианства. В Ветхом Завете есть целая книга, приписываемая Соломону, которая носит название Софии. Эта книга неканоническая, но, как известно, и в канонической книге «Притчей Соломона» мы встречаем развитие этой идеи Софии (под соответствующим еврейским названием Хохма)... В Новом Завете также встречается этот термин в прямом уже отношении к Христу [7, с. 165].

Таким образом, мифологема *ewige Weiblichkeit* / Вечная Женственность, которая была воспринята Вл. Соловьевым через Гёте, сыграла особо значимую роль в гендерном дискурсе не только русских символистов, но и постсимволистов – акмеистов, футуристов, «неокрестьянских» поэтов, имажинистов, «блуждающих» поэтов. В свою очередь, обращение младосимволистов к мифологеме *ewige Weiblichkeit* / Вечная Женственность было рефлексией на учение Вл. Соловьева о Софии, восходящее, помимо немецких корней, к Софии Платона. Однако его София подобна и Софии неоплатоников: она присуща не только миру абсолюта, но и бытию [3, с. 439]. Перенесение Вл. Соловьевым, дополнившим свое православие обращением к католицизму, мифологем *ewige Weiblichkeit* / Вечная Женственность, *Weltseele* / Мировая Душа в обликах Софии на русскую почву обещало – если обратиться лишь к одному аспекту этой проблемы, гендерному – снять сложившуюся в русской ментальности (и в ее отражении в русской поэзии) антиномию «высокое–низкое».

В связи с этим следует отметить, что сущность самого понятия «Вечная Женственность» в религиозно-философском отношении, это начало, которое близко подходит к Душе мира, Софии, посреднику между бытием божественным и земным. Следует отметить, что мифологема Вечная Женственность – это синтез понятий Мировой души Шеллинга, который считал что это женственное начало в Боге, в творчестве Гёте – Вечной Женственности – трансцендентной силы, поднимающей

человека в область вечной творческой жизни, и культ христианской Софии, которую изображали на древнерусских иконах и почитали еще в Византии. Данный образ, был переосмыслен русскими философами и поэтами Серебряного века, и обрёл новое значение для русской культуры, олицетворявший всеединство мира, созерцаемого Богом.

Список литературы

1. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. ISBN 89826-076-5; 2001 г. 472 с.
2. Кашина Н.К. Трансформация концепта «вечная женственность» в творчестве Фета и Розанова [Текст] // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2012. № 2 (март-апрель). С. 115–121.
3. Клинг О. Мифологема «Ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов. Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. М.: РГГУ, 2009.
4. Махов А.Е. из Литературной энциклопедии терминов и понятий. М.: ИНИОН РАН, 2001. молитва из «Альбома № 1» первого заграничного путешествия // Соловьев В.С. Собр. соч. Брюссель, 1970. Т. 12. С. 149.
5. Рогоза Н.В. «Вечная женственность как воплощение высшей идеи женственности в культуре серебряного века. // Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета. Февраль, 2011. № 1. С. 26.
6. Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. / В.С. Соловьев. М.: Мысль, 1988. Т. 2.
7. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев. СПб.: Азбука, 2000.
8. Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения / Томас Шипфлингер; пер. с нем. В. Бычкова. М.: Гнозис Пресс–Скарабей, 1997. 400 с. С. 192.
9. Каталог выставки русской иконописи из собрания музеев России, Издательство «Радунца», 2000. Режим доступа: <http://sophia.ru.com/node/36> (свободный). Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Русские иконы. Коллекция русских икон арт-галереи Дежа Вю. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusIcon/32.htm> (свободный). Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Ibid., 240, 19.
12. L.-C. de Saint-Martin. Sophia et L’Ame du Monde. Paris, 1983, 237, 9.

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА АМЕРИКАНСКОГО ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

Щеров В.И.

Филиал «Московского энергетического института»
в г. Смоленске, Россия

Современный американский постструктурализм исследует проблемы мимесиса, онтологической формы текста, негенетической структуры и т.д. Такое сугубо языковое преломление философских проблем было подготовлено релятивизмом новых познавательных стратегий, исходящих из смещения линий означаемого и означающего. Американская теория интертекста, преодолевая междисциплинарные границы, решает проблему изоморфизма теоретического дискурса и повествовательного вымысла.

Ключевые слова: *деконструкция, интертекст, мимесис, нарратив, структурализм, трансцендентальное означаемое.*

PHILOSOPHY OF THE TEXT BY AMERICAN POSTSTRUCTURALISM

Shcherov V.I.

Branch of the Moscow Energy Institute in Smolensk, Russia

The modern post structuralism research in problems of the critic of mimesis, textual form, non genetic structure of the sign etc. Such especial language in refract of philosophical problems was prepared by relativity of new studies strategy outgoing from displacement of signification and significant. American critical theory of intertext solves the problems of the isomorphism of the theoretical discourse and the narrative fiction while overcoming the borders between sciences.

Keywords: *the deconstruction, intertext, mimesis, narration, structuralism, transcendental signification.*

В 70 – е годы прошлого века в американской философии и литературоведении стали активно применяться структуралистские методы познания. За этим последовал кризис всех гуманитарных наук в США, который активно исследовали профессора Йельского университета П. де Ман, Дж. Х. Миллер, Дж. Хартман. Их концепции литературной критики были объединены общим названием «Йельской школы». Эти критики, используя структуралистскую методологию, дают новую оценку познающему субъекту, онтологии генетической структуры, конституирующей роли трансцендентального понятия и проблематичности бытия текста. Вопросы эти неоднократно ставились французскими постструктуралистами Р. Бартом, Ж. Делёзом, Ж. Деррида, М. Фуко и др., но в США на академических кафедрах сравнительного литературоведения эти темы дискутировались в рамках одной только теории интертекстуальности. Философская значимость данных исследований состоит в последовательной критике любого теоретического текста с гомогенной структурой означения. Такое сугубо языковое преломление философских проблем было подготовлено релятивизмом новых познавательных стратегий, исходящих из смещения линий означаемого и означающего. Знание в письменном выражении перестаёт обуславливаться референтами действительности, а познающий человек из рефлексизирующего субъекта или созидającego текст автора превращается в текстуального персонажа. Эта ситуация первичности выражения по отношению к смыслу комментируется с точки зрения критической теории деконструкции, обнаруживающей в тексте скрытую в пространстве и отложенную во времени истину. Деконструктивная аналитика чтения теоретического и литературно-художественного текста редуцирует кризис эпистемологии и гуманитарных наук к антропологическому негативизму, т.е. к преодолению субъективности, психологизма и сознательной очевидности. Иными словами, платоновская традиция транспарентности (прозрачности) отношений языка и мысли, предметности и понятийности, бытия и мышления, субъекта и объекта, на которой строился процесс познания в западноевропейской философии, сменяется безличной и изменчивой прагматикой знаковых замещений. Онтологические несоответствия этих философских категорий в тексте свидетельствуют о том, что сущность вещи может закрепляться не только в трансцендентальном понятии, но и в риторическом выражении того, что отсутствует или возможно. Повествование как вид такого

рода высказываний наравне с философией становится альтернативой в познании истины. Несомненно, можно говорить об актуальности и обширности культурологических следствий этих познавательных процессов в пределах «постмодернизма».

В США использование интертекстуальной стратегии деконструкции сопровождалось опровержением ортодоксальных аргументов «новой критики» в лице У. Уимсотта и Н. Фрая, базировавшихся на рационалистическом совмещении автономной от референта формы поэтического языка и её гомогенной знаковой структуры. Структуралистское моделирование языка, активно используемое американскими формалистами, сближало их со своими французскими современниками-философами. Хотя признаем, что онтологический структурализм Леви-Стросса, претендующий на изоморфизм не только теоретического, но и физического конституирования объекта, очень отличен от спекулятивной систематизации языка, лишённого объективной референции. Американский профессор Дж. Каллер на академических лекциях по «новой критике» предложил параллель агностицизма И. Канта и лингвистики Ф. де Соссюра, подчёркивая случайность и вторичность объективной направленности для субъективного мышления и знаковой синтагмы [3, 10]. Особое влияние на американскую критику оказало знакомство с философией Ж. Деррида. Деррида опровергает логоцентрический дискурс западной метафизики, делающей текст лишь явлением и произвольным дублированием сущностного Логоса и фонической субстанции языка. Сущностная форма смысла в виде идеи или теории не предана, а выражается текстом, подвергаясь всевозможным знаковым трансформациям и истолкованиям. Свою стратегию чтения Деррида именует деконструкцией, т. е. анализом текста с целью обнаружения следа первичного «присутствия», который помимо воли автора теряется в бесчисленных гетерогенных отношениях знаков. В нахождении и опровержении истины текст как знаковое «означающее означающего» вездесущ и автономен, а его «само-презентация» отсылает читателя к новой, параллельной, идеальной форме и Логосу, бесконечности «архи-письма». Для Америки такая теория оказалась своевременной в развенчании формализма и моментально обнаружила плеяду своих пристрастных последователей из академической среды. Ими стали уже получившие известность профессора гуманитарных дисциплин Йельского университета, который в 70-х годах Ж. Деррида ежегодно

посещал с лекциями. Место пропагандируемого формалистами автора как замкнутого медиума языка, актуализующего в своем творчестве идеальную форму, занимает критик, демистифицирующий подобное креативное письмо и дополняющий его бесконечными интерпретациями. Трудно согласиться с тем, что своим расцветом американская деконструкция обязана только влиянию Деррида, так как каждый из изучаемых нами критиков имел свою специфическую область её приложения и личностный выбор философских источников. В этом ещё раз убеждают магистральные направления этой теории текста: критика онтологической формы, критика авторского сознания, критика знаковой референции.

Критика онтологической формы. В США новое поколение «новых критиков» в лице Уоррена, Блэкмара, Тэйта, Элиота при описании онтологической формы прибегают к упразднению внешнего объекта («battering the object» (У. Уимсотт)), спекулятивному кодированию языковых форм и подчёркиванию конституирующей функции авторской индивидуальности. Современным оппонентом «новых критиков» выступает деконструктивная стратегия, предъявляющая практическое разведывание текста, в результате которого априорная оформленность и тематическая экспрессия повествования рассеивается в бесконечных парадоксах знаковой многозначности и противоречивых интерпретаций.

Критика авторского сознания. Постструктуралистский проект «Йельской школы» на примере повествовательных структур англоязычной литературы, используя генетическое становление и парадоксальность знаковой сигнификации в тексте, заостряет внимание на невозможности их сознательного контроля. Текст для них – хаос меняющихся гетерогенных структур знаков, не поддающихся антропологическому измерению, а дискурс с ярко выраженной позицией Я сменяется безличным изображением повествования.

Критика знаковой референции. Если для американских литературных критиков начала XX века важнейшими критериями повествования оставались биография, история и психология автора, обуславливающие его фактуальность, то деконструктивисты, конечно, с учётом разницы во взглядах на трансцендентальное означаемое, предпочитали этим внешним (extrinsic) характеристикам пишущего субъекта изучение вербальной структуры текста. Деконструкция предполагает негативное различие в тексте означаемого и означающего, особенно при рассмо-

трениии общих для всех гуманитарных наук вопросов децентрирования авторского произведения, Разума, власти, знания и т. д.

Специфика знаковой референции состоит в создании текстуально-го монопространства, которое имеет свою временную меру прошлого, настоящего и будущего. Конечно, до текста и после текста есть только текст, но это ещё раз заставляет говорить о необходимости введения фиксированных интертекстуальных различий времени. Для Ж. Деррида текстуальное «пространство-становящееся-временным» стирает границы трёх временных модусов, поскольку из его конституирования выпадает настоящее время, размещающее бытие, неизменность, «присутствие». Текст становится различающей игрой «следов» замещающих знаков: «В этой временной протяжённости *differance* может быть названо игрой следов. Это след, не принадлежащий более горизонту Бытия; это – игра следов или *differance*, не имеющая смысла и не нечто; которой не принадлежит ничто. Здесь невозможно обнаружить никакой опоры» [1, 151].

Таким образом, применяемые литературными критиками США структурные методы изучения текста положили начало оригинальной философии деконструкции. Опираясь на труды Ж. Деррида, представители «Йельской школы» дают оригинальное определение научности, онтологической формы, авторского сознания и знаковой референции. Общекультурное значение новых концепций литературной критики заключается в сугубо лингвистической трактовке истории литературы, философии, религии как безграничного интертекста со своей временной последовательностью и непредсказуемостью смыслоозначения. Спорность данной стратегии отношения к культуре в США вызвала альтернативные трактовки деконструкции с точки зрения нередуцируемости «социального текста», к примеру, американского философа Г. Спивак, афиширующей историчность фаллоцентризма и его отмены [5, 38], социолога Д. Бренкмана, понимающего под социальной деконструкцией выявление свободных от политики индивидуальностей [2, 55], или сторонника материализма философа М. Рьяна, который ставит историчность марксистских формаций выше перформативных законов текстуального означения [4, 121]. Дискуссии по поводу американского постструктурализма продолжаются до сих пор, что ещё раз подтверждает значимость выбранной критиками «Йельской школы» мировоззренческой оценки текста.

Список литературы

1. Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999.
2. Brenkman J. *Deconstruction and the social text*// *Sotial text*. № 1. Vol 2, Michigan, 1979.
3. Norris Ch. *Deconstruction: Theory and Practice* / London and New York, 1982.
4. Ryan M. *Marxism and deconstructions*. Baltimore, 1982.
5. Spivak G. *Feminist reading / American criticism in the poststructuralist age* / Ed. J. Culler . Michigan, 1981.

ДЕФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ МАНИПУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИЕЙ

Яковлева Е.Л.

Институт экономики, управления и права, г. Казань, Россия

Объектом исследования выступает процесс интерпретации, нарушающийся в результате внедрения информации в определенном аспекте. Манипуляция информацией основана на технологии, включающей в себя использование мифологем, акцентирование эмоциональной составляющей языка, элемент визуализации, создание имиджа и медийных спектаклей. Знание технологии манипуляции информацией ограничивает негативное воздействие на сознание и действия человека.

Ключевые слова: информация, интерпретация, ценность, манипуляция, технология, миф, технолог, медийный спектакль, культурный текст.

DEFORMATION PROCESS OF INTERPRETATION BY THE MANIPULATION OF INFORMATION

Yakovleva E.L.

Institute of the economy, management and law, Kazan, Russia

The object of research is the process of interpretation, which is violated as a result of the introduction of information in a particular aspect. Manipulation of information is based on a technology, including the use of myths, emphasizing the emotional component of the language, the visualization, image creation and media productions. Knowledge of manipulation of information technology limit the negative impact on consciousness and human actions.

Keywords: information, interpretation, validity, manipulation, technology, myth, technologist, media performance, cultural text.

В современности информация выступает как «то, что заставляет знать» и «пропускается сквозь цифровую четкость знания», рождая «всеобщую галлюцинацию правдивости Зла» (Ж. Бодрийяр). Подобная информация мгновенно распространяется посредством информационно-коммуникативных каналов, навязывая определенные ценности. Современные люди, подвергшись очарованию преподнесенной информации, принимают все к сведению и начинают жить по заданным стандартам, не прибегая к критичности мышления и собственному мнению. Это приводит к возникновению очередной угрозы человеческому роду: кризису сознания и утрате способности суждения, о чем неоднократно предупреждали философы. В связи с этим, актуальным становится процесс интеллектуального возрождения человека как существа разумного, думающего и мыслящего. Для этого необходимо разобраться в технологии манипуляции информацией, деформирующей процесс интерпретации. Подчеркнем, противодействовать этой технологии невозможно: она, приобретая глобальный размах, постоянно совершенствуется и усложняется. Тем не менее, знание элементов процесса манипуляции будет способствовать проявлению критико-аналитического отношения к информации.

Обращение к практике интерпретации неслучайно: она – важный гносеологический компонент, высвечивающий понимание и отношение к окружающему миру. Именно интерпретация выступает в качестве интеллектуальной составляющей, связанной с *осознанием сознания*, в результате чего рождается *мысль о мысли*. Интерпретация диалектична, концентрируя в своем оптическом модусе Абсолютное и Относительное, целое и частное, единичное и общее, индивидуальное и социальное, текстуальное и контекстуальное, авторское и интерпретаторское, прошлое и современное. Это отражается в законе интерпретации, сформулированном Ж.-П. Сартром: «если я хочу познания субъективного», то оно «отсылает меня к абсолютному бытию», «и отсылает меня ко мне, когда я думаю постигнуть абсолютное» [4, с. 359]. В этом тезисе подчеркивается активная роль интерпретатора, сочетающего в себе любопытство и любознание, способствующие постижению истины (если не абсолютной, то относительной). Ценность интерпретации заключается в том, что она является показателем рефлексивного присутствия человека в бытии, рождая со-бытие, способом творческого создания себя и даже оправданием опыта. В процессе интерпретации на чело-

века нисходит озарение, «вспышка мысли на темном фоне абсолютной самости» [3, с. 519]. Вследствие этого, происходит познание не только окружающего мира, его феноменов, ситуаций, людей, но и понимание самого себя, открытие личностного мира «в-себе», что творчески преобразует интерпретатора, придает ему интеллектуальную силу и способствует самоосуществлению в «искусстве быть» [8]. Таким образом, можно утверждать, что в процессе интерпретации человек постигает бытие и находит его смыслы, *обретая себя*. Сам процесс интерпретации на фоне «смерти человека», провозглашенной М. Фуко, выступает в качестве практического (творческого) способа интеллектуального возрождения и собирания/конструирования личности путем обретения ценностных смыслов.

Манипуляция, известная с древности, в современности тотальна по своему проявлению и оказывает негативно-скрытое воздействие как «вид применения власти», «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния» [2, с. 14]. Результатом этого является массовая вера людей в предмет манипуляции (парадигму, образ жизни, идею, человека и пр.). Как правило, информация, которой манипулируют, мифологизирована: ее содержание основано на смешении реального и в большей степени вымышленного.

Мифы современности – рационализированный продукт технологического творчества режиссеров, имиджмейкеров, корреспондентов, PR-технологов, являющий собой «фальшивую действительность» [6]. В них любая информация преподносится как «авторитетное суждение», подкрепляясь эффектно поданным видеорядом, что усваивается огромным количеством людей. Этому способствует электронная инфраструктура масс-медиа (особенно телевидение и Интернет-СМИ), трансформирующая реальность в медиареальность, нередко далекую от феноменологической действительности. Благодаря дигитальным технологиям формируется необходимое мнение об эпохе, событии, личности. Заметим, это мнение создает иллюзию собственного взгляда на мир: «людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условиям и «хотят» именно того, что им приходится делать» [5, с. 23]. Эти слова Э. Фромма подчеркивают идею властного характера манипулирования информацией, незаметно внедряющей определенные идеи/ценно-

сти в сознание людей. Сегодня искусственно созданные мифы деформируют реальность, скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и акцентируя внимание на выгодных творцам и их заказчикам культурных смыслах. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «в современном обществе происходят только недостовверные, маловероятные события», при этом «раньше предназначение события заключалось в том, чтобы произойти, ныне – в том, чтобы быть произведенным» [1, с. 62]. Манипулирование информацией посредством мифов интенсивно используется в политике [9], экономике, науке, религии, рекламе, повседневной жизни [7]. Люди, живущие в бесконечном информационном потоке, оказываются либо марионетками, либо зрителями специально поставленного театрального зрелища (вспомним, одна из характеристик современного социума – «общество театра»).

В технологии манипулирования информацией можно выделить следующие элементы. Информационные тексты основаны на «вечных сюжетах» – *мифологемах* (например, о Рае и Аде, катастрофах, трикстерах, супермене-одиночке, Принце и нищем, Золушке), поднимающих вопросы власти и подчинения, добра и зла, любви и ненависти и пр. Эти тексты преподносятся с акцентированием *эмоциональной составляющей языка*. Преследуя ключевую цель внедрения определенной информации, сочиняются броские, легко запоминаемые слоганы. Усиливает эффективность технологии манипуляции информацией – *элемент визуализации*, без чего сегодня невозможно представить современность, называемую «эпохой образа». Созданный с помощью техники видеообраз активен: его можно рассмотреть со всех сторон и удержать в памяти. Более того, каждый медийный персонаж наделяется *имиджем* (нередко скандальным и эпатажным), включающим в себя не столько естественные свойства личности, сколько искусственно созданные. Поэтому образ одновременно похож и не похож на самого себя: в нем все подгоняется под современный/со-временный стандарт, намеренно утрируются эстетические/безобразные качества, тем самым позволяя манипулировать зрительским восприятием и преобразовывать его. В основе имиджа лежит формула «Я – Бог/Богиня», что подразумевает *идолопоклонство* и определенную *обрядовость*. На основе всех перечисленных элементов технологи создают *медийные спектакли* (политические, научные, религиозные, экономические и др.) с уже-делан-

ным-вымышленным-образом, начинающим манипулировать сознанием, поступками и образом жизни огромного количества людей.

Технология манипуляции информацией представляет собой существенное препятствие в процессе интерпретации культурных текстов, блокируя их смысловую множественность. Манипуляция информацией разрушает плюралистичность подходов к толкованию текста, заставляя людей мыслить в одном направлении, нередко связанном с идеологией гламура. В результате человек теряет свою абсолютную энергию «самого самого» (А.Ф. Лосев), творческий подход к бытию, возможность встречи с Другим, живя по навязанному стандарту, что погружает его в рутинность, инертность, скуку и бытийное разочарование.

Подводя итоги, подчеркнем: современные технологии создают обширное поле для манипуляции информацией, что деформирует процесс интерпретации, связанный с пониманием и наделением смысла. Неслучайно сегодня информация выступает не в роли феномена показывающего себя (по М. Хайдеггеру, «себя-в-себе-само-показывающий»), а феномена нечто кажущее (по М. Хайдеггеру, «себя-так-само-по-себе-кажущий»), в чем заложены определенные негативные моменты. В результате технологичного внедрения подобной информации начинает исчезать действительность и разрушается смысловая многозначность текста. Знание технологии манипуляции снимает флер чудесности, возвращая человека в лоно рационального и реального восприятия окружающего мира. Благодаря этому знанию человек может провести демаркационную линию между мифологизированой информацией и реальностью, выдуманной и действительным. Именно интерпретация способна вывести человека из кризиса сознания и состояния инертного существования, пробудив способности творческого мышления и подхода к бытия.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012. 260 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009. 384 с.
3. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 925 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 1998. 288 с.

6. Яковлева Е.Л. Миф как символическая форма культуры: взгляд через призму традиции и современности // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2011. № 7. С. 152–159.
7. Яковлева Е.Л. Проявление мифологичности мышления в повседневности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. III. С. 216–221.
8. Яковлева Е.Л. Техника «деятельной безмятежности» в «искусстве быть» // Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies. 2012. № 5–3. С. 124–125.
9. Яковлева Е.Л. Технология политического мифотворчества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 4. С. 38–43.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСПЕХА В СОЦИАЛЬНОМ ПОСРЕДСТВЕ СИНДРОМА МЮНХГАУЗЕНА

Яковлева Е.Л., Ефимова Л.В.

Институт экономики, управления и права, г. Казань, Россия

В статье затрагивается проблема изменений, связанных с пониманием феномена успеха. Определенный «вклад» в подобные трансформации вносят люди, одержимые синдромом Мюнхгаузена. Их бесконечные истории о себе рождают «кажимость бытия». Подобный вариант успеха с уже-сделанным-вымышленным-образом, тиражируемый СМИ, начинает внедряться в сознание масс, искажая шкалу общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: *успех, манипуляция сознанием, симулякр, гламур, синдром Мюнхгаузена, уже-сделанный-вымышленный-образ, медийный спектакль.*

TRANSFORMATION OF SUCCESS IN THE SOCIAL THROUGH MUNCHAUSEN SYNDROME

Yakovleva E.L., Efimova L.V.

Institute of the economy, management and law, Kazan, Russia

The article addresses the issue of changes associated with the understanding of the phenomenon of success. A “contribution” in such transformations are people obsessed with Munchausen Syndrome. Their endless stories about themselves give rise to the «appearance of being». This success with the already-made-invented-image, exaggerated by the MEDIA, is embedded in the minds of the masses, distorting the scale of human values.

Keywords: *success, manipulation with consciousness, simulacrum, glamour, Munchausen Syndrome, already-made-invented-image, media performance.*

Успех как феномен человеческого бытия можно назвать значимой экзистенциальной ценностью. Человек, ориентированный на успех, особым образом структурирует свою деятельность, мотивируя ее эффективностью работы какой-либо системы. Стремление к успеху и его достижение связано с проблемой понимания того, что он собой представляет. Дело в том, что успех в жизни отдельного человека и общества в целом представляет собой явление сложное и неоднозначное: имея множество граней, он проявляется в совершенно различных областях социального (в том числе, политике, бизнесе, науке, искусстве, повседневности). Сегодня успех становится объектом тиражирования, при этом, ввиду происходящих ценностных трансформаций, его содержание становится довольно неоднозначным, являя собой не только положительную, но и отрицательную сторону. Определенная двойственность ситуации возникает уже внутри современного «общества знания». С одной стороны, «общество, основанное на знаниях, означает такой тип общества, который необходим, для того чтобы быть конкурентоспособным и добиваться успеха в изменяющейся экономической и политической динамике современного мира» [1, с. 6]. Но с другой стороны, многие аспекты внедрения знания посредством информационно-коммуникативных технологий обладают негативными чертами. В первую очередь выделим здесь компонент манипуляции сознанием [7], зомбирующий людей. Манипулирование блокирует пути процесса формирования личной самодостаточности и разрушает креативность мышления, необходимые на пути к успеху. СМИ как идеологическая система, внедряющая информацию в необходимом аспекте, навязывает людям поверхностное представление об успехе, соответствующее контексту общества потребления, где человек проявляет себя не в модусе Быть, а – в модусе Иметь. Рекламные слоганы, связанные с успехом (например, «Будь успешным!», «Вы этого достойны!», «Ты создана для счастья!») и сопровождаемые гламурно-беззаботным видеообразом, намеренно мифологизированы. Они пророчат известность, славу, материальные блага, которые появятся внезапно, без приложения определенных усилий. Подобная идеологема успеха, внедряясь в сознание огромного количества людей, становится мощным механизмом манипуляции их поступков и действий. В итоге успех, связанный не с достижениями, а рекламным позиционированием Я, превращается в пустую, паразитирующую форму, показывая «как бы жизнь», симулякр.

Большинство гламурно-успешных людей сегодня являют нам пустоту: они, не сделав/не создав качественно-выдающегося, олицетворяют скандал, сенсацию, рожденные из ничто, тем самым показывая свою современность/со-временность. Как правило, эти люди, попав в фокус внимания информационно-коммуникативных технологий, превращаются ими в «икону стиля». При этом подчеркнем: чем больше человек тиражирует себя посредством рассказывания многочисленных историй о своей жизни, используя рекурсивный принцип вложения (история-в-истории-в-истории и т.д.) [3], тем меньше вероятность того, что они имели место в действительности. Подобная нарративность высвечивает не самого человека и его бытие-для-себя, а – некую оболочку, являющую жизнь напоказ, бытие-для-иного. Сегодня подобным приемом пользуются практически все медийные лица, программируя своими повествованиями об успехе (подчеркнем, «как бы успехе») огромное количество людей. К этому располагает и культурное пространство гламура [6]. По своей природе идеология гламура мифологична: она основана на переплетении реального и вымышленного с существенным перевесом фантазийного. Единицей измерения гламура выступает один вог. Это – «количество тщеты», олицетворяющей полное отсутствие жизненного опыта и наличие «крахмальной свежести души и наивной ясности взгляда», вуалирующие незнание, ограниченность и безделье [4, с. 327–328]. В итоге гламур, олицетворяющий симулятивность успеха, заставляет всех жить по своим законам красоты и модным тенденциям, ведя паразитирующий образ жизни в мире безумного потребления.

Гламурного персонажа, тиражирующего себя посредством СМИ, можно диагностировать как лицо, страдающее синдромом Мюнхгаузена. Именно это заболевание рождает множество онтологических и гносеологических трансформаций, негативно влияющих на социум и жизнь человека. Первым, кто описал в 1951 году состояние синдрома, был английский исследователь Ричард Ашер. Он, изучая мнимого больного, одержимого патологической тягой к лечению, назвал заболевание в честь «самого правдивого рассказчика» – барона Мюнхгаузена.

На последнем остановимся подробнее, потому что он является значимым семиотическим объектом. Барон Мюнхгаузен – Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720–1797) – реальное лицо, чье имя и образ впоследствии стали «кочующим персонажем» (У. Эко), пред-

ставляющим собой разновидность трикстера. Родившись в Германии, он прожил 15 лет в России, где служил в армии, участвовал в войне с турками и стал свидетелем дворцовых переворотов. Вернувшись на родину, он начал рассказывать истории, основанные на «истине во лжи», получив прозвище *lugen-baron* («барон-враль»). В построенном «павильоне лжи» он развлекал публику небылицами о своих приключениях, инсценируя их. Свои истории барон включил в изданное им пособие «Руководство для весельчаков». Еще большую известность Мюнхгаузену принес немецкий писатель Рудольф Эрих Распэ (1737–1794), выпустивший в Англии серию рассказов о нем и сделав его имя нарицательным.

В целом барона можно назвать человеком многогранного успеха: как реальное лицо Мюнхгаузен проявил себя в военной, светской и повседневной сферах жизни. В последней креативность барона, связанная с фантазийными повествованиями и их театрализацией, способствовала известности. Здесь необходимо сделать некоторые замечания. Во-первых, барон пришел к успеху, не отчуждаясь от действительности, достойно проявив себя в ней. Во-вторых, искусственный мир «правдивых историй» он считал плодом собственной фантазии: неслучайно эти истории разыгрывались в специальном «павильоне лжи», что говорит о том, что их автор проводил демаркационную линию между правдой и вымыслом. Более того, они не претендовали на тотальный размах и не диктовали образ жизни.

Что же представляет собой современный человек, подверженный синдрому Мюнхгаузена?

С медицинской точки зрения, синдром Мюнхгаузена – это расстройство, связанное с симуляцией различных заболеваний. Мнимый больной намеренно показывает свою болезненность, искусственно вызывая симптомы заболевания, желая пройти медицинское обследование или курс лечения. Но искусственные болезни не поддаются лечению, а человек, подвергаясь ненужным медицинским обследованиям и вмешательствам, вредит своему психофизическому состоянию. В качестве основной причины подобной симуляции можно назвать отсутствие самодостаточности: человек с синдромом Мюнхгаузена инфантилен, требуя особого, фокусированного только на нем, внимания, поддержки и заботы. Подчеркнем, сам больной отрицает симуляцию, считая, что болезнь существует и, убеждая в этом, окружающих людей. Пытаясь

изобличить лжеца, окружающие ничего не добьются, получив в ответ очередные небывлицы.

Среди основных признаков заболевания можно назвать непостоянство и ложь: мнимый больной содержательно и эмоционально каждый раз изменяет свою историю, путаясь в фактах и деталях. При этом ложь человека с синдромом Мюнхгаузена не имеет нравственных границ, трансгрессивно выходя «по ту сторону добра»: он лжет, затрагивая сакральные темы, связанные со смертью, неизлечимыми заболеваниями, счастьем и т.д.

Обращение в рамках социальной философии к медицинской терминологии неслучайно. Медицина, являясь одной из общественных сфер, связана с бытием человека, и многие проблемы его здоровья имеют социальную природу. Например, психосоматические заболевания обусловлены воздействием социальных факторов риска, вызывающих психологические травмы или стрессы. О самом социуме сегодня все чаще говорят с медицинской точки зрения, оценивая его состояние как «общественная болезнь» и называя «обществом эпохи эвтаназии». В связи с этим, в современности актуализируется поиск путей выхода из кризиса, связанного с провозглашением Смерти человека/социального и достижением состояния «общественного здоровья», характеризующее гармоничное сочетание в человеке биологического и социального.

Образ барона Мюнхгаузена, удачно вписываясь в современность, являет собой гламурный персонаж: он был связан с людьми из высшего общества, имел богатых друзей и покровителей, выполняя немислимые поручения, выходил победителем из затруднительных ситуаций. Благодаря своим рассказам барон создал особый мир с шикарным образом жизни, к которому он был приобщен.

Но современный гиперэстетический формат гламура, созданный людьми с синдромом Мюнхгаузена и распространяемый СМИ, не соответствует действительности и бытию среднестатистического человека. Навязывание идеологии гламура, диктующего правила игры в социальном, приводит к ситуации его тотальности. Медийные люди с синдромом симулируют собственную жизнь, выдумывая различные эпизоды с целью привлечения внимания к своей персоне, тем самым создавая бесконечно-рекурсивные перечни самого себя [3]. Как правило, их имидж искусственен: он специально конструируется в виде уже-сделанного-вымышленного-образа в рамках медийного спектакля.

Эти спектакли представляют собой «тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует», что в итоге способствует «безразличию к собственному существованию» [2, с. 8]. Особенностью медийного спектакля является его динамично-гибкая система без детального драматургического плана, способная меняться в зависимости от обстоятельств. Благодаря СМИ и Интернету медийные спектакли мгновенно становятся достоянием широких масс, не подвергаясь никакому сомнению. Привлекательными эти спектакли делают элементы секретности, недосказанности, чудесности, непредсказуемости, что осуществляется с помощью визуально-вербальных эффектов. Сформированный сегодня пассивный тип потребителя принимает все к сведению, не рефлексировав над ситуацией. Обусловлено это тем, что цифровой образ самодостаточен: он «незаметно заполняет внутренний мир и становится условием восприятия, цензором приемлемого или неприемлемого, видимого, бросающегося в глаза или ушедшего в тень, вытесненного, игнорируемого» [5, с. 40]. В итоге рождается новая ситуация, когда не люди думают образами, а, наоборот, образы думают, манипулируя людьми.

Подводя итоги, подчеркнем, что в современном мире успех, трансформируясь в симулякр, являет в большей степени свои негативные стороны. Не последнюю роль в симуляции феномена играют информационно-коммуникативные технологии, тиражирующие имидж людей, страдающих синдромом Мюнхгаузена. Подчеркнем, в медицине это заболевание относят к разряду мошенничества, что несет в себе определенные риски и угрозы, сказывающиеся не только на бытии человека, но и окружающих его людей. В жизни людей, живущих «напоказ для Другого», все вращается вокруг предполагаемых событий и фактов, преподносимых в качестве действительно бывших. Цель подобной симуляции заключается в привлечении внимания к собственной персоне. Человек с синдромом Мюнхгаузена, создавая Другой образ себя, рождает чуждый ему мир субъективности, внося определенную дисгармоничность. В модусе его Я оказывается много нереального, не имеющего места в действительности, что создает проблему соответствия – несоответствия. Появляется определенная неоднозначность в мысли, нарушая баланс согласия и со-присутствия в мысли. Более того, бесчисленные истории о себе рождают «дурную бесконечность» (Г. Гегель) и кентавричность, связанную с рождением несообразного, являя

не столько бытие, сколько его деформированную тень. Вымышленные истории приводят к тому, что современный Мюнхгаузен теряет реальную основу жизни: он не может различить истину и ложь, первично-реальный и вторично-фантазийный миры, свое Я и маску, рожденную из пустоты. Само Я вследствие заболевания синдромом Мюнхгаузена становится продуктом фантазии – «как бы опыта», феноменом обмана/самообмана. Мифологизируя свою жизнь, человек рождает хаотическое многоголосие мифов о себе, что ведет к появлению новой формы отчуждения. Многочисленные мифы, пытаясь утвердить себя в социальном, приводят к ситуации, когда никто никого не слушает и все равнодушны по отношению друг к другу, что подчеркивает современный кризис духовности.

При этом симулятивное Я как уже-сделанный-вымышленный-образ привлекательно: оно, вовлекая в сферу своего воздействия множество людей, начинает манипулировать ими. В своих необузданных фантазиях человек играет со всем и во все, что приводит к возникновению моральных проблем, связанных с деградацией общечеловеческих ценностей и норм. Погоня за успехом приводит к тому, что человек, забывая о нравственном компоненте бытия, выходит за рамки дозволенного, поддерживая свой имидж скандалом, наглостью непристойного, грязной интригой. Симуляция бытия, в которой игнорируется этический аспект, приводит к негативным последствиям: пустыми людьми и их смыслами, распространяемыми СМИ, заполняется пространство социального и они начинают приобретать привычно-универсальный характер, формируя паралогический тип мышления. В итоге происходит искажение и обеднение массового сознания, следующего в своих проявлениях за симулятивными штампами людей успеха. В связи с этим, сегодня встает проблема создания этического комитета, в обязанности которого входит контроль деятельности СМИ и представляемых ими материалов. Необходимо блокировать художественную ложь современных Мюнхгаузенов для того, чтобы они не разрушали реальность и не исказили общечеловеческие ценности и нормы, тем самым не мешая людям достигать истинного успеха.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.

2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012. 260 с.
3. Зайченко М.А., Яковлева Е.Л. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 1. С. 57–66.
4. Пелевин В. ДПП (нн). Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда. М.: Эксмо, 2008. 384 с.
5. Савчук В.В. Философия эпохи новых медиа // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 33–42.
6. Яковлева Е.Л. Миф как символическая форма культуры: взгляд через призму традиции и современности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7. С. 152–159.
7. Яковлева Е.Л. Технология современного мифотворчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. II. С. 216–219.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>)

В журнале публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, представляющие собой результаты завершенных исследований, обладающие новизной и представляющие интерес для широкого круга читателей журнала. В журнал принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с требованиями ВАК.

Серии журнала: «Проблемы науки и образования», «Экономика и инновационное образование», «Гуманитарные и общественные науки», «Математика. Механика. Информатика».

1. Условия опубликования статьи:

1.1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, вывод;

1.2. соответствовать правилам оформления.

2. Правила оформления статьи:

2.1. Объем статей 7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10. Рукописи большого объема принимаются по специальному решению Редколлегии.

Поля все поля – по 20 мм.

Шрифт основного текста Times New Roman

Размер шрифта основного текста 14 пт

Межстрочный интервал полуторный

Отступ первой строки абзаца 1,25 см

Выравнивание текста по ширине

Автоматическая расстановка переносов включена

Нумерация страниц не ведется

Формулы в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки по тексту

Ссылки на формулу (1)

2.2. В конце статьи помещается Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008. Библиографические ссылки в тексте статьи следует давать в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы. Список литературы для оригинальной статьи – не более 15 источников. Список литературы составляется в алфавитном порядке – сначала отечественные, затем зарубежные авторы. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяются запятой. Например:

В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке (Список литературы): 10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Запрещается использовать ссылки-сноски для указания источников.

2.3. Название статьи должно кратко, но максимально точно отражать затронутую проблему. Избегайте неконкретных названий типа «К вопросу о ...», помните, что названия всех статей каждого выпуска воспроизводятся в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общест­венности, а слова, фигурирующие в названии, используются как ключевые в различных информационных системах. Четкое и точное название статьи – важнейший способ привлечь внимание широкого круга ученых к Вашей работе.

2.4. Текст статьи должен быть тщательно вычитан, ясным и лаконичным.

2.5. Рубрикация текста – необходимый элемент всех статей, кроме кратких рецензий и информационных сообщений. Чем четче рубрицирован Ваш текст, тем выше вероятность адекватного понимания Ваших идей читателями. Редакция приветствует традиционное членение текста на разделы Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение (Выводы), но приемлет и иную структуру соответственно специфике конкретной статьи при условии ограниченного объема и четкого именован­ия разделов.

2.6. Статья обязательно должна содержать:

Блок 1 – на русском языке: УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (-ов); аннотация (резюме); ключевые слова;

Блок 2 – информация Блока 1 в той же последовательности:

– авторы на латинице;

– заглавие, аннотация, ключевые слова – на английском языке;

Блок 3 – полный текст статьи на русском языке;

Блок 4 – список литературы на русском языке (название «Список литературы»);

Блок 5 – список литературы в романском алфавите (название «References»).

Блок 6 – данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация(-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора).

Блок 7 – информация Блока 6 в той же последовательности:

– авторы на латинице;

– должность, ученая степень, ученое звание, название организации, адрес организации – на английском языке.

Блок 8 – сведения о рецензенте (фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, название организации (место работы)).

2.7. Статья оформляется только в текстовом редакторе Microsoft Office Word. Формулы должны выполняться только во встроенном «Редакторе формул» (Equation Editor). Формулы необходимо набирать прямым шрифтом (ос­новной размер символа 14 pt) и нумеровать справа в круглых скобках. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 10 см. Рисунки и графики,

содержащие серые заливки должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Не допускаются сканированные рисунки.

Убедительная просьба не использовать панель рисования MS Word для создания диаграмм, т.к. статьи редактируются и вид диаграмм, полученных таким способом, нарушается, что резко увеличивает трудоемкость редактирования. В статье надо вставлять не сами диаграммы, полученные таким способом, а их скриншоты или изображения, созданные с помощью графических редакторов. Для создания диаграмм специально предназначена система MS Visio (редактор диаграмм и блок-схем). Наличие в статье диаграмм, созданных с помощью панели рисования MS Word может являться основанием для отклонения статьи.

2.8. Таблицы должны содержать только необходимые данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы. Каждая таблица снабжается заголовком и вставляется в текст после абзаца с первой ссылкой на нее.

2.9. Количество графического материала должно быть минимальным (не более 5 рисунков). Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком), в которой дается объяснение всех его элементов.

2.10. Все части статьи (таблицы, рисунки и подписи к ним) должны быть приведены полностью в общем тексте.

2.11. Допускаются сокращения и условные обозначения лишь принятые в Международной системе единиц сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов.

2.12. Кроме статьи авторы должны представить в редакцию Авторскую справку, которая содержит сведения обо всех авторах.

2.13. Материалы, направляемые в редакцию, должны иметь стороннюю рецензию кандидата или доктора наук (с указанием полных сведений о рецензенте), подписанную и заверенную печатью организации (отделом кадров). Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

2.14. По просьбе автора могут представляться дополнительные платные услуги (научное рецензирование, литературное редактирование, перевод на английский язык названия статьи, информации об авторах, расширенной аннотации и ключевых слов, транслитерирование библиографического описания).

2.15. Электронный вариант статьи, авторская справка (доступно на сайте издания) и сканированная рецензия (в графическом формате JPG, BMP, TIFF или PDF) предоставляются по электронной почте. Оригиналы запрашиваются редакцией при необходимости.

2.16. В одном номере журнала автор имеет право публиковаться один раз, второй раз в соавторстве. Рекомендуемое количество авторов одной статьи – не более трех.

2.17. Статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются. Редакция оставляет за собой

право отбора статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю серии журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

2.18. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.19. Статьи в журнале публикуются за счет средств авторов (соавторов), подписчиков, либо третьих лиц, заинтересованных в публикации.

2.20. Плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается. Обязательное представление сканированной справки об обучении в очной аспирантуре, заверенной руководителем учреждения. Аспирантам необходимо иметь в виду, что им при положительном решении редколлегии необходимо будет оплатить срочную почтовую доставку авторского экземпляра журнала. Указанная стоимость и процедура оплаты доводится после положительного решения редколлегии по электронному адресу, с которого поступила статья.

2.21. При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться досрочно.

Электронный вариант статьи, авторская справка, сканированная рецензия и справка из отдела аспирантуры (для аспирантов) направляются в редакцию в соответствии с сериями издания по e-mail: open@nkras.ru

Более подробная информация о журнале (образец оформления статьи, рецензии, авторская справка, тематические разделы серий) представлена на сайте журнала <http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ЛитераПринт»

г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10

Подписано в печать и дата выхода: 31.10.2013. Заказ ВМНО11.52013.

Тираж 1000. Усл. печ. л. 26,93. Формат 60×84/16